

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
АРХИВ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
АРХИВ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Электронный сборник научных статей и публикаций
АРХИВНЫЙ ПОИСК
Выпуск 3

Р е д а к ц и о н н ы й с о в е т:

к.и.н. И.Н. Ильина (председатель),
к.и.н. С.А. Лиманова (зам. председателя),
д.и.н. Н.Е. Быстрова, к.и.н. М.В. Ковалев, к.и.н. Т.Н. Лаптева,
Н.В. Литвина, д.и.н. Л.А. Сидорова, к.и.н. А.В. Собисевич

Москва
Архив РАН
2020

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
АРХИВ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Архивный поиск

Выпуск 3

**Сборник научных статей
и публикаций**

Москва
Архив РАН
2020

УДК 930.25+76.025+92
ББК 72.3, 72.6, 79.3, 85.15
А 876

Утверждено к печати Ученым советом Архива РАН

Рецензенты: д.и.н. В.А. Невежин, к.и.н. Ю.Г. Степанов

Ответственный редактор
к.и.н. С.А. Лиманова

Редакторы сборника:
к.и.н. М.В. Ковалев, к.и.н. Т.Н. Лаптева, Ю.В. Стеценко

Технический редактор
Д.В. Аносов

Архивный поиск: сборник научных статей и публикаций / Отв. ред. С.А. Лиманова. – Вып. 3. – М.: Архив РАН, 2020. – 464 с. с ил. – ISBN 978-5-6041820-4-8. DOI 10.54967/9785604182048-2020-3

Третий выпуск электронного издания «Архивный поиск» тематически отвечает проблематике 2020 года как Года памяти и славы, года 75-летия Победы в Великой Отечественной войне. Включенные в его состав научные статьи и публикации посвящены различным аспектам исследовательского направления «Наука и Победа», истории Академии наук в военный период. Отдельным разделом в издании представлены материалы Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, проходившей в рамках юбилейных мероприятий в on-line формате. Специальный блок статей посвящен результатам разработок в области реставрации архивных документов. Отдельный подраздел включает обозрения новых архивных фондов, принятых на хранение в Архив РАН.

Издание рассчитано на специалистов в области отечественной истории, истории науки, архивоведения, археологии, реставрации.

В оформлении обложки использована статья академика А.А. Байкова «Все силы науки для победы над врагом». АРАН. Ф. 614. Оп. 1. Д. 284.

ISBN 978-5-6041820-4-8

© Коллектив авторов, текст, 2020
© Архив РАН, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Приветственное слово.....	9
---------------------------	---

Предисловие.....	10
------------------	----

75 лет Победы в Великой Отечественной войне

Раздел I.

К году Памяти и славы (2020)

Статьи

<i>Зинич М.С.</i> Институт истории Академии наук СССР в 1941–1942 гг.: эвакуация и работа в новых условиях.....	14
--	----

<i>Виноградова Л.Д.</i> Два года эвакуации в Казани	32
---	----

<i>Киселев М.Ю.</i> Московское отделение Архива Академии наук СССР в 1944 г.	55
--	----

<i>Лившиц О.Д.</i> Научные деятели в Боровом.....	63
---	----

<i>Кирикова О.А.</i> «Книг в Ленинграде много, так как погибло много математиков». К истории основания библиотеки Санкт-Петербургского отделения Математического института им. В.А. Стеклова РАН (1944)	76
--	----

<i>Осипова Н.М.</i> Документы о вкладе ученых в Победу в Великой Отечественной войне в фондах Архива РАН	88
---	----

<i>Аносов Д.В.</i> К истории создания танковой колонны «За передовую науку» (по документам Архива РАН)	101
---	-----

<i>Ильина И.Н.</i> Жизнь после войны: письма фронтовика из собрания Архива РАН	116
---	-----

<i>Бушуева Т.С.</i> Вопросы после войны: академик А.М. Панкратова о культе личности Сталина	142
--	-----

Публикации

«Я задался целью проследить насилие во всех его проявлениях».
Н.Л. Кладо и Социалистическая академия общественных наук.
1918 г.

Публикация В.Г. Бухерта.....154

«Спешу дать отчет о своей жизни»: письма В.А. Александрова
М.Н. Тихомирову. 1943–1965 гг.

Публикация Н.А. Комочева, А.В. Мельникова, В.В. Тихонова.....163

Ф.Р. Дунаевский о резвакации в Ленинград.

Публикация Е.Н. Груздевой192

Раздел II.

Материалы Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых «Вклад ученых в Победу» (АРАН, ИИЕТ, 14 мая 2020 г.)

Наука и война

Бровченко И.Ю. Научный вклад С.С. Брюхоненко
в отечественную медицину в предвоенные годы.....206

Бокарева О.Б. Научная деятельность Б.Н. Заходера во время
Великой Отечественной войны.....214

Рыбченкова А.Э. В.Л. Тягуненко: биография и служба
во время Великой Отечественной войны.....232

Собисевич А.В. Кавказская комплексная экспедиция СОПС:
исследование природных ресурсов для послевоенного
восстановления края.....243

Вторая мировая война и ее последствия: проблемы источниковедения, археографии, историографии

Селиванова О.В., Лаптева Т.Н. Фонд руководителя Комиссии
по изучению истории Великой Отечественной войны
И.И. Минца в Архиве РАН.....254

Комочев Н.А. Наука в Историко-архивном институте в годы Великой Отечественной войны.....281

Ковалев М.В. Профессор С.А. Коновалов и конференция «Британия и Россия в новом мировом порядке» (Лондон, 10–11 апреля 1942 г.).....301

Журкина А.А. «Берлинский вопрос» в дипломатии Н.С. Хрущева: источниковедческий анализ.....314

Конструирование памяти о войне: идеология, символика, коммеморация

Тихонов В.В. Огненный таран Н. Гастелло: создание пропагандистского образа и коммеморативные практики.....322

Ромашин М.И., Строганов А.В. Военная кинохроника как коммеморативная практика..... 337

Лиманова С.А. За «ценный вклад в дело разгрома врага»: чествование ученых как коммеморативный символ Победы347

Раздел III.

Документальное наследие. Архивная практика

Лаборатории Архива РАН

Доведова Н.М., Маршенникова Н.И., Ткаченко Т.С. Различные виды облаток на документах ученых XIX в. из фондов Санкт-Петербургского филиала Архива РАН370

Хосид Е.Г., Власов А.Д., Сазанова К.В., Галушкин А.А., Ткаченко Т.С., Алексеев А.И. О возможности дезинфекции архивных документов в среде холодного тумана раствора биоцида «Мультидез».....388

Кандыба П.Е. Опыт реконструкции и реставрации церковной рукописной книги в Архиве РАН.....403

Обозрения фондов

<i>Лаптева Т.Н.</i> Микулинский Семен Романович.....	416
<i>Лаптева Т.Н.</i> Митрохин Лев Николаевич.....	419
<i>Селиванова О.В.</i> Беляков Виктор Петрович	424
<i>Селиванова О.В.</i> Гиляров Меркурий Сергеевич.....	430
<i>Стеценко Ю.В.</i> Расплетин Александр Андреевич.....	437
<i>Тугов К.М.</i> Блинова Екатерина Никитична; Кибель Илья Афанасьевич.....	443
<i>Тугов К.М.</i> Писарев Юрий Алексеевич.....	452
<i>Щепанская Ю.В.</i> Пейве Александр Вольдемарович.....	456
Сведения об авторах.....	462

Уважаемые коллеги! Дорогие друзья!

В 2020 году наша страна живет под знаком Года Памяти и славы, отмечая 75-летний юбилей великого подвига советского народа в Великой Отечественной войне. В эти дни мы вспоминаем славные страницы боевого пути наших воинов, беспримерной трудовой доблести тружеников тыла, мужество и стойкость жителей блокадного Ленинграда, белорусских партизан, защитников столицы, – всех, кто ежедневно приближал светлый миг Победы.

Предлагаемый вашему вниманию тематический сборник содержит архивные документы, свидетельствующие о вкладе ученых в достижение Победы, а также воспоминания очевидцев и участников событий военного времени.

Уверен, что документальная память о великом подвиге нашего народа, отраженная в предлагаемом юбилейном издании «Архивного поиска», является важной частью изучения истории Великой Отечественной войны. Исследования и публикации этой важнейшей темы послужат делу сохранения главных исторических ценностей во имя мира в нашей стране и во всем мире!

*Директор Архива Российской академии наук,
действительный государственный советник
Российской Федерации III класса,
кандидат культурологии*

А.В. Работкевич

Предисловие

Тему третьего выпуска электронного издания «Архивный поиск» определила проблематика 2020 года, объявленного Указом Президента Российской Федерации Годом памяти и славы «в целях сохранения исторической памяти и в ознаменование 75-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов»¹.

Несмотря на возрастающую отдаленность по времени, Великая Отечественная война по-прежнему остается ключевым событием в истории нашей страны. Проблема сохранения памяти о войне неизменно актуализируется, особенно в контексте современных международных отношений и тенденции пересмотра хода и итогов Второй мировой войны, включая роль Советского Союза в победе над фашизмом. Все это повышает степень востребованности архивных документов как свидетельств исторической правды.

Отечественной исторической наукой Великая Отечественная война с первых же ее дней была воспринята как событие мирового масштаба. Осенью 1941 года Академия наук СССР создала специальную Комиссию по истории Великой Отечественной войны, задачи которой опередили свое время: «Будущие поколения несомненно спросят у нас, потребуют ответа от нас, – чем объяснить, что ни одно государство не выдержало удара бронированной армии фашистов, а Советский Союз выдержал, не сдался, побеждает и несомненно окончательно победит гитлеровскую армию <...>. Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо собрать документы, и собирать их нужно теперь же». Сохранившийся в российских архивах комплекс документов военных лет позволяет ответить на вызовы реальности XXI века, служит основанием для научных исследований по широкой проблематике военного периода.

Одной из главных страниц истории Великой Отечественной войны является история науки, в первую очередь – Академии наук СССР. Годы войны, по словам президента АН СССР, академика В.Л. Комарова, стали «исторической проверкой науч-

¹ Указ Президента РФ В.В. Путина от 8 июля 2019 г., № 327.

ной мощи» Академии наук, которую она с достоинством выдержала. В дни празднования 220-летнего юбилея Академии наук в июне 1945 г. вклад советских ученых в Победу был фактически приравнен к роли Красной Армии, защищавшей страну. В своем обращении к академикам руководители Военного совета Ленинградского фронта отмечали, что «труженики советской науки способствовали повышению качества боевой техники Красной Армии, усилению производства вооружений и боеприпасов, повышению общей военно-экономической мощи нашей Великой Родины». Действительно, многие фронтовые успехи были обязаны научным разработкам тех лет, включая новые виды вооружения и достижения военной медицины. К этому следует добавить огромную общественно-полезную деятельность, военно-шефскую и патриотическую работу академического сообщества в тыловых районах и на линии фронта.

Историко-научные, источниковедческие, историографические, коммеморативные и другие аспекты проблемы «Наука и Победа» находят отражение в статьях и публикациях нового выпуска «Архивного поиска», в том числе в размещенных здесь материалах Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, проведенной в рамках юбилейных мероприятий в on-line формате.

Редакционный совет электронного издания «Архивный поиск» поздравляет авторский коллектив третьего выпуска и его читателей с 75-летием Великой Победы и желает новых научных свершений!

*Председатель редакционного совета
к.и.н. И.Н. Ильина*

РАЗДЕЛ I

К году Памяти и славы (2020)

Статьи

**Институт истории Академии наук СССР в 1941–1942 гг.:
эвакуация и работа в новых условиях**

M.S. Zinich

**Institute of History of the USSR Academy of Sciences
in the 1941–1942:
Evacuation and work in new conditions**

Аннотация. Статья посвящена деятельности Института истории в первый период Великой Отечественной войны. Показаны перестройка работы в связи с задачами военного времени, эвакуация и размещение в Казани, Ташкенте и Алма-Ате. Проанализированы основные направления деятельности ученых: пропагандистская, научно-исследовательская, научно-просветительная. Оценен вклад специалистов в воспитание исторического сознания народа и патриотизма, пропаганду героического прошлого страны. Особо отмечена работа Института по сохранению исторической памяти о войне. Уделено внимание повседневной жизни людей в экстремальной ситуации.

Ключевые слова: Институт истории, Великая Отечественная война, эвакуация, пропаганда, повседневность.

Abstract. The article is devoted to the activity of Institute of History in the first period of World War II. Reconstruction of work in connection with wartime tasks, evacuation and deployment in Kazan, Tashkent and Alma-Ata are shown. The main directions of the scientists' activity, propaganda, research, scientific and educational, are analysed. The contribution of experts to the upbringing of patriotism and people's historical consciousness and the propaganda of the country's heroic past is estimated. The work of the Institute in preserving the historical memory of the war is especially noted. Attention is paid to the everyday life of people in extreme situations.

Keywords: Institute of History, World War II, evacuation, propaganda, everyday life.

75-летний юбилей Победы во Второй мировой и Великой Отечественной войнах находится в центре внимания государства, общества, ученых. В России 2020 год объявлен Годом Памяти и Славы. Еще в 1940-х гг. инициаторами сбора документов и материалов по Великой Отечественной войне были специалисты Института истории АН СССР – головной организации в сфере исследования истории. Они по горячим следам записывали ее события в хронологическом порядке на фронте и в тылу, стремясь сохранить память о героическом прошлом страны.

Изучение проблемы вклада историков в победу над нацизмом началось еще в военный период и продолжается в настоящее время. Среди ученых, в работах которых отражены отдельные стороны деятельности Института истории АН ССР в 1941–1945 гг., назовем Б.В. Левшина, Г.Д. Комкова, Э.И. Гракину, Г.Д. Бурдея, Н.И. Кондакову, Л.А. Сидорову, а также коллектив авторов проекта Института российской истории РАН (руководитель – С.В. Журавлев) «Вклад ученых – историков в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне. На материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.» и др.

Автором статьи выбран для исследования наиболее трудный период в деятельности коллектива Института истории: 1941–1942 годы, связанные с перестройкой работы в условиях военного времени и эвакуацией. Используются документы Научного архива ИРИ РАН, мемуары, дневники, переписка.

Характерной чертой деятельности Института истории АН СССР в новой обстановке было подчинение всех ее форм – научно-исследовательской, пропагандистской, научно-просветительной – задачам военного времени: воспитание советского патриотизма, популяризация боевых традиций и побед в борьбе с вражескими нашествиями; разоблачение чужденонравственных и расистских теорий. В условиях военного противоборства исторические образы, факты превращаются в мощное оружие пропаганды.

Фашистская агрессия изменила условия деятельности коллектива. Сотрудники эвакуировались, призывались в армию, переходили на работу в политические органы и другие организации. Из 27 сотрудников, ушедших на фронт, 10 погибли в боях. В народное ополчение вступили 15 октября 1941 г. 5 человек, 16 октября – в рабочие батальоны – 6 человек¹.

Был пересмотрен план научной работы Института. Уже 22 июня 1941 г. в ЦК ВКП(б) состоялось совещание о задачах, стоящих перед учеными-гуманитариями, на котором присутствовала член-корреспондент АН СССР А.М. Панкратова. 23 июня – расширенное заседание Президиума АН СССР.

В тот же день (23 июня) А.М. Панкратова на совещании у директора Института истории АН СССР академика Б.Д. Грекова сделала сообщение о задачах, обсуждавшихся в ЦК партии. В своем выступлении она отметила, что тематика работ должна раскрывать Великую Отечественную войну советского народа во всем ее многообразии, указывать на агрессивный характер войны со стороны Германии. Ближайшая задача – наметить темы брошюр, докладов, лекций патриотического содержания. Например, «Ледовое побоище», «Русские в Берлине в период Семилетней войны», «Отечественная война 1812 года», «Роль Германии в первой империалистической войне» и т.д.².

В секторах Института в изменившейся ситуации проводилась перестройка работы. Например, 26 июня 1941 г. на производственном совещании сектора истории СССР до XIX века, на котором присутствовало 17 человек, руководитель сектора В.И. Лебедев заявил: «Вся наша направленность в работе должна идти по линии максимальной помощи Родине словом и пером. <...> Многие из нас имеют задание написать в самый сжатый срок научные брошюры (Ю.В. Готье, А.И. Яковлев, С.К. Богоявленский, Б.Д. Греков, С.В. Бахрушин, А.А. Савич), освещающие историческое прошлое русского народа в борьбе против агрессоров... <...> Наша задача – обратить слово в грозное оружие»³. В качестве лекторов московского и районного комитета партии были выделены Б.Д. Греков, С.В. Бахрушин, В.И. Лебедев, К.В. Базилевич, М.Н. Тихомиров и др.⁴.

Приказом по Институту истории от 12 августа 1941 г. устанавливалась в соответствии с произведенным сокращением штатов новая структура Института и распределялись обязанности между руководящими кадрами. (Накануне войны в Институте вместе с Ленинградским отделением числилось 137 человек). Общее руководство работой коллектива возлагалось на и.о. директора А.М. Панкратову, руководство административно-организационной работой – на ученого секретаря Института П.К. Алефиренко. Создавались следующие сектора:

а) сектор истории СССР до советского периода с двумя группами (группа истории СССР до XIX в. и группа истории СССР XIX–XX веков). Заведующим сектором в целом назначалась А.М. Панкратова, ученым секретарем сектора – И.Н. Ловецкий. На них же возлагалось руководство группой истории СССР XIX–XX веков. Руководство группой истории СССР до XIX в. возлагалось на Ю.В. Готье, ученый секретарь – В.А. Ледяев;

б) сектор истории СССР советского периода (заведующий А.П. Кучкин, ученый секретарь – А.А. Матюгин);

в) сектор славяноведения (заведующий В.И. Пичета, ученый секретарь – Р.К. Караколов);

г) сектор истории древнего мира и средних веков (заведующий А.Д. Удальцов, ученый секретарь М.М. Смирин);

д) сектор истории Нового и Новейшего времени (заведующий Ф.В. Потемкин, ученый секретарь – Э.А. Желубовская);

е) сектор истории колониальных и зависимых стран (заведующий Г.Н. Войтинский)⁵.

Пересмотр планов и выбор новой тематики проходили непросто. В отчете сектора истории СССР советского периода за 3-й квартал 1941 г., подписанном А.П. Кучкиным, отмечалось: «в связи с войной план сектора менялся пять раз <...>»⁶.

Тяжелое положение на фронте, тревожные сводки Совинформбюро сказывались на морально-психологическом климате в обществе в целом и в трудовых коллективах. Как вспоминала академик М.В. Нечкина, в первый месяц войны в Институте наблюдались растерянность, отсутствие четких действий руководства.

Она записала в своем дневнике 11 июля 1941 г.: «Возмущение сотрудников. Вчера еще их всех почти что везли в Томск, они спешно складывались, снимались с военного учета, везли старух и детей с дач, ликвидировали дела, закупали продукты, бронировали квартиры, полная ломка жизни. Сегодня вдруг новый приказ – все в корне меняется, из сектора едут лишь 3 человека, работа идет “по-старому”?? – все остаются»⁷.

Эвакуация академиков, членов-корреспондентов началась в середине июля 1941 г. 19 июля Б.Д. Греков был уполномочен Отделением истории и философии АН СССР подыскать помещения для института и научных сотрудников в Казани на случай их переезда. 25 июля Б.Д. Греков обратился в обком партии Татарской Республики с вопросом о возможном сотрудничестве Института истории АН СССР с Татарским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории. Была получена поддержка властей республики. Намеченные с заместителем директора института Х.Х. Ярмухамедовым планы пришлось осуществлять с небольшим коллективом квалифицированных специалистов, прибывших из Москвы, в связи с затруднениями с жилой площадью в Казани⁸.

Установленная решением правительства СССР обязательная эвакуация академиков и членов-корреспондентов АН СССР в основном была завершена к середине октября 1941 г. Последними из этой группы были отправлены С.В. Бахрушин, Ю.В. Готье, В.И. Пичета и самой последней уехала руководившая работой Института истории член-корреспондент АН СССР А.М. Панкратова⁹.

В ходе эвакуации Института повышенное внимание уделялось сотрудникам, имеющим детей. Некоторые родители вывозили детей самостоятельно. Так, еще в начале войны А.М. Панкратова отправила в Саратов, где она работала в 1937–1940 гг., свою дочь Майю. Старший научный сотрудник П.К. Алефиренко устроил свою дочь у сестры в Горьком, старший научный сотрудник П.Н. Шарова направила двух дочерей в Ивановскую область к родственникам.

В период битвы за Москву ученые дежурили на крышах домов при воздушных налетах противника, строили противотанковые за-

граждения вокруг столицы и на улицах города, дежурили в учреждениях, работали на заготовке дров. В то время Институт истории помещался в здании бывшей Комакадемии на Волхонке. Е.Н. Кушева писала в своих воспоминаниях: «Я должна была ехать в Кунцево рыть окопы. Назначен был день, когда я обязана была явиться на сборный пункт в институт с ватным одеялом и небольшим запасом продовольствия. Но утром назначенного дня было уже ясно, что этот отъезд не может состояться. Я приехала в Институт, где сотрудникам предлагалось на следующий день явиться к зданию академической Библиотеки общественных наук с рюкзаком и необходимыми вещами с тем, чтобы идти пешком в сторону Горького <...>»¹⁰.

Во время, предшествовавшее эвакуации, сотрудники подготовили к отправке материалы Института истории. А 4 ноября 1941 г. все ящики были погружены в вагоны на станции Канатчиково окружной железной дороги: 36 ящиков материалов Института, 8 – с пишущими машинками, 6 – с документами Секретариата и бухгалтерии. Для проведения эвакуации оставшейся части личного состава Института была установлена должность уполномоченного по эвакуации Президиума АН СССР. Приказом № 218 от 18 октября 1941 г. уполномоченным по Институту истории АН СССР был назначен профессор Ф.В. Потемкин, а после его отъезда из Москвы распоряжением Административно-Хозяйственного управления АН СССР – старший научный сотрудник Института истории Б.Т. Горянов¹¹. Как отмечено в его отчете за период с 16 октября по 15 ноября 1941 г., заслушанном на совещании у директора Института истории АН СССР Б.Д. Грекова 3 января 1942 г., Президиумом АН СССР после 16 октября 1941 г. были отправлены в тыл страны следующие специалисты Института: профессора Ф.В. Потемкин, М.Н. Тихомиров, З.Р. Неедлы, Н.М. Дружинин, Ф.И. Нотович, Я.Я. Зутис, Б.Б. Кафенгауз, Р.А. Авербух, старший научный сотрудник Д.С. Густинич.

К последующему переезду были намечены следующие кандидатуры Института: 9 старших научных сотрудников Б.Т. Горянов (уполномоченный по Институту), А.Л. Попов, В.А. Ледея-

ев, Е.Н. Кушева, Я.П. Крастынь, С.С. Шустерман, Р.К. Караколов, А.П. Шелюбский, А.А. Губер, докторант С.А. Фейгина, главный бухгалтер К.Н. Лебедев и 6 младших и научно-технических сотрудников (А.К. Целовальникова, Л.С. Цетлин, Е.А. Юрченко, Л.Н. Перелёшина, Е.К. Ципулина и А.Д. Тифлисова). Были уволены по сокращению штатов 6 человек (машинистки, кассир, литературные редакторы). Расчеты с сотрудниками и аспирантами были произведены уполномоченным по Институту истории в период с 18 по 27 октября 1941 г., включая компенсации за неиспользованные отпуска и выходные пособия уволенным сотрудникам¹².

Вспоминая эвакуацию из Москвы, академик Н.М. Дружинин писал: «В дороге все перезнакомились, а у некоторых даже сложились дружеские отношения. Так мы добрались до Саратова. И только здесь узнали, что конечный пункт нашего маршрута – столица Узбекистана Ташкент... В середине ноября поезд прибыл в Ташкент... Но город был уже переполнен. И нас убедили ... отправиться в Алма-Ату...

Доехав до нового места назначения, мы ступили на землю, покрытую снежным покровом... Местные органы власти были не в состоянии оперативно разместить множество приезжих... Но надо было видеть, какую страстную энергию проявила А.М. Панкратова: она быстро изучила местную обстановку, познакомилась с ведущими руководителями Комиссариата просвещения и составила организационный план, который вывел нас, казалось бы, из безвыходного положения...»¹³.

В период подготовки к эвакуации специалистами Института истории АН СССР проводилась массово-политическая и агитационно-пропагандистская работа. За время с 16 октября по 15 ноября 1941 г. опубликовано в журналах и газетах по истории славянских народов 11 статей (авторы – Б.Т. Горянов, Р.К. Караколов, А.В. Мишулин, Н.П. Франич); по истории Нового времени 5 статей (авторы – Ф.И. Нотович, Л.И. Зубок); по Сектору колониальных и зависимых стран – 2 статьи В.Б. Луцкого.

Направленный из Института истории в Всесоюзный радиокомитет старший научный сотрудник кандидат исторических наук

С.И. Зинич организовал за период с 16 октября по 15 ноября 1941 г. 5 радиопередач на актуальные темы, подготовленные историками: «Об Отечественной войне советского народа против фашизма» (автор – Т.Т. Барышев); «О борьбе Сербии против германского империализма» (автор – Н.С. Франич); «Черногория в борьбе против германо-итальянского фашизма» (автор – Б.Т. Горянов); «Об исторической дружбе хорватского и русского народа» (автор – С.И. Зинич)¹⁴.

Ученые Института истории, проявив почин в собирании и фиксации событий начавшейся войны, воспринимали эту работу как исполнение своего патриотического и профессионального долга. Например, научный сотрудник П.Н. Миллер приступил к сбору документов, листовок, вырезок из газет по внутреннему побуждению в конце лета – осенью 1941 г., когда войска вермахта приближались к столице и решалась судьба страны. Оставшаяся в Москве группа сотрудников Института 6 и 14 ноября 1941 г. провела два совещания, посвященные «Летописи Великой Отечественной войны». Второе указанное совещание – с представителями отдела культуры Моссовета, Мосгороно, Политуправления МВО и отдельных специалистов по отраслям науки, искусства и литературы, ведущих дневные записи по Москве.

Член-корреспондент АН СССР И.И. Минц стал главным инициатором создания Комиссии по истории Великой Отечественной войны. Официально она была создана 10 декабря 1941 г. и просуществовала до декабря 1945 г., влившись в структуру Института истории АН СССР¹⁵. Ценная коллекция документов Комиссии используется отечественными и зарубежными исследователями.

В 1941–1942 гг. к работе в Комиссии И.И. Минца были привлечены сотрудники Института Э.Б. Генкина, И.М. Разгон, А.Л. Сидоров, В.И. Шунков, О.Н. Чаадаева и др. Они, занимаясь собиранием документальных свидетельств, записывали интервью и беседы с участниками боевых сражений и героями трудового фронта, отмечая чувства и переживания людей. Историки внесли вклад в сохранение исторической памяти о войне.

Перед московской группой сотрудников Института истории задачи в области научных исследований были поставлены на со-

вещании в Президиуме АН СССР в феврале 1942 г. при рассмотрении вопроса «О проведении институтами АН СССР научно-исследовательской работы в Москве» (докладчик академик М.Б. Митин). Было высказано предложение сосредоточить в столице небольшие группы научного состава кадров по тем специальностям, где это особенно целесообразно. По Институту истории отмечалось: «Считать желательным сохранение в Москве групп – по истории фашизма в количестве 6 человек; по тихоокеанским проблемам и по истории СССР, поручив руководство этими группами члену-корреспонденту АН СССР А.М. Панкратовой»¹⁶.

Анна Михайловна вернулась в Москву из Алма-Аты в начале 1942 г. и с 12 февраля приступила к работе по руководству Московской группой Института (распоряжение № 28 по Московскому Административно-Хозяйственному управлению АН СССР от 19 февраля 1942 года)¹⁷.

В Москве в 1941–1942 гг. были опубликованы работы И.И. Минца «Красная Армия в борьбе с германскими захватчиками в 1918 г.», М.В. Нечкиной «Исторические традиции русского военного героизма» и «Денис Давыдов», Е.В. Тарле «Две отечественные войны» и «Отечественная война 1812 г. и разгром империи Наполеона», М.Н. Тихомирова «Борьба русского народа с немецкими интервентами в XII–XV вв.».

Среди изданных трудов – сборники документов и статей: «Документы о разгроме германских оккупантов на Украине в 1918 году» (под редакцией И.И. Минца, Е.Н. Городецкого); сборник статей «Против гитлеровского фашизма»; сборник статей «Кто такие национал-социалисты» (под редакцией члена-корреспондента АН СССР А.Д. Удальцова); «25 лет советской исторической науки» (под редакцией академика В.П. Волгина, академика Е.В. Тарле, члена-корреспондента А.М. Панкратовой); «Краткая летопись Октября» и др.

Опубликованные работы обществоведов – бойцов идеологического фронта – сыграли важную роль в борьбе со взглядами и идеями политиков и ученых Третьего рейха. Они пропагандировали героическую деятельность славных предков, русских полководцев.

Большую научную и пропагандистскую работу вели ученые Института истории АН СССР в эвакуации в республиках Средней Азии в новых бытовых и климатических условиях, не имея доступа к центральным архивам. Главной совместной темой научного изучения стала национальная история. В Ташкенте С.В. Бахрушин, С.В. Веселовский, Ю.В. Готье исследовали историю Узбекистана (первый том «Истории народов Узбекистана» вышел из печати в 1947 г.). Коллектив специалистов, руководимый А.М. Панкратовой, участвовал в подготовке истории Казахстана. Книга «История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней» была издана в 1943 г.¹⁸.

О пребывании историков в Ташкенте Е.Н. Кушева писала так: «Жили мы в общежитии, отведенном для нашего, институтов экономики и этнографии АН СССР в здании Балетной школы имени Тамары Ханум... Каждое утро мы собирались у громкоговорителя и слушали очередное сообщение, слушали голос Левитана, а затем расходились на работу, кто в архив, кто в библиотеку, кто в помещение, отведенное в нашем же здании для работы... Научные сотрудники Института истории читали также научно-популярные лекции и были связаны со Среднеазиатским государственным университетом»¹⁹.

В Ташкенте побывал академик В.П. Волгин – вице-президент АН СССР с целью ознакомления с жизнью и творчеством эвакуированных людей. Он остался доволен тем, что научная работа продолжалась.

Приехавшая в Ташкент П.К. Алефиренко в письме П.Н. Шаровой 3 марта 1942 г. сообщала: «Мы сейчас много работаем над вузовским учебником по истории народов Узбекистана, работу эту очень ценят в Узбекистане, но непосредственного отношения она, конечно, не имеет к фронту. В то же время, если мы не напишем за свое пребывание в Ташкенте этой истории, то Узбекистан не будет иметь ее еще 10 лет, здесь мало местных исторических кадров. Наше положение здесь удовлетворительное... Но главное, небольшой группе нестерпимо хочется в Москву»²⁰. Во время нахождения Института в Ташкенте пополнился состав Ученого совета.

В марте 1942 г. в него были включены сотрудники Узбекского филиала Академии наук З.Ш. Раджабов, В.А. Шишкин и преподаватель Среднеазиатского государственного университета Массон²¹.

7 июня 1942 г. в Ташкенте в Институте истории АН СССР состоялась научная сессия, посвященная изучению эпохи Ивана Грозного. Другая научная сессия в Институте истории, посвященная 130-летию Бородинского сражения, состоялась 8 сентября 1942 г. В ней принимали участие Политотдел спецчастей Ташкентского гарнизона и Дом Красной Армии Среднеазиатского военного округа. С докладом на тему «Стратегическое и тактическое значение Бородинского боя» выступила М.В. Нечкина²².

В Ташкенте в 1942 г. были опубликованы: книга академика Б.Д. Грекова «Борьба Руси за создание своего государства»; научно-популярные работы С.В. Бахрушина «Разгром Ливонского ордена в Прибалтике» и «Дмитрий Донской»; работы В.И. Пичеты «Александр Невский», Р.Ю. Виппера «Иван Грозный» (2-е изд.) и М.В. Нечкиной «Мужественный образ наших великих предков» и др.

Научная и пропагандистская деятельность коллектива Института истории в Ташкенте неоднократно отмечалась Почетными грамотами Президиума Верховного Совета Узбекской ССР, Комитета профсоюза работников высшей школы и научных учреждений Узбекистана, а также Военного совета Среднеазиатского округа²³.

Повседневная жизнь людей, прибывших на новое место жительства, была тяжелой. На заседании Президиума Академии наук 20 июня 1942 г. под председательством вице-президента АН СССР В.П. Волгина специально рассматривался вопрос «О положении эвакуированных научных сотрудников АН СССР». Было решено организовать в Ташкенте, Фрунзе, Алма-Ате группы Президиума Академии и при них небольшой аппарат для оперативного руководства и контроля за эвакуированными учреждениями АН СССР²⁴.

Порядок снабжения работников науки, искусства и литературы был первоначально установлен приказом Наркомторга СССР № 37 от 9 марта 1942 г. Академики и члены-корреспонденты АН, лауреаты Сталинской премии, заслуженные деятели науки и техники получали продовольственные карточки по норме рабочих

особого списка и обеды из набора продуктов, равного набору продовольственной карточки, а также 300 г шоколада и 500 г какао или кофе в месяц; профессора, доктора наук, доценты, директора вузов, Сталинские стипендиаты получали продовольственные карточки по группе рабочих промышленности, транспорта и связи и обеды из набора продуктов, равного набору продовольственной карточки. Контингент работников науки, литературы и искусства был расширен и уточнен приказом Наркомторга СССР № 170 от 2 июля 1942 г. Для указанной категории лиц были организованы во всех крупных городах специальные магазины и столовые закрытого типа²⁵.

Местные органы власти и общественность оказывали помощь ученым, прибывшим в Узбекскую ССР, Казахскую ССР, Татарскую АССР, Башкирскую АССР. Однако дефицит продуктов питания, жилищный кризис резко ограничивали возможности удовлетворения каждодневных потребностей эвакуированных.

В Алма-Ату прибыла группа квалифицированных историков. Кроме А.М. Панкратовой было 5 специалистов по истории СССР (Д.А. Баевский, М.П. Вяткин, Н.М. Дружинин, Я.Я. Зутис, А.П. Кучкин) и 5 по всеобщей истории (Р.А. Авербух, С.И. Ленчер, А.Ф. Миллер, Ф.И. Нотович, Ф.В. Потемкин). Они были зачислены внештатными лекторами городского комитета партии и получили задание подготовить методическое пособие для казахских учителей по преподаванию истории в условиях начавшейся войны с фашистами²⁶.

Разместившаяся в Алма-Ате группа специалистов Института истории в 1942 г. вела работу по следующим направлениям: подготовка книги по истории Казахстана; продолжение исследований крупных монографических тем; популяризация героического прошлого народа²⁷.

Условия работы и бытовая сторона жизни ученых были очень трудными. Н.М. Дружинин написал в своих воспоминаниях: «Найти жилье самостоятельно было делом почти безнадежным. Нам посоветовали поискать пустующие комнаты в бывшей казачьей станице на краю города. На этот раз наши усилия имели успех. В

одном из домиков нам с сестрой отвели большой обособленный угол с окном... Топливо приходилось экономить. В морозные дни (до -15°) утром на стенах снимаемого нами угла появлялся снежный иней»²⁸. Работать в зале городского архива приходилось в пальто и валенках.

Личное знакомство с местными историками и писателями, их произведениями, посещение спектаклей не только русского, но и казахского театров – все это сближало русских и казахов, взаимно обогащало и тех и других.

Недостатки в работе АН СССР и руководства Института истории в частности отражались на деятельности ученых в новых местах, а ранее – на самом процессе эвакуации. В письме коллективу историков в Ташкенте А.М. Панкратова писала 16 апреля 1942 г.: «С момента эвакуации мы были просто брошены без руля и без ветрила на волю волн житейских»²⁹. Анна Михайловна критически оценивала и поведение отдельных сотрудников Института. Эвакуированные историки, как правило, рассматривали свое пребывание в тыловых районах как временное. У них была тоска по родным местам, близким людям, неотвратимое желание вернуться туда³⁰.

Для ученых Института истории АН СССР, находившихся в Москве, Казани, Ташкенте, Алма-Ате важнейшим направлением деятельности была пропагандистская работа, включавшая, в том числе, публичные лекции и доклады, способствовавшие мобилизации духовных сил народа для борьбы с фашизмом. Популярные лекции читались в воинских частях, госпиталях, на предприятиях, в колхозах, в различных учреждениях. Часто выступали перед различными аудиториями Б.Д. Греков, А.М. Панкратова, М.В. Нечкина, Е.В. Тарле, Н.М. Дружинин, Ф.В. Потемкин, В.И. Пичета, С.В. Бахрушин, Е.А. Косминский и многие другие. По отзывам слушателей М.В. Нечкина отличалась от других лекторов «зажигательной речью» и вдохновенными словами³¹.

Огромный интерес вызывала военно-патриотическая тематика: лекции о знаменитых битвах прошлого – Ледовом побоище, Куликовской битве, Бородинском сражении, а также о великих полководцах – А.В. Суворове, М.И. Кутузове.

В 1942 г. учеными Московской группы Института было прочитано 110 лекций о Великой Отечественной войне и другим темам в частях Красной Армии и гражданскому населению³²; Ташкентской группой – 367, Алма-Атинской группой – 207³³.

Современные исследователи, оценивая роль историков и других гуманитариев, политработников в победе над фашизмом, отмечают: «Они активно использовали исторические знания в пропагандистской работе на фронте и в тылу. Такая пропаганда оказалась действенной не только для поднятия боевого духа солдат, патриотизма, формирования непримиримого отношения к врагу, но и для стимулирования интереса граждан к своей истории в целом, что пробуждало в них стремление найти в прошлом ответы на насущные вопросы современности»³⁴.

Обобщим некоторые итоги деятельности Института истории АН СССР в первый период Великой Отечественной войны, самый тяжелый в военном, материальном и психологическом плане. Ученые, в связи с новыми задачами, пересмотрев планы и тематику исследований, давали в своих работах яркое, правдивое освещение героического прошлого народов СССР, боевых традиций предков. Большой размах получило разоблачение нацизма, в том числе его антинаучной теории расизма, служившей идеологическим оружием для обоснования мирового господства; разоблачение фальсификаторов, извращавших историю происхождения государственности в России.

Одним из магистральных направлений исследовательской деятельности Института истории АН СССР стали проблемы этногенеза славян, их борьба за независимость. Активизация исследований в этом направлении была вызвана фальсификацией фашистскими идеологами истории славянства, политикой лидеров Третьего рейха, имевшей целью поработить славянские народы, разрушить их культуру. Вместе с тем работы ученых были не свободны от идеологического социального заказа своего времени³⁵.

Важным направлением в работе специалистов Института истории АН СССР было продолжение работы над уже начатыми многотомными трудами. В 1941 г. вышел первый том «Истории

дипломатии», работа над которой началась в 1937 г., под руководством В.П. Потемкина (издание было завершено в 1945 г.). Лауреатами Сталинской премии 1942 г. за второй том «Истории Гражданской войны» стали И.И. Минц, Э.Б. Генкина, Е.Н. Городецкий, И.М. Разгон³⁶.

Следует подчеркнуть, что ведущее место в деятельности историков в первый период Великой Отечественной войны занимала военно-патриотическая, пропагандистская работа. Из опубликованных Институтом за 16 месяцев войны более 50 брошюр по отечественной и всемирной истории, 40 были научно-популярными³⁷. Они давали в руки пропагандистов и агитаторов ценный материал, раскрывающий варварскую сущность фашизма, помогали в проведении идейно-политической работы в Красной Армии и в тылу.

Ученые внесли вклад в сохранение памяти о Великой Отечественной войне. Работа Института истории Академии наук СССР в 1942 г. была отмечена Почетной грамотой Президиума АН СССР и ЦК профсоюза работников высшей школы и научных учреждений³⁸.

В традициях, возникших при изучении истории Великой Отечественной войны непосредственно в военное время, продолжалось ее исследование в первое послевоенное десятилетие³⁹.

Указывая на успехи и недостатки, проблемы в работе историков в 1941–1942 гг., необходимо учитывать объективные сложности того времени, которые делали решение целого ряда задач трудновыполнимыми или невозможными. На творческой деятельности коллектива Института истории сказывалась суровая повседневность военной поры: тяжелые жилищные условия, ограниченное питание по карточкам, недостаточное медицинское обслуживание и т.д. Каждодневные будни ученых, их эмоциональные переживания, настроения не изучены. История повседневной жизни, как специальная область научных исследований, стала востребованной, особенно в отечественной историографии, сравнительно недавно.

Таким образом, для обогащения наших знаний о труде историков, их быденной жизни в военное лихолетье, необходимо продолжить исследование истории Института после реэвакуации в Москву в 1943 г., привлекая новые источники.

Примечания

1. Институт российской истории РАН сегодня. М.: ИРИ РАН, 2011. С. 7; Протокол № 4 совещания у директора Института истории АН СССР 3 января 1942 г. // Научный архив Института российской истории РАН (далее – НА ИРИ РАН), Ф. 1. Оп. 1. Д. 183. Л. 3, 12.
2. Протокол № 17 совещания у директора Института истории Академии наук СССР 23 июня 1941 г. // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 139. Л. 181.
3. Протокол производственного совещания сектора истории СССР до XIX в. Института истории АН СССР 26 июня 1941 г. // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 145. Л. 189.
4. Там же. Л. 189, 203.
5. Там же. Д. 95. Л. 36.
6. Отчет о работе сектора истории СССР советского периода Института истории АН СССР за III квартал 1941 г. // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 153. Л. 15.
7. Цит. по: *Нечкина М.В.* Дневники академика М.В. Нечкиной // Вопросы истории. 2005. № 7. С. 122.
8. Протокол № 1 заседания сотрудников Института истории АН СССР и представителей Татарского научно-исследовательского института языка, литературы и истории 31 июля 1941 г. // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 96а (135). Л. 1–3.
9. Протокол № 4 совещания у директора Института истории АН СССР 3 января 1942 г. // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 183. Л. 12.
10. *Кушева Е.Н.* Воспоминания Е.Н. Кушевой // Отечественная история. 1993. № 4. С. 142.
11. Протокол № 4 совещания у директора Института истории АН СССР 3 января 1942 г. // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 183. Л. 15.
12. Там же. Л. 13–16.
13. *Дружинин Н.М.* Труд и быт эвакуированных историков в 1941–1943 гг. // В годы войны. Статьи и очерки. М.: Наука, 1985. С. 25–28.
14. *Зинич М.С.* Судьба политэмигранта в Советском Союзе // История и историки: историографический вестник. 2011–2012: М.: ИРИ РАН, 2013. С. 231–232.
15. Вклад ученых-историков в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне. На материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, 1941–1945 гг. (кол. авт.; отв. ред. С.В. Журавлев). М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. С. 7–8.

16. Выписка из протокола заседания Президиума АН СССР от 28 февраля 1942 г. // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 177. Л. 3.
17. Там же. Л. 1.
18. Институт российской истории РАН сегодня. С. 8.
19. *Кушева Е.Н.* Воспоминания Е.Н. Кушевой // Отечественная история. 1993. № 4. С. 143.
20. Личный архив М.С. Зинич.
21. Протокол № 12 совещания у директора Института истории АН СССР 9 марта 1942 г. // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 183. Л. 38–39.
22. 50 лет советской исторической науки. Хроника. М.: Наука, 1971. С. 234; *Нечкина М.В.* Дневники академика М.В. Нечкиной // Вопросы истории. 2005. № 7. С. 139.
23. Почетные грамоты Института истории АН СССР // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Раздел «Ю». Оп. 1. Л. 2–3.
24. Выписка из протокола № 19 заседания Президиума АН СССР 20 июня 1942 г. // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Разд. «Ю». Оп. 103. Д. 2. Л. 16.
25. Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945. Сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. М.; РОССПЭН, 2003. С. 185.
26. *Дружинин Н.М.* Избранные труды. Воспоминания. Мысли. Опыт историка. М., 1990. С. 253.
27. Протокол производственного совещания Алма-Атинской группы Института истории АН СССР 19 января 1943 г. // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 222. Л. 1, 1 об.
28. *Дружинин Н.М.* Труд и быт эвакуированных историков в 1941–1943 гг. // В годы войны. С. 29.
29. Письмо А.М. Панкратовой коллективу Института истории АН СССР в Ташкенте 16 апреля 1942 г. // НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. VIII. Оп. 3. Д. 3. Л. 13.
30. Письмо А.М. Панкратовой З.К. Эггерт 7 мая 1942 г. // Там же. Л. 9.
31. *Вандальковская М.Г.* Милица Васильевна Нечкина // Историческая наука России в XX веке. М., 1997. С. 399–400.
32. Отчет о работе московской группы Института истории АН СССР за 1942 г. // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 180. Л. 7–8.
33. Отчет о работе Института истории АН СССР за 1942 г. // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 194. Л. 12.
34. Цит. по: Вклад ученых историков в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне. С. 9.
35. Подробнее см.: *Досталь М.Ю.* Как Феникс из пепла... Отечественное славяноведение в период Второй мировой войны и первые послевоенные годы. М., 2009. 464 с.

36. Институт российской истории РАН сегодня. С. 6.
37. *Гракина Э.И.* Ученые – фронту. М.: Наука, 1989. С. 186.
38. Почетная грамота Президиума АН СССР и ЦК профсоюза работников высшей школы и научных учреждений Института истории АН СССР. 1942 г. // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Разд. «Ю». Оп. 1. Л. 3.
39. *Сидорова Л.А.* Великая Отечественная война в работах советских историков в первые послевоенные годы (1945–1956 гг.) // История и историки. 2008. Историографический вестник. М.: Гриф и К, 2010. С. 3.

Два года эвакуации в Казани

L.D. Vinogradova

Two years of evacuation at Kazan

Аннотация. Рассмотрена деятельность Биогеохимической лаборатории АН СССР во время эвакуации 1941–1943 годов в Казани; трудности, сопровождавшие жизнь в эвакуации; горе, постигшее некоторых сотрудников Лаборатории, в том числе лично А.П. Виноградова и В.И. Вернадского; приезд Виноградова в Боровое, имевшее историческое значение для дальнейшего развития БИОГЕЛ, а также самоотверженный труд всего коллектива, направленный на победу советского народа в Великой отечественной войне.

Ключевые слова: эвакуация, оборонная тематика, Биогеохимическая лаборатории, письма, В.И. Вернадский, А.П. Виноградов.

Abstract. The Activities of The Biogeochemical laboratory of the USSR Academy of sciences during Evacuation of 1941–1943 years are considered; difficulties of living at evacuation, grief of some members of Laboratory, including A.P. Vinogradov and V.I. Vernadsky, Vinogradov coming to Borovoe, having historical meaning for subsequent development of the Biogeochemical laboratory, as well as selfless labour all collective – body of the Biogeochemical laboratory for the victory of the soviet people at the Great Patriotic war.

Keywords: evacuation, defence subject-matter, Laboratory subject-matter, letters, V.I. Vernadsky, A.P. Vinogradov.

Страшное сообщение, прозвучавшее 22 июня 1941 г. из всех репродукторов Советского Союза о внезапном нападении фашистской Германии на СССР, ошеломило людей. В этот воскресный солнечный, по-летнему теплый день, страна отдыхала после трудовой недели. Люди гуляли в парках, купались, занимались делами мирной жизни, и никто не мог поверить в то, что началась война.

Начало войны встретило А.П. Виноградова на Кольской базе Академии наук в Хибинах, где он находился вместе с А.Е. Ферсманом¹. Получив на второй день войны «молнию» от жены: «выезжай вызывают военкомат», Александр Павлович срочно покинул базу. Возвращался в Москву, стоя в набитом битком тамбуре вагона, без билета. Ехали несколько дней, очень медленно, пропуская воинские эшелоны.

Вернувшись в Москву, Виноградов записался в Народное ополчение добровольцем, но в связи с эвакуацией Президиума АН СССР и ряда институтов в Казань, включая и Биогеохимическую лабораторию (БИОГЕЛ), и В.И. Вернадского как престарелого академика в санаторий «Боровое» в Казахстан, Александр Павлович был отозван из ополчения. По просьбе Владимира Ивановича² Президиум Академии наук утвердил его исполняющим обязанностей директора БИОГЕЛ. Ил. 1.

Эвакуация Лаборатории в Казань проходила уже под руководством Виноградова. В первые дни войны на фронт были призваны научные сотрудники Лаборатории: кандидат химических наук Л.С. Селиванов³, аспирант И.К. Задорожный⁴, а с 1942 г. и К.П. Флоренский⁵. Для охраны лабораторного имущества в Старомонетном переулке в Москве была оставлена лаборант А.П. Троицкая⁶. Основной состав Лаборатории в количестве 36 человек эвакуировался в Казань. Выехали 20 июля 1941 г. В Казань приехали поздно вечером 23 июля. Поезд с сотрудниками московских институтов на перроне вокзала встречал вице-президент АН СССР академик О.Ю. Шмидт⁷.

По приезду в Казань между Виноградовым и Вернадским возобновилась переписка, продолжавшаяся в течение всей совместной деятельности⁸ по организации Биогеохимической лаборатории АН СССР с 1927 г. по 1944 г. Переписка велась, когда ученые находились в длительных командировках, в отпусках, в эвакуации. В письмах обсуждали различные аспекты разнообразной деятельности Лаборатории, Академии, уровень развития науки за рубежом, вопросы общественной жизни и многое, многое другое, и идейная связь между учеными никогда не прерывалась.

Лаборатории была предоставлена большая комната кафедры физиологии растений в главном корпусе Казанского университета, о чем Александр Павлович писал Владимиру Ивановичу 16 июля 1941 г.: «Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Иванович! Теперь Вы, наверное, получили мое первое письмо и телеграмму и знаете, что мы находимся в Казани. После долгих и трудных дней переговоров, ожиданий, Лаборатория получила помещение кафедры физиологии растений в главном корпусе университета. Здесь помимо нас – физики и техники. Сейчас заняты оборудованием Лаборатории. За это время успели привыкнуть к жизни в новых условиях. Потребуются еще много сил, чтобы пустить работу»⁹.

Благодаря таланту организатора и опыту, приобретенному Виноградовым при организации деятельности Биогеохимической лаборатории в Москве в 1934–1935 гг. в связи с переводом Академии наук по решению правительства из Ленинграда в Москву, достаточно быстро в труднейших условиях военного времени была развернута работа Лаборатории: «Мы из периода овладения площадью – перешли к ее оборудованию. Это поглощает время. Составил план развертывания работ. Наметил себе время для собственных работ – но не знаю, сумею ли к ним вернуться. Все определяется фронтом. Разделяю Ваше мнение о том, что развал немецкой армии будет напоминать 14–16-ые годы. Но до того, как этот развал немецкой армии начнется, мы должны будем пережить тяжелые испытания. В истории народа срок 2–3 месяца – ничтожный след, но как различны эти месяцы. В войну вовлекается все человечество. Правда, это не впервые в его истории, но как это тяжело»¹⁰.

Жизнь в Казани была тяжелой. Особенно она оказалась тяжелой в суровую зиму 1941–1942 гг. Было трудно с питанием и жильем. Часть сотрудников была размещена по квартирам, другая часть проживала в общежитии на окраине города, в так называемой Клыковке, которая находилась в нескольких километрах от Университета. Сотрудникам приходилось два раза в день преодолевать этот путь пешком утром от общежития до Университета в лютый мороз при температуре минус 40–50 градусов, зачастую в пургу, и обратно вечером по заснеженным неосвещенным улицам в строжайших условиях светомаскировки. Сам Александр Павлович жил с двумя детьми, женой и тещей в маленькой неотапливаемой комнате при температуре 2–5 градусов, без воды. Чтобы как-то питаться, была организована поездка сотрудников С.В. Одицовой¹¹, З.Г. Пинскера¹² и Э.Е. Вайнштейна¹³ на открытом грузовике в сильный мороз по деревням для покупки картофеля, так как основной едой была картошка и хлеб¹⁴. Позже положение несколько улучшилось, так как в Университете была организована столовая для сотрудников и в гастрономе давали один раз в неделю небольшой продуктовый набор. Не было ни круп, ни овощей. Из-за страшной дороговизны, с рынка питаться было невозможно, да и зимой с рынка все исчезало. Жили известиями с фронта.

Особенно переживали за сотрудников, призванных в армию. У С.А. Боровикахв сын попал в немецкое окружение на подступах к Москве, и с самого начала октября о нем не было известий. У С.В. Ренц¹⁶ муж был в ополчении вместе с Л.А. Куликом¹⁷, и она тоже давно не получала известий. Весь коллектив Лаборатории, кроме научной деятельности, работал на субботниках по расчистке аэродрома, по разгрузке барж с дровами для отопления города, а летом на огородах, находящихся за рекой Казанкой¹⁸.

Первая тяжелая зима войны обернулась для Виноградовых страшной трагедией. 9 февраля 1942 г. в Казани умирает младший сынишка Александра Павловича Володя – чудесный одаренный ребенок, которому не исполнилось еще и пяти лет. Хоронили Володю всей Лабораторией. Боясь за слабое сердце Владимира Ивановича, Виноградовы не сообщили Вернадскому о своем горе, но

узнав о случившемся от жены профессора В.П. Поспелова¹⁹, Владимир Иванович запишет в дневниковых записях: «Под бременем известия о гибели прелестного Володи Виноградова в Казани <...> Я боюсь, что физически Александр Павлович и Христина Густавовна не выдержат. Центр их жизни и оба хрупкие. Не решаюсь писать. А мысль с ними. Слова утешения – ничтожны. Надо писать»²¹. Боровое, 5 марта 1942 г.: «Дорогие, горячо любимые Александр Павлович и Христина Густавовна²⁰, дорогие близкие сердцу друзья. Нет, и не может быть утешения в том несчастье, которое постигло Вас и нас всех вместе. Уход из жизни прелестного, полного будущего, дорогого всем существа, столь много обещавшего, не может быть принят с покорностью – должен образ его остаться в наших сердцах и в нашей памяти. А мы все должны идти вперед по тому пути, по которому мы идем <...>»²².

Война и пришедшее вместе с ней горе сблизило людей. Лаборатория жила единой семьей, стараясь помогать друг другу, отдавая все силы работе. Работали много, допоздна, а зачастую и по ночам. Александр Павлович каждый день возвращался домой в 1–2 часа ночи. Но, несмотря на все трудности, Лаборатория под руководством Виноградова жила полноценной научной жизнью, хотя работа регламентировалась нуждами фронта. Выполнялись срочные анализы для военных организаций. Сотрудники П.Н. Палей²³, В.И. Баранов²⁴, Е.И. Донцова²⁵ работали по организации в военных госпиталях Казани родоновых и искусственных сероводородных (мацестинских) ванн для лечения раненых, которых было очень много, особенно во время Сталинградской битвы. В помещении Лаборатории после работы для сотрудников различных заводов и учреждений Казани проводились курсы по индикации боевых отравляющих веществ (М.А. Драгомирова²⁶, С.И. Синякова²⁷, П.Н. Палей, М.П. Белая²⁸, Е.И. Донцова). Велась совместная работа с военной организацией по оборудованию советских танков приборами по индикации боевых отравляющих веществ (БОВ) в случае применения БОВ фашистами, чтобы танкисты могли принять соответствующие меры (Е.И. Донцова и полковник Малявин). Кроме того, была организована особая группа (П.Н. Палей,

М.П. Белая, Р.В. Тейс²⁹, М.П. Драгомирова), отправленная обратно в Москву, где в условиях частых бомбежек, отключения электроэнергии и отопления, выполнялась ответственная работа по заданию армии, так называемый «Десант»³⁰.

Под руководством Виноградова сотрудниками Лаборатории (Г.Г. Бергман³¹, В.М. Ратынский³²), начиная с середины 1942 г., в срочном порядке был выполнен комплекс работ, показавших возможность использования ванадия для легирования стали, из которой изготавливалась броня танков, находящегося в асфальтах Волжско-Уральской нефтеносной области в предельно высоких концентрациях. Этому предшествовали исследования Александра Павловича по изучению осадочных пород с точки зрения установления механизма осадкообразования, в результате которых было определено концентрирование ванадия в битумах. 4 августа 1942 г. он писал Вернадскому в Боровое: «Мною были установлены геохимические провинции, в которых все битумы (твердые и жидкие), здесь встречающиеся, содержат значительные количества ванадия, например, Волжско-Уральская провинция. В частности, здесь указан был нами Садкинский асфальт с 70 % V_2O_5 в золе»³³. Эта работа проводилась в формате исследований по геохимии, связанных с оборонной тематикой. Другой работой по оборонной тематике в области биохимии являлось выяснение лучших условий минерального питания культуры кок-сагыза, необходимого для получения высококачественного каучука. Народный Комиссариат Земледелия Татарской АССР (ТАССР) обратился к Биогеохимической лаборатории в августе 1941 г. с просьбой провести научные исследования и оказать техническую помощь по минеральному питанию кок-сагыза и другим вопросам, связанным с проблемой повышения каучуконосности культуры кок-сагыза ТАССР. Рекомендации были выданы. Бригада БИОГЕЛ в составе приписанных к Лаборатории академика Л.И. Прасолова³⁴, членов-корреспондентов АН СССР Н.А. Максимова³⁵ и Б.Л. Исаченко³⁶ совместно с сотрудниками Лаборатории А.А. Дробковым³⁷ и С.М. Манской³⁸, после изучения проблем влияния применяемых минеральных удобрений и химического элементного состава семян и корней кок-сагыза из

разных мест его произрастания в СССР, указали районы размещения кок-сагыза в Татарии. В виду важности проблемы Виноградов и Максимов обратились с письмом к вице-президенту АН СССР академику Е.А. Чудакову³⁹, в котором на основании проведенных исследований были предложены мероприятия по увеличению каучуконосности кок-сагыза в Татарии.

В области аналитической химии для решения оборонных задач проводились работы по внедрению полярографического метода для экспресс анализа легких сплавов и черных металлов (определение Zn, Mn в сплавах на алюминиевой основе, Pb в бронзе, Cu в баббитах, Cu, Ni, Co в сталях и др.) (С.И. Синякова, Д.П. Малуго⁴⁰, Ш.Е. Каминская⁴¹), разработка спектрального, электронографического методов в связи с изучением активности катализаторов анализа кристаллических структур минералов (З.Г. Пинскер, А.К. Лаврухинах⁴²), рентгеноспектрального метода определения валентности в металлах и сплавах (Э.Е. Вайнштейн совместно с Г.Б. Бокиемх⁴³ – рентгеновская лаборатория Института общей и неорганической химии АН СССР).

В.И. Вернадский, будучи оторванным от Лаборатории, также внес свой вклад в победу советского народа над фашизмом. 12 марта 1943 г. Владимиру Ивановичу исполнилось 80 лет. В связи с этой датой он был удостоен Сталинской премии I-ой степени, 20% которой Вернадский перечислил на строительство танковой колонны, следуя обращению президента АН СССР академика В.Л. Комарова к действительным членам, членам-корреспондентам, научным сотрудникам Академии последовать патриотическому примеру народа и внести лишние средства на строительство танковых колонн⁴⁴.

Кроме других принятых Президиумом АН СССР юбилейных мероприятий, А.П. Виноградов написал статью: «80-летие академика В.И. Вернадского» (Природа, 1943 г.).

Что же касается тематики Биогеохимической лаборатории, то в Казани в соответствии с планом продолжались исследования химического элементного состава красноцветных пород, нефти, по изотопам, фотосинтезу, по нитратам в биосфере и др., по составлению единственной в СССР картотеки по составу организмов.

В период с 1941 г. по 1944 г. по тематике Лаборатории Виноградов опубликовал свыше 20 печатных работ, обращаясь к изучению самых разнообразных научных проблем, в которых установил ряд закономерностей и получил интересные результаты. Особого внимания заслуживают исследования этого периода Виноградова совместно с Тейс по фотосинтезу (было установлено, что при фотосинтезе выделяется кислород воды, а не уголекислоты, что изменило представления о механизме фотосинтеза – Доклады Академии Наук СССР (ДАН СССР), 1941 г.); с Е.А. Бойченко⁴⁵ закончил исследования по изучению процессов превращения веществ в биосфере, вызванных деятельностью организмов, позволивших экспериментально показать разложения каолина диатомовыми водорослями (ДАН СССР, 1942 г.).

Затем Виноградов исследовал с геохимической точки зрения природные воды и опубликовал статью «Геохимия рассеянных элементов в морской воде» с весьма любопытными выводами: катионы морской воды являются продуктами выветривания горных пород, а анионы – результат вулканогенных процессов (Успехи химии, 1944 г.). Продолжая исследовать природные воды, автор установил, что геохимическим индикатором образования природных вод является их хлор-бромный коэффициент (ДАН СССР, 1944 г.).

В Казани Виноградов подготовил к изданию 6 и 7 тома «Трудов Биогеохимической лаборатории», включив 3 часть своей классической монографии «Химический элементарный состав организмов моря» в 6 том (1 и 2 части монографии были опубликованы также в «Трудах» в 3 и 4 томах в 1935 и 1937 гг. соответственно). В письме от 17 сентября 1942 г. Виноградов писал Вернадскому: «<...> Что касается “Трудов” – тысяча препятствий: 1) они меня заставили в трудных условиях привести их в годный для печати вид; 2) затем взяли в издательство, свезли в Москву и возвратили обратно для сокращения объёма; 3) пришлось оставить мою работу в 25 печ. листов (3-я часть “Химического состава организмов”), которая лежит без движения. Сплошной обман<...>»⁴⁶.

Вернадский придавал этой работе Виноградова исключительное значение. 3 октября 1942 г. Владимир Иванович пишет письмо

категоричного характера в Издательство АН СССР: «Я считаю, что если должны быть сделаны сокращения в “Трудах Биогеохимической лаборатории”, два тома которых сданы в печать, они не должны касаться статьи А.П. Виноградова, так как это – сводка, единственная сводка в этой области, которой все будут пользоваться в той реконструкции ценностей, в которой нам всем придется работать после изгнания немцев. Эта статья должна пойти без всяких сокращений. Было бы удобно, чтобы она была в одном томе. В. Вернадский»⁴⁷.

Кроме издательской деятельности Александр Павлович редактировал Труды Всесоюзной конференции по аналитической химии, проходившей в Москве в конце 1939 г.: Т. 2, 1943, 631 с. (совместно с Н.С. Курнаковым⁴⁸); Т. 3, 1944, 240 с. (совместно с С.С. Наметкиным⁴⁹); Гидрохимические материалы. Т. 12, 1941, 192 с. (в соавторстве).

Общим итогом деятельности Биогеохимической лаборатории в Казани по тематике Лаборатории явилась защита 5 диссертаций: докторской (З.М. Пинскер) и четырех кандидатских (Е.А. Бойченко, Т.Ф. Боровик-Романова⁵⁰, Э.Е. Вайнштейн, В.М. Ратынский). Виноградов был избран членом-корреспондентом АН СССР, хотя он мог бы уже в 1943 г. быть избранным действительным членом Академии наук: «Я хотел бы Вас выставить в академики по аналитической химии, – писал Вернадский 18 апреля 1943 г. Виноградову еще до выборов, – и очень прошу дать мне материал для представления Вас в академики. Если можно, пришлите мне в связи с этим ваш Curriculum vitae, сделав упор на аналитическую и неорганическую химию, рассматривая геохимию как ее часть. Я не видел изданий съезда по аналитической химии. Пришлите что-нибудь, чтобы с этим ознакомиться. Вы ведь были фактически председателем»⁵¹. Но случайное стечение обстоятельств обернулось для Виноградова досадным недоразумением. Он смог прочитать письмо Вернадского только, когда вернулся из Москвы, где находился в командировке по оборонным делам Лаборатории, и выслал требуемые материалы с опозданием. «<...> Писали и телеграфировали Вам все время в Москву, думая, что Вы там» – писал

Владимир Иванович Александру Павловичу 21 мая 1943 г. – «Сейчас пишу и в Казань, и в Москву. Очень хотелось бы, чтобы Вы держали меня в курсе, куда Вам писать. Вы мне ничего не написали о Вашем представлении в академики и, не имея от Вас ничего, я послал телеграфное подтверждение в Президиум, что я поддерживаю представление о Вас Отделения в члены-корреспонденты по химическому отделению»⁵². Так случай изменил закономерный результат выборов – 30 сентября 1943 г. Виноградов был избран членом-корреспондентом АН СССР.

С момента начала войны Виноградов стал фактическим руководителем Биогеохимической лаборатории. По поводу руководства Виноградовым Лабораторией, Вернадский писал 7 июля в Казань: «Мне кажется, мне нужно подать просьбу о том, чтобы Вы были директором Биогел не только фактическим, но и юридическим. Я заканчиваю свою научную жизнь – перед Вами широкая дорога»⁵³. И как руководитель Лаборатории Александр Павлович не мог не думать о перспективах ее научного развития. 18 ноября 1942 г. он пишет в Боровое: «Я как-то Вам писал, что три вопроса, три задачи невольно у нас в Лаборатории являются вновь главными, как мне представляется. Их решение может быть найдено лучшим образом только у нас. Это, во-первых, изучение закона распределения редких и рассеянных химических элементов в биосфере (в том числе и в осадочных породах). У нас есть люди, умеющие и знающие в этом направлении. Они сохранились сейчас. Есть методы. Их можно и нужно усилить. Это я делаю. Второе направление – геохимия изотопов. Сейчас веду переписку со Скарре⁵⁴ о переходе его к нам на работу по масс-спектрологии. Начнем (вновь) в Казани, а затем в Москву. Наконец вырисовывается и третье направление – назвать его я не мог односложно. Это использование, если можно так сказать, атомных параметров в геохимии осадочных процессов – выветривания т.д. Подойти к этим процессам с энергетической точки зрения, используя весь арсенал физических и химических знаний о связях в кристаллической решетке твердого тела. Это то, куда выходит современная геохимия (или ограниченно – кристаллохимия). Мне кажется, мы должны (и можем)

проверить это направление (для осадочных процессов) – точное. Без него мы не сможем создать ни теорию рассеяния химических элементов, ни теорию распределения изотопов в земной коре»⁵⁵.

В дальнейшем эти научные направления, изложенные Виноградовым в письме Вернадскому как направления перспективного развития Биогеохимической лаборатории, станут основополагающими в научной платформе Института геохимических проблем, о создании которого на базе БИОГЕЛ ученые примут совместное решение в марте 1943 г. во время приезда Александра Павловича в Боровое. Александр Павлович давно собирался навестить Владимира Ивановича в Боровом, но масса неотложных и организационных дел, текущие дела, командировки в Москву по оборонной тематике Лаборатории и т.д., лишали его этой возможности. Кроме того, Вернадский очень хотел произвести радиоактивное исследование Борового, так как считал, что там можно ожидать концентрации эманаций, и просил Виноградова организовать эту работу. Но в марте 1943 г. поездка в Боровое для Александра Павловича стала абсолютно неотложной из-за печального известия от Вернадского: «Скончалась Наташа Меняю жизнь Приезжайте командировку решить привет Лаборатории»⁵⁶. Подробности Владимир Иванович сообщил письмом:

«Дорогой Александр Павлович! Меня постигло огромное несчастье. Вы меня поймете и меня пожалеете, т.к. Вы и дорогая Хр. Густавовна перенесли большое горе и не сломались. В ночь со 2-ого на 3-е февраля скончалась Наталья Егоровна без больших страданий. Заболела 1-ого февраля, я понял возможность рокового конца за несколько часов до смерти. Отек легких и завороток кишок. Лечили Певзнер⁵⁷ и Слиозберг⁵⁸. Это ломает всю мою жизнь.

Я пережил в последнее время много смертей дорогих и близких мне людей, но то, что я переживаю теперь несравнимо...

Я, кажется, писал Вам, что готовлю записку Комарову об этом, учитывая необходимость быстрой реконструкции разрушенных ценностей, произведенных варварским нашествием. Мы должны получить научную аппаратуру только в Америке и это должно быть поставлено Правительством наравне с оборонными целями.

Я пишу об этом Молотову⁵⁹ и Комарову⁶⁰. Мне кажется, это должно быть устроено в виде делегации Академии при Литвинове⁶¹.

Я бы очень хотел, если возможно, чтобы вы приехали на несколько дней сюда, для того, чтобы помочь составить записку и обсудить дело.

Нужно, чтобы у Вас была командировка для питания, а поместиться Вы сможете у меня в комнате.

Сердечный привет Хр. Густ. и всей Лаборатории»⁶².

Приезд Виноградова в Боровое имел историческое значение для дальнейшего развития Биогеохимической лаборатории АН СССР, переименованной в Лабораторию геохимических проблем им. В.И. Вернадского в связи с 80-летием ученого (12.03.1943). Встретившись, Виноградов и Вернадский совместно приняли решение о реорганизации Биогеохимической лаборатории в Институт геохимических проблем, о чем свидетельствует письмо Владимира Ивановича в Казань коллективу Биогеохимической лаборатории от 16 марта 1943 г.: Ил. 2.

«Обращаюсь к дорожному для меня коллективу. Уже второй год, как я оторван от дорогой мне лаборатории и отдела, с которым связана вся моя жизнь. Сердечно тронут проявлением участия в пережитом мной горе и приветствиями по поводу моего восьмидесятилетия. Был очень рад видеть Александра Павловича, и он мне рассказал о проектах будущего и о положении в данный момент нашей лаборатории. Очень рад, что его представления нашего будущего встретились с моими, и мы с ним сговорились, продумывая без связи друг с другом, о той новой форме, которую должна принять наша работа.

Биогеохимическая лаборатория должна получить широкую базу как Институт геохимических проблем <...>»⁶³.

По договоренности с Виноградовым Вернадский пишет письмо в Президиум Академии наук, в котором ставит вопрос о реорганизации Биогеохимической лаборатории в Институт. Но в то время реорганизация осуществлена не была. Претворить совместное решение о создании Института (Института геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского) на базе Биогеохимической ла-

боратории АН СССР удалось Виноградову только в 1947 г. уже после смерти Вернадского благодаря его личному участию и участию Лаборатории в работах Советского атомного проекта по созданию атомной промышленности и атомного оружия.

Осенью 1943 г., когда линия фронта была удалена от Москвы на значительное расстояние, началась эвакуация учреждений Академии наук в Москву. Лаборатория вернулась в Москву в первой половине сентября. Чуть раньше вернулся из Борового и Владимир Иванович.

Пройдя через тяжелые испытания в военные годы под руководством Виноградова, Лаборатория достойно встретила победу советского народа в самой жестокой и кровопролитной войне. Многие сотрудники Лаборатории были награждены орденами и медалями. Александр Павлович был дважды удостоен Ордена трудового Красного Знамени (1944, 1946).

К сожалению, действительность полна примеров исторической несправедливости. В 1990 г. в стране праздновалась 45 годовщина победы СССР в Великой Отечественной войне. В Казани проводились большие торжества по поводу этого события с участием Президиума АН СССР. К этой дате было приурочено открытие мемориальной доски на здании Казанского университета в память об институтах АН СССР, проработавших здесь в годы войны. В торжественной обстановке с доски было сброшено покрывало, но Биогеохимическая лаборатория АН СССР не была на ней увековечена.

Примечания

1. Ферсман Александр Евгеньевич (1883–1945) – минералог, один из основоположников геохимии, академик АН СССР (1925). В 1941–1943 гг. – член Президиума (1929–1945) АН СССР. Директор Кольской базы АН СССР (1930–1945).
2. Письмо В.И. Вернадского в Президиум АН СССР от 16 июля 1941 г. // Архив РАН (АРАН). Ф. 566. Оп. 1 (1941). Д. 99. Л. 121.
3. Селиванов Лев Сергеевич (1908–1945) – инженер-химик, к.х.н. (1940), окончил химическое отделение Физико-математического факультета

И-го Московского университета. Стал сотрудником Биогеохимической лаборатории АН СССР в 1934 г. Работы, выполненные в 1930-е гг., относятся к биогеохимии галогенов, биогеохимии и гидрохимии водоемов. Ученик А.П. Виноградова. Работал под его руководством по разработке термо-диффузного метода разделения изотопов урана, предложенного Виноградовым. В 1941 г. призван в ряды Красной Армии. Сражался под Сталинградом. В.И. Вернадский хлопотал через Президиум АН СССР, а также письменно обращался к уполномоченному по обороне М.П. Евдокимову с просьбой о получении для Л.С. Селиванова брони, т.к. считал, что с государственной точки зрения Лев Сергеевич принесет несравненно больше пользы по оборонной тематике, но Селиванов в Лабораторию не вернулся. В феврале 1942 г. он попал в плен и содержался в концлагере в Дахау; 21 ноября 1944 г. был перемещен в концлагерь Маутхаузен. Принимал участие в восстании заключенных 3 февраля 1945 г. Погиб 10 февраля 1945 г.

4. Задорожный Иван Кондратьевич (1914–?) – физик, специалист в области геохимии изотопов, к.г.-м.н. (1966), аспирант БИОГЕЛ (1939–1941). Участник Великой Отечественной войны (1941–1945). Сотрудник Лаборатории геохимических проблем им. В.И. Вернадского (Института геохимии и аналитической химии им В.И. Вернадского) АН СССР (1946–1982). Основные работы посвящены конструированию масс-спектрометров и разработке методов прецизионного изотопного анализа геологических объектов, и также геохимии и космохимии изотопов.
5. Флоренский Кирилл Павлович (1915–1982) – геохимик, планетолог, к.г.-м.н. (1958). Лаборант (1935–1940), и.о. м.н.с. БИОГЕЛ (1940–1941). В момент объявления войны Флоренский находился в экспедиции в районе Рудного Алтая и в Москву вернулся с большим опозданием, когда Лаборатория уже эвакуировалась в Казань. До призыва в армию в 1942 г. работал в одной из оборонных комиссий Отделения геолого-географических наук АН СССР, руководимых А.Е. Ферсманом. Участник Великой Отечественной войны (1942–1946), сотрудник Лаборатории геохимических проблем им. В.И. Вернадского (Института геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского) АН СССР (1946–1967), зав. отделом Луны и планет Института космических исследований АН СССР (1967–1974), зав. лабораторией сравнительной планетологии ГЕОХИ АН СССР (1975–1982). Основные работы в области геохимии изотопов, геохимии природных газов, по проблеме Тунгусского метеорита в области сравнительной планетологии.
6. Троицкая Александра Павловна (1898–?) – химик, технический секре-

- тарь (1934–1945), лаборант (1935–1941), сотрудник (1942–1945) Биогеохимической лаборатории (Лаборатории геохимических проблем им. В.И. Вернадского) АН СССР.
7. Шмидт Отто Юльевич (1891–1956) – математик, астроном, геофизик, государственный и общественный деятель, академик АН СССР (1935). В 1941–1942 гг. вице-президент АН СССР.
 8. А.П. Виноградов поступил на работу к В.И. Вернадскому в 1926 г., совмещая ее с работой преподавателя кафедры физиологической химии Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова.
 9. Переписка В.И. Вернадского и А.П. Виноградова. М., 1995. Отв. редактор д.г.м.н. А.А. Ярошевский, составитель и автор комментариев Л.Д. Виноградова. № 254. С. 247.
 10. Там же. № 256. С. 250.
 11. Одинцова Софья Васильевна (1900–?) – агроном-почвовед, к.с.-х.н. (1936), аспирант-докторант (1936–1940) и сотрудник Биогеохимической лаборатории АН СССР (1941–1947). Изучала процессы нитратообразования в биосфере, участвовала в исследованиях по определению среднего химического состава осадочной толщи Восточно-Европейской платформы.
 12. Пинскер Зиновий Григорьевич (1904–?) – химик, специалист в области фотохимии, д.х.н. (1943). В Биогеохимической лаборатории АН СССР (Лаборатории геохимических проблем им. В.И. Вернадского АН СССР) с 1936 по 1945 гг. Основные работы в области электронографии, масс-спектрометрии, теоретических проблем кристаллографии.
 13. Вайнштейн Эммануил Ефимович (1917–1965) – физик, д.х.н. (1960), аспирант (1939–1942), сотрудник (1942–1951, зав. лабораторией спектральных методов анализа (1954–1960) Института геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского, сотрудник Института неорганической химии СО АН СССР (1960–1964), зав. лабораторией газового анализа ГЕОХИ АН СССР (1964–1965). Основные работы в области разработки рентгеноспектральных методов анализа, теории химической связи в соединениях с необычными химическими и физическими свойствами, в области геохимии редких элементов. Организовал ряд рентгеноспектральных лабораторий в отраслевых научных учреждениях и на заводах.
 14. Бойченко Е.А., Донцова Е.И., Ратынский В.М., Флоренская З.С. Биогеохимическая лаборатория в годы войны // Геологи Академии наук СССР в годы Великой отечественной войны на трудовом фронте. Очерки по истории геологических знаний. С. 142–150.

15. Боровик Станислав Антонович (1882–1958) – физик-спектроскопист, д.ф. и т.н., профессор (1935), сотрудник (1935–1943) Биогеохимической лаборатории АН СССР и Института геологических наук (с 1941). Основные исследования в области спектрального анализа природных объектов.
16. Ренц Софья Владимировна (1896–1982) – библиотечкарь, зав. библиотекой (1935–1962) и сотрудник (1963–1979), хранитель Кабинета музея академика В.И. Вернадского (1962–1975) Института геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского АН СССР.
17. Кулик Леонид Алексеевич (1883–1942) – специалист в области минералогии и метеоритики. Организатор и руководитель экспедиций АН СССР в район падения Тунгусского метеорита (1927, 1928, 1929–1930, 1938–1939). Сотрудник Минералогического музея АН СССР и руководитель метеоритной экспедиции (1921–1941), ученый секретарь Комиссии (Комитета) по метеоритам (1935–1941). В 1941 г. призван в Красную Армию. В 1942 г. в бою был ранен в ногу, попал в окружение и в плен. Пытался бежать, но побег сорвался. Умер в лагере от тифа в 1942 г.
18. Переписка Н.Е. Вернадской и Х.Г. Виноградовой. Бюллетень Комиссии по разработке научного наследия В.И. Вернадского. М., 2001, № 15. Отв. редактор д.ф.н. Ф.Т. Яншина. Составитель и автор предисловия и комментариев Л.Д. Виноградова. С. 40, 42, 46, 47.
19. Поспелов Владимир Петрович (1872–1949) – энтомолог, академик АН УССР (1939), профессор ряда институтов сельскохозяйственного профиля и университетов (1913–1945), директор Института энтомологии и фитопатологии АН СССР. Основные труды по общей и экспериментальной энтомологии и защите растений от вредителей.
20. Виноградова-Томашевская Христина Густавовна (1903–1961) – ботаник, химик, ученица академика В.Л. Комарова, сотрудник Главного ботанического сада АН СССР (1920–1930), ассистент Всесоюзного института растениеводства (1930–1932), старший лаборант Биогеохимического отдела Государственного океанографического института (1932–1934), м.н.с. Биогеохимической лаборатории и Института геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского АН СССР (1934–1958). Исследования по биогеохимии молибдена и марганца. Жена А.П. Виноградова.
21. Переписка В.И. Вернадского и А.П. Виноградова. Указ. соч., комментарий № 1 к письму № 289. С. 280.
22. Там же. № 289. С. 280.
23. Палей Петр Николаевич (1900–1975) – химик-аналитик, д.х.н. (1955),

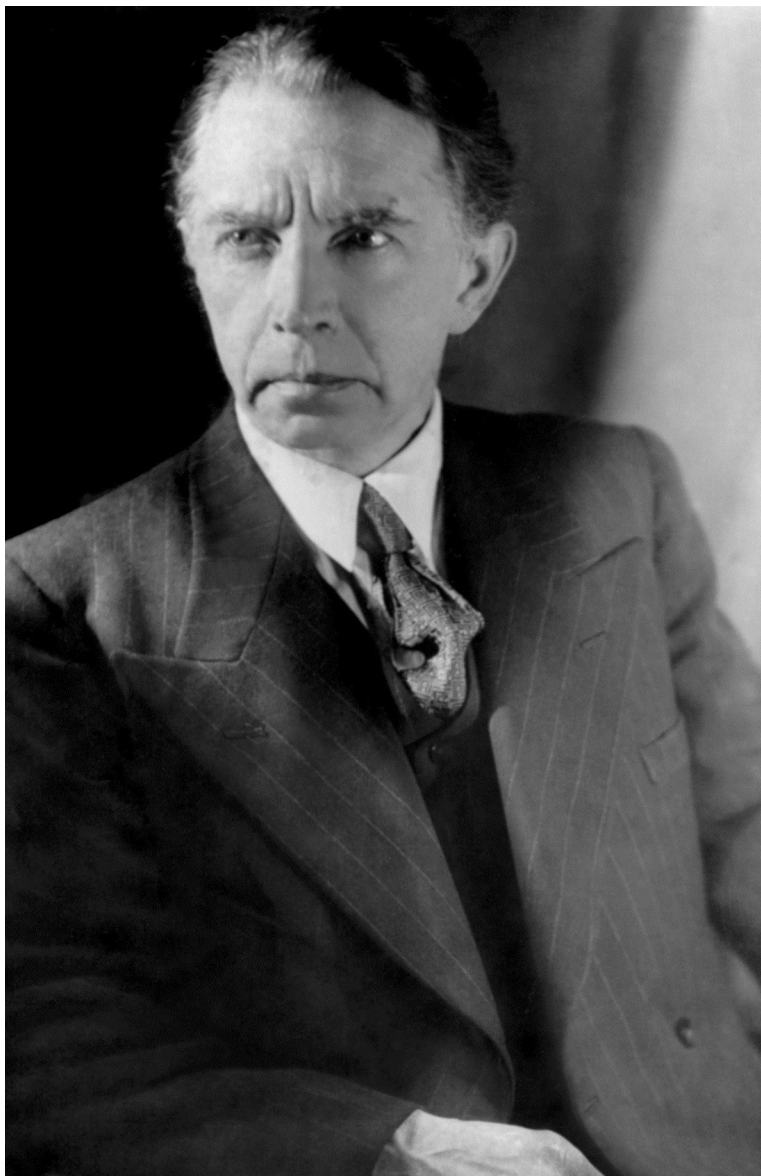
- профессор (1961), сотрудник (1937–1948), зав. лабораторией прецизионных методов анализа (1948–1970), ученый секретарь (1945–1951), зам. директора (1965–1968), консультант (с 1970 г.) Института геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского АН СССР. Член Комиссии по минеральным водам Отделения химических наук АН СССР (1940–1944). Основные работы по гидрохимии и распределению редких элементов в минеральных водах, по оборонной тематике, автор ряда методов прецизионного анализа малых количеств веществ специальных материалов.
24. Баранов Владимир Ильич (1892–1972) – физик-радиолог, д.ф.-м.н. (1935), сотрудник Биогеохимической лаборатории и Института геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского АН СССР (1935–1970), где был ученым секретарем (1937–1945), зав. лабораторией радиохимии (1949–1970), зам. директора (1956–1962), консультантом (1979–1972). Основные работы в области природной радиоактивности и атмосферного электричества.
25. Донцова Евгения Ивановна (1910–1990) – химик, специалист в области геохимии изотопов, к.х.н. (1940), сотрудник Биогеохимической лаборатории и Института геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского АН СССР (1941–1979), сотрудник Института неорганической химии СО АН СССР (1962–1964). Основные работы в области химии и геохимии изотопов кислорода.
26. Драгомирова Мария Александровна (1892–1978) – химик, сотрудник Биогеохимической лаборатории и Института геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского АН СССР (1935–1962), секретарь Кружка В.И. Вернадского и хранитель Кабинета-музея В.И. Вернадского (1957–1962). Основные работы в области химии торфа и биогеохимии йода в ряде республик СССР в связи с распространенностью в них эндемических заболеваний.
27. Синякова Софья Ильинична (1901–1970) – химик, к.б.н. (1938), сотрудник Биогеохимической лаборатории и Института геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского АН СССР (1938–1970). Основные работы посвящены разработке и применению полярографического метода анализа промышленных природных объектов.
28. Белая Мария Павловна (1898–?) – химик, аспирантка (1930–1932) и сотрудник Биогеохимической лаборатории и Института геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского АН СССР (1932–1970). Основные работы по геохимии редкоземельных элементов и индикации боевых отравляющих веществ.
29. Тейс Руфима Владимировна (1896–1977) – химик, д.х.н. (1959), на-

- учный сотрудник Комиссии по изучению тяжелой воды АН СССР (1936–1938), аспирант-докторант (с 1938), сотрудник (1938–1970) Биогеохимической лаборатории и Института геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского АН СССР, консультант (1970–1977). Основные труды по геохимии изотопов природных вод, фотосинтетического кислорода и использованию изотопов кислорода для целей палеотермометрии геологических процессов.
30. Бойченко Е.А., Донцова Е.И., Ратынский В.М., Флоренская З.С. Указ. соч. С. 145.
31. Бергман Гертруда Георгиевна (1904–?) – химик, сотрудник Комиссии по изучению естественных производительных сил СССР (1926–1928), Биогеохимической лаборатории и Института геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского АН СССР (1929–1952), Комитета по метеоритам АН СССР (с 1952 г.). Основные работы посвящены биогеохимии ванадия.
32. Ратынский Владимир Михайлович (1908–?) – минералог, геолог, к.г.-м.н. (1943), сотрудник Биогеохимической лаборатории и Института геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского АН СССР (1937–1953), сотрудник Института горючих ископаемых (с 1953 г.). Опубликовал исследования по геохимии осадочных пород Русской платформы.
33. Переписка В.И. Вернадского и А.П. Виноградова. Указ. соч. № 310. С. 296.
34. Прасолов Леонид Иванович (1875–1954) – почвовед, академик (1935), сотрудник (с 1926) и директор (1937–1948) Почвенного института им. В.В. Докучаева АН СССР. Труды по происхождению, классификации и картографии почв; автор учения о почвенных провинциях, один из авторов Почвенной карты мира.
35. Максимов Николай Александрович (1880–1952) – ботаник, академик АН СССР (1946), директор (1946–1952) Института физиологии растений им. К.А. Тимирязева АН СССР. Один из основоположников экологической физиологии растений. Основные труды по физиологическим основам засухи и морозоустойчивости растений. Премия им. В.И. Ленина (1930).
36. Исаченко Борис Лаврентьевич (1871–1948) – ботаник, микробиолог, академик АН СССР (1946), академик АН УССР (1945), директор Института микробиологии АН СССР (с 1939 г.). Один из основоположников морской микробиологии, автор гипотезы биогенной природы месторождений серы и кальция, один из первых применил биологические методы борьбы с грызунами.

37. Дробков Антон Андреевич (1899–?) – агрохимик, д.б.н. (1952), ассистент и доцент Всесоюзной сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева (1929–1941), сотрудник Биогеохимической лаборатории и Института геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского АН СССР (1938–1952), сотрудник Института физиологии растений им. К.А. Тимирязева (с 1951 г.). Основные работы по изучению роли химических, в том числе и радиоактивных, элементов в жизни растений.
38. Манская Софья Моисеевна (1899–1986) – биолог, д.б.н. (1950), сотрудник Института биохимии АН СССР (1935–1941), сотрудник (1941–1970) и консультант (1970–1986) Института геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского АН СССР. Основные труды в области изучения химического органического вещества древних организмов.
39. Чудаков Евгений Алексеевич (1890–1953) – механик, академик (1939), вице-президент (1939–1942) АН СССР. Труды по теории автомобиля, прочности и износу его деталей.
40. Малиюга Дмитрий Петрович (1902–1969) – биохимик, д.г.-м.н. (1956), аспирант (1933–1937), аспирант-докторант (1937–1940), сотрудник (1941–1969) Биогеохимической лаборатории и Института геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского АН СССР. Основные работы в области геохимии группы железа и разработки геохимических основ биогеохимического метода поиска рудных месторождений.
41. Каминская Шифра Ефимовна (1896–?) – биохимик, сотрудник (1928–1952), ученый секретарь (1935–1937) Биогеохимической лаборатории и Института геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского АН СССР.
42. Лаврухина Августа Константиновна (1919–?) – радиохимик, геохимик, д.х.н. (1955), сотрудник, профессор Биогеохимической лаборатории и Института геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского АН СССР (1941–1963), зав. лабораторией космохимии (1963–1988) и консультант (с 1988). Крупные работы в области радиохимии, по проблемам нуклеосинтеза, метеоритике, космохимии изотопов.
43. Бокий Георгий Борисович (1909–?) – физикохимик, кристаллохимик, член-корреспондент АН СССР (1958), сотрудник ряда институтов АН СССР (1930–1964), преподаватель (1939–1944), профессор (1944–1949), зав. кафедрой кристаллохимии МГУ (1949–1958), сотрудник Института радиоэлектроники АН СССР (1964–1969), зав. Отделом информации по химии Института научной и технической ин-

- формации (1969–1976), зав. рентгеновской лабораторией Института геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии АН СССР (с 1976). Опубликовал крупные работы по кристаллохимии минералов, автор первого учебника «Кристаллохимия» (1957).
44. Переписка В.И. Вернадского и А.П. Виноградова. Указ. соч. № 352 и примечание 1 к нему. С. 339.
45. Бойченко Евгения Александровна (1908–1989) – биолог, д.б.н. (1950), сотрудник (1935–1970) и консультант (1970–1977) Биогеохимической лаборатории и Института геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского АН СССР. Основные работы посвящены изучению механизма фотосинтеза и роли биогенных комплексов металлов в эволюции биосферы.
46. Переписка В.И. Вернадского и А.П. Виноградова. Указ. соч. № 315. С. 302.
47. Письмо В.И. Вернадского в Издательство АН СССР // АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 52. С. 78.
48. Курнаков Николай Семёнович (1860–1941) – физико-химик, академик АН СССР (1925), один из основоположников физико-химического анализа. Основатель научной школы. Организатор отечественного металлургического и галургического производств, ряда научно-исследовательских учреждений. Премия им. В.И. Ленина (1928) и Государственная премия СССР (1941).
49. Наметкин Сергей Семенович (1876–1950) – химик-органик, академик (1939) АН СССР. Труды по химии углеводов, химии нефти, каталитической переработке, а также по химии душистых веществ, терпенам и др. Государственная премия СССР (1943, 1959).
50. Боровик-Романова Татьяна Федоровна (1896–1981) – физик-спектроскопист, к.х.н. (1943), сотрудник Биогеохимической лаборатории и Института геохимии аналитической химии им. В.И. Вернадского АН СССР (1933–1870). Основные работы в области спектрального анализа природных объектов и биогеохимии редких щелочных металлов.
51. Переписка В.И. Вернадского и А.П. Виноградова. Указ. соч. № 337. С. 327.
52. Там же. № 341. С. 331.
53. Там же. № 306. С. 292.
54. Скарре Оскар Карлович – специалист по масс-спектропии. Исполком Казанского городского Совета депутатов трудящихся разрешил въезд и прописку в Казани О.К. Скарре (АРАН. Ф. 566. Оп. 1. Д. 115. Л. 21, 25), была получена от него срочная телеграмма о его выезде в

- Казань (АРАН. Ф. 566. Оп. 1. Д. 115), но сведений о том, приступил ли он к работе, нет.
55. Переписка В.И. Вернадского и А.П. Виноградова. Указ. соч. № 324. С. 310.
56. Там же. № 330. С. 319.
57. Певзнер Мануил Исаакович (1872–1952) – врач-терапевт, стажировался в Германии. Вел курс болезней органов пищеварения и диетологии в Институте курортологии (с 1927 г.). Организовал клинику лечебного питания в Институте питания (1930), зав. кафедрой лечебного питания Центрального института усовершенствования.
58. Слиозберг – врач.
59. Молотов (настоящая фамилия Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890–1986) – политический и государственный деятель. В 1942–1946 гг. первый зам. председателя СНК(СМ) СССР и в 1941–1945 гг. зам. председателя Государственного Комитета Обороны, в 1939–1949 гг. нарком Министерства иностранных дел.
60. Комаров Владимир Леонтьевич (1869–1945) – ботаник, географ, академик АН СССР (1920). В 1941–1943 гг. был президентом АН СССР (1936–1845).
61. Литвинов Максим Максимович (настоящая фамилия и имя – Валлах Макс) (1876–1951) – партийный и государственный деятель, дипломат, нарком иностранных дел (1930–1939).
62. Переписка В.И. Вернадского и А.П. Виноградова. Указ. соч. № 331. С. 320.
63. Там же. № 336. С. 325 и примечание 5 к нему.

Ил. 1. А.П. Виноградов. 1944 г.
Фотография из семейного архива автора.

Ил. 2. Биогеохимическая лаборатория АН СССР.

Слева направо. Верхний ряд, стоят: З.Г. Пинскер, Д.П. Малюга, Э.Е. Вайнштейн, А.Л. Дробков; 2-й ряд: Б.И. Цветков, В.В. Данилова, В.М. Ратынский, С.М. Манская, А.К. Лаврухина, (?), М.П. Белая, Е.Г. Липидус, Т.Ф. Боровик Романова, Г.Г. Бергман, С.В. Одинцова, М.А. Драгомирова, А.П. Троицкая.

Сидят: Е.А. Бойченко, Р.В. Тейс, Д.И. Рябчиков, Х.Г. Виноградова-Томашевская, А.П. Виноградов, В.И. Вернадский, С.А. Боровик, В.И. Баранов, И.Д. Борнеман-Старынкевич, А.Д. Шаховская.

Нижний ряд: ?, П.Н. Палей, С.В. Ренц, К.Г. Кунашева, С.И. Синякова, Г.Г. Цейтлин, Ш.Е. Каминская, Е.Б. Евдокимова, А.И. Софинская, Е.И. Донцова.

Москва. Фотография сделана в день рождения В.И. Вернадского 12 марта 1944 г. в его домашнем кабинете.

**Московское отделение Архива
Академии наук СССР в 1944 г.**

М. Yu. Kiselev

**Moscow branch of the Archive
of the USSR Academy of Sciences in 1944**

Аннотация. В статье дана информация о работе Московского отделения Архива АН СССР в 1944 г., которое прилагало все возможные усилия по собиранию, обеспечению сохранности, учету, научно-технической обработке документальных комплексов и научно-методическому руководству архивами учреждений и организаций Академии наук СССР, а также по выявлению документов, необходимых для использования в оборонных целях и восстановления народного хозяйства. Представленная информация позволит расширить источниковедческую базу по истории академического архивного дела как составной части истории архивного дела в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Ключевые слова: история, Архив Академии наук СССР, Московское отделение, архивное дело, 1944 г., Великая Отечественная война.

Abstract. The article provides information on the work of the Moscow branch of the Archive of the USSR Academy of Sciences in 1944, which made every possible effort to collect, ensure safety, record keeping, scientific and technical processing of documentary complexes, and scientific and methodological management of the archives of institutions and organizations of the USSR Academy of Sciences, and also on the identification of documents necessary for use in defense purposes and the restoration of the national economy. The information presented will allow expanding the source study base on the history of academic archiving as an integral part of the history of

archival affairs in the USSR during the years of the Great Patriotic War of 1941–1945.

Keywords: history, Archive of the Academy of Sciences, Moscow branch, archival work, 1944, World War II.

Московское отделение Архива АН СССР (с 1963 г. – Архив АН СССР) было организовано в 1934 г. в связи с переездом Академии наук в Москву. История Московского отделения в годы Великой Отечественной войны недостаточно изучена, исключение составляют исследование Н.М. Осиповой¹ и публикация автора в периодическом издании², в которых содержатся отдельные сведения о работе отделения в первый год войны. Обратимся к сохранившимся в Архиве РАН документам о работе Московского отделения Архива АН СССР в 1944 г.³.

В рассматриваемый период Московское отделение Архива АН СССР продолжало работу, проводимую в 1942–1943 гг.⁴, по выявлению документальных материалов, необходимых для использования в оборонных целях и восстановления народного хозяйства. Письмом от 6 января 1944 г. Комиссия по геолого-географическому обслуживанию Красной Армии Отделения геолого-географических наук АН СССР выразила коллективу Московского отделения благодарность за оказание помощи в подборе материалов самого архива и академических институтов, необходимых комиссии. Особую благодарность комиссия приносила заведующему Московским отделением Ф.Д. Гетману, «проявившему личную инициативу в снабжении комиссии нужными ей материалами, исключительно внимательное отношение к ее запросам, связанным с выполнением оборонных заданий»⁵.

7 января 1944 г. на заседании Музейной и архивной комиссии Президиума АН СССР был заслушан доклад директора Архива АН СССР Г.А. Князева по вопросу выявления и использования документальных архивных материалов. В постановлении комиссии указывалось, что в условиях военного времени одной из основных задач Архива АН СССР являлось выявление документов, которые могли быть использованы для обороны страны. Признавалось, что

документы, хранящиеся в архиве и специальных архивах академических учреждений, могли использоваться учреждениями системы АН СССР, работающими над оборонной тематикой и по вопросам восстановления народного хозяйства в освобожденных районах. В целях рационализации научного труда академическим учреждениям было рекомендовано более полно привлекать архивные материалы. Кроме того, сообщалось о создании специального сектора использования документальных материалов в Управлении государственными архивами НКВД СССР; получить нужные документы из Государственного архива (ныне Государственный архив Российской Федерации) учреждения могли путем обращения в сектор или Московское отделение Архива АН СССР.

15 июня 1944 г. Главное архивное управление (ГАУ) НКВД СССР направило письмо вице-президенту АН СССР В.П. Волгину письмо, в котором указывались результаты обследования Московского отделения Архива АН СССР. Наряду с имевшимися достижениями в работе по использованию документов, отмечались и недостатки Московского отделения. Оно не осуществляло руководство работой по использованию документов в подведомственных архивах учреждений. Связь с народными комиссариатами, плановыми и хозяйственными организациями, проводящими работу по восстановлению народного хозяйства, не была установлена. Кроме того, отсутствовало руководство архивами филиалов и баз АН СССР по вопросам использования документов в военных, народно-хозяйственных и научных целях.

Московскому отделению было рекомендовано: составить и разослать заинтересованным учреждениям и организациям предметно-тематические ориентировки или обзоры фондов по отдельным отраслям знаний и народного хозяйства СССР; дать указания филиалам и базам АН СССР об установлении деловых связей с научными, хозяйственными, плановыми организациями и архивными органами на местах по вопросам использования документов.

25 июня 1944 г. Московское отделение направило в филиалы (Западно-Сибирский, Уральский, Туркменский, Таджикский, Казахский и Азербайджанский) и базы (Дальневосточную, по изу-

чению Севера) письмо, в котором сообщало о необходимости составления и рассылки предметно-тематических обзоров имевшихся документов, исходя из наличия конкретных архивных материалов, заинтересованным учреждениям и организациям. Отделение обращалось также с просьбой сообщить о проводимых работах в области выявления документов для использования в народно-хозяйственных и практических целях.

20 июля 1944 г. вице-президент АН СССР В.П. Волгин направил в Сектор использования ГАУ НКВД СССР письмо, в котором сообщал, что Московское отделение Архива АН СССР с июня 1942 г. проводило плановую работу по выявлению документов в военных и народно-хозяйственных целях. Систематически, одновременно с инспектированием учреждений, давались указания по вопросам выявления и использования документов. В частности, доведено до сведения руководства Северной экспедиции Совета по изучению производительных сил страны АН СССР об имеющихся документальных материалах в ГАУ НКВД СССР по полезным ископаемым в районе реки Печоры.

В план третьего квартала Московского отделения было включено составление предметно-тематических ориентировок по отдельным отраслям народного хозяйства и составление обзоров уже выявленных материалов по вопросам геологии и химии, которые должны были передаваться в ГАУ НКВД СССР, соответствующие наркоматы и хозяйственные учреждения.

10 июля 1944 г. Московское отделение провело совещание представителей специальных архивов учреждений системы АН СССР. В резолюции архивам предлагалось в срочном порядке до 15 июля выявить все имеющиеся материалы, которые могли быть использованы для обороны страны и восстановления народного хозяйства в освобожденных районах. Кроме того, предлагалось организовать и «держать в ажуре научно-справочный, ориентирующий аппарат для облегчения выявления материалов в целях его использования»⁶, а также составить на все выявленные материалы предметно-тематические ориентировки, характеристики и обзоры с привлечением для консультации компетентных спе-

циалистов учреждения и представить их в Московское отделение. Для использования архивных материалов для восстановления разрушенных научных и культурных учреждений в освобожденных районах предлагалось выявить все имеющиеся соответствующие архивные материалы в Институте мировой литературы АН СССР, музее А.М. Горького, музее Л.Н. Толстого и музее А.С. Пушкина.

28 июля 1944 г. Московское отделение направило в сектор использования ГАУ НКВД СССР предметно-тематические ориентировки и характеристики архивных фондов, хранящихся в отделении и в Архиве Комитета по изучению производительных сил по мобилизации ресурсов страны: № 80 «Почвенный институт АН СССР», № 352 «Институт экономики Комакадемии», № 353 «Аграрный институт Комакадемии», № 435 «Комиссия по реконструкции транспорта», № 455 «Губкин И.М., геолог, академик», без номера «Комитет по вопросам транспорта АН СССР» и вышеуказанного комитета.

9 сентября 1944 г. ГАУ НКВД СССР направило в Московское отделение Архива АН СССР письмо о получении предметно-тематических ориентировок и характеристик (обзоров) архивных фондов: составление их было одобрено и рекомендовалось эту работу продолжить. В то же время отмечались следующие недостатки: в обзоре фонда «Институт экономики» не указаны даты по Макеевскому, Харьковскому и Сталинградскому заводам; в обзоре фонда «Аграрный институт Комакадемии» упоминаются «Краткие описи имений» без указания наименований этих имений и дат документов; «текст ориентировок стилистически недостаточно обработан, встречаются такие формулировки, как “по неоккупированным краям”»⁷. По мнению Главного архивного управления, в предметно-тематических ориентировках не указывались: даты, краткое содержание документов, авторы документов; место создания или направления; отправитель и адресат переписки.

О выявленных материалах в целях их возможного использования Московскому отделению предлагалось поставить в известность архивные органы:

Архивный отдел УНКВД по Воронежской области об имеющихся фотоснимках зданий г. Воронежа;

Архивный отдел УНКВД по Сталинградской области о документальных материалах Сталинградского тракторного завода;

Архивный отдел УНКВД по Курской области о документальных материалах Курской магнитной аномалии 1930–1938 гг. (докладная записка, планы работ, статьи, контрольные цифры третьей пятилетки);

Управление государственными архивами НКВД Украинской ССР о документальных материалах Макеевского завода и Харьковского тракторного завода;

Архив Народного комиссариата рыбной промышленности РСФСР о документальных материалах по рыбному хозяйству Волжско-Каспийского бассейна;

Отдел архивов Народного комиссариата речного флота СССР о документальных материалах по водному хозяйству;

Отдел архивов Народного комиссариата угольной промышленности СССР о документальных материалах фонда Горно-рудной секции Технического совета АН СССР;

Отдел архивов Народного комиссариата земледелия СССР о документальных материалах Аграрного института Комакадемии;

Отдел архивов Главного управления гражданского воздушного флота о документальных материалах по воздушному транспорту;

Отдел архивов Народного комиссариата автомобильного транспорта РСФСР о документальных материалах по автомобильному транспорту;

в Центральный архив Народного комиссариата путей сообщения выслать более подробную характеристику на материалы «Проблема железнодорожного и водного транспорта Карельской АССР и Мурманского округа Ленинградской области».

17 августа 1944 г. Московское отделение направило в сектор использования ГАУ НКВД СССР предметно-тематические ориентировки и характеристики архивных фондов, хранящихся в отделении: № 418 «Группа технической механики АН СССР», № 419 «Группа энергетики АН СССР», № 446 «Богданов А.П.», № 481 «Институт горного дела АН СССР», № 488 «Совет по проблеме водного хозяйства АН СССР».

15 ноября 1944 г. Московское отделение направило в Институт русского языка АН СССР характеристику архивных материалов члена-корреспондента Н.М. Каринского для ознакомления и возможного использования в практических целях.

21 ноября 1944 г. Московское отделение направило в Западно-Сибирский филиал АН СССР ряд научно-методических документов «для руководства в деле организации архивной части Вашего филиала»⁸. Кроме этого сообщалось, что в Московском отделении хранятся: материалы Западно-Сибирской краевой плановой комиссии (1933–1937), стенограмма совещания по марганцу в Западной Сибири в мае 1937 г. (фонд СОПС); статья В.Г. Васильева «Проблема нефтеносности Западно-Сибирской низменности» (1937), заметки академика И.М. Губкина по очерку профессора А.В. Львова «Условия водоснабжения железных дорог в степных областях Сибири и Северного Кавказа», геологическая карта рабочего поселка Невского, составленная Западно-Сибирским геологическим трестом (фонд И.М. Губкина).

В заключение отметим, что Московское отделение Архива АН СССР в 1944 г. оставался единственным архивом в системе академических институтов и организаций, поскольку Архив АН СССР в Ленинграде после блокады города не мог осуществлять в полной мере научно-методическое руководство архивным делом. Несмотря на ограниченное количество сотрудников, Московское отделение прилагало все возможные усилия по собиранию, обеспечению сохранности, учету, научно-технической обработке документальных комплексов и научно-методическому руководству архивами учреждений и организаций АН СССР, а также по выявлению документов, необходимых для использования в оборонных целях и восстановления народного хозяйства. Нужно отдать должное и руководству АН СССР, которое обеспечило эвакуацию большинства архивов академических институтов в северные и южные регионы страны, что позволило обеспечить их сохранность. Представленная информация позволит расширить источниковедческую базу по истории академического архивного дела как составной части истории архивного дела в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Примечания

1. *Осипова Н.М.* Архив АН СССР (1917–1941 гг.): проблемы организации, комплектования, хранения и использования документации научных учреждений. Диссертация. М., 2000.
2. *Киселев М.Ю.* Из истории архивного дела в России: Московское отделение Архива Академии наук СССР в 1941 г. // Научная мысль: традиции и инновации [Электронный ресурс]. Сборник научных трудов. Магнитогорск, 2018. Вып. 7. С. 77–82.
3. Переписка с Главным архивным управлением ГАУ МВД СССР об использовании материалов Московского отделения Архива АН СССР в научных и практических целях. 06.01–01.12.1944 г. // Архив Российской академии наук (АРАН). Ф. 7-м. Оп. 1(1944). Д. 119. Л. 1–112.
4. Переписка с Управлением, государственными архивами НКВД СССР, с Уполномоченным Президиума АН СССР в Казани о сохранности и использовании архивных материалов во время Великой Отечественной войны с приложением списков фондов учреждений АН СССР. 06.02–25.12.1942 г. // АРАН. Ф. 7-м. Оп. 1(1942). Д. 86; Переписка с ГАУ НКВД СССР об использовании документальных материалов Московского отделения Архива АН СССР в научных и практических целях. 16.01–31.12.1943 г. // АРАН. Ф. 7-м. Оп. 1 (1943). Д. 106.
5. Переписка с Главным архивным управлением ГАУ МВД СССР об использовании материалов Московского отделения Архива АН СССР в научных и практических целях. 06.01–01.12.1944 г. // Архив Российской академии наук (АРАН). Ф. 7-м. Оп. 1 (1944). Д. 119. Л. 1.
6. Там же. Л. 19.
7. Там же. Л. 22.
8. Там же. Л. 82–82а..

Научные деятели в Боровом

O.D. Livshits

Scientific figure in Borovoye

Аннотация. В статье на конкретном фактическом материале раскрывается роль отечественной науки как одного из важнейших факторов Победы. В условиях военного времени в эвакуации советские ученые продолжали титаническую работу, невзирая на различные трудности, они развивали научную сферу. Ученые Москвы и Ленинграда внесли неоценимый вклад в становление и развитие советской науки. Местные органы управления старались создать максимально приемлемые условия для жизнедеятельности ученых

Ключевые слова: Казахстан, Боровое, эвакуация, архивные документы, академики, члены-корреспонденты.

Abstract. The article reveals the role of Russian science as one of the most important factors of Victory based on concrete factual material. In the conditions of wartime evacuation, Soviet scientists did a Titanic job, despite various difficulties, they developed the scientific sphere. Scientists from Moscow and Leningrad made an invaluable contribution to the formation and development of Soviet science. Local government agencies tried to create the most acceptable conditions for the life of scientists.

Keywords: Kazakhstan, Borovoye, evacuation, archival documents, academics, corresponding member

23 июня 1941 г. – второй день войны. Созвано внеочередное расширенное заседание Президиума Академии наук СССР. Председательствовал вице-президент Академии наук СССР академик О.Ю. Шмидт¹. Участвовали в обсуждении и выступили: Академик-

секретарь Отделения физико-математических наук А.Н. Колмогоров². Академик-секретарь Отделения технических наук В.П. Никитин³. Академик-секретарь Отделения истории и философии А.М. Деборин⁴.

Члены Президиума Академии наук СССР академики: Т.Д. Лысенко⁵, В.Н. Образцов⁶. Заместитель академика-секретаря Отделения физико-математических наук, академик В.Г. Фесенков⁷, академик С.Л. Соболев⁸.

Заместитель академика-секретаря Отделения химических наук, член-корреспондент АН СССР С.И. Вольфович⁹. Заместитель академика-секретаря Отделения геолого-географических наук, академик А.А. Григорьев¹⁰. Заместитель академика-секретаря Отделения биологических наук, академик А.А. Борисяк¹¹, член-корреспондент АН СССР Х.С. Коштойаң¹², член-корреспондент АН СССР Н.И. Гращенков¹³. Заместитель академика-секретаря Отделения истории и философии, академик Б.Д. Греков¹⁴. Академики: И.П. Бардин¹⁵, Э.В. Брицке¹⁶, И.М. Виноградов¹⁷, А.В. Винтер¹⁸, П.Л. Капица¹⁹, Б.А. Келлер²⁰, М.В. Кирпичев²¹, В.А. Кистяковский²², Г.М. Кржижановский²³, П.П. Лазарев²⁴, М.Б. Митин²⁵, В.Ф. Миткевич²⁶, С.С. Наметкин²⁷, Н.Д. Папалекси²⁸, В.Л. Поздюнин²⁹, С.Г. Струмилин³⁰, И.П. Трайнин³¹, А.Н. Фрумкин³², Л.С. Штерн³³.

Секретарь Президиума Академии наук СССР П.А. Светлов³⁴. Заместитель Управляющего делами Академии наук СССР С.Д. Носов³⁵. На заседании присутствовали также 60 человек руководящих и научных работников московских учреждений АН СССР.

Ученые различных научных направлений собрались на внеочередном расширенном заседании Президиума Академии наук СССР и продемонстрировали объединение, объявив о консолидации всех ресурсов, что позволило в дальнейшем быстро решать многие вопросы военного производства.

«Эта война для Советского Союза поистине является священной отечественной народной войной, войной за человеческий прогресс, культуру народов СССР и всех народов мира.

От имени Академии Наук Союза Советских Социалистиче-

ских республик мы заверяем наш народ, наше правительство, нашу Всесоюзную Коммунистическую партию большевиков, нашего Сталина в том, что мы отдадим все свои знания, все свои силы, энергию и свою жизнь за дело нашего великого народа, за победу над врагом и за полный разгром фашистских бандитов, осмелившихся нарушить священные границы нашей Великой социалистической родины»³⁶.

В начальный период войны пришлось выполнить перестройку работы научных учреждений на военный лад, которая была осуществлена в кратчайшие сроки и достаточно успешно. Перестройка осложнялась процессом эвакуации, который являлся составной частью общегосударственного плана сохранения наиболее квалифицированных и ценных кадров Академии наук СССР, материальных и культурных ценностей.

В эвакуацию, по решению советского правительства, в Казахстан в Щучинско-Боровской курортный район Кокчетавской области, была направлена большая группа академиков Академии наук СССР и крупнейших ученых страны. Боровое – жемчужина Казахстана. Курорт окружают горы, сосновые боры, чистые озера, там особый микроклимат, а воздух чистый и полезный.

В документах Архива Академии наук СССР имеются сведения о том, что во время Великой Отечественной войны в эвакуации на курорте Боровое находились следующие академики и члены-корреспонденты:

«1. академик Алексеев Василий Михайлович /востоковед-китаевед/

2. академик Баранников Алексей Петрович /востоковед-индолог/

3. академик Бах Алексей Николаевич /биохимик/

4. член-корреспондент Белоновский Георгий Дмитриевич /микробиолог/

5. академик Берг Лев Семенович /зоогеограф/

6. академик Бернштейн Сергей Натанович /математик/

7. академик Борисяк Алексей Алексеевич /геолог, палеонтолог/

8. академик Вернадский Владимир Иванович /минералог/

9. член-корреспондент Вологдин Валентин Петрович /электротехник/

10. почетный член Академии наук СССР Гамалея Николай Федорович /биолог, микробиолог/

11. академик Зелинский Николай Дмитриевич /химик-органик/

12. академик Зернов Сергей Алексеевич /зоолог, гидробиолог/

13. член-корреспондент Иванов Леонид Александрович /физиолог, эколог растений/

14. почетный член Академии наук СССР Ильинский Михаил Александрович

/химик-органик/, умер в Боровом 18 ноября 1941 года

15. академик Кржижановский Глеб Максимилианович /энергетик/

16. академик Крылов Алексей Николаевич /математик, физик/

17. академик Лейбензон Леонид Самуилович /геофизик, механик/

18. академик Ляпунов Борис Михайлович /славист-филолог/

19. академик Маслов Петр Павлович /экономист/

21. академик Мандельштам Леонид Исаакович /физик/

21. академик Орлов Александр Сергеевич /историк русской литературы/

22. академик Папалекси Николай Дмитриевич /физик/

23. член-корреспондент Петров Николай Николаевич /хирург, онколог/

24. академик Ротштейн Федор Аронович /историк/

25. академик Рихтер Андрей Александрович /ботаник/

26. академик Струмилин Станислав Густавович /экономист/

27. член-корреспондент Талмуд Давид Львович /физико-химик/

28. академик Тюменев Александр Ильич /историк/

29. академик Фаворский Алексей Евграфович /химик-органик/

30. академик Фок Владимир Александрович /физик/

31. член-корреспондент Фрейман Александр Арнольдович /филолог, иранист/

32. академик Шмальгаузен Иван Иванович /зоолог, морфолог/

33. академик Штерн Лина Соломоновна /физиолог/

34. академик Щербатской Федор Ипполитович /буддолог, ин-
долог/»³⁷.

Согласно планам Президиума АН СССР, предполагалось обеспечить ученым полноценный отдых. Но, едва успев разместиться и устроиться, осознававшие свою ответственность перед государством ученые объединились и решили именоваться казахстанской группой академиков. Председателем Бюро Академической группы был избран почетный академик, микробиолог Николай Федорович Гамалея, секретарем стал академик, экономист Станислав Густавович Струмилин. О своем решении ученые сообщили Президенту АН СССР Владимиру Леонтьевичу Комарову в Свердловск, где расположился Президиум АН СССР. Вице-президенту АН СССР была направлена телеграмма с просьбой выделения средств на проведение научно-исследовательских работ. В ответ О.Ю. Шмидт возразил: «Группа академиков и членов-корреспондентов, находящихся в Боровом, обратилась в Президиум Академии наук с просьбой об отпуске 39700 рублей на проведение научно-исследовательских работ. Президиум Академии наук не находит возможным удовлетворить эту просьбу, так как пребывание академиков и членов-корреспондентов в Боровом является временным и имеет целью обеспечить им отдых и восстановление сил, и поэтому не должно быть связано с выполнением каких-либо работ»³⁸.

Но ученые казахстанской группы не согласились с такой постановкой вопроса, и Президиуму Академии наук пришлось отметить свое решение.

Многие академики во время пребывания в Боровской курортной местности, названной «Казахстанской Швейцарией», активно трудились и продолжили начатые в мирное время научные работы, которые нашли применение в оборонной тематике своих институтов, эвакуированных в Казань, Свердловск, Челябинск, Алма-Ату и другие города Советского союза.

В библиотеке в Боровом академики устраивали чтение своих завершенных работ. Так, например, академик Владимир Иванович

Вернадский сделал научный доклад «О геологических оболочках Земли как планеты». В хронологии академика за 1942 год есть запись: «Доклад прошел с большим успехом. Зала была переполнена народом, многие стояли и по окончании доклада были оживленные прения. Моя научная работа сложилась так, что с моих молодых лет и до сих пор я научно работаю на границе научно понимаемой реальности. В нашей стране ярко чувствуется в этой области резкое расхождение между теми представлениями, которыми мы руководимся в нашей научной работе и теми, которые преподаются в нашей школе, даже высшей, и которые проникают в популярную литературу, доступную нашей народной интеллигенции. Школа и популярная литература в этой области отстают от основ современной научной работы на десятки лет. Несомненно, такое положение вредно для нашей культуры. Оно должно быть изжито возможно быстро. Этим определяется выбор моей темы»³⁹.

Вернадский очень переживал, что находится в такое трудное для страны время в безопасном Боровом и предпринимал попытки добиться переезда в Казань, куда был эвакуирован Радиевый институт. Однако попытки не увенчались успехом, и он всецело погрузился в научную работу. Продолжил писать огромный научный труд «Химическое строение биосферы Земли и ее окружение», который начал еще в 1936 г. и называл главной работой своей жизни.

В Архиве Академии наук сохранилась копия письма от 23 августа 1942 г. к вице-президенту АН СССР Александру Александровичу Байкову: «Этот год я по распоряжению Академии наук СССР провел в Боровом и не исполнял своих обязанностей, как директор Биохимической Лаборатории, которой заведовал мой заместитель профессор Александр Павлович Виноградов.

Я все время работал с помощью научного сотрудника Биохимической Лаборатории моего научного секретаря Анны Дмитриевны Шаховской над книгой, начатой мной в ноябре 1940 года: «Химическая структура биосферы и ее окружения».

Помимо общих вопросов геологии, которые в ней разбираются, книга эта должна была явиться как комментарий к составлению геохимической карты на основе карты геологической.

Эта геохимическая карта должна была дать новое орудие для разведок полезных ископаемых – химических элементов новым путем.

Я считаю, что окончание книги может сослужить свою службу при реконструкции нашей страны после войны, и потому усердно над ней работаю. Считаю, что при моем возрасте и силах это самое большое, что я могу сделать. Я не считаю связанными с обороной мои другие научные работы, но убежден, что подготовка геохимической карты даст новую методику»⁴⁰.

В годы войны в оазисе стабильности, Боровом, находились ученые разных профилей, и каждый из них внес свой вклад в Великую Победу. Остро стояла проблема всестороннего анализа природных условий различных зон СССР. Исследования проводились с целью рационального размещения сельскохозяйственных культур. Ученые начали масштабное изучение географического расположения и свойств земельных массивов, прежде всего тех, которые возможно было освоить в самые короткие сроки.

В имеющихся в Архиве РАН материалах Вестника Академии наук Казахской ССР напечатан своего рода отчет о научно-исследовательской деятельности казахстанской группы академиков, в котором перечислены работы и исследования непосредственно имеющие отношения к Казахстану.

«Письмо председателя Распорядительного бюро академического коллектива в Боровом академика С. Бернштейна председателю СНК Казахской ССР Н. Ундасынову

12 февраля 1943 г.

Боровое – курорт Акмолинской области.

Вследствие выраженного Вами на заседании в Боровом в начале декабря 1942 г. пожелания, Бюро академического коллектива сообщает о работах, произведенных нашим коллективом и имеющих своей задачей изучение производительных сил Казахской ССР или содействие народному образованию республики.

1. Почетный академик Н.Ф. Гамалея изучал Боровое с точки зрения курортологии и санитарной медицины, вел экспериментальную исследовательскую работу по туберкулезу, сдал в печать

«Лечебные факторы Борового» объемом в 10 п. л. Напечатал книгу «Грипп и борьба с ним», печатает 2-е издание книги «Учебник медицинской микробиологии», занят составлением книги «Руководство по микробиологии» (40 п. л.).

2. Член-корреспондент Г.А. Белоновский вел в Сеченовском институте (ныне в Боровом) работы по изучению металлотерапии при туберкулезе морских свинок. Кроме того, читал лекции по иммунитету и эпидемиологии врачам Сеченовского института и военного противотуберкулезного санатория.

3. Под руководством академика В.И. Вернадского сотрудником Радиевого института АН СССР тов. Комлевым велось изучение радиоактивности вод Борового курорта и заповедника.

4. Член-корреспондент Л.С. Берг заканчивает обработку данных по климату курорта Боровое. Эта работа, предпринятая по поручению здешнего заповедника, имеет важность для многочисленных курортных, санаторных и госпитальных организаций, расположенных в районе Борового.

5. Академик С.А. Зернов совместно с членом-корреспондентом Л.С. Бергом и профессором Н.Н. Воронихиным заняты изучением продуктивности озер Борового заповедника с целью заселения их более ценными породами рыб.

6. Член-корреспондент Л.А. Иванов изучал по поручению заповедника водообмен местных лесных пород – сосны и березы. Работа имеет важность в связи с наблюдаемым за последние годы усыханием лесов Северного Казахстана.

7. Академик А.А. Рихтер изучал вопрос о повышении урожайности картофеля в связи с применением посадки верхушек по методу академика Лысенко. Применение микроудобрений в ничтожных количествах повысило урожай от верхушек на 20 %. Помимо того, академик Рихтер составил проект питомника лекарственных растений в Боровом. Занимался изучением зимнего покоя древесных растений в Боровом.

8. Член-корреспондент Л.С. Лейбензон вел консультацию с трестом «Каззо-лото». Напечатал руководство для высших учебных заведений «Краткий курс теории упругости», 1942, 304 стр.

9. Профессор В.В. Тищенко занимался вопросами технического использования природных ресурсов Борового: пневого осмола, березового дегтя, соснового масла, сульфатов озер (для стекольного производства), глауберовой соли (для медицинских целей).

10. Геолог А.А. Усова производила геологическое обследование района Борового заповедника и специально поиски полезных ископаемых, причем обнаружила в нижнепалеозойской толще прослой железистых кварцитов типа криворожских. Составила на основании своих работ статью. Описание месторождений мирабилита, белых глин и чистых кварцевых песков Государственного заповедника Боровое.

11. Академик И.И. Шмальгаузен сдал в печать университетский курс “Основы дарвинизма” (36 п. л.).

12. Академик А.С. Орлов перевел с казахского на русский язык книгу казахских сказок и несколько казахских былин. Написал статью «Казахский героический эпос и отношение его к эпосу русскому» (6 п. л.). Кроме того, составил «Казахско-русский словарь» в 5000 тысячах основных казахских слов с параллелями из узбекского и с указаниями арабских и персидских заимствований»⁴¹.

Академик Глеб Максимилианович Кржижановский жил в Боровом недолго, но успел организовать в детском санатории электротехнический кружок. Также непродолжительно пробыла в санатории и Лина Соломоновна Штерн, которая обучала местных хирургов своему методу лечения шока.

К сожалению, не все из академиков и членов их семей, прибывшие в Боровое переждать войну, вернулись домой. Многие из них были преклонного возраста, и казахстанская земля стала их последним пристанищем. Первым в 1941 г. умер химик Михаил Александрович Ильинский. На местном кладбище в Боровом также похоронены академики: востоковеды Агафангел Ефимович Крымский и Федор Ипполитович Щербатский, лингвист Борис Михайлович Ляпунов, а также спутницы жизни В.И. Вернадского, М.А. Ильинского, Б.М. Ляпунова, Н.Ф. Гамалеи, Ф.И. Щербатского, П.П. Маслова.

Ученые Москвы и Ленинграда внесли неоценимый вклад в становление и развитие советской науки. В условиях военного вре-

мени советские ученые продолжали титаническую работу, невзирая на различные трудности. Местные органы управления старались создать максимально приемлемые условия для их жизнедеятельности.

Именно из архивных документов удалось почерпнуть важнейшие сведения о достижениях ученых военного времени, связанных с новыми исследованиями и развитием ранее полученных научных результатов на основе местного материала (изучение флоры и фауны заповедника).

Примечания

1. Шмидт Отто Юльевич (1891–1956) – член-корреспондент (1933) по Отделению математических и естественных наук (математика, астрономия, геофизика), академик (1935) по Отделению математических и естественных наук (математика, география), вице-президент АН СССР (1939–1942).
2. Колмогоров Андрей Николаевич (1903–1987) – академик (1939) по Отделению математических и естественных наук (математика), академик-секретарь Отделения физико-математических наук АН СССР.
3. Никитин Василий Петрович (1893–1956) – академик (1939) по Отделению технических наук (электротехника).
4. Деборин (Иоффе) Абрам Моисеевич (1881–1963) – академик (1929) по Отделению гуманитарных наук (философия), академик-секретарь Отделения истории и философии АН СССР.
5. Лысенко Трофим Денисович (1898–1976) – академик (1939) по Отделению математических и естественных наук (генетика и агробиология), член Президиума АН СССР.
6. Образцов Владимир Николаевич (1874–1949) – академик (1939) по Отделению технических наук (транспорт), член Президиума АН СССР.
7. Фесенков Василий Григорьевич (1889–1972) – член-корреспондент (1927) по Отделению физико-математических наук (по разряду математических наук), академик (1935) по Отделению математических и естественных наук (астрономия), заместитель академика-секретаря Отделения физико-математических наук АН СССР.
8. Соболев Сергей Львович (1908–1989) – член-корреспондент (1933) по Отделению математических и естественных наук, академик (1939) по Отделению математических и естественных наук (математика).

9. Вольфович Семен Исаакович (1896–1980) – член-корреспондент (1939) по Отделению математических и естественных наук, заместитель академика-секретаря Отделения химических наук АН СССР, академик (1946) по Отделению химических наук (химическая технология, неорганическая химия).
10. Григорьев Андрей Александрович (1883–1968) – академик (1939) по Отделению математических и естественных наук (география), заместитель академика-секретаря Отделения геолого-географических наук.
11. Борисяк Алексей Алексеевич (1872–1944) – член-корреспондент (1921) по Отделению физико-математических наук (по разряду физическому (геология), академик (1929) по Отделению физико-математических наук (геология, палеонтология), заместитель академика-секретаря Отделения биологических наук АН СССР.
12. Коштойаңц Хачатур Седракович (1900–1961) – член-корреспондент (1939) по Отделению математических и естественных наук (сравнительная физиология).
13. Гращенков (Проппер-Гращенков) Николай Иванович (1901–1965) – член-корреспондент (1939) по Отделению математических и естественных наук (неврология).
14. Греков Борис Дмитриевич (1882–1953) – член-корреспондент (1934) по Отделению общественных наук, академик (1935) по Отделению общественных наук (история), заместитель академика-секретаря Отделения истории и философии АН СССР.
15. Бардин Иван Павлович (1883–1960) – академик (1932) по Отделению математических и естественных наук (металлургия), вице-президент Академии Наук СССР (1942–1960).
16. БрицкеЭргард Викторович (1877–1953) – член-корреспондент (1931) по Отделению математических и естественных наук, академик (1932) по Отделению математических и естественных наук (химическая технология, металлургия), вице-президент АН СССР (1936–1939).
17. Виноградов Иван Матвеевич (1891–1983) – академик (1929) по Отделению физико-математических наук (математика).
18. Винтер Александр Васильевич (1878–1958) – академик (1932) по Отделению математических и естественных наук (энергетика).
19. КапицаПетр Леонидович (1894–1984) – член-корреспондент (1929) по Отделению физико-технических наук, академик (1939) по Отделению математических и естественных наук (физика).
20. Келлер Борис Александрович (1874–1945) – академик (1931) по Отделению математических и естественных наук (ботаника).

21. Кирпичев Михаил Викторович (1879–1955) – член-корреспондент (1929) по Отделению физико-математических наук (по разряду технического), академик (1939) по Отделению технических наук (теплотехника).
22. Кистяковский Владимир Александрович (1865–1952) – член-корреспондент (1924) по Отделению физико-математических наук (по разряду физических наук (химия)), академик (1929) по Отделению физико-математических наук (физическая химия).
23. Кржижановский Глеб Максимилианович (1872–1959) – академик (1929) по Отделению физико-математических наук (энергетика), вице-президент АН СССР (1929–1939).
24. Лазарев Петр Петрович (1878–1942) – ординарный академик (1917) по Отделению физико-математических наук (физика).
25. Митин Марк Борисович (1901–1987) – академик (1939) по Отделению общественных наук (философия).
26. Миткевич Владимир Федорович (1872–1951) – член-корреспондент (1927) по Отделению физико-математических наук (по разряду физическому (физика)), академик (1929) по Отделению физико-математических наук (электротехника)..
27. Наметкин Сергей Семенович (1876–1950) – член-корреспондент (1932) по Отделению математических и естественных наук (химия), академик (1939) по Отделению математических и естественных наук (органическая химия).
28. Папалекси Николай Дмитриевич (1880–1947) – член-корреспондент (1931) по Отделению математических и естественных наук, академик (1939) по Отделению математических и естественных наук (физика).
29. Поздюнин Валентин Львович (1883–1948) – член-корреспондент (1933) по Отделению математических и естественных наук, академик (1939) по Отделению технических наук (гидромеханика, кораблестроение).
30. Струмилин (Струмилло-Петрашкевич) Станислав Густавович (1877–1974) – академик (1931) по Отделению общественных наук (экономика, история).
31. Трайнин Илья Павлович (1887–1949) – академик (1939) по Отделению общественных наук (право).
32. Фрумкин Александр Наумович (1895–1976) – академик (1932) по Отделению математических и естественных наук (физическая химия).
33. Штерн Лина Соломоновна (1878–1968) – академик (1939) по Отделению математических и естественных наук (физиология).
34. Светлов Петр Андреевич (1898–[1946]) – секретарь Президиума Академии наук СССР (1939–1946).

35. Носов Сергей Дмитриевич (1895–[1945])– заместитель Управляющего делами АН СССР (1938–1941).
36. Постановление Президиума. Май-ноябрь 1941 г. № 16-29 // АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 31. Л. 195–199. Машинопись с правкой. Подлинник.
37. Справка о пребывании академиков в Боровое // АРАН. Ф. 7. Оп. 1. Д. 499а. Л. 24.
38. Телеграмма академиков к О.Ю. Шмидту // АРАН. Ф. 691. Оп. 3. Д. 17. Л. 1.
39. Хронология В.И. Вернадского // АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 52. Л. 3.
40. Там же. Л. 341.
41. Вестник АН Казахской ССР // АРАН. Ф. 7. Оп. 5. Д. 4. Л. 24, 24 об.

О.А. Кирикова

**«Книг в Ленинграде много,
так как погибло много математиков».
К истории основания библиотеки Санкт-Петербургского
отделения Математического института
им. В.А. Стеклова РАН (1944)**

О.А. Kirikova

**“There are many books in Leningrad because
many mathematicians passed away”.
To the History of the Library of St.-Petersburg Department
of Steklov Mathematical Institute
of the Russian Academy of Sciences (1944)**

Аннотация. Библиотека Санкт-Петербургского отделения Математического института им. В.А. Стеклова Российской Академии наук (ПОМИ РАН) обладает богатым книжным собранием, в его основе – личные библиотеки погибших математиков. Эти книги были сохранены в 1944 г. стараниями библиотекаря Олимпиады Динзе, о чем рассказывают ее письма академику А.Н. Крылову, хранящиеся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН.

Ключевые слова: Научная библиотека, Математический институт, Библиотека Академии наук, война, математики, О.В. Динзе, А.Н. Крылов.

Abstract. The library of St.-Petersburg Department of Steklov Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences (PDMI RAS) is an extensive book repository based on the personal libraries of the mathematicians who died during WWII. According to the letters of a librarian Olimpiada V. Dinze to an academician Alexey N. Krylov, which are held in St-Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences, she managed to save the books in 1944.

Keywords: Scientific library, Mathematical Institute, Library of the Academy of Sciences, war, mathematicians, O.V. Dinze, A.N. Krylov.

Научная библиотека Ленинградского, теперь Санкт-Петербургского, отделения Математического института им. В.А. Стеклова Российской Академии наук (ПОМИ РАН) хранит почти 180 000 монографий и периодических изданий¹. Началось собранию было положено в далеком 1944 г. в освобожденном от блокады Ленинграде. О том, как это случилось, рассказывают письма библиотекаря Олимпиады Викторовны Динзе (1886–?) академику Алексею Николаевичу Крылову (1863–1945), хранящиеся в Архиве Академии наук в Санкт-Петербурге.

Крылов, математик, физик, механик, кораблестроитель, стал действительным членом Академии наук в 1916 г.². С того времени почти тридцать лет он находился в центре академической науки и по сути сам был ее притягательным центром. Руководил Главной физической обсерваторией (1916–1917), Физико-математическим институтом (1928–1932), множеством академических комиссий, в 1920-х гг. восстанавливал разорванные войной и революцией связи отечественных и зарубежных ученых, переводил произведения И. Ньютона, Л. Эйлера, К.Ф. Гаусса³. Обаятельный, энергичный, знающий, Крылов являлся непререкаемым авторитетом для окружающих. В его служебный кабинет на верхнем этаже академического здания приходили и писали многие.

«Он брался за разрешение самых сложных вопросов, которые не могли быть решены без его участия, – вспоминал коллега Крылова по Всесоюзному научно-инженерно-техническому обществу Н.И. Олчи-Оглу⁴. – К нему обращались строители Московского Дворца Советов и строители Володарского моста через Неву, артиллеристы и кораблестроители, полярники и гидромеханики, эпроновцы и педагоги, авторы самых разнообразных научных трудов, курсанты военно-морских учебных заведений и студенты гражданских учебных заведений. Каждого Алексей Николаевич чутко выслушивал, каждому давал совет»⁵. Недаром, Крыловский архив (СПбФ АРАН, фонд 759), один из самых больших

личных фондов (809 единиц хранения, разбитых на 5 описей), более чем на треть состоит из писем⁶. Среди них – пять писем Динзе 1942 г. и 1944 г. о планах по составлению научной библиотеки Математического института.

Об Олимпиаде Динзе сохранилось мало сведений. О месте и дате рождения, социальном происхождении, образовании и карьере скупое сообщают документы «Личного дела на сотрудника Библиотеки Академии наук СССР», о жизненных приоритетах и круге общения обрывочно говорят письма из Крыловского фонда. Согласно заполненной Динзе анкете, родилась она 25 июля 1886 г. в деревне Великино Ямбургского уезда Санкт-Петербургской губернии в крестьянской семье. В 1908 г. прослушала первый ускоренный курс Основного факультета Психоневрологического института, в который допускались люди разных сословий и вероисповеданий, выпускники не только классических гимназий, но и других учебных заведений⁷. Преподавали в Институте профессора и академики: М.М. Ковалевский, Д.Н. Овсянко-Куликовский, В.М. Истрин, И.А. Бодуэн де Куртенэ и др. Как жила Динзе далее до 1917 г. установить не удалось. Но благодаря личной карточке, заполненной с ее слов в 1935 г., узнаем о 28-летнем стаже по специальности «математика»⁸. Видимо, после Института она преподавала этот предмет или работала в каком-либо профильном учреждении. После революции полученные знания вкупе с пролетарским происхождением позволили Динзе сделать успешную карьеру советского служащего. В 1920-е гг. она заведовала отделом политпросветработы Государственного института научной педагогики. Принимала участие в работе издательства «Academia», которое в Петрограде в 1921–1928 гг. издавало памятники мировой литературы и искусства. Преподавала математику в Ленинградском филиале Института по повышению квалификации оперативных работников и Кооперативного техникума. В 1934 г. Динзе стала сотрудником Библиотеки Академии наук СССР (БАН) и совместно с профессором К.В. Меликовым⁹ разработала схему каталогизации литературы по математике. В 1935 г. она закончила аспирантуру математикомеханического факультета Ленинградского университета. В 1936 г.

вышел в свет библиографический указатель «Математика в изданиях Академии наук, 1728–1935», одним из составителей которого была Динзе¹⁰. Возможно, именно публикаторская деятельность свела Динзе и Крылова, который всегда внимательно относился к изданию научной литературы. В 1918 г., когда многим в академии, да и в стране в целом, было совсем не до книг, он выступил в заседании Физико-математического отделения с заявлением о необходимости издавать труды классиков математики¹¹.

Накануне войны, в апреле 1941 г. Динзе, оставаясь в системе БАН, переехала в Москву и начала работать в Математическом институте им. В.А. Стеклова АН СССР (МИАН), но в октябре уволилась и уехала в эвакуацию под Куйбышев¹². Оттуда и было написано первое письмо от 10 мая 1942 г., в котором она просила Крылова помочь с устройством на работу в какое-нибудь академическое учреждение. Просьба эта была вызвана материальными и духовными лишениями: «За всю зиму я не имела, кроме учебников Киселева¹³ и двух-трех книжек по беллетристике, никаких книг в руках. Бытовые условия очень тяжелые, условия работы также, не говоря уже о прочем. Если это возможно, то прошу Вас, Алексей Николаевич, прислать мне вызов от АН, т.к. иначе очень трудно с проездом. <...> Так хотелось бы повидаться с Вами. Жизнь и работа в Ленинграде вспоминается, как сон»¹⁴.

В это время Крылов уже почти год жил в эвакуации в Казани. Осенью 1942 г. из-за болезни он переехал в санаторий «Боровое», в Северном Казахстане, а в ноябре 1943 г. поселился в Москве, куда из Казани начали возвращаться сотрудники Математического института¹⁵. И уже тогда-то в полную силу он смог помочь всем своим корреспондентам, в том числе и Динзе: 6 декабря 1943 г. она была принята на работу в Математический институт младшим научным сотрудником¹⁶.

Весной 1944 г. Динзе приехала в недавно освобожденный Ленинград, чтобы подобрать Крылову книги и карты, не взятые в эвакуацию и теперь нужные ему для работы, и узнать вообще о положении с книгами в городе, который пережил голод, холод, бомбежку. «Книг в Ленинграде много, т.к. погибло много математиков, в

том числе и Игнатовский, к сожалению, его библиотека уже ликвидирована, – писала она 25 апреля. – Библиотека Гюнтера уже в БАН, сейчас приступаем к ее осмотру и описи, приобретается библиотека Житомирского, имеется еще несколько библиотек. Яковкин¹⁷ идет на приобретение охотно, очевидно, он при деньгах, даже просит меня включить и физику»¹⁸. Через месяц, 25 мая, она уточнила: «С приобретением книг дело обстоит так: сейчас имеется уже перевезенная в БАН библиотека Гюнтера 5 000 томов, приступаю к ее разбору. Веду переговоры и караулю библиотеки Янчевского и Житомирского, тысячи 2–3. Несколько сот книг приобретаю еще из одной библиотеки»¹⁹. Игнатовский, Гюнтер, Житомирский, Янчевский – представители Петербургской-Ленинградской математической школы, о которых следует сказать особо, чтобы стало понятно, сколь важно было для науки и исторической памяти собрать их книги под крышей академической библиотеки или же ведомственной библиотеки Математического института.

Владимир Сергеевич Игнатовский (1875–1942) – математик, физик-оптик. До революции он работал в основном в Германии и Франции: руководил оптическими предприятиями (Цейса в Пене в 1903–1906 гг., Лейтца в Ветцларе в 1906–1910 гг., Герца в Берлине в 1911–1914 гг., Шнейдера-Крезю в Париже в 1914–1917 гг.) и занимался наукой (в 1909 г. в университете Гисена получил степень доктора философии «*summa cum laude*» за работы в области дифракции света, в 1911–1914 гг. преподавал в Берлинском Политехникуме векториальный анализ, электромагнитную теорию, теорию упругости и гидродинамики). В 1917 г. Игнатовский вернулся в Россию и здесь продолжил свои занятия в оптической области. Он являлся профессором Фототехнического института в Петрограде (декан оптического факультета в 1918–1923 гг.), Петроградского / Ленинградского Университета (с 1920 г.), Государственного оптического института (1930–1932); в последнем стал основоположником научно-педагогической школы «Прикладная и вычислительная оптика».

Кроме того, Игнатовский вел научную работу на промышленных предприятиях и в научно-исследовательских институ-

тах: с 1917 г. на оптико-механическом заводе в Петрограде (теперь – ОАО «ЛОМО»), где в 1925 г. организовал Научный отдел, в Главной палате мер и весов (1927–1934), в Центральном научном издательстве Института геодезии, аэросъемки и картографии (1935–1941) и т.д.

В 1932 г. Игнатовского избрали членом-корреспондентом Отделения математических и естественных наук (математическая физика) АН СССР²⁰. Когда началась война, он остался в Ленинграде, продолжил преподавать в Университете, но в январе 1942 г. был арестован и расстрелян по ложному обвинению в связях с немецкой разведкой²¹. Как мы теперь узнаем из письма Динзе, уничтоженной оказалась и его библиотека.

Николай Максимович Гюнтер (1871–1941) – математик, член-корреспондент по разряду математических наук (математика) Отделения физико-математических наук (06.12.1924)²². В 1894 г., окончив С.-Петербургский университет, по рекомендации академика А.А. Маркова он остался при Университете и преподавал в нем в течение 47 лет до самой смерти. Он также читал математические курсы в Институте инженеров путей сообщения (более 30 лет), в Педагогическом институте (более 20 лет), на Бестужевских курсах (более 15 лет)²³.

Гюнтер известен как автор учебников по математике, среди которых самым популярным считался «Сборник задач по высшей математики». Он был написан в 1912 г. преподавателями возглавляемой Гюнтером кафедры математики Института инженеров путей сообщения. В течение полувека, перерабатываемый и дополняемый, но всегда актуальный, учебник переиздавался 13 раз²⁴. В довоенном Ленинграде Гюнтер, специалист в области дифференциальных уравнений и математической физики, считался лидером математиков старой школы. С 1923 г. он являлся бессменным председателем Физико-математического общества²⁵. 4 мая 1941 г. ученый умер, завещав свою библиотеку Математическому институту²⁶.

Онуфрий Константинович Житомирский (1891–1942) был профессором кафедры геометрии математико-механического факультета Ленинградского университета, являлся членом Физико-

математического общества (в 1927 г. входил в его Ревизионную комиссию). До войны Житомирский занимался геометрическими исследованиями²⁷, вел занятия на Научной станции Ленинградского Дворца пионеров, питомцы которой принимали участие в математических олимпиадах для школьников, действовавших даже в блокаду (кроме одного года)²⁸.

Сергей Аркадьевич Янчевский (1900–1941) – математик, доктор физико-математических наук. С середины 1920-х гг. он преподавал математику в школе № 217 (бывшая Гимназия Карла Мая), выпускником которой был, а с 1930-х гг. еще читал лекции в Институте инженеров путей сообщения и в Университете. О Янчевском художник Зоя Томашевская вспоминала так: «Сергей Аркадьевич был математик, знаток поэзии, полиглот, острослов. Борис Викторович (Б.В. Томашевский – литературовед, исследователь творчества Пушкина, переводчик, отец автора воспоминаний – О.К.) был тоже математик, знаток поэзии, полиглот и острослов. Они говорили между собой по-французски, играли в четыре руки, устраивали математические турниры, преподавали высшую математику в Путейском институте, но главным интересом их жизни была литература и Пушкин»²⁹. Янчевский погиб в блокадном Ленинграде в декабре 1941 г.

Погибли талантливые ученые, вернуть которых было невозможно, но можно было вернуть к жизни их библиотеки, передать книги в руки ученых, способных оценить и использовать их в своих исследованиях. Для того, чтобы найти разрозненные собрания и составить из них единую библиотеку для Ленинградского отделения Математического института, Динзе, по собственной инициативе с одобрения Крылова, перешла на работу в БАН и занялась закупкой книг, оставив на потом обустройство книгохранилища³⁰. 26 сентября 1944 г. она написала: «Работаю очень много и в библиотеке, и в Технологическом институте, много приходится тратить времени и сил на выискивание библиотек погибших математиков. Думаю, за это время удастся подобрать довольно большую библиотеку для Ленинградского отделения»³¹. Руководство Математического института с самого начала поддерживало энтузиазм

Динзе. «Как Вам известно, – писал директор Института академик И.М. Виноградов³² Яковину в БАН, – в настоящее время в Ленинграде имеется ряд математических библиотек погибших ленинградских ученых. Академия наук должна быть крайне заинтересована в том, чтобы эти ценные книжные фонды не были распылены, а поступили в распоряжение академии. <...> Было бы весьма желательно, чтобы О.В. Динзе продолжала свою работу над ленинградскими математическими фондами и организовала библиотеку Ленинградского отделения института (до сих пор Отделение не имело самостоятельной библиотеки)»³³.

Последнее из сохранившихся писем Динзе Крылову датировано 3 декабря 1944 г. В нем она делится планами возобновить работу над серией по истории русской математики, которая была прервана войной, просит прислать статьи, спрашивает советов, передает приветы, мечтает о встрече и ни слова не говорит о библиотеке³⁴. По прежним письмам видна привычка Динзе рассказывать Крылову о текущих событиях и о планах на будущее. Ее молчание можно объяснить тем, что к концу 1944 г. вопрос с математической библиотекой был решен – те библиотеки, что удалось найти, были спасены и собраны вместе. В 1945 г. Динзе уволилась из БАН. 3 мая она написала в заявлении об уходе: «До настоящего времени мне приходилось выполнять в БАН, главным образом, техническую работу, т.к. другой не находилось. Считая такое использование меня, как специалиста, нецелесообразным, прошу отчислить меня до того времени, когда в БАН откроются соответствующие отделы, и я могу быть использована по специальности»³⁵. Дальнейшая судьба Олимпиады Викторовны Динзе неизвестна.

Академик Алексей Николаевич Крылов в сентябре 1945 г. вернулся в Ленинград, а 26 октября его не стало.

В 1946 г. Математическая библиотека Ленинградского отделения Математического института им. В.А. Стеклова АН СССР открыла свои двери для читателей, в 1979 г. она вошла в состав БАН³⁶.

В День Победы, 9 мая, страна вспоминает своих граждан, чью жизнь унесла война. Память о погибших запечатлена на страницах

литературных произведений, в фильмах и песнях, в памятниках и на мемориальных досках. Математическая библиотека, созданная усилиями Олимпиады Динзе, не только хранит память о жертвах войны, но и сама по себе является памятником победы Жизни над Смертью.

Примечания

1. *Виноградова Е.Г.* Библиотека ПОМИ // Математический Петербург. История, наука, достопримечательности: Справочник-путеводитель / Ред.-сост. Г.И. Сенкевич. СПб., 2018. С. 133.
2. Член-корреспондент по разряду физическому Физико-математического отделения (29.11.1914), ординарный академик по Отделению физико-математических наук (математическая физика; 02.04.1916). Протоколы Общих собраний АН об избрании Крылова // СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 161. Л. 91 (§ 220); Д. 163. Л. 49 об. (§ 96).
3. Русский перевод «Начал Ньютона», выполненный и подробно прокомментированный Крыловым, сразу после публикации стал настоящим бестселлером. Рукописи лекций К.Ф. Гаусса были неизвестны прежде даже немецкоязычным читателям. «Теоретическая астрономия» Гаусса в русском переводе Крылова впервые была опубликована в 1919 г., затем включена в собрание его сочинений (т. VI, 1936). См.: *Ньютон И.* Математические начала натуральной философии / Пер. с лат. с примечаниями и пояснениями А.Н. Крылова // Известия Николаевской морской академии. Петроград, 1915. Вып. 4. Кн. 1; 1916. Вып. 5. Кн. 2; *Гаусс К.Ф.* Теоретическая астрономия (рукописи лекций Гаусса, читанных в Геттингене в 1820–1821 гг. и записанных Купфером) / Пер. с нем. и предисловие А.Н. Крылова. Петроград, 1919; *Крылов А.Н.* Собрание трудов. М.–Ленинград, 1936. Т. VI. С. 299–452.
4. Олчи-Оглу Николай Иванович (? – после 1973 г.) – инженер-кораблестроитель; ученый секретарь Всесоюзного научно-инженерно-технического общества (1932–1935). Во время войны оставался в блокадном Ленинграде, работал конструктором в проектной организации «Морсудпроект», обеспечивавшей техническое обслуживание «Дороги жизни».
5. Доклад Н.И. Олчи-Оглу на вечере воспоминаний об академике А.Н. Крылове. 18.12.1946 г. // СПбФ АРАН. Ф. 759. Оп. 2. Д. 175. Л. 2.
6. Описание материалов фонда 759 см.: Рукописное наследие академика Алексея Николаевича Крылова. Научное описание / Под ред.

- В.И. Смирнова. Л., 1969 (Труды Архива. Вып. 23).
7. Личная карточка О.В. Динзе. 03.05.1945 г. // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 7. Д. 894. Л. 3.
 8. Личная карточка О.В. Динзе. 09.12.1935 г. // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 7. Д. 894. Л. 6.
 9. Меликов Константин Венедиктович (1886–?) – преподаватель математики и механики петербургских-ленинградских вузов (Института инженеров путей сообщения, университета, Горного института и др.); сотрудник Бюро международной библиографии при АН по отделам математики и механики (в 1911 г. участвовал в составлении ежегодника «Международный каталог научной литературы», выпускавшемся Лондонским Королевским обществом совместно с академиями наук многих стран, после революции до 1936 г. был ученым секретарем Бюро), старший библиотекарь БАН (с 1924 г.).
 10. Великая Россия: Российская биографическая энциклопедия. Т. 13. Биографический словарь сотрудников Библиотеки Академии наук / Гл. ред. и сост. В.П. Леонов. Кн. 1. СПб., 2014. С. 221.
 11. Заявление академиков В.А. Стеклова и А.Н. Крылова на заседании Физико-математического отделения АН. 21.05.1918 г. // СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 165. Л. 205–206 (§ 196).
 12. Личная карточка О.В. Динзе. 03.05.1945 г. // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 7. Д. 894. Л. 3.
 13. Киселев Андрей Петрович (1852–1940) – автор школьных учебников по математике.
 14. Письмо О.В. Динзе А.Н. Крылову. 10.05.1942 // СПбФ АРАН. Ф. 759. Оп. 3. Д. 79. Л. 2–2 об.
 15. *Крылов А.Н.* Мои воспоминания. Рассказы выдающегося ученого. Изд-е 9-е, испр. и доп. М., 2016. С. 18–21, 24.
 16. Выписка из Трудового списка О.В. Динзе. 14.09.1944 г. // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 7. Д. 894. Л. 14; Приказ по БАН СССР о переводе м.н.с. Математического института АН СССР О.В. Динзе в БАН на должность старшего библиотекаря. 14.06.1944 г. // Там же. Л. 18.
 17. Яковкин Иннокентий Иванович (1881–1949) – юрист, историк, библиотеквед; директор БАН (1930–1949).
 18. Письмо О.В. Динзе А.Н. Крылову. 25.04.1944 г. // СПбФ АРАН. Ф. 759. Оп. 3. Д. 79. Л. 1.
 19. Письмо О.В. Динзе А.Н. Крылову. 26.05.1944 г. // СПбФ АРАН. Ф. 759. Оп. 3. Д. 79. Л. 3–3 об.
 20. Отзыв академика Д.С. Рождественского о работах и деятельности В.С. Игнатовского при представлении к званию члена-корреспондента

- АН СССР по кафедре техники. 08.12.1931 г. // СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 11. Д. 165. Л. 1–2.
21. Бессмертный барак. [Электронный ресурс]. URL: https://bessmertnybarak.ru/ignatovskiy_vladimir_sergeevich/ (дата обращения 19.02.2020).
22. Протокол Общего собрания АН об утверждении избранных по Отделению членов-корреспондентов // СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 173. Л. 32 об. § 35; Записка об ученых трудах Н.М. Гюнтера // Там же. Л. 39–39 об.
23. *Воронина М.М.* Николай Максимович Гюнтер // Математический Петербург. Указ. соч. С. 201.
24. *Адамов А.А., Вилижанин А.П., Гюнтер Н.М. и др.* Сборник задач по высшей математики. СПб., 1912.
25. *Назаров А.И., Синкевич Г.И.* Математика XX века // Математический Петербург. Указ. соч. С. 43–47.
26. Там же. С. 47.
27. См., например: *Житомирский О.К.* К неевклидовой геометрии кругов // Журнал Ленинградского физико-математического общества. 1926. Т. 1. Вып. 1. С. 119–143; О поверхностях с плоскими границами теней // Математический сборник. Л., 1938. Т. 3 (45). Вып. 2. С. 347–352.
28. *Одинец В.П.* Математические олимпиады школьников // Математический Петербург. Указ. соч. С. 150.
29. *Томашевская З.Б.* «Я – как петербургская тумба» // Об Анне Ахматовой: Стихи, эссе, воспоминания, письма / Сост. М.М. Кралин. Л., 1990. С. 417.
30. Выписка из Трудового списка О.В. Динзе. 14.09.1944 г. // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 7. Д. 894. Л. 14; Письмо О.В. Динзе А.Н. Крылову. 25.04.1944 г. // Там же. Ф. 759. Оп. 3. Д. 79. Л. 1.
31. Письмо О.В. Динзе А.Н. Крылову. 26.09.1944 г. // СПбФ АРАН. Ф. 759. Оп. 3. Д. 79. Л. 6.
32. *Виноградов Иван Матвеевич (1891–1983)* – математик; академик по Отделению физико-математических наук (математика; 12.01.1929); директор Математического института им. В.А. Стеклова АН СССР (1934–1983).
33. Письмо директора Математического института АН СССР академика И.М. Виноградова директору БАН И.И. Яковкину. 03.12.1944 г. // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 7. Д. 894. Л. 22.
34. Письмо О.В. Динзе А.Н. Крылову. 26.09.1944 г. // СПбФ АРАН. Ф. 759. Оп. 3. Д. 79. Л. 8–9 об.

35. Заявление О.В. Динзе об увольнении из БАН. 03.05.1945 г. // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 7. Д. 894. Л. 9.
36. *Виноградова Е.Г.* Указ. соч. С. 133.

**Документы о вкладе ученых в Победу
в Великой Отечественной войне
в фондах Архива РАН**

N.M. Osipova

**Documents on the contribution of scientists to victory
in the funds of the Archive
of the Russian Academy of sciences**

Аннотация. В Архиве Российской академии наук хранятся документы о вкладе ученых в Победу. В научно-исследовательских учреждениях АН СССР ученые работали над созданием новых, более совершенных средств нападения и защиты, разрабатывали новые виды радиоаппаратуры, военной оптики, топлива, боеприпасов и новых видов вооружения.

Ключевые слова: Архив, вооружение, документы, Победа, ученые.

Abstract. The Archive of the Russian Academy of sciences contains the documents on the contribution of the scientists to Victory. In the research institutions of the USSR Academy of sciences the scientists worked on the creation of new, more advanced means of attack and the protection, developed new types of radio equipment, military optics, fuel, ammunition and new types of weapons.

Keywords: Archive, weapon, documents, Victory, scientists.

Документы о вкладе ученых в Победу в фондах старейшего научного архива страны Архива Российской академии наук отражают различные направления деятельности ученых и представляют собой значительный массив, который можно условно разделить на четыре блока: Наука – фронту; Жизнь и деятельность ученых во время войны, эвакуация и создание филиалов Академии наук

СССР; Шефская помощь Красной Армии; Ученые-участники Великой Отечественной войны.

Первый блок содержит основополагающие документы Академии наук – это решения правительства и переписка, связанные с работой АН СССР, постановления и распоряжения Президиума АН СССР и ее отделений военного периода, в частности программные протокол и стенограмма расширенного заседания Президиума АН СССР от 23 июня 1941 г. о перестройке работы АН СССР в соответствии с требованиями фронта и тыла, на котором было принято обращение «К ученым всех стран», где говорилось: «В этот час решительного боя советские ученые идут со своим народом, отдавая все силы борьбе с фашистскими поджигателями войны, – во имя защиты своей родины и во имя защиты свободы мировой науки и спасения культуры, служащей всему человечеству»¹. Ил. 1.

Во время войны в научно-исследовательских учреждениях АН СССР ученые работали над созданием новых, более совершенных средств нападения и защиты, разрабатывали новые виды радиоаппаратуры, военной оптики, топлива, боеприпасов и новых видов вооружения. Академиками А.Ф. Иоффе, А.Н. Крыловым, И.В. Курчатовым и др. была разработана система размагничивания боевых кораблей. Ил. 2. Для развития скоростной авиации большое значение имели работы академика М.В. Келдыша, создавшего математическую теорию «флаттера» крыла, и профессора И.И. Китайгородского по созданию бронестекла «БС». Академик С.А. Христианович внес большой вклад в улучшение качества снарядов реактивных минометов «Катюш». Институтом географии АН СССР под руководством академиков И.П. Герасимова, А.А. Григорьева и Л.И. Прасолова составлялись серии дорожно-географических карт территории военных действий и описания к ним. Благодаря работам академика Н.Т. Гудцова над нормальными стаями для станкостроительных заводов оказалось возможным изготавливать траки гусениц танков и коленчатые валы танковых моторов из нелегированных сталей. Академики Б.А. Введенский, Л.И. Мандельштам, Н.Д. Папалекси своими теоретическими тру-

дами в области радиофизики позволили создать различные радиотехнические устройства важного военного значения. На основе работ академика М.А. Лаврентьева были созданы бронепробивные снаряды кумулятивного действия. Немало сил приложили большинство из вышеперечисленных ученых впоследствии для создания советского Атомного проекта.

В Архиве РАН и его Санкт-Петербургском филиале хранятся личные фонды академиков С.И. Вавилова, В.И. Вернадского, Н.Т. Гудцова, А.Ф. Иоффе, М.В. Келдыша, В.Л. Комарова, А.Н. Крылова, И.В. Курчатова, М.А. Лаврентьева, Л.И. Мандельштама, Н.Д. Папалекси, Л.И. Прасолова и др. Несомненный интерес представляют разнообразные документы из этих фондов: отчет И.И. Китайгородского «Высокотемпературное формирование стекла»; расчет Воздушно-реактивного двигателя (ВРД), выполненный В.Г. Гальпериным, С.Г. Симоновым, С.А. Христиановичем в Реактивном научно-исследовательском институте (РНИИ) и Научно-исследовательском институте №1 (НИИ-1); конспект лекции академика Н.Т. Гудцова «Металлургия и война»; фотографии сотрудников Физико-технического института И.В. Курчатова, Ю.С. Лазуркина и А.Р. Регеля во время размагничивания кораблей на Черном море, академика М.В. Келдыша с авиаконструктором академиком С.В. Ильюшиным и заслуженным деятелем науки и техники И.В. Остославским в ЦАГИ в 1941 г., заседания Общего собрания АН СССР 14 октября 1944 г., члена-корреспондента П.П. Кобеко во время испытания созданного им нового изоляционного материала – эскапона (1944), академиков Н.Д. Зелинского и Б.А. Казанского с сотрудниками Института органической химии АН СССР в 1945 г. и др.

Большое количество информации о деятельности во время войны академиков и членов-корреспондентов содержат отчеты об их работе во время войны и их дневниковые записи, а также отчеты о работе академических институтов. Значительное число работ выполнялось учреждениями АН СССР непосредственно по заявкам военных организаций. Иллюстрацией этому могут служить следующие документы из фондов академических институтов: за-

ключение от 20 марта 1942 г. Управления ВВС Ленинградского военного округа о работе Физико-технического института по борьбе с обледенением самолетов и стекол кабины; письмо начальника Службы маскировки при Мосгорисполкоме А. Заславского с положительной оценкой работ, выполненных Московской группой спецработ АН СССР; переписка 1942 г. 2-го Управления ГРУ Генштаба Красной армии с АН СССР о возможности использования ядерной энергии в военных целях; отзыв ВВС Красной Армии на книгу профессора Г.Д. Рихтера «Снежный покров, его формирование и свойства»; соглашение Управления ВВС Ленинградского фронта и Ленинградской группы Института теоретической астрономии о безвозмездной подготовке для нужд фронта таблиц восхода и захода Солнца и Луны на 1943 г.; письмо директора Института теоретической астрономии члена-корреспондента М.Ф. Субботина в Отделение физико-математических наук АН СССР о награждении сотрудников Института, участвовавших в составлении Астрономического ежегодника на 1943 г. и др.

Коллектив Математического института АН СССР в 1943 г. работал и составил штурманские таблицы для авиации. Широкое применение они получили в авиации дальнего действия, которая на их основе производила бомбежку глубоких тылов противника. В Архиве хранится письмо начальника штаба Авиации дальнего действия к президенту АН СССР академику В.Л. Комарову с благодарностью за разработку таблиц для расчета путевого угла и расстояния.

Большой вклад внесли ученые в работу по скорейшему возвращению в строй раненых бойцов. Здесь необходимо назвать имена академиков Н.Н. Бурденко, Н.Ф. Гамалея и Л.С. Штерн, С.С. Брюхоненко, З.В. Ермольевой. В Архиве РАН хранятся чертежи, рисунки и фотографии аппарата С.С. Брюхоненко «Автожек-тор» для осуществления искусственного кровообращения, фотография Л.С. Штерн и профессора Г.Н. Кассиля во время опыта в Лаборатории физиологии Института биофизики АН СССР, выступления академиков Л.А. Орбели и С.И. Спасокукоцкого, профессоров А.Н. Бакулева и Н.Г. Беленького на заседании Президиума

АН СССР по докладу Л.С. Штерн «О возможности применения метода непосредственного воздействия на нервные центры путем введения лечебных веществ в спинномозговой канал» (1942 г.) и научные работы Л.С. Штерн по этой проблеме, фотография научной конференция по новейшим проблемам и исследованиям в области лечения ран в Государственном институте усовершенствования врачей (ГИДУВ) в Ленинграде (октябрь 1941 г.) и др.

Условия военного времени потребовали увеличения добычи сырья и расширения промышленности на Урале, в Сибири, Поволжье, Казахстане. В решении этой жизненно важной задачи большую роль сыграли Комиссия по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны во главе с президентом АН СССР В.Л. Комаровым и Комиссия по мобилизации ресурсов Среднего Поволжья и Прикамья, работу которой возглавил академик Е.А. Чудаков. Отчеты и материалы этих комиссий, также как и отчеты Волго-Башкирской экспедиции военного периода, сосредоточены в фондах этих комиссий. В фонде В.Л. Комарова сохранилось его письмо к заместителю председателя Уральского филиала АН СССР Н.В. Деменеву о необходимости разработки ряда экономических проблем, связанных с вопросами мобилизации производительных сил Урала на нужды обороны (сентябрь 1941 г.) и доклад на Общем собрании АН СССР в мае 1942 г. в Свердловске «Неотложные задачи науки в работе по мобилизации ресурсов восточных регионов СССР на нужды обороны»; письмо директора Энергетического института АН СССР Г.М. Кржижановского к В.Л. Комарову об увязке работы Института с работой Комиссии по мобилизации ресурсов Урала (2 октября 1941 г.); телеграммы секретаря ЦК Казахстана Н.А. Скворцова к В.Л. Комарову с просьбой помочь увеличить нефтедобычу на промыслах (1942), проект Положения о Совете филиалов и баз АН СССР (28 августа 1942 г.); отчет Комиссии АН СССР по мобилизации ресурсов Поволжья и Прикамья на нужды обороны за 1942–1943 гг.; докладная записка В.Л. Комарова И.В. Сталину по вопросу создания металлургической базы на Северо-Западе (1944) (Ил. 3); статья Л.Д. Шевякова «В.Л. Комаров на Урале в годы Отечественной войны» (1944) и др.

Отдельно можно отметить патриотическую публицистическую деятельность академиков, отраженную в их статьях и выступлениях, например, В.Л. Комарова «Оружие передовой науки – в помощь Красной Армии» (передовая статья газеты «Правда»), «Филиалы Академии наук СССР в дни Отечественной войны», «Советская интеллигенция в Отечественной войне», «Уральский филиал Академии наук СССР в дни Отечественной войны», «Академия наук – штаб советской науки» и «Работа, рожденная в огне войны» (к 30-летию существования Совета по изучению производительных сил); А.А. Байкова «Все силы науки для победы над врагом»; С.И. Вавилова «В защиту культуры» и др.

Целый комплекс документов посвящен имевшему большое политическое значение 220-летию юбилею АН СССР в 1945 г., представляющий единый фонд. Это фотографии заседания Юбилейной комиссии по проведению празднования 220-летия АН СССР, президиума юбилейной сессии АН СССР в Большом театре СССР, советских и зарубежных участников юбилейной сессии АН СССР во время экскурсий на биологическую станцию в Колтушах и в Петродворце, по залам Зоологического музея АН СССР, на выставке «Героическая оборона Ленинграда»; пригласительные билеты на прием в Кремле участников Юбилейной сессии АН СССР и на парад на Красной площади. Кроме того, в этом фонде хранятся документы, связанные с проведением этих торжеств, тексты выступлений и приветственные адреса ученых, различных организаций по этому поводу. В частности, в приветственном адресе Военного совета Ленинградского фронта к 220-летию юбилею АН СССР говорилось, что «труженики советской науки способствовали повышению качества боевой техники Красной Армии, усилению производства вооружений и боеприпасов, повышению общей военно-экономической мощи нашей Великой Родины»².

Второй блок документов связан с организацией жизни и деятельности ученых во время войны, эвакуацией и созданием филиалов АН СССР. Казань, Свердловск, Ташкент, Алма-Ата, Фрунзе стали новыми центрами работы АН СССР. Списки эвакуиро-

ванных и реэвакуированных сотрудников АН СССР хранятся в фондах подразделений Президиума АН СССР. Академия с первых дней войны сразу же развернула работу по перестройке работы в военный период. Эти события отражены в следующих документах: письмо от 6 июля 1941 г. вице-президента АН СССР О.Ю. Шмидта заместителю председателя СНК СССР А.Н. Косыгину о необходимости эвакуации Ленинградского физико-технического института и Института химической физики; телеграмма от 4 августа 1941 г. первого секретаря ВЦСПС, кандидата в члены Политбюро ЦК ВКП(б) Н.М. Шверника В.Л. Комарову о переводе академических институтов в Свердловск; командировочное удостоверение О.Ю. Шмидта в г. Казань для подготовки эвакуации АН СССР и его билеты Аэрофлота по маршруту Москва-Казань и Казань-Москва в августе 1941 г. (Ил. 4); постановление Бюро Отделения физико-математических наук АН СССР о развертывании работы физических институтов АН СССР в Казани; выписка из протокола заседания Президиума Узбекского филиала АН СССР о плане работы на март и второй квартал 1942 г.; грамота 1942 г. академику Д.Н. Прянишникову от Республиканского комитета Союза работников высшей школы и научных учреждений Узбекской ССР за работу по культуре сахарной свеклы в Узбекской ССР; протокол заседания Отделения истории и философии АН СССР в Ташкенте; отчет заместителя руководителя Алма-Атинской группы Института истории АН СССР А.П. Кучкина о работе Группы с ноября 1941 г. по 10 июня 1942 г.; материалы поездки академической группы с В.Л. Комаровым в Алма-Ату и Фрунзе (1942), фотография выступления академика И.А. Орбели на торжественном заседании, посвященном открытию Армянской Академии наук 29 октября 1943 г.; планы научно-исследовательских работ и отчет Азербайджанского филиала АН СССР за 1943 г.; докладные записки академика В.Н. Образцова В.Л. Комарову о «Об объединении научной работы в СССР» (1944), письмо наркома нефтяной промышленности И. Седина к В.Л. Комарову об организации в Баку экспедиции для разработки и практического внедрения методики сейсмической разведки на море, письма академика В.И. Вернадского

из эвакуации в Боровом о проводимых им научных работах; описание и чертеж газового взрывателя замедленного действия, разработанного Лабораторией электрохимии Химического института Уральского филиала АН СССР, фотографии В.Л. Комарова за 1942–1945 гг. и др.

В осажденном Ленинграде сотрудники Академии, терпя невзгоды блокады, холод, артобстрелы, мужественно сражались с врагом и одновременно продолжали научную работу. В этом можно убедиться, прочитав докладную записку академика И.Ю. Крачковского о деятельности (за 1941–1942 гг.) ленинградских учреждений, или же список ученых, погибших в 1941–1943 гг. в Ленинграде, составленный В.Л. Комаровым; отчет о дежурстве в здании Зоологического института АН СССР в ночь на 17–18 октября 1941 г.; докладную записку академика С.Н. Бернштейна о направлении его в Ленинград для участия в работе, связанной с непосредственным обслуживанием фронта; дневник директора Архива АН СССР Г.А. Князева³, в котором сохранена карточка на хлеб в Ленинграде за декабрь 1941 г.; письмо В.Л. Комарова от 10 апреля 1942 г. председателю Комиссии Верховного Совета СССР по эвакуации Н.М. Швернику о принятии срочных мер для сохранения жизни и здоровья ленинградских ученых, находящихся в блокаде; фотографии Пулковской обсерватории, разрушенной во время Великой Отечественной войны (1942), академика И.А. Орбели в кладовых Эрмитажа (1944) и др.

Третий блок документов посвящен шефской помощи, оказываемой членами Академии Красной Армии. Это документы о передаче академиком В.Н. Образцовым построенного на его средства самолета ЯК-1 летчику А.Ф. Лавренову в 1943 г. (Ил. 5) и заявление от 20 августа 1941 г. члена-корреспондента С.В. Бахрушина с просьбой принять в Фонд обороны облигации Государственного займа на сумму 1000 рублей; обращение-призыв от 2 июля 1942 г. академиков В.Л. Комарова, А.Ф. Иоффе, Л.А. Орбели, А.Е. Ферсмана и других выдающихся ученых к научным работникам о сборе средств для строительства танковой колонны «За передовую науку» и телеграмма академиков о взносе средств на танковую колон-

ну. К 1943 г. Академией наук было собрано 2,5 млн. руб., переданных для строительства танковой колонны «За передовую науку». Сохранились справки Совета по научно-технической пропаганде АН СССР о мероприятиях, проведенных Советом для частей и организаций Красной Армии за январь-сентябрь 1943 г.

Другое направление деятельности в этой области – работа военно-шефской комиссии – представлена планами и отчетами этой комиссии. Кроме того, фотографиями, благодарственными письмами бойцов и партизан в адрес этой комиссии, а также академиком В.Л. Комарову и А.А. Байкову.

Четвертый блок содержит документы ученых, участвовавших в боевых действиях. Например, фотографии члена-корреспондента Б.А. Сахарова и генерала-лейтенанта И.И. Федюнинского в мае 1945 г. в Берлине (Ил. 6), академика И.И. Трайнина на Белорусском фронте в марте 1944 г. (Ил. 7), фотографии и документы о прохождении военной службы в годы войны членов-корреспондентов И.А. Раппопорта, А.М. Самсонова, Б.А. Сахарова и В.Л. Тягуненко, доктора биологических наук В.П. Эфроимсона, объяснительная записка члена-корреспондента А.А. Ляпунова (в 1942 г. курсанта 4-й минной роты) к работе «Изучение баллистики мин» и др.

Данный обзор представляет реперными точками большой объем документов, хранящихся в Архиве РАН, о значительном вкладе ученых в Победу советского народа в Великой Отечественной войне.

Примечания

1. Обращение «К ученым всех стран». 23 июня 1941 г. // АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 31. Л. 202.
2. Приветственный адрес Военного совета Ленинградского фронта к 220-летию юбилею АН СССР. 1945 г. // АРАН. Ф. 519. Оп. 1. Д. 50. Л. 105.
3. Дневники Г.А. Князева опубликованы. См.: *Князев Г.А. Дни великих испытаний. Дневники. 1941–1945.* СПб.: Наука, 2009. 1220 с.

300

К УЧЕНЫМ ВСЕХ СТРАН

В эти дни, когда по вине фашистских правителей земля заливается все новыми потоками человеческой крови, Академия наук СССР обращается ко всем ученым мира, ко всем друзьям науки и прогресса с призывом: сплотить все силы для защиты человеческой культуры от гитлеровских варваров.

Может ли кто-либо из нас — работников науки — спокойно смотреть на то, что фашистский солдатский сапог угрожает задавить во всем мире яркий свет человечества — свободу человеческой мысли, право народов самостоятельно развивать свою культуру? Может ли хоть одна страна считать себя в безопасности, пока не разгромлен гитлеризм — орудие насильственных войн?

Фашизм — злейший враг культуры и науки.

Фашизм — это перманентная война.

В течение восьми лет Гитлер и его клика истязают Германию. Во что они превратили эту страну, которая дала человечеству великих гениев науки и искусства? Что стало с германскими учеными? Они либо уничтожены, либо скитаются на чужбине. Что стало с германской наукой? Она заменена глубоко антинаучными, человеконенавистническими расистскими бреднями о том, что немецкая раса является якобы избранной, и это дает ей право на мировое господство, право обращать все другие народы в рабов.

Втоптав в грязь и кровь собственную страну, гитлеровцы поработили и ограбили пол-Европы и угрожают всему миру.

В. Лазуркин
1-й отд. 1946

~~Не подлежит оглашению~~ *88*
~~Проект~~

ПРЕДСЕДАТЕЛИ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР
Полковник ~~И.В. СТАЛИНУ~~

Глубокоуважаемый
Иосиф Виссарионович!

В личной беседе со мной Вы высказали пожелание, чтобы
Институт Наук СССР практически выключился в решение вопроса
о развитии металлургии на Северо-Западе, особенно, в части ее
научно-сырьевых ресурсов.

Для предварительной проработки необходимых мероприятий
была организована специальная бригада ~~Совета по изучению~~
~~экономических сил под руководством старшего А.П. Комарова.~~

На основании ~~данных, полученных~~ ~~бывшей бригадой~~
~~экономических сил под руководством старшего А.П. Комарова.~~
считаю необходимым пояснить, на чем основаны следующие
соображения:

~~1. Принципиальные соображения.~~

Мне известно, что вопрос построения металлургического
завода у некоторых лиц вызывает и сомнения, и возражение. В
основе того и другого лежит экономический подсчет пробега тысяч
километров груза на тонну металла. Я считаю такой подход узко-
делаческим и методологически неправильным. Нельзя сейчас исходить
из оптимального сочетания топливных и сырьевых ресурсов, которые
мы имели на юге, Урале и в Центральной Сибири и которые нами уже
практически освоены. Кроме того расчеты ведутся на тонну металла
бланно металлургический завод, а не на бланно-завод потребитель
что было бы безусловно правильное и резко изменило бы картину
экономических представлений, которыми оперирует противник нового
завода.

Ил. 2. Сотрудники Физико-технического института И.В. Курчатов,
Ю.С. Лазуркин и А.Р. Регель
во время размагничивания кораблей на Черном море.
9 августа 1941 г. АРАН. Ф. Р-IX. Оп. 4. Д. 652.

Ил. 3. Проект письма В.Л. Комарова председателю СНК СССР
И.В. Сталину об участии АН СССР в организации научно-
исследовательских и проектных работ по созданию северо-западной
металлургии. 1944 г. АРАН. Ф. 277. Оп. 3. Д. 114. Л. 4.

СССР—АЭРОФЛОТ											
Управление ГВФ											
ПАССАЖИРСКИЙ БИЛЕТ № А 443456 ★											
ОТ АЭРОПОРТА <i>Казань</i>											
ДО АЭРОПОРТА <i>Москва</i>											
КУПЦЫ ПЕРЕСАДИ											
ЦЕНА РУБ. <i>168</i> КОП. <i>50</i>											
Фамилия, имя и отчество пассажира <i>Шмидт О. Ю.</i>											
РЕЙС № _____ ДЕНЬ и ЧАС ОТПРАВЛЕНИЯ _____											
Примечание											
Штампом АЭРОПОРТА или ГОР. СТ. <i>15 IX 1941 г.</i> (дата выдачи) Подпись лица, выдавшего билет											
ОСТАЕТСЯ НА РУКАХ У ПАССАЖИРА											

КОНТРОЛЬНЫЙ ТАЛОН	
ПАС. БИЛЕТ № А 443456 ★	
ОТ АЭРОПОРТА <i>Казань</i>	
ДО АЭРОПОРТА <i>Москва</i>	
ЦЕНА РУБ. <i>168</i> КОП. <i>50</i>	
Фамилия пассажира, <i>Шмидт О. Ю.</i>	
День и час вылета _____	
САМОЛЕТ № _____	
II ОТРЫВАЕТСЯ В АЭРОПОРТЕ НАЗНАЧЕНИЯ ПРИ ВЫПИСИ	

Ил. 4. Билет О.Ю. Шмидта на самолет из Казани, куда он приезжал для подготовки эвакуации АН СССР. 15.09.1941 г.
АРАН. Ф. 496. Оп. 2. Д. 343. Л. 4.

Ил. 5. М.В. Келдыш с авиаконструктором С.В. Ильюшиным и заслуженным деятелем науки и техники И.В. Остославским в ЦАГИ.
[1941 г.]. АРАН. Ф. 1729. Оп.1. Д. 36. Л. 1.

Ил. 6. Член-корреспондент (1970) Б.А. Сахаров и генерал-лейтенант
И.И. Федюнинский в мае 1945 г. в Берлине.
АРАН. Ф. 1802. Оп. 1. Д. 31. Л. 7.

Ил. 7. Академик И.И. Трайнин на Белорусском фронте
в марте 1944 г. АРАН. Ф. 586. Оп. 2. Д. 53.

**К истории создания танковой колонны
«За передовую науку»
(по документам Архива РАН)**

D.V. Anosov

**To the history of the creation of the tank column
“For Advanced Science” by documents of the Archive
of the Russian Academy of Sciences**

Аннотация. Роль помощи Академии наук СССР фронту изучена многими авторами, но история создания танковой колонны «За передовую науку» освещена слабо. Документы, хранящиеся в Архиве РАН, позволяют изучить это начинание подробнее. Основным источником послужили письма ученых и научных учреждений в отдел научно-технической пропаганды АН СССР с откликом на инициативу и с сообщением о реальном вкладе в сбор средств. Настоящее исследование позволило выявить новые направления в изучении вопроса создания танковой колонны.

Ключевые слова: Академия наук СССР, отдел научно-технической пропаганды, танковая колонна «За передовую науку», 70-й отдельный танковый полк, Великая Отечественная война.

Abstract. The role of assistance of the Academy of Sciences of the USSR to the front has been studied by many authors, but the history of the creation of the tank column «For Advanced Science» is poorly illuminated. Documents stored in the Archive of the Russian Academy of Sciences allow us to study this undertaking in more detail. The main source was letters from scientists and scientific institutions to the department of scientific and technical propaganda of the USSR Academy of Sciences with a response to the initiative and a message about the real contribution to the fundraising. This study has identified new areas of search to study the creation of a tank column.

Keywords: Academy of Sciences of the USSR, Department of scientific and technical propaganda, tank column «For advanced science», 70-th standalone tank regiment, World War II.

Тема строительства танковой колонны «За передовую науку» в научной литературе раскрыта слабо, в основном – в контексте общей помощи Академии наук СССР фронту. Этой же проблематики касается ряд работ и специализированных интернет-ресурсов, посвященных действиям отдельных частей Красной Армии и танковых войск. Введенные в научный оборот документальные материалы не в полной мере раскрывают тему, что приводит к искаженному пониманию происходивших событий.

Начало Великой Отечественной войны потребовало от СССР напряжения и концентрации всех сил и ресурсов для решения военных задач. Усилия в этом вопросе принимались как сверху, так и снизу. Специалист по экономической истории А.В. Ломкин пишет о ряде решений советского правительства: «С началом боевых действий, широкой переориентацией заводов и фабрик на выпуск продукции военного назначения, неизбежным изменением расходной части бюджета пришлось пересмотреть и внести изменения и в доходную часть. Так, были мобилизованы свободные финансовые ресурсы предприятий, были введены новые налоги – особый военный налог (первоначально – надбавка к подоходному налогу), налог на одиноких и бездетных граждан <...>»¹. Но существовали и инициативы снизу. И главной из них было массовое жертвование своих сбережений, вещей и продовольствия на нужды фронта и обороны.

С первых часов после объявления войны население направило огромное количество писем в газеты и органы советской власти разных уровней, вплоть до И.В. Сталина, с призывом создать Фонд обороны для сбора пожертвований. Официальная реакция на эти письма последовала лишь 29 июля 1941 г.² Массовое внесение финансовых средств началось в декабре 1942 г. «Большая советская энциклопедия» по этому вопросу сообщает, что в Фонд обороны и Фонд Красной Армии поступило свыше 16 млрд рублей, 13 кг пла-

тины, 131 кг золота, 9519 кг серебра, свыше 4,5 млрд рублей облигаций государственных займов, свыше 0,5 млрд рублей вкладов в сберегательные кассы (в ценах 1941 г.). На эти средства было построено свыше 2,5 тысяч боевых самолетов, несколько тысяч танков, 8 подводных лодок, 16 различных военных катеров и мн. др.³.

На деньги организаций и граждан были построены, в том числе, и именные эскадрильи, танковые колонны, морские корабли. Так, в 1943 г. по инициативе алтайцев были собраны средства на постройку торпедных катеров для Балтийского флота «Алтайский комсомолец», «Молодой алтаец», «Пионер Алтая», «Комсомолец Ойротии», «Барнаульский комсомолец». На средства жителей новосибирской области была построена для нужд Северного флота подводная лодка М-107 «Новосибирский комсомолец» и звено истребителей. За годы войны Русская православная церковь внесла в фонд около 300 миллионов рублей, на которые была построена в том числе танковая колонна «Дмитрий Донской» и авиаэскадрилья «Александр Невский». Особое внимание танковым колоннам уделено в работах М.В. Коломийца и И.Б. Мощанского⁴, И.И. Рощина⁵ и других авторов⁶. Вопросы строительства кораблей на пожертвования раскрыты в работах М. Фарафонова⁷, Д.Н. Ростова⁸, В. Егорова⁹, Д.Т. Пигарева¹⁰ и других исследователей¹¹.

Советские ученые не остались в стороне от этого массового движения. В Архиве РАН в фондах президента Академии наук СССР В.Л. Комарова¹² и Совета научно-технической пропаганды АН СССР¹³ сохранилось обращение группы советских ученых «Построим танковую колонну “За передовую науку”»¹⁴, датированное 2 июля 1942 г., распечатанное на ротапринте в 400 экземплярах и разосланное по научным учреждениям. Это обращение подписали 34 человека: академики А.И. Абрикосов, Н.Г. Бруевич, Е.С. Варга, И.П. Бардин, А.Ф. Иоффе, А.Н. Колмогоров, В.Л. Комаров, Т.Д. Лысенко, М.Б. Митин, В.Н. Образцов, Л.А. Орбели, А.Е. Ферсман, А.Н. Фрумкин, Е.А. Чудаков, Л.С. Штерн, Е.М. Ярославский; члены-корреспонденты А.А. Бочвар, И.С. Брук, С.И. Вольфович, А.В. Ефимов, В.В. Звонков, П.Н. Лебедев-Полянский, И.И. Минц, А.И. Опарин, А.Я. Орлов, С.А. Христианович, П.Ф. Юдин; про-

фессора Б. Ильин, Б. Матвеев, Ильюшин, В.П. Орлов, И. Назаров, председатель Всесоюзного комитета по делам высшей школы при Совете Народных Комиссаров СССР С.В. Кафтанов¹⁵.

В своем обращении они писали:

«<...> Со всех концов страны, помимо вооружения, построенного за счет государства, шлют в армию трудящиеся на собранные ими средства боевые подарки: самолеты, танки, боеприпасы.

Мы призываем всех ученых, всех научных работников принять активное участие в строительстве танка «За передовую науку».

Мы предлагаем организовать платные лекции ученых, весь сбор с которых и лекторский гонорар отдать в фонд строительства танков. Со своей стороны мы выражаем готовность выступить в качестве лекторов.

25% наших гонораров за публикуемые работы мы будем вносить на постройку танков «За передовую науку» <...>»¹⁶.

К марту 1943 г. было собрано 800 тыс., а к концу года – 2,5 млн рублей. При этом исследователи указывают обычно только крупные взносы, а про более мелкие поступления, как правило, не говорят. Между тем упомянутое обращение имело огромный отклик со стороны ученых. Это подтверждают сведения, обнаруженные в документах Совета научно-технической пропаганды АН СССР¹⁷, где сохранились письма научных работников академии, в которых они выражали свое отношение к призыву и готовность участвовать в сборе средств¹⁸. Авторами писем выступали как отдельные ученые, так и целые коллективы. Например, Институт мирового хозяйства и мировой политики АН СССР в Ташкенте 14 сентября 1942 г. извещал о проведенном собрании сотрудников и полной поддержке сбора средств на танковую колонну¹⁹.

Научный работник, врач Д.Б. Пигута писал в своем письме в АН СССР от 8 апреля 1942 г.: «Прочитав заметку в № 22 «Правды» (от 2.07 с[его] г[ода]) о предложении принять участие в строительстве танковой колонны «За передовую науку», – с своей стороны прошу включить меня в число участников этого начинания»²⁰. Он предложил предоставить отчисление 25% гонорара за публи-

куемую научную работу и взнос всех сборов от предполагаемого прочтения лекции. Академик А.И. Абрикосов в письме из Казани 28 июля 1942 г. писал: «<...> Кроме того, я сделаю отчисления при получении мною Сталинской премии²¹, которая вероятно, в ближайшее время мне будет переведена из Москвы»²².

Член-корреспондент Л.С. Берг направил в Отдел научно-технической пропаганды АН СССР 15 августа 1942 г. из санатория в Боровом письмо:

«Боровое – курорт Акмолинской обл[асти].

16.VIII.1942

В Отдел Научной Пропаганды Академии Наук СССР

Сегодня мною получено Ваше обращение от 2 июля относительно сбора средств на создание фонда для организации танковой колонны «За передовую науку».

Так как я еще ранее вошел в состав мирного комитета Отдела Научной Пропаганды АН СССР (председатель М.Ф. Андреева²³), то сообщаю о проделанной работе, поскольку она связана с обращением академиков от 2.VII.

Наш комитет провел уже две платные лекции, за которые поступило свыше 1300 руб. сбора. Деньги эти переведены на балансовый счет № 14 (фонд обороны СССР). Предстоит еще ряд лекций (в том числе моя). Лекторами являются академики и члены-корреспонденты Академии Наук СССР, проживающие в Боровом.

Член-корреспондент АН СССР

Л. Берг

(Лев Семенович Берг)»²⁴.

Эти сведения подтверждаются в письмах членов-корреспондентов А. Фреймана и Л. Иванова от 16 августа 1942 г.²⁵.

Об активной лекторской деятельности ученых для сбора средств на танковую колонну говорят сохранившиеся письма в газету «Правда», проекты объявлений и расписания лекций. Среди них – проект объявления о лекции члена-корреспондента Л.Н. Иванова «Вторая мировая война на море», прошедшая 18 июля 1942 г.

в Доме ученых²⁶, письмо Заведующего Отделом научной пропаганды С.М. Файланда в газету «Правда» о лекции Е.В. Тарле «Война и дипломатия». В Архиве РАН также сохранился проект расписания лекций на июль-август 1942 г. в Зеленом театре Центрального парка культуры и отдыха им. М. Горького в Москве²⁷. Среди лекторов академики Е.В. Тарле, А.Я. Вышинский, М.Б. Митин, Е.М. Ярославский, А.Е. Ферсман, А.Ф. Иоффе, члены-корреспонденты С.И. Вольфович, И.И. Минц.

О конкретных суммах отчислений ученых в фонд постройки танковой колонны сохранились сведения, в частности, в письме члена-корреспондента П.И. Лебедева-Полянского С.М. Файланду от 18 июля 1942 г.: «Довожу до Вашего сведения, что мною в Ростовское отделение Госбанка (Б. Мясницкая улица) 17 июля с/г. внесены в «Фонд обороны СССР» на построение танковой колонны «За передовую науку» тысяча рублей (1000 руб.)»²⁸. В фонде академика К.И. Шенфера сохранилась квитанция о перечислении им 1000 рублей на танковую колонну²⁹ (Ил. 1). В фонде академика А.М. Терпигорева сохранилось письмо комитета по Сталинским премиям в области науки и изобретательства от 14 августа 1943 г. о перечислении 50 тысяч рублей из полученной Сталинской премии в фонд построения танковой колонны³⁰ (Ил. 2). В извещении Московской городской конторы Государственного банка члену-корреспонденту А.В. Ефимову от 9 ноября 1942 г. говорится о перечислении 8334 рублей в фонд строительства танковой колонны³¹ (Ил. 3).

Некоторые ученые ввиду плохого самочувствия и весьма преклонного возраста с сожалением сообщали о невозможности своего прямого участия в сборе средств. Примером тому может служить письмо из Казани от 27 июля 1942 г. Д.М. Петрушевского: «<...> спешу довести до сведения Отдела, что серьезное и продолжительное недомогание мешает и лишает меня всякой возможности принять какое бы то ни было участие в научной пропаганде к моему великому прискорбию»³². Он умер 12 декабря 1942 г. после тяжелой и продолжительной болезни.

Многие ученые и до начала сбора средств на танковую колонну неоднократно переводили деньги в Фонд обороны. Примером этому

служит письмо академика В.А. Обручева в Отдел научной пропаганды АН СССР от 22 июля 1942 г.: «<...> сообщаю, что я уже дважды передавал причитающийся мне гонорар за статьи, напечатанные в периодической печати, полностью в “Фонд обороны” <...>»³³. В Архиве РАН сохранились также документы о пожертвовании в фонд от академиков А.А. Байкова³⁴, О.Ю. Шмидта³⁵, Н.П. Чижевского³⁶, члена-корреспондента С.В. Бахрушина³⁷ и других ученых.

О порядке учета средств, вносимых на строительство танковой колонны «За передовую науку», говорится в циркулярном письме Государственного банка СССР № 6279 от 29 мая 1942 г. своим конторам и отделениям:

«Средства, вносимые соответствующими организациями и отдельными лицами в Фонд обороны СССР на строительство танковой колонны «За передовую науку», учитывайте в соответствии с нашей схемной телеграммой от 14 марта 1942 г. за № 38-1942, на отдельном лицевом счете по балансовому счету № 14 «Фонд обороны СССР» <...>

Выписки из лицевого счета 1-го числа каждого месяца направляйте по адресу: Москва, Б. Калужская ул., 14, в Бухгалтерию Административно-хозяйственного управления Академии Наук СССР»³⁸.

Кроме самостоятельных взносов отдельных ученых в фонд, сбор денег был организован научными учреждениями и филиалами Академии наук. Так, Азербайджанский филиал АН СССР докладывал 05 сентября 1942 г. в Отдел научной пропаганды АН СССР: «Силами научных работников в дни Отечественной войны организовано в войсковых частях и гражданских организациях свыше 500 лекций, за что лекторский гонорар не взыскивался по желанию самих лекторов»³⁹. К патриотическому делу подключились не академические научные и образовательные учреждения. Горьковский индустриальный институт им. А.А. Жданова, ныне Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева, собрал 142 тысячи рублей⁴⁰.

Как пишет в своих воспоминаниях В.П. Шиманский⁴¹, 28 октября 1943 г. 70-й отдельный танковый полк 66-й механизированной

бригады 8-го механизированного корпуса, находившейся под Москвой, получил три танка танковой колонны «За передовую науку», а также именные танки «Грозный», построенный на деньги писателя, академика А.Н. Толстого, «За Радянську Україну!» – на средства драматурга, академика А.Е. Корнейчука, «Михаил Кошкин» – на средства семьи конструктора танка Т-34 М.И. Кошкина.

При зачитывании приказа подполковника Г.Л. Гаврилюка о передаче и вручении экипажам танков присутствовали академики А.Н. Толстой, А.Е. Корнейчук, М.Б. Митин и И.И. Минц, которые обратились к танкистам с краткой речью. С ответным словом выступил командир танка «Грозный» старший лейтенант П.В. Беляев.

В.П. Шиманский указывает следующие номера переданных танков Т-34: № 310-0929 «Грозный», № 310-0917 «За Радянську Україну!», № 310-0897 «За передовую науку!», № 310-0899 «Михаил Кошкин», № 310-0915 «За передовую науку!», № 310-0916 «За передовую науку!». Ил. 4.

В декабре 1943 г. 70-й отдельный танковый полк, в составе 8-го механизированного корпуса, участвовал в боях по освобождению города Александрия на Украине. Т-34 «За Радянську Україну!» первым ворвался в город и был подбит, а его экипаж во главе с командиром, лейтенантом И.П. Панченко погиб. Позднее, как сообщает В.П. Шиманский, этот танк был установлен в городе в качестве памятника (Ил. 5).

Рассмотренные документы позволяют с полной уверенностью говорить о массовой поддержке идеи создания танковой колонны «За передовую науку», изготовления других танков и их передачи в действующие части Красной Армии. Участие ученых в митингах, посвященных передаче танков и другого вооружения войсковым частям, имело важное значение для поднятия боевого духа солдат и офицеров.

Исследованные документы разрушают ряд ошибочных представлений о строительстве танковой колонны. Большинство из таких представлений некритически заимствовано авторами из воспоминаний В.П. Шиманского. Например, в работах часто воспроизводится содержащаяся в воспоминаниях неточность в вопро-

се о подчиненности подразделения, получившего танки. Указывается, что они были переданы в 70-й отдельный танковый полк 66-й механизированной бригады 8-го механизированного корпуса 28 октября 1943 г., то есть в то время, когда полк еще не входил в состав 66-й бригады, что произошло только 4 ноября 1943 г.⁴²

Имеется противоречие и в вопросе о месте этого события. В.П. Шиманский называет таковым Подмоскovie, в то время как в Государственном литературном музее (ГМИРЛИ) при атрибуции фотографии А.Н. Толстого, лично участвовавшего в этом торжественном акте, место съемки определили как г. Харьков. С большой долей вероятности можно утверждать, что Шиманский прав, т.к. в указанный период полк, как и сама бригада, и 8-й механизированный корпус находились в стадии переформирования в распоряжении Московского военного округа.

Разнятся оценки количества построенных на деньги ученых танков. Тот же Шиманский указывает на три танка Т-34 из колонны «За передовую науку» и еще три упомянутых выше именных танка, другие авторы указывают восемь⁴³, десять⁴⁴ и даже одиннадцать⁴⁵ танков, а некоторые не указывают количества вообще⁴⁶.

Нет единого мнения и о размере собранной учеными суммы. Обычно авторы пишут о сумме в 800 тысяч рублей и указывают, что из них Б.Е. Веденеев сдал 200 тысяч, И.В. Якушкин и Е.А. Чудаков – по 100 тысяч, А.П. Александров, Е.М. Ярославский, И.И. Минц, П.Н. Поспелов, М.Б. Митин и другие вместе – еще 400 тысяч рублей⁴⁷. Это создает ошибочное впечатление, что деньги сдавали всего восемь человек. Но если обратиться к документам, хранящимся в Архиве РАН, то с уверенностью можно сказать, что это не так. Значительные суммы вносили и другие ученые: 50 тысяч А.М. Терпигорев, 1 тысячу П.И. Лебедев-Полянский, 8 тысяч А.В. Ефимов, 142 тысячи сотрудники Горьковского индустриального института им. А.А. Жданова и т.д. Наиболее близкую к истине общую сумму называет Энциклопедия «Великая Отечественная война 1941–1945» – 2,5 млн рублей⁴⁸.

Таким образом, проведенное исследование показывает, как много неточностей и противоречий встречается в научных рабо-

тах по столь актуальной и привлекающей внимание теме, как история Великой Отечественной войны. Несмотря на то, что исследуемые события недалеко отстоят от наших дней, проблема изобилует белыми пятнами и требует дальнейшего внимательного изучения.

Примечания

1. *Ломкин А.В.* Финансовый фронт Великой отечественной // Еженедельник Звезда. 10.05.2019 г. // Портал «Звезда». [Электронный ресурс]. URL: <https://zvezdaweekly.ru/news/t/20194301216-e9IN6.html> (дата обращения: 22.03.2020).
2. Трудящиеся предлагают создать Фонд обороны // Правда. № 208 (8616). С. 3.
3. Фонд обороны // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М.: «Советская энциклопедия», 1969–1978.
4. *Коломиец М., Моцанский И.* Камуфляж танков Красной Армии 1930–1945. М.: ООО Издательский центр «Экспринт», 2003.
5. *Рощин И.И.* Твердо верю в нашу Победу. М.: Политиздат. 1989.
6. История Второй Мировой войны 1939–1945. Т. 1–12. М.: Военное издательство МО СССР. 1973–1982.
7. *Фарафонов М.* С именем комсомола // Моделист-Конструктор. № 7. 1978.
8. *Ростов Н.Д.* Морская доблесть и слава Сибири (к 60-й годовщине Великой Победы). III Научные чтения памяти Ю.С. Булыгина: Сборник научных трудов / Под ред. Ю.М. Гончарова, В.Н. Владимирова. Барнаул: «Аз Бука», 2005.
9. *Егоров В.* Корабли, построенные в годы Великой Отечественной войны на средства комсомольцев // Военно-исторический журнал, № 11. 1973.
10. *Пигарев Д.Т.* На торпедных катерах. М.: Воениздат. 1963.
11. «Красное Сормово»: завод и люди – Нижний Новгород: Кварц, 2006; Сормовская «Малютка» // Красный Сормович. № 1. 2007; *Синицын А.М.* «Всенародная помощь фронту». М., 1975 и др.
12. Архив РАН (АРАН). Ф. 277.
13. АРАН. Ф. 448.
14. Письмо заведующего Отделом научной пропаганды АН СССР С.М. Файланда В.Л. Комарову о сборе средств среди ученых СССР на танковую колонну «За передовую науку». (В приложении – обращение ученых ко всем научным работникам СССР «Построим танковую колонну “За передовую науку”»). См.: АРАН. Ф. 277. Оп. 3. Д. 313.
15. Кафтанов Сергей Васильевич (1905–1978). В 1937–1946 гг. председа-

- тель Всесоюзного комитета по делам высшей школы (ВКВШ) при СНК СССР, одновременно в 1941–1945 гг. – уполномоченный ГКО по науке.
16. АРАН. Ф. 277. Оп. 3. Д. 313. Л. 2–3.
 17. Совет по научно-технической пропаганде АН СССР организован 25.08.1942 г. на базе существовавшего ранее (1936–1942) Отдела научной пропаганды АН СССР. Только в 1942 г. было прочитано 2300 лекций, а в 1943 уже 9000. Деятельность Совета прекращена 1949 г.
 18. АРАН. Ф. 448. Оп. 4. Д. 20.
 19. Там же. Л. 26.
 20. Там же. Л. 1.
 21. Сталинская премия первой степени (1942) – за научный труд «Частная патологическая анатомия. Ч. II: Сердце и сосуды», опубликованный в конце 1940 г.
 22. АРАН. Ф. 448. Оп. 4. Д. 20. Л. 10.
 23. Андреева Мария Федоровна (1868–1953) – русская актриса, общественный и политический деятель, гражданская жена М. Горького (1904–1921). Во время эвакуации Дома ученых в Боровое была партийным секретарем у ученых, проживавших в Боровом.
 24. АРАН. Ф. 448. Оп. 4. Д. 20. Л. 1а.
 25. Там же, Л. 13–14.
 26. Там же. Л. 6.
 27. Там же. Л. 21–22.
 28. Там же. Л. 7.
 29. АРАН. Ф. 598. Оп. 2. Д. 11.
 30. АРАН. Ф. 1502. Оп. 1. Д. 35.
 31. АРАН. Ф. 448. Оп. 4. Д. 20. Л. 27.
 32. АРАН. Ф. 448. Оп. 4. Д. 20. Л. 8.
 33. Там же. Л. 9.
 34. АРАН. Ф. 614. Оп. 2. Д. 83, Д. 84, Д. 329.
 35. АРАН. Ф. 496. Оп. 2. Д. 29.
 36. АРАН. Ф. 1598. Оп. 1. Д. 53.
 37. АРАН. Ф. 624. Оп. 2. Д. 22.
 38. АРАН. Ф. 448. Оп. 4. Д. 20. Л. 2.
 39. Там же. Л. 24.
 40. Никитина И. С Днем Победы – днем вечной памяти // Политехник. 2016. № 4 (29 апреля). С. 1.
 41. Шиманский В.П. Позывные наших сердец. М.: Воениздат 1980. С.77–83.
 42. Воинские части. 70 отп // Портал «Память народа». [Электронный ресурс]. URL: https://pamyat-naroda.ru/warunit/70%20%D0%BE%D1%82%D0%BF/?backurl=/warunit/?static_hash%3Dce530

1404b92a8b42b1d6ab9fb25a516%26q%3D66%20%D0%BC%D0%B5%D1%85%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B7%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D0%B0%D1%8F%20%D0%B1%D1%80%D0%B8%D0%B3%D0%B0%D0%B4%D0%B0%2bpa%3D1 (дата обращения: 01.07.2020).

43. Танковая колонна «За передовую науку» или «За передовую советскую науку» // Портал «Танковый фронт 1939–1945». [Электронный ресурс]. URL: http://tankfront.ru/ussr/names/columns/za_peredovuyu_nauku.html (дата обращения: 22.03.2020).
44. kv_bear Livejournal. [Электронный ресурс]. URL: <https://kv-bear.livejournal.com/3208.html> (дата обращения: 22.03.2020).
45. 70 отп / Портал «Танковый фронт 1939–1945». [Электронный ресурс]. URL: <http://tankfront.ru/ussr/tp/tp070.html> (дата обращения: 22.03.2020).
46. Коломиец М., Мощанский И. Камуфляж танков Красной Армии 1930–1945. М.: Издательский центр «Экспринт», 2003.
47. Танковая колонна «За передовую науку» или «За передовую советскую науку» // Портал Танковый фронт 1939–1945. [Электронный ресурс]. URL: http://tankfront.ru/ussr/names/columns/za_peredovuyu_nauku.html (дата обращения: 22.03.2020).
48. Академия Наук // Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. М., 1985. См. также: Левшин Б.В., Академия наук СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). М., 1966.

ПРИХОДНЫЙ КАССОВЫЙ ОРДЕР № _____		Титовая Ф. № 475	
Принять от <u>акад. Шенфер</u>		от <u>24.01</u> 19 <u>43</u> г.	
на <u>танковую колонну</u>			
<u>Одна тысяча рублей</u>		сумма прописью	
		(1000 руб. - к.)	
Подпись _____			
Получил кассир _____		Проводка № _____ от _____ 19 <u>43</u> г.	
Приложение _____		Дебет	Кредит
		счет	счет
		марг.	марг.
		Сумма	
		Бухгалтер	
В № ЦУИХУ № 47 24/0121-3/12-40 г. г. 10.000/100		Типогр. «Московский печатник», л. 239	

Ил. 1. Квитанция о перечислении академиком К.И. Шенфером средств на танковую колонну «За передовую науку». 24 января 1943 г. АРАН. Ф. 598. Оп. 2. Д. 11. Л. 1.

СНХ—СССР
КОМИТЕТ
по СТАЛИНСКИМ ПРЕМИЯМ
В ОБЛАСТИ
НАУКИ И ИЗОБРЕТАТЕЛЬСТВА

"14" Августа 1943 г.

№ 06/5

Москва, Рождественка, 11.
Телефон коммун. К-0-04-40, доб. 9
городской К-0-45-24.

ЛАУРЕАТУ
СТАЛИНСКОЙ ПРЕМИИ

Терпигореву Александру Митрофановичу

Комитет по Сталинским премиям в области науки и изобретательства уведомляет Вас, что согласно Вашему желанию, выраженному в обращении к тов. И. В. Сталину, из присужденной Вам Постановлением СНХ СССР от 22/III—1943 г. Сталинской премии в размере 100.000 руб. сумма в 50.000 руб. перечислена Комитетом в фонд постр. танковой колонны, За передовую науку 28/VI 1943 г. поручением № 124 через Московское Бюджетное Отделение Госбанка.

Ученый секретарь
Комитета по Сталинским премиям
профессор Н. М. Жаворонков

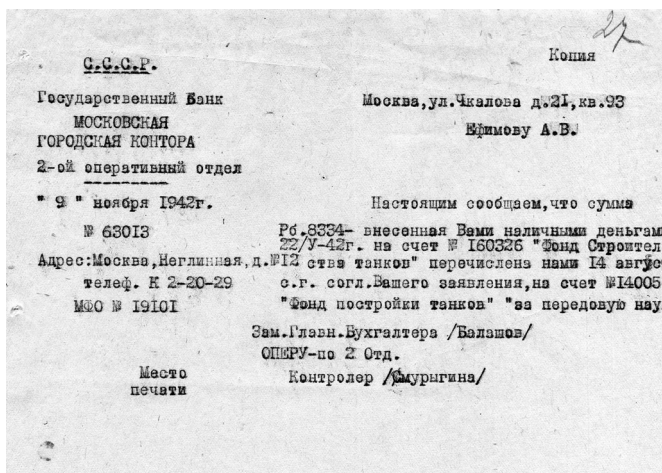
Главный бухгалтер А. Н. Поздняков

Л141618

Типография МВТУ, 2-я Бауманская ул., д. 5.

Зак. 362—400

Ил. 2. Извещение о перечислении средств Сталинской премии, полученных академиком А.М. Терпигоревым на танковую колонну «За передовую науку». 14 августа 1943 г.
АРАН. Ф. 1502. Оп. 1. Д. 35. Л. 1.

Ил. 3. Извещение о перечислении средств А.В. Ефимовым
в размере 8334 рубля в фонд строительства танковой колонны
«За передовую науку». 9 ноября 1942 г.
АРАН. Ф. 448. Оп. 4. Д. 20. Л. 27.

Ил. 4. А.Н. Толстой и Л.И. Толстая-Крестинская с экипажем танка
«Грозный» (старший лейтенант П.В. Беляев, старший сержант
Н.А. Ананьев, А.Д. Жаворонков, В.П. Боровков). Харьков, 1943 г.
ГМИРЛИ [Электронный ресурс]. URL: <https://goslitmuz.ru/poster/6560/?SetSize=2> (дата обращения: 05.04.2020).

Ил. 5. Памятник Т-34 «За Радянську Україну!», г. Александрия, Кировоградская область, Украина. 2006 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://photogoroda.com/foto-492228-tank-vecher-sentyabr-2006-god.html> (дата обращения: 05.04.2020).

**Жизнь после войны: письма фронтовика
из собрания Архива РАН**

I.N. Ilyina

**Life after the war:
Veteran's letters from the collection of the Archive of RAS**

Аннотация. В статье представлены письма участника Великой Отечественной войны В.С. Шепелева, получившего в ходе боев тяжелые физические увечья. В 1940–1970-х гг. автор писем состоял в регулярной переписке с А.Д. Байковой, супругой академика А.А. Байкова, возглавлявшей в годы войны Военно-шефскую комиссию АН СССР и опекавшей раненого бойца в подшефном военном госпитале. На основе писем В.С. Шепелева за 1945–1955 гг., воспоминаний А.Д. Байковой 1970-х гг. и других документов, сохранившихся в фонде Военно-шефской комиссии АН СССР в Архиве РАН, прослежена послевоенная судьба фронтовика. В научный оборот вводятся малоизвестные документы, позволяющие расширить и дополнить фактическую историю мировых войн в аспекте их социальных последствий.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Военно-шефская комиссия, Академия наук СССР, Архив Российской академии наук.

Abstract. The article presents the letters of a participant of the Great Patriotic war V.S. Shepelev, who received severe physical injuries during the fighting. In the 1940–1970s, the author of the letters was in regular correspondence with A.D. Baykova, the wife of academician A.A. Baykov, who headed the Military Commission of the USSR Academy of Sciences during the war and took care of a wounded soldier in a sponsored military hospital. On the basis of V.S. Shepelev's letters for 1945–1955, A.D. Baykova's memoirs of the

1970s, and other documents preserved in the Papers of the Military Commission of the USSR Academy of Sciences in the Archive of the RAS, the post-war fate of the front-line soldier is traced. Little-known documents are introduced into scientific circulation to expand and supplement the actual history of world wars in terms of their social consequences.

Keywords: Great Patriotic war, Military Commission, Academy of Sciences of the USSR, Archive of the Russian Academy of Sciences.

Одним из основных социальных последствий Великой Отечественной войны для советского общества стала существенная деформация состава и структуры населения. Наряду с громадными людскими потерями, гендерным дисбалансом, сиротством, развалом института брака, узнаваемым фактором повседневной послевоенной жизни страны стали фронтовики-инвалиды. Точных данных о количестве выживших, но покалеченных на войне молодых мужчин и женщин нет. Ориентировочная цифра – 2 576 000 полных инвалидов – была приведена в 2001 г. в статистическом исследовании «Россия и СССР в войнах XX века: потери вооруженных сил»¹. Война разделила их жизнь, как принято говорить, на «до» и «после», а дальнейшие судьбы в подавляющем большинстве оказались трагичны.

В Архиве Российской академии наук обнаружена необычная коллекция писем, адресованных Анне Дмитриевне Байковой (1887–1979), супруге вице-президента АН СССР, академика А.А. Байкова (1870–1946)². Корреспондентом Байковой стал двадцатилетний солдат Виктор Шепелев, в 1943 г. потерявший на фронте обе ноги. Попав с тяжелым ранением в военный госпиталь № 5018 в Москве, он оказался подопечным Байковой, которая в годы войны возглавляла Военно-шефскую комиссию АН СССР и работала в госпитале простой медсестрой вместе с другими женами ученых Академии наук. После 10 месяцев лечения вставший в Москве на протезы инвалид 1 группы В.С. Шепелев уехал в свой родной город Уральск Западно-Казахстанской области Казахской ССР. Начиная с 1945 г. и, по всей видимости, до 1979 г., он регу-

лярно писал письма А.Д. Байковой, сообщая о событиях своей повседневной жизни, обращаясь к ней, как к своей второй матери за помощью и советами. Не раз встречались они в Москве: А.Д. Байкова и после войны продолжала всячески помогать своему «воспитаннику», как он себя называл. Ил. 1.

22 письма В.С. Шепелева А.Д. Байковой за 1945–1955 гг. хранятся в фонде Военно-шефской комиссии АН СССР в Архиве РАН (фонд 525); документы подлинные, выполнены на бумаге чернилами и карандашом, имеют датировку и подпись; почерк разборчивый, красивый. Хронологически и количественно письма распределяются следующим образом: 1945 г. – 1, 1946 г. – 7, 1947 г. – 5, 1948 г. – 1, 1949 г. – 2, 1950 г. – 2, 1951 г. – 2, 1953 г. – 1, 1955 г. – 1.

Существенным дополнением к собранию писем являются другие документы этих же лиц: 19 почтовых конвертов к письмам солдата с пометками А.Д. Байковой, письмо В.С. Шепелева маршалу Советского Союза К.К. Рокоссовскому, боевая характеристика на В.С. Шепелева, справка из Уральского отдела социального обеспечения, черновик письма А.Д. Байковой маршалу К.К. Рокоссовскому, ответное письмо маршала К.К. Рокоссовского А.Д. Байковой, официальное письмо из Управления кадров сухопутных войск СССР А.Д. Байковой, вырезка из газеты «Красная звезда» со статьей В.С. Шепелева, фотография В.С. Шепелева, записи А.Д. Байковой за 1970 г.³. Письма А.Д. Байковой В.С. Шепелеву по понятным причинам отсутствуют.

На основе названных архивных документов воссоздается довоенная и военная биография В.С. Шепелева. Виктор Сергеевич Шепелев родился в 1924 г. в казахстанском городе Уральске, который называет в письмах своей родиной. Жил с родителями и двумя сестрами по адресу: г. Уральск, ул. Чижинская, д. 12. К началу Великой Отечественной войны имел незаконченное 9-летнее школьное образование, овладел профессией шофера. В 1941 г. ему исполнилось 17 лет, следовательно, в действующую армию Шепелев был призван не ранее 1942 г. Ил. 2.

Осенью 1943 г., будучи в звании сержанта и должности помощника командира взвода, а затем командиром расчета истреби-

тельной танковой батарее, он участвовал в сражениях в ходе Оршанской наступательной операции. Отличился в боях: на его счету было 26 убитых немцев, сдерживание нескольких контратак противника. После гибели командира взвода Шепелев принял командование на себя, участвовал в рукопашной схватке, увлекал бойцов за собой личным примером. В октябре 1943 г. командир дивизии полковник Зайцев отметил стойкость бойца и написал благодарственное письмо его родителям⁴. Тогда же В. Шепелев был представлен к награждению Орденом Красного Знамени⁵. 15 ноября 1943 г., прикрывая наступление пехоты при форсировании Днепра, под ураганным огнем немцев был тяжело ранен, остался без ног⁶. 25 сентября 1944 г. за совершенные боевые подвиги Шепелев был вновь представлен к правительственной награде⁷. Длительное лечение проходил в Москве в госпитале № 5018⁸. Оказался на попечении бригады жен советских академиков, шефствовавших над госпиталем и помогавших медикам в работе с тяжелоранеными бойцами. Благодаря их ежедневной опеке выжил, получил моральную поддержку, что для отчаявшегося молодого человека с тяжелой травмой было жизненно необходимо. Несомненно, Витя Шепелев запомнился им как трудный, но благодарный пациент: за его подписью в мае 1944 г. в газете «Красная звезда» была опубликована статья «В палатах госпиталя» о медицинской вахте жен академиков с фотографией медсестры-общественницы З.Г. Орджоникидзе (вдовы советского государственного деятеля С. Орджоникидзе)⁹. Главной опорой для В. Шепелева в госпитале стала Анна Дмитриевна Байкова, впоследствии его многолетний адресат в Москве. Дальнейшие годы жизни провел на родине, в г. Уральске Казахской ССР. Ил. 3.

Послевоенная биография В. Шепелева была воссоздана по его личным письмам. Откровенные и незамысловатые послания раскрывают подробности частной жизни фронтовика-инвалида после войны, характеризуют его личностные качества, освещают события и явления современного ему советского общества 1940–1950-х гг.

Переписка В.С. Шепелева с А.Д. Байковой возникла в результате особых, доверительных отношений между ними. Письма

фронтовика полны чувством искренней человеческой благодарности за спасение жизни. Непременной частью практически всех писем были слова такого рода (здесь и далее письма цитируются с сохранением авторского стиля, орфографии и пунктуации): «Анна Дмитриевна разрешите Вас поблагодарить за оказанную Вами мне помощь во время нахождения меня в Москве. С тех пор как я лежал тяжело раненый в госпитале, Вы помогали мне, я в это время находился в тяжелом положении я боролся между жизнью и смертью и Вы Анна Дмитриевна всячески помогали мне. Я это никогда не забуду и считаю Вас родной. И считаю я что наша Победа над врагом заключается в том, что я на фронте отдавал свою жизнь, а в тылу женщины помогали раненым бойцам Красной Армии. <...> Кланяются вам моя семья и благодарят вас»¹⁰.

В письмах заключена потребность общения с высокообразованным и опытным человеком, подобных которому в провинциальном окружении Шепелева не было. Более того, Байкова стала для него абсолютным авторитетом, чьи советы и пожелания принимались беспрекословно. Оставшись без ног, Виктор не мог в дальнейшем работать шофером. Еще в Москве при поддержке Байковой он прошел курс обучения бухгалтерскому делу, получил наказ наставницы продолжать учебу. В Уральске фронтовик поступил на бухгалтерские курсы. Учеба давалась ему нелегко. Он, например, признавался: «Мне плохо дается русский язык письменный»¹¹. Однако будущий бухгалтер имел несомненные успехи: «Сообщаю Вам, Анна Дмитриевна, что я продолжаю учиться, учусь вечерами с 6 часов, а днем чтобы время не пропадало я работаю закрепляю материал хотя и трудно, но знаете ли хочу лучше закрепить учение. Несколько предметов уже здали и я имею почти отличные отметки например, из 6 сданных предметов имею 2 только 4, а остальные 5-ки. Словом Анна Дмитриевна по окончании курсов могу Вас порадовать в предложенной мне Вами дело – т.е. в приобретении новой квалификации. Я думаю Анна Дмитриевна что я могу быть полезный Родине, не смотря на мою инвалидность»¹². Спустя время, сообщал: «Ваш совет я выполнил окончил курсы и получил квалификацию бухгалтера промышленности курсы окончил на отлично.

Хотя я перенес много трудностей в учение но зато выучился делу и теперь смело буду работать бухгалтером на одном из военных заводов нашего города»¹³. В 1947 г. Виктор был принят на работу в областную книготорговую контору «Казкнижторг» заместителем главного бухгалтера¹⁴. Ил. 4.

Телесно здоровый человек с трудом представит себе проблемы инвалида. В письмах фронтовика рассказывается о целой череде физических и моральных трудностей, преодоление которых стало сутью его жизни. При этом он имел ряд преимуществ перед многими другими инвалидами: существенными факторами жизни Шепелева стали лечение в московском госпитале, помощь академических шефов, возможность протезирования, наличие семьи, поддержка городских властей. Сопутствовала всему этому собственная стойкость и несомненная воля к жизни.

Будучи инвалидом 1 группы, «к труду не способным», и получая ветеранскую пенсию (пусть и мизерную), Шепелев мог этим ограничиться. Но подобных мыслей в письмах нет. Стремление к работе и дополнительному доходу можно объяснить сыновним долгом и чувством собственного достоинства. В 1947 г. он писал Байковой: «Я благодаря Вас стал сейчас жить, духом не упал в трудный для меня момент и сейчас по вашему совету несмотря на свою инвалидность работаю и честным трудом зарабатываю копейку для своей жизни»¹⁵. И продолжал: «Если не работать то будет очень трудно без работы я быть не могу – тем самым я помогаю Родине и своему государству с меня берут пример»¹⁶.

Беспокойство Шепелева вызывало, пожалуй, только отсутствие наград, полученных в боях, но где-то затерявшихся. Фронтовые награды нередко подолгу искали своих героев на полях сражений, порой не находили их совсем. В апреле 1946 г. Виктор Шепелев решился прибегнуть к помощи Байковой: «Анна Дмитриевна у меня есть к Вам большая просьба. Я никак не могу добиться о награждении меня за мои подвиги на фронте во время Отечественной войны, посылал в свою часть письма, в часть свою они не доходят или кто их перехватывает, так что я ничего не могу добиться. Я решил написать письмо своему маршалу Константину Констан-

тиновичу Рокоссовскому. Я прошу Вы это письмо запечатавайте в конверт и перешлите его по адресу Рокоссовскому. В чем прошу Вас Анна Дмитриевна Вы знаете, что я пострадал и Вы меня выходили я вот сейчас инвалид и нахожусь не награжденный это мне обидно. Вот я и решил Вас попросить»¹⁷. Факт получения заслуженной награды был важен не только сам по себе: большое значение имели льготы, которые предоставлялись фронтовикам на основе боевых орденов. Наличие среди архивных документов писем А.Д. Байковой маршалу К.К. Рокоссовскому и К.К. Рокоссовского А.Д. Байковой, сообщения Управления кадров Сухопутных войск СССР А.Д. Байковой свидетельствует об успешном процессе поисков. Ил. 5. В октябре 1946 г. Виктор информировал Байкову: «Из части прислали что я был награжден 21 октября 43 г. Орденом Красного Знамя и он где-то плавает»¹⁸. В 1947 г. написал: «Анна Дмитриевна сообщаю Вам, что награду получил Орден Отеч. Войны II степени. Конечно по моим боевым подвигам очень мало но ладно все таки награда»¹⁹. В марте 1947 г. вместе с очередным письмом Шепелев прислал свою фотографию с двумя орденами и медалью на груди²⁰. Надпись на обороте гласила: «На память Анне Дмитриевне от Вити Шепелева. Дарю тому кто не покладая рук ухаживал за ранеными воинами Красной армии. Ваш воспитанник В. Шепелев. 21/III-47 г.»²¹.

Письма солдата служат иллюстрацией государственных действий по поддержке фронтовиков. Известно, что в 1944–1945 гг. правительство стало предпринимать шаги по созданию системы мер поддержки участников войны, особенно инвалидов: в сфере пенсионного обеспечения, лечения, протезирования, трудоустройства и т.д. Местным органам власти, профсоюзным организациям предписывалось в обязательном порядке содействовать бытовому обслуживанию инвалидов войны²². Такое содействие В. Шепелев получал и сообщал о нем Байковой: «Я как инвалид лишился обеих ног на фронте получаю пенсию»²³; «Анна Дмитриевна в настоящее время живу ничего меня государство мне помогает так, как лишился обеих ног в боях за Родину, а тем более я еще учуся и местная власть уделяет более внимания на меня нежели на дру-

гих»²⁴; «<...> сообщаю, что мне гос-во помогло дала корову, дает 6 литров молока. Я работаю бухгалтером в Областной конторе Книготорговли, время провожу хорошо <...>»²⁵.

Виктор Шепелев был способен находить светлые стороны в своей жизни, радоваться простым вещам. Главным утешением ему служила способность пользоваться протезами, что придавало уверенности и позволяло ощущать себя менее ущемленным: «Здоровье мое хорошее, протезами я пользуюсь хорошо большинство бываю в протезах с 7 часов утра до 10 ч. вечера я так с ними свыкся и чувствую как будто на своих ногах <...>»²⁶. Виктор был вовлечен в общественно-политическую жизнь города: «Я думаю Анна Дмитриевна что я могу быть полезный Родине, не смотря на мою инвалидность, меня приняли в кандидаты члена ВКП(б) и я думаю оправдать это доверие»²⁷. Радовала его и просто мирная обстановка: «Жизнь сейчас стоит у нас хорошая, погода стоит солнечная, хорошая, а я вот живу около парка Культуры и Отдыха где имеется речка Чаган, которая впадает в Урал. Кроме того в парке имеется стадион. В выходные дни я хожу пешком до него только два квартала так метров 300 больше не будет»²⁸.

В одном из писем автор упоминает знаковое для 1940-х гг. событие – денежную реформу 1947 г., главными результатами которой стали стабилизация национальной валюты, отмена продовольственных карточек, переход к единым розничным ценам. В конце декабря 1947 г. Шепелев так отзывался о реформе: «Жизнь у нас хорошая, а особенно после денежной реформы, сейчас вольная торговля, в магазинах не так много но все таки есть товар и продается вольно»²⁹.

Приятные события происходили и в личной жизни фронтовика. Весной 1947 г. он поделился с Байковой новостью о своем романе с девушкой и серьезном намерении жениться: «Я хочу жениться и вот попрошу совет от Вас. Я гуляю с одной девушкой Дусенькой уже года полтора она работает ст. бухгалтером в горсобесе конечно очень уважает и входит в мое положение и не смотрит на то что нет у меня ног, я уже сделал ей предложение и она не возражает, мамаша и папаша не возражают, и вот я решил написать Вам

письмо и попросить у Вас благословления как у родной мамаше»³⁰.

Письма Шепелева практически лишены жалоб и уныния. Их общий тон говорит о несомненной силе духа этого человека и даже своего рода оптимизме: в письмах неизменно повторяется фраза – «сообщаю, что жив и здоров, жизнь у нас сейчас хорошая». В действительности жизнь инвалида совсем не была простой, а груз проблем со временем только увеличивался. Пришедшее к нему однажды осознание своей увечности и ненужности Виктор выплеснул на страницы очередных писем Байковой в декабре 1947 г. Под ними могли бы подписаться все инвалиды войны.

Проблема проблем – инвалидность – была неустранима, делала фронтовика зависимым, лишала свободы передвижения и усложняла даже самые простые действия. Служившая ему коляска (инвалидное кресло), полученная благодаря хлопотам Байковой еще в Москве, изнашивалась и требовала замены, что оказалось практически невыполнимой задачей: «Каляска в нашей местности очень портится потому мне на ней приходится ездить и в грязь и в снег»³¹. Трудности передвижения нередко становились причиной вынужденных прогулов и неприятностей на работе: «В плохую погоду ездить не только трудно но и совсем нельзя. Администрация на мой неприезд смотрит неважно. Конечно они мне не говорят но мне не удобно. Я же знаете Анна Дмитриевна не виноватый в этом но мне кажется я делаю не хорошо»³². Он пояснял проблему: «<...> Наш город не мощный много летом выпадает осадков (дождей) зимой снег: это затрудняет езду. Транспорта у нас в организации нет, а организация от меня находится на порядочном расстоянии. Словом как только дождь и снег так очень принимаю большие трудности и за частую бывают сломы коляски»³³. Виктор опасался перспективы потерять работу и, хуже того, опуститься: «Если не работать то я предвижу – смотрю на других инвалидов они ведут очень плохо себя сидят на рынке торгуют пьют но я на это идти не желаю»³⁴.

Большие страдания причинила рухнувшая любовь: «Хочу Анна Дмитриевна написать и подилится насчет своей барышне Дусе. Месяца два назад у нее приехал товарищ который демобили-

зовался из Советской Армии. И она с ним начала гулять и дружить а меня позабыла. Конечно не мало я пережил в это время но себя я не унизил и духом не упал раз такая постигла нас судьба. Она его полюбила, потому что он парень в полном здравии, красив и орде-нов у него больше чем у меня. А я инвалид ездию на каляске и ей неудобно около меня итти»³⁵.

Обида захлестнула. В этих обстоятельствах Виктор, вероятно, впервые проявил слабость и увидел один радикальный выход – все бросить, скрыться, уехать из Уральска в Москву и поселиться в Доме инвалидов: «Я прошу Вас как родную маму помочь мне. Я хотел бы выехать из Уральска в Москву. Устроится там в дом инвалидов или учиться (образование 9 кл.) или работать, в Москве я бы не встретил затруднения в передвижении»³⁶. Как видим, фронтовику было известно о специализированных государственных учреждениях – интернатах для инвалидов войны, существовавших в 1940–1960-х гг. почти повсеместно. В описываемый период в стране проводились кампании по переселению тысяч фронтовиков-инвалидов, особенно одиноких и самых искалеченных (слепых, безногих, безруких), в подобные закрытые заведения³⁷. Нам неизвестно, какие слова нашла Анна Дмитриевна для своего воспитанника в ответ на его просьбу, но общий их смысл сохранился в ее пометках на конверте полученного письма: «Шепелев В.С. Пол. 24/XI–47 г. Отв. 28/XI–47 г. Посоветовала в Дом инвалидов не поступать. От родной семьи не отрываться. Свою специальность не бросать (бухгалтера), а усовершенствовать ее»³⁸. К счастью, рекомендации Байковой возымели действие и охладили эмоциональный порыв подопечного. 25 декабря 1947 г. он ответил так: «Анна Дмитриевна Ваше письмо я получил и очень благодарю за совет. Вы правильно мне посоветовали остаться в Уральске среди своей семьи, и на родине у себя. Но знаете Анна Дмитриевна я просто не обдуманно написал, в том что я могу получить образование и хорошую калификацию и здесь. Теперь я горячо и стремительно сяду за бухгалтерское дело и буду подниматся dalje в получении знания»³⁹.

Переписка показывает, что Виктор пытался справиться с собой и встать выше обстоятельств. В этом контексте показателен

факт упоминания в письмах самой знаменитой книги послевоенного времени – «Повесть о настоящем человеке» Бориса Полевого. Художественный фильм, снятый по повести в 1948 г., произвел на Виктора Шепелева еще большее впечатление. Он невольно примерил на себя опыт легендарного безногого летчика Алексея Маресьева, историю которого в 1940-е гг. знала вся страна. Шепелев и сам учился заново ходить: «У меня была мечта встать на протезы что я не мог, считал большой трудностью я ее сделал как трудно было сейчас хожу очень хорошо <...>»⁴⁰. А ведь Маресьев не только встал на протезы, но и вернулся за штурвал самолета! «Анна Дмитриевна я посмотрел кино-фильм Повесть о настоящем человеке так-же ранее читал книгу. И очень растроился. До этого у меня были стремления учиться пробивать дорогу далее и далее быть таким человеком, чтобы люди завидовали. Но здесь у меня прямо незнаю как вам выразить эту мысль. На фронте я прошел большой путь имел выполнение больших заданий командиров был ранен тяжело во время выполнения важного задания перенес большие трудности во время когда лежал в госпитале. И я вот сравнил это все с фильмом и книгой у меня конечно тоже есть чем погордиться и представиться но не могу»⁴¹. Фронтовик не нашел точных слов для своих ощущений, но вывод ясен: образец А. Маресьева был недостижим.

Инвалидность серьезно сказывалась на состоянии здоровья ветерана, которое со временем только ухудшалось. 21 декабря 1951 г. он писал: «Сейчас как 3 недели я нахожусь в горбольнице привезли меня на скорой помощи получилось у меня сильное обострение кости правой культи. Сейчас стало маленечко лучше на операцию я не согласился. Знаете почему ведь у меня обе культи и мне нужно все-таки пользоваться протезами. Я решил здесь у себя не делать операцию а лечь в госпиталь <...>»⁴².

Как работник «с проблемами» он постоянно вызывал недовольство со стороны руководства учреждения: «Все хорошо, только директор у нас меня разлюбила и маленечко меня не возлюбляет вот только что мне неприятно в моей настоящей жизни»⁴³; «Работаю на старом месте вечерами учусь. Все хорошо только на ра-

боте бывают неполадки со стороны дирекции в целях <...> увольнения с работы»⁴⁴. В декабрьском письме 1953 г. он вскользь сообщил, что с работы уволился⁴⁵.

Между тем, в письмах В. Шепелева зазвучали и радостные ноты. Важное известие пришло к А.Д. Байковой в 1949 г.: «Особенно должен Вас уведомить Анна Дмитриевна в том что я женился. Взял местную девушку, хорошую которая ценит и уважает меня»⁴⁶. В 1950 г. сообщил о рождении дочери⁴⁷. Порадовала его и очередная помощь государства, обеспечившего инвалида в 1949 г. новым средством передвижения. «Я сегодняшний год с 26 января по 20 марта находился в Алма-Ате лежал в госпитале восстановительной хирургии, но не лечился. Меня вызвали одного инвалида 1 группы как полезного гос-ву так как я один из инвалидов 1 группы работаю в гос. учреждении и мне дали мотоциклет трехколесный двух местный я на нем ездию вдвоем с подружкой очень удобный и красивый я его привез в марте в конце еще, в Уральске нет таких более»⁴⁸. В родном городе Виктор Шепелев, видимо, был на виду как фронтовик и член Коммунистической партии: «Местная власть ко мне относится хорошо. Нет и не проходит такого чтобы мне не дали пригласительного билета на торжественные заседания, всегда мне дают пригласительный билет»⁴⁹. Нашлось в жизни Виктора место и новым увлечениям, о чем он сообщал в 1949 г.: «Жизнь проходит хорошо, особенно утопаю в книгах очень люблю читать и самую первую книгу поступавшую к нам в магазин я беру, потому что книги на область проходят через наш магазин»⁵⁰. В письмах 1950-х гг. фронтовик информировал Байкову об уровне жизни в городе: «Жизнь у нас в городе ничего хорошая на рынке продукты дешевле и в магазинах тоже много более чем было до войны»⁵¹.

Информация об окружении В. Шепелева исчерпывается только упоминаниями о близких родственниках, при этом настолько скудными, что составить полное представление о его семье не удастся. В письмах ни разу не названы имена родителей, жены и детей. Возможно, они были известны А.Д. Байковой по устным рассказам Виктора. Лишь из единственного письма мы узнаем имена

его сестер – Лида и Нина, о последней в 1947 г. сообщалось, что она учится «в институте на истфаке II курса»⁵². В письме 1955 г. содержалась новость об отце: «Он у нас Анна Дмитриевна персональный пенсионер в сегодняшнем году ему облизполком решением вынес эту пенсию за активную работу в момент образования Советской власти в городе»⁵³.

Образ жизни семьи был скромен и так же скромно описан в письмах: «Жизнь проходит по тихоньку. Живу нечего сестренки учатся папа работает мама работает по дому. Живем так материально не нуждаемся»⁵⁴. В 1953 г. фронтовик раскрыл Анне Дмитриевне некоторые подробности своей семейной жизни: «Жив и здоров, временно не работаю делаю подготовку на сдачу испытания по курсу на главного бухгалтера. Жена временно поступила работать. Семья моя большая. Девочка и мальчик – по младше. Живем дружно и взаимно уважаем друг друга. Жена меня уважает, не смотрит на мою инвалидность. Очень послушная. Живем мы у папе во дворе в маленькой пристройке но на лето думаем строится»⁵⁵.

Последнее из сохранившихся писем В.С. Шепелева было написано 30 декабря 1955 г. В нем он, в частности, писал: «Я и мое семейство живы и здоровы все передают вам привет и пожелания в добром здорovyи. <...> Здорovyе ничего живем с женой хорошо детки растут. На этом пока заканчиваю. Пишите Анна Дмитриевна буду очень рад и благодарен Вам. В. Шепелев»⁵⁶. Ил. 6.

Спустя годы о дальнейшей судьбе Виктора Сергеевича Шепелева кратко рассказала А.Д. Байкова в своих записях о Военно-шефской комиссии: «Бывший шофер, 20-ти летний Шепелев В., потерявший обе ноги, в госпитале начал обучаться бухгалтерии, а в Уральске закончил курсы бухгалтеров, работал там бухгалтером, там же женился, имеет 3-х детей, до настоящего времени ведет со мной переписку. Сейчас он пенсионер, ежегодно приезжает в Москву для смены протезов и останавливается у меня. 21/І–70 г.»⁵⁷. Ил. 7.

Солдатские письма из г. Уральска за 1945–1955 гг. раскрывают типичную историю фронтовика-инвалида, в жизни которого вой-

на сыграла роковую роль. Ресурс человеческих возможностей инвалидов войны был сильно занижен, хотя многие из них в мирное время стремились к активной позиции. Полученные увечья серьезно ограничили их жизненное пространство, радикально изменили личные потребности и устремления, поставили их на линию нового фронта – борьбы с обстоятельствами. По окончании Великой Отечественной войны советское государство пыталось создать систему мер благоприятствования пострадавшим фронтовикам, однако ситуация разрухи в стране объективно препятствовала реализации многих задуманных мер. Послевоенное общество воспринимало фронтовиков-инвалидов как свою неотъемлемую, но весьма проблемную часть. Введение в научный оборот документальных комплексов частного характера позволяет конкретизировать общеисторические знания, расширить и дополнить фактическую историю мировых войн в аспекте их социальных последствий.

Послесловие

В июле 2020 г. с помощью коллег-историков из России и Казахстана автору статьи удалось разыскать старшую дочь В.С. Шепелева Любовь Викторовну (1950 г. рождения), ее дочь Ирину (внучка Шепелева, 1971 г. рождения) и ее внуку Руфину (правнучка Шепелева, 2003 г. рождения). Внука и правнучка Шепелева сообщили в телефонном разговоре и передали по электронной почте дополнительную информацию о послевоенной жизни их деда и прадеда, ряд семейных фотографий. Выяснилось, что В.С. Шепелев был женат на Раисе Николаевне, имел троих детей – дочь и двух сыновей, а впоследствии 11 внуков и 20 правнуков. Ил. 8, 9. Много читал, собрал богатую домашнюю библиотеку; своими руками делал мебель. После 1953 г. работал экспедитором. Был подшефным Машиностроительного завода им. К.Е. Ворошилова в Уральске, с помощью которого в 1955 г. для семьи был построен дом. Ежегодно был вынужден менять протезы (по словам родственников – не менее 40 раз). Ил. 10, 11. Умер в 1984 г. в возрасте 60 лет от тяжелого заболевания, связанного с его фронтовым увечьем. Жена, пережив его на 33 года,

умерла в 2017 г. Писем от А.Д. Байковой к В.С. Шепелеву в семейном архиве не сохранилось.

Выражаю свою искреннюю благодарность доктору исторических наук Аманжоловой Дине Ахметжановне (г. Москва, Российская Федерация), директору Фонда содействия научным исследованиям, магистру истории Курумбаеву Айбулату Шамуратовичу (г. Уральск, Республика Казахстан) за поддержку и помощь в поиске родственников В.С. Шепелева в г. Уральске, а также правнучке В.С. Шепелева Овчинниковой Руфине Александровне (Ил. 12), хранителю семейной истории, за плодотворное общение с автором статьи и передачу на хранение в Архив РАН копий сохранившихся документов прадеда.

Примечания

1. Россия и СССР в войнах XX века: потери вооруженных сил. Статистическое исследование / Под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. М., 2001. С. 248. Табл. 132.
2. Архив РАН (АРАН). Ф. 525. Оп. 1. Д. 68, 73, 78.
3. АРАН. Ф. 525. Оп. 1. Д. 68, 73, 78, 82.
4. Письмо В.С. Шепелева маршалу Советского Союза К.К. Рокоссовскому. 6 апреля 1946 г. // АРАН. Ф. 525. Оп. 1. Д. 73. Л. 2–3.
5. Письмо В.С. Шепелева А.Д. Байковой. 27 октября 1946 г. // АРАН. Ф. 525. Оп. 1. Д. 78. Л. 14.
6. Письмо В.С. Шепелева маршалу Советского Союза К.К. Рокоссовскому. 6 апреля 1946 г. // АРАН. Ф. 525. Оп. 1. Д. 73. Л. 2–3.
7. Письмо В.С. Шепелева А.Д. Байковой. 24 сентября 1946 г. // АРАН. Ф. 525. Оп. 1. Д. 78. Л. 12.
8. Письмо В.С. Шепелева маршалу Советского Союза К.К. Рокоссовскому. 6 апреля 1946 г. // АРАН. Ф. 525. Оп. 1. Д. 73. Л. 3.
9. Вырезка из газеты «Красная Звезда». 18 мая 1944 г. // АРАН. Ф. 525. Оп. 1. Д. 9.
10. Письмо В.С. Шепелева А.Д. Байковой. 15 марта 1946 г. // АРАН. Ф. 525. Оп. 1. Д. 78. Л. 19, 19 об.
11. Письмо В.С. Шепелева А.Д. Байковой. 23 декабря 1948 г. // АРАН. Ф. 525. Оп. 1. Д. 78. Л. 29.
12. Письмо В.С. Шепелева А.Д. Байковой. 2 сентября 1946 г. // АРАН. Ф. 525. Оп. 1. Д. 78. Л. 11. Об учебе. 02.09.1946 г.

13. Письмо В.С. Шепелева А.Д. Байковой. 27 октября 1946 г. // АРАН. Ф. 525. Оп. 1. Д. 78. Л. 14.
14. Письмо В.С. Шепелева А.Д. Байковой. 13 ноября 1947 г. // АРАН. Ф. 525. Оп. 1. Д. 78. Л. 22 об.
15. Письмо В.С. Шепелева А.Д. Байковой. 15 марта 1946 г. // АРАН. Ф. 525. Оп. 1. Д. 78. Л. 19а.
16. Письмо В.С. Шепелева А.Д. Байковой. 25 ноября 1947 г. // АРАН. Ф. 525. Оп. 1. Д. 78. Л. 25 об.
17. Письмо В.С. Шепелева А.Д. Байковой. 4 апреля 1946 г. // АРАН. Ф. 525. Оп. 1. Д. 73. Л. 1.
18. Письмо В.С. Шепелева А.Д. Байковой. 27 октября 1946 г. // АРАН. Ф. 525. Оп. 1. Д. 78. Л. 14 об.
19. Письмо В.С. Шепелева А.Д. Байковой. 21 марта 1947 г. // АРАН. Ф. 525. Оп. 1. Д. 78. Л. 16 об.
20. Фотография В.С. Шепелева. 21 марта 1947 г. // АРАН. Ф. 525. Оп. 1. Д. 78. Л. 13а.
21. Дарственная надпись на фотографии В.С. Шепелева. 21 марта 1947 г. // АРАН. Ф. 525. Оп. 1. Д. 78. Л. 13а об.
22. *Зинич М.С.* Государственная политика СССР в социальной сфере в завершающий период Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война и проблемы национальной безопасности современной России. Международная научно-практическая конференция к 75-летию Победы Советского Союза над фашистской Германией. Оренбург, 23–25 апреля 2020 г.: сборник статей / Науч. ред. Р.Р. Хисамутдинова. Оренбург, 2020. С. 126.
23. Письмо В.С. Шепелева А.Д. Байковой // АРАН. Ф. 525. Оп. 1. Д. 78. Л. 11 об.
24. Письмо В.С. Шепелева А.Д. Байковой. 25 декабря 1945 г. // АРАН. Ф. 525. Оп. 1. Д. 68. Л. 19 об.
25. Письмо В.С. Шепелева А.Д. Байковой. 16 июня 1947 г. // АРАН. Ф. 525. Оп. 1. Д. 78. Л. 19а.
26. Письмо В.С. Шепелева А.Д. Байковой. 2 сентября 1946 г. // АРАН. Ф. 525. Оп. 1. Д. 78. Л. 11.
27. Там же.
28. Письмо В.С. Шепелева А.Д. Байковой. 17 июня 1946 г. // АРАН. Ф. 525. Оп. 1. Д. 78. Л. 21, 21 об.
29. Письмо В.С. Шепелева А.Д. Байковой. 25 декабря 1947 г. // АРАН. Ф. 525. Оп. 1. Д. 78. Л. 27 об.
30. Письмо В.С. Шепелева А.Д. Байковой. 21 марта 1947 г. // АРАН. Ф. 525. Оп. 1. Д. 78. Л. 16 об.

31. Письмо В.С. Шепелева А.Д. Байковой. 15 марта 1946 г. // АРАН. Ф. 525. Оп. 1. Д. 78. Л. 19 об.
32. Письмо В.С. Шепелева А.Д. Байковой. 13 ноября 1947 г. // АРАН. Ф. 525. Оп. 1. Д. 78. Л. 22 об.
33. Письмо В.С. Шепелева А.Д. Байковой. 25 ноября 1947 г. // АРАН. Ф. 525. Оп. 1. Д. 78. Л. 26.
34. Там же.
35. Письмо В.С. Шепелева А.Д. Байковой. 13 ноября 1947 г. // АРАН. Ф. 525. Оп. 1. Д. 78. Л. 23.
36. Там же.
37. Подробнее см.: *Зубкова Е.Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 1999; *Сенявская Е.С.* 1941–1945. Фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование. М., 1995; *Кузнецов Е.* Валаамская тетрадь. СПб., 2004.
38. Пометки А.Д. Байковой на конверте письма В.С. Шепелева. 28 ноября 1947 г. // АРАН. Ф. 525. Оп. 1. Д. 78. Л. 24 об.
39. Письмо В.С. Шепелева А.Д. Байковой. 25 декабря 1947 г. // АРАН. Ф. 525. Оп. 1. Д. 78. Л. 27.
40. Письмо В.С. Шепелева А.Д. Байковой. 23 декабря 1948 г. // АРАН. Ф. 525. Оп. 1. Д. 78. Л. 29 об.
41. Там же. Л. 29.
42. Письмо В.С. Шепелева А.Д. Байковой. 21 декабря 1951 г. // АРАН. Ф. 525. Оп. 1. Д. 78. Л. 45–45 об.
43. Письмо В.С. Шепелева А.Д. Байковой. 3 ноября 1949 г. // АРАН. Ф. 525. Оп. 1. Д. 78. Л. 32.
44. Письмо В.С. Шепелева А.Д. Байковой. 1 мая 1950 г. // АРАН. Ф. 525. Оп. 1. Д. 78. Л. 36.
45. Письмо В.С. Шепелева А.Д. Байковой. 29 декабря 1953 г. // АРАН. Ф. 525. Оп. 1. Д. 78. Л. 41.
46. Письмо В.С. Шепелева А.Д. Байковой. 3 ноября 1949 г. // АРАН. Ф. 525. Оп. 1. Д. 78. Л. 31.
47. Письмо В.С. Шепелева А.Д. Байковой. 1 мая 1950 г. // АРАН. Ф. 525. Оп. 1. Д. 78. Л. 36.
48. Письмо В.С. Шепелева А.Д. Байковой. 3 ноября 1949 г. // АРАН. Ф. 525. Оп. 1. Д. 78. Л. 31 об.
49. Там же. Л. 31 об. – 32.
50. Письмо В.С. Шепелева А.Д. Байковой. 3 ноября 1949 г. // АРАН. Ф. 525. Оп. 1. Д. 78. Л. 32.
51. Письмо В.С. Шепелева А.Д. Байковой. 29 декабря 1953 г. // АРАН. Ф. 525. Оп. 1. Д. 78. Л. 41–41 об.

52. Письмо В.С. Шепелева А.Д. Байковой. 13 ноября 1947 г. // АРАН. Ф. 525. Оп. 1. Д. 78. Л. 23 об.
53. Письмо В.С. Шепелева А.Д. Байковой. 30 декабря 1955 г. // АРАН. Ф. 525. Оп. 1. Д. 78. Л. 49.
54. Письмо В.С. Шепелева А.Д. Байковой. 23 декабря 1948 г. // АРАН. Ф. 525. Оп. 1. Д. 78. Л. 29.
55. Письмо В.С. Шепелева А.Д. Байковой. 29 декабря 1953 г. // АРАН. Ф. 525. Оп. 1. Д. 78. Л. 41–41 об.
56. Письмо В.С. Шепелева А.Д. Байковой. 30 декабря 1955 г. // АРАН. Ф. 525. Оп. 1. Д. 78. Л. 49.
57. Записка А.Д. Байковой о работе Шефской комиссии (дополнение к отчетам). 21 января 1970 г. // АРАН. Ф. 525. Оп. 1. Д. 82. Л. 2.

А. Д. БАЙКОВА.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Военно-офицерской Комиссии АН СССР. 1945г.

Ил. 1. Байкова Анна Дмитриевна. Председатель Военно-офицерской
комиссии АН СССР. Фотография. 1945 г.

АРАН. Ф. 525. Оп. 1. Д. 93. Л. 11.

Ил. 2. Шепелев Виктор Сергеевич. Фотография. 1947 г.
АРАН. Ф. 525. Оп. 1. Д. 78. Л. 13а.

Ил. 3. Байкова Анна Дмитриевна в палате госпиталя № 5018.
Фотография. АРАН. Ф. 525. Оп. 1. Д. 93. Л. 1.

Западный - Казахский = Грабисе /Губе./

Здравствуйте Анна Дмитриевна!!!

Прещу вам письмо с шед Роденф с далекий Казахстанский
сидней. Прощаю вам привейте письмо вам здоровья на
много много, много лет.

События вам Анна Дмитриевна!!!, что с шед ч.здоров
и всеядно сезд хорошо, прощайтесь и шед изобретения
све калитрацию Губеиш.

Анна Дмитриевна у шед сезд к вам болшая просьба
и Нека не могу добить о Назрандеш мей за мей пошине
на дорной во вранц Обогонный вранц пошеле в свою
госсе письмо, в гасеи свои вы не доходяи при вранц
переходит вранц, мей сезд и не могу добить.

Я решил написать письмо своему мерчану Консидантин
Консидантинвичу Рокоссовскому.

Я решил в вранц письмо Запигайовиче в конвент и перешил
его по адресу Рокоссовскому. В шед прещу вас Анна Дмитриевна
и в значеи шед с пошелем в вранц вранц и в вранц
и Назрандеш не Назрандеш шед, мей обидно
вот в вранц сезд мейросте. Перегаите при вранц
мейросте, Запигайовиче, Пошаре Михаиле Запигайовиче
сидней. А шед мей добить здравый на много лет
Анна Дмитриевна с пошелем в вранц мейросте
Запигайовиче. Я с сезд пошелем и перешил письмо
о сезд пошелем а адреси мейросте. 11.11.1946

Ил. 4. Письмо В.С. Шепелева А.Д. Байковой. 4 апреля 1946 г.
АРАН. Ф. 525. Оп. 1. Д. 73. Л. 1.

11

Москва, Б. Нахуская, 14
Академия Наук СССР

Войсковая Часть

Полная Почта
— 01864 —

28. Май 1946 г.
No

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВОЕННО-МЕДИКОМ КОМИССИИ АКАДЕМИИ
НАУК СССР - БАЙКОВОЙ Анне Дмитриевне

Уважаемая Анна Дмитриевна!

Ваше письмо с просьбой представить гвардии сержанта
ШЕПЕЛЕВА Виктора Сергеевича к правительственной награде
мной получено.

Сообщаю Вам, что часть, в которой служил тов.
ШЕПЕЛЕВ в составе вверенных мне войск не находится и не
находилась, поэтому решить вопрос о награждении я не могу
и материал направил в штаб сухопутных войск Вооруженных
Сил СССР в г. Москву.

С уважением
Рокоссовский
МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА (К. РОКОССОВСКИЙ)

Ил. 5. Письмо маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского
А.Д. Байковой. 28 мая 1946 г. АРАН. Ф. 525. Оп. 1. Д. 73. Л. 11.

Ураеву 49
30 VII 1955 год.

Здравствуйте Анна Дмитриевна
Проздравляю вас и все ваше семе-
йство с юбилейной датой 1956 года моего
вашего доброго здоровья и долголетия
муж. Анна Дмитриевна очень благодарна
вам за ваше заботу и внимание, и
более всего - за то, что вы всегда
и во всем семействе и в здоровье все
успешно вам удается и помогаю в добром
здоровьи. Особенно благодарна вам - он
и вы Анна Дмитриевна прекраснейший
человек в семействе и вы все благодар-
ны за все, что вы делаете за вас.
Ваша забота в моменты образования детей
и в жизни.

Я не работаю, а вседу nyugosmano
в июне 1956 года буду зделат менишмент
в Москве. Зделат менишмент
с менишментом гднм разднм.
на здел менишмент менишмент
Анна Дмитриевна буду омен разднм
годам разднм.
с менишмент менишмент

2

Кроме того я обращаюсь в музей, откуда нам периодически давали картины, которые время от времени менялись. К каждому празднику мы приглашали несколько академиков и ученых для бесед с ранеными.

В госпитале №5018 была организована прагматичная профессора Степановича М.А. который принимал участие в различных мероприятиях.

К высокообразованным бойцам, потерявшим полностью трудоспособность, мы приглашали лиц, которые обучали их другим специальностям, которые они могли выполнять.

Напр. бывший шофер 20-летнего Мелев В., потерявший обе ноги, в госпитале начал обучаться бухгалтерии, а в Ураеве закончил курс бухгалтеров, работал там бухгалтером, там же женился, имеет 3-х детей, до настоящего времени ведет со мной переписку.

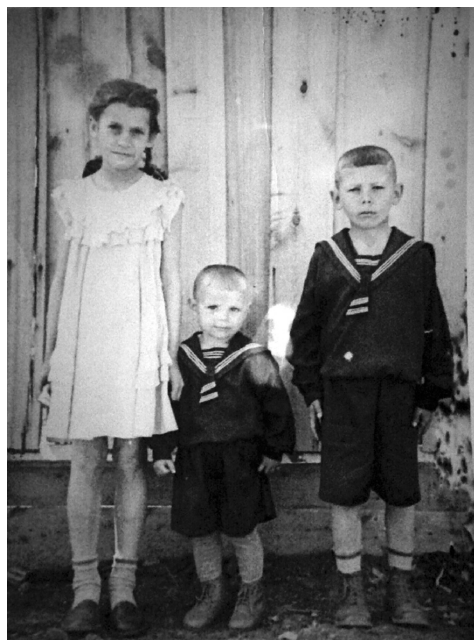
Сейчас он пенсионер, ежедневно приезжает в Москву для смены протезов и останавливается у меня. Слепые обучались в госпитале игре на баяне и т.д. В госпитале №1447 я каждому празднику вывозила группу общественников для раздачи подарков и проведения культ. работ.

А. Байкова 21/1-702,

Ил. 7. Отрывок из записки А.Д. Байковой о Военно-шефской комиссии.
21 января 1970 г. АРАН. Ф. 525. Оп. 1. Д. 82. Л. 2.

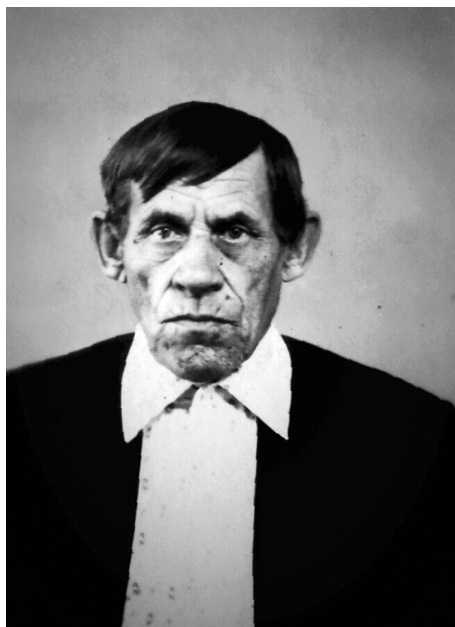
Ил. 8. В.С. Шепелев с женой Раисой. 1952 г.

Ил. 9. Дети В.С. Шепелева – Люба, Валера и Вова. 1958 г.

Ил. 10. В.С. Шепелев без протезов. 1965 г.

Ил. 11. В.С. Шепелев в возрасте 55 лет. 1979 г.

Ил. 12. Руфина Овчинникова, правнучка В.С. Шепелева. 2020 г.

**Вопросы после войны:
академик А.М. Панкратова о культе личности Сталина**

T.S. Bushueva

**The questions after War: Academician A.M. Pankratova
on the Stalin's cult of personality**

Аннотация. Развенчание на XX съезде КПСС в 1956 г. политики Сталина у значительной части населения СССР вызвало как надежды на перемены, так и неприязнь к разоблачителям. Под шквал жестких вопросов жителей Ленинграда, связанных с оценкой роли Сталина в истории, попала академик, член ЦК КПСС, автор учебников по истории СССР А.М. Панкратова. Сохранившийся архивный источник – почти 800 социально-политических вопросов в ее адрес – отразил существование особого типа гражданского общества советского формата.

Ключевые слова: культ личности, историки, Отечественная война, общественное сознание, архивы, ленинградцы.

Abstract. The debunking of Stalin's policies in the XXth Congress of the CPSU in 1956 aroused both hopes for change and dislike for whistleblowers among a large part of the population of the USSR. A.M. Pankratova, Academician, Member of the CPSU Central Committee, author of textbooks on the history of the USSR, came under a barrage of tough questions from Leningrad residents related to the assessment of Stalin's role in history. The preserved archival source – almost 800 socio-political questions addressed to A.M. Pankratova reflected the existence of a special type of civil society of the Soviet format.

Keywords: cult of personality, historians, Patriotic War, public consciousness, archives, Leningraders.

Советская действительность все более отдаляется от современных поколений, но ее наследие продолжает сохранять все еще мало изученный и до конца непонятый цивилизационный смысл советского времени. Историю делает большая политика и политики, но слишком часто ответственными за прошлое оказываются историки, задача которых объективно и беспристрастно воздействовать на мировоззрение общества. О роли И.В. Сталина в отечественной и мировой истории сложилась многотысячная библиографическая «Сталиниана», но тем не менее накал ожесточенной полемики защитников и оппонентов этой исторической личности не ослабевает.

В контексте этой проблемы небезынтересно обратиться к одному «живому» источнику. В мартовские дни 1956 г. по итогам доклада первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС (февраль 1956 г.), посвященного разоблачению культа личности Сталина, перед общественностью Ленинграда выступила Анна Михайловна Панкратова. Ее имя как академика, члена ЦК КПСС, депутата, делегата партийных съездов, редактора журнала «Вопросы истории» и, конечно же, автора учебников по истории СССР, было хорошо известно в стране. Тематика ее лекционной деятельности в те дни была следующей: «XX съезд КПСС и задачи исторической науки». В ходе ее выступлений жители Ленинграда, очевидно неожиданно и для самой Панкратовой, обрушили на нее буквально шквал вопросов о культе личности Сталина, требовавших немедленных ответов.

Выступления Панкратовой прошли в следующем формате. 20 марта 1956 г. она прочитала публичную лекцию в Центральной лектории Ленинградского отделения Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, где присутствовало 750 человек, задавших 111 вопросов. В тот же день ее слушали 180 человек на собрании научных работников Центрального государственного исторического архива Ленинграда, Центрального архива военно-морского флота, Архивного отдела Управления МВД СССР по Ленинградской области и областных архивов, задавших 33 вопроса. 21 марта академик читала лекцию в присут-

ствии 700 человек лекторов-историков и международных в Центральном лектории, где ей вручили 128 записок с вопросами и в Доме ученых, где 500 человек задали ей 48 вопросов. 22 марта она провела беседу с активом в 50 человек историков Ленинграда, получив 37 вопросов; затем выступила в Центральном лектории для 750 человек, подавших 199 вопросов. Доклад Панкратовой в доме писателей им. Маяковского 22 марта собрал 500 человек, задавших 58 вопросов, а 23 марта на собрании актива Ленинградской городской организации КПСС уже присутствовало две тысячи человек, передавших Панкратовой 143 записки с вопросами. Доклад на собрании учителей истории школ Ленинграда собрал 500 человек, которые задали 68 вопросов. Всего на девяти лекциях в те дни побывало 5930 человек и было задано Панкратовой 825 вопросов¹.

Известно, что о своих трехдневных напряженных выступлениях в массовых аудиториях Ленинграда и содержании острых вопросов, Панкратова сообщила письменно в Президиум ЦК КПСС; секретарю Ленинградского обкома партии А.И. Попову, а перепечатанный, и уже тематически сгруппированный текст записок, в силу их значимости, поступил в ЦК КПСС лично Хрущеву и в отдел науки². Рукописные подлинники этих материалов (130 вопросов) ныне хранятся в архиве общества «Мемориал». Они частично опубликованы и проанализированы исследователем Б.И. Беленкиным³.

Одновременно в Российском государственном архиве социально-политической истории в фонде Наркома обороны СССР К.Е. Ворошилова (в рассматриваемый отрезок времени он был Председателем Президиума Верховного Совета СССР) также обнаружились подобные материалы, но в более полном объеме⁴. Вся коллекция – это уже не рукописный, как в «Мемориале», а машинописный текст многочисленных вопросов с подчеркиваниями, очевидно сделанными позднее теми, кто цензурировал материал и сопровождал вопросы ремарками: «подпись неразборчива» или «без подписи». Всем материалам авторов записок присуща типичность сюжетов, смыслов и языка.

Вопросы ленинградцев А.М. Панкратовой можно рассматривать как живое отражение в массовом сознании последствий

XX съезда КПСС и разоблачения Н.С. Хрущевым «культы личности» И.В. Сталина.

«<...> Всякое настроение человека в той или иной степени, как отмечает профессор Б.Д. Парыгин, социально как по своей детерминации, так и по своему содержанию. Настроение – исключительно сложное, многогранное и вместе с тем очень значимое социально-психологическое образование»⁵. В свою очередь, социолог П.П. Марченко утверждает: «Вожаки и массы не играют заметной роли в стабильном социуме. Они выходят на первый план, когда рушатся групповые связи и межгрупповые границы, когда общество деструктурируется, дестратифицируется, «перемешивается», переживая период своеобразного «социопотрясения». Такое происходит при всевозможных социальных катаклизмах (войны, революции, перевороты, системные кризисы, поспешные крупномасштабные реформы и прочие «великие перемены»)»⁶.

Именно как социально-психологический феномен и социопотрясение можно рассматривать реакцию граждан Ленинграда в прицеле заданных ими вопросов в адрес партийного функционера Панкратовой о культе личности Сталина. Они являются наглядным свидетельством того, как информация Хрущева на съезде КПСС сразу же начала рушить сложившиеся десятилетиями устойчивые и привычные миллионам советских людей форматы отношений к властным структурам и партийному вождю.

Развенчание новым руководителем СССР более чем тридцатилетней политики умершего Сталина для значительной части населения страны оказалось неожиданным и болезненно воспринятым. Спектр социально-политического, психологического состояния общественного сознания в связи с докладом Хрущева, был альтернативным и отразил как надежды людей на перемены в их жизни, так и социальную апатию, недоумение, разочарование, растерянность и неприязнь к разоблачителям Сталина.

Общественное сознание, много лет хранившее идеологическую заданность в оценке личности вождя, а также казавшиеся устойчивыми общественные отношения и социальные мировоззренческие интересы, выразившиеся в форме оценочных сужде-

ний, под воздействием информации партийного съезда оказались полярно разобщенными. Вопросы, звучавшие в те дни в аудиториях, где выступала Панкратова, тематически были чрезвычайно остры, подчас недоброжелательны, ироничны и жестки по отношению к лектору: «А Вам понятно состояние души <...> ленинградцев, когда в докладе Хрущева прозвучали чудовищные обвинения, связанные с именем Сталина, в том числе с убийством Кирова»⁷.

К Панкратовой обращались и как к члену ЦК, и как к известному историку-марксисту, получившему, как констатировали в записках, не без ведома Сталина, звание академика⁸, ловили на противоречиях и уклончивости ее ответов. И уже зазвучали голоса о необходимости лишения историков степеней, в следующих выражениях упрекали Панкратову: «<...> стыдно слушать как вы замываете ваш догматизм, ничего не говоря о страхе перед деспотом, который владел вами, как и всеми советскими людьми <...> Сколько вас, академиков и ученых? 100, 1000? А вы что делали, скажите, в то время как Сталин (один человек) искажал науку и историю?»⁹.

Анну Михайловну нелюбезно спросили о том, что же происходит, «<...> разве это борьба с культом личности, нет это шельмование и глумление над именем тов. Сталина». Панкратовой бросил упрек член партии Наумов: «Я с вами не согласен, что вы не понимали вреда культа личности, вы иначе не могли писать». И в продолжение этого: «Мы от Вас, тов. Панкратова, ждали гораздо больше» и «неужели ни один ученый-историк не понимал вреда культа личности Сталина», и далее: «историк в своих трудах должен опираться на документы. На что же опирались они, и в частности Вы, когда писали о гениальном руководстве Сталина, о его величайших достижениях и значении»¹⁰.

Полон отчаяния призыв о помощи к академику Панкратовой ленинградской учительницы: «Я учительница, мои ученики меня спрашивают: «Как случилось, что при жизни Сталина никто не признавал всех его ошибок?» Я не знаю, что отвечать. Помогите»¹¹. С этим вопросом перекликается и другой смежный по тематике вопрос, заданный гражданином Петровым: «В школах сейчас

принято вырезать портреты Сталина, их уничтожают, вернее, сжигают. Это явление не единичное, а массовое – по Ленинграду. Как считаете такое положение, правильным или нет?»¹².

Противовесом тезису лекции Панкратовой о необходимости изучать работы Сталина, прозвучал вопрос: «Сталин не замечал тяжелого положения сельского хозяйства, отгородился от народа. Это уже не ошибки, а преступления, и как же вы рекомендуете изучать труды Сталина? Из ваших слов ясно, что нельзя отрицать роль Сталина в истории нашей страны, партии. В закрытом докладе Хрущева о культе личности говорится об отрицательной роли Сталина в событиях 1937–1938 гг., имеются даже намеки в его отношении к убийству Кирова, говорится о его почти вредительской роли в период Отечественной войны, тогда надо действительно снимать его портреты и выбросить его на свалку истории»¹³.

Член партии с 1929 г., но не назвавший своей фамилии, спрашивал академика: «Тов. Панкратова, прошу Вас, не откажите в ответе, пожалуйста, можем ли мы после всего сказанного доверять тем товарищам, которые в течение 30 с гаком лет славословили Сталина, ради чего из кожи лезли вон, а сейчас выступают против него (имею в виду Хрущева)»¹⁴.

Панкратова услышала упрек и в следующих вопросах: «Вся Ваша лекция в основном построена на показе роли Ленина <...> Не является ли это развенчанием одной личности и созданием культа другой личности?»¹⁵. И в развитие этого тезиса оказались такие вопросы: «<...> Не является ли проявлением культа личности то, что Зою Космодемьянскую прославили на весь мир, а сотни других героинь, совершивших не менее значительные подвиги, остались малоизвестными или просто неизвестными?» «<...> Почему культ личности товарища Сталина является ошибкой, а культ личности Маркса –Энгельса и Ленина в настоящее время в порядке вещей <...>»¹⁶.

И наконец, требовательное обращение к лектору: «Дайте материалистическое объяснение длительного господства культа личности в нашей стране, того факта, что он овладел массами <...>». И в продолжение: «Вы не находите что все решения съезда опять

принимаются догматически, никакого обсуждения не происходит, а все принимается на веру, повторяются старые ошибки»¹⁷. Спросили у Панкратовой, как делегата международного конгресса, «<...> правда ли, что советские историки оказались не на высоте на конгрессе в Риме <...>»¹⁸.

Можно лишь предположить, насколько тяжелым для академика Панкратовой оказался груз общественного мнения, ожесточенного и бескомпромиссного. Не без воздействия этой тяжелейшей публичной дискуссии и политического пресса через год, 25 мая 1957 г., Анны Михайловны не стало. Контент-анализ более 800 вопросов тех дней свидетельствует о том, что практически не было ни одной стороны жизни советского общества того времени, которые не были бы затронуты в записках, поданных ленинградцами. В них отражалось все: от недовольства неравномерным распределением зарплат рабочего и ученого, до требований немедленно открыть архивы, предоставив обществу всю информацию о недавнем прошлом¹⁹.

Но, безусловно, основная часть содержания всех вопросов сводилась к необходимости разъяснить людям, как нужно воспринимать линию партии по развенчанию культа личности Сталина. Ленинградцы задавались вопросами: «Вообще лично тов. Сталин – он что враг? <...> Он – что уже не ученик Ленина и не продолжатель его дела?»; «В биографии Ленина написано, что Сталин спас жизнь Ленина в 1917 г»; «Почему бездоказательны в докладе Хрущева многие обвинения в адрес Сталина?»; «Сыграл ли культ личности во время войны известную положительную роль, усиливая патриотизм в боях за родину?»²⁰.

Что же превалировало во мнениях людей в те мартовские дни? Каким был настрой интеллигенции Ленинграда? Как смотрели ее представители на резко изменившуюся официальную оценку И.В. Сталина? Безусловно, во многих, но отнюдь не в большинстве заданных вопросов, проявлялись гневные настроения: «Разве можно сохранить в сердце любовь к Сталину после того что мы узнали»; «Вряд ли можно простить бессмысленные жертвы в Отечественной войне»; «Как можно к нему хорошо относиться, если

он знал о жертвах десятков тысяч неповинных людей»; «Решен ли ЦК вопрос об удалении Сталина из Мавзолея Ленина. Ведь это позор, что он еще там». Были подвергнуты критике даже положения патриотической и мобилизующей речи Сталина от 3 июля 1941 г. Высказывались сомнения в верности положений других сталинских работ. Общество в те дни было в растерянности: как же понимать недавнюю борьбу партии с космополитизмом, как относиться к антисемитизму²¹.

Люди задавались вопросами: правильны ли слова Н.С. Хрущева, что «Сталин воевал по глобусу и был на уровне командира взвода», «ведь это ставит в смешное положение нашу военную науку»²². Многие авторы в резких выражениях не допускали того, чтобы обвинить Сталина в провалах Гражданской и Отечественной войн, требовали доказательств, что по вине Сталина под Харьковом погибли десятки тысяч советских людей²³.

Люди недоумевали по поводу столь скоропалительного для всех низвержения недавнего кумира, что отражалось в следующих суждениях: «Является ли письмо ЦК к 70-летию Сталина ошибочным? Неужели так мала роль Сталина в организации октябрьской революции, разгроме троцкистов-оппортунистов, Гражданской войне, построении индустриализации и укреплении мощи страны, что он после смерти не заслужил даже упоминания в истории, и чтобы висели его портреты. А если это так в действительности, то почему же он был у руководства страной почти 30 лет и все его только восхваляли, и никто по партийному не поправил его в его ошибках или не сместил с поста вовремя? Или после смерти бросаться критиковать безопаснее недостатки. Разве только один Ленин говорил, воспитывал, организовывал, укреплял партию для борьбы с капитализмом, а не все сознательные трудящиеся, не ЦК, не бюро русского ЦК»²⁴.

«Почему все ошибки и промахи свалены на мертвого Сталина, который не может ответить, где же были остальные чены ЦК, которые сами предпочитали видеть себя божками, переименовывая свою честь города и заводы. Они лицемерили перед Сталиным, в чем же сила партии, если в ее руководстве был обман. Почему столько лет молчали, почему члены Политбюро Каганович, Мо-

лотов, Микоян, Ворошилов и др. на протяжении длительного времени занимались восхвалением деятельности Сталина и по существу пели ему гимны вместо принципиальной ленинской борьбы за осуществление ленинских принципов организации в руководстве партии и народе»²⁵. Не является ли культом излишняя шумиха по поводу поездок, встреч и проводов Хрущева в Польше, Маленкова в Англии, когда «в кошельке не густо»²⁶.

Целый пласт вопросов содержал требования разъяснить, почему выселяли некоторые национальности и причем тут Сталин, хотя этим занималась комиссия ЦК во главе с Маленковым²⁷. И уже проявлялись недовольства перевознесением Хрущева, в частности на примере того, что «тов. Кириченко в своей речи к 300-летию воссоединения Украины – буквально проводил культ личности в отношении к т. Хрущеву (речь печатались в “Правде”). Получил ли он соответствующие разъяснения? Ведь культ личности вреден как таковой во всех проявлениях»²⁸.

Вместе с тем, в ходе этого своеобразного по форме диалога с властью проходила рефреном мысль о том, что «народ верил и верит что труд, вложенный им в дело строительства советского государства, не пропал даром, огромные достижения нашего государства дали право на признание героического труда без рангов и чинов, а каждый гражданин имел право на труд, и труд 38-ти лет не может быть уничтожен, это эпоха»²⁹.

В этом контексте предложенный в статье срез социальной истории свидетельствует о стремлении людей понять, что происходило и куда свернула новая власть при очередном новом руководителе. Рассмотренные материалы носят общественно-государственный характер, это своего рода апелляция во власть, стремление к диалогу верхов и низов, свидетельство состояния общественных настроений, различного менталитета, политических эмоций, окрашенных личностными восприятиями.

В заключение можно обратить внимание на два знаковых вопроса из рассмотренной источниковедческой коллекции: «Как быть с песнями о Сталине», и как ответить на детский дошкольный вопрос: «Мамочка, дядя Сталин хороший человек?»³⁰.

Через небольшой исторический срок октябрьский пленум 1964 г. отрешит от власти Хрущева и предъявит ему жесткие обвинения, а новый партийный лидер Л.И. Брежнев 8 мая 1965 г. в ходе торжественного заседания по случаю 20-летия Победы впервые с 1954 г. назовет Сталина организатором этой Победы³¹.

Приведенный анализ трансляции общественного мнения только через один источник – социально-политический вопросник в адрес академика Панкратовой о роли Сталина, вопреки многим утверждениям, подтверждает существование особого типа гражданского общества советского формата, отнюдь не связанного ни со всеобъемлющей демократизацией, ни даже с какими-либо демократическими институтами. Его специфичное существование оказалось возможным вопреки системе с ее официальной пропагандой, и в жестком противостоянии с ней в определенном историческом ракурсе.

Примечания

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 74. Оп. 2. Д. 57. Л. 1. При цитировании сохраняется орфография, стилистика и пунктуация подлинника.
2. Этот документ хранится в Российском государственном архиве Новейшей истории: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 32. Д. 46. Л. 212–227; Ф. 5. Оп. 16. Д. 747. Л. 95, 102, 107–108, 111, 114, 117, 124.
3. *Беленкин Б.* «В чем положительное значение И.В. Сталина?»: вопросы учителей истории после XX съезда // Уроки истории, 25.02.2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.urokiistorii.ru/history/soc/1367> (дата обращения: 7.03.2020).
4. РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 57.
5. *Парыгин Б.Д.* Общественное настроение. М.: Мысль, 1967. С. 3–4.
6. *Марченко П.П.* Изучение массового сознания революционной эпохи 1917 г. в отечественной исторической науке // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Сер. Исторические науки. История России. 2009. № 17. С. 212–227.
7. РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 57. Л. 4.
8. Там же. Л. 37.
9. Там же. Л. 32.

10. Там же. Л. 35–36.
11. Там же. Л. 3.
12. Там же. Л. 14.
13. Там же.
14. Там же. Л. 6.
15. Там же. Л. 7.
16. Там же. Л. 10.
17. Там же.
18. Там же. Л. 46.
19. Там же. Л. 42–43.
20. Там же. Л. 10, 22.
21. Там же. Л. 15, 16, 28, 30, 31.
22. Там же. Л. 7.
23. Там же. Л. 3–5.
24. Там же. Л. 8.
25. Там же. Л. 2.
26. Там же. Л. 12.
27. Там же. Л. 6.
28. Там же. Л. 9.
29. Там же. Л. 5.
30. Там же. Л. 13.
31. 4 февраля 1966 г. группа советских ученых и деятелей культуры написали открытое письмо Брежневу о недопустимости частичной или косвенной реабилитации Сталина. 16 февраля 1966 г. в Отделе истории Великой Отечественной войны Института марксизма-ленинизма состоялось в присутствии А.М. Некрича обсуждение его книги «1941 год. 22 июня», в которой вина за трагедию 1941 г. возлагалась автором на И.В. Сталина (См.: РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 22. Д. 202).

К году Памяти и славы (2020)

Публикации

**«Я задался целью проследить насилие
во всех его проявлениях».
Н.Л. Кладо и Социалистическая академия
общественных наук. 1918 г.**

V.G. Bukhert

**«I set out to trace the violence in all its manifestations».
N.L. Klado and the Socialist Academy of Social Sciences. 1918**

Аннотация. Статья посвящена известному военному теоретику и историку Н.Л. Кладо, его участию в деятельности Социалистической академии общественных наук и его замыслу написать работу, названную им «О насилии». В перспективе Н.Л. Кладо видел необходимость создать особую группу, занимающуюся изучением проблем, связанных с таким явлением, как войны.

Ключевые слова: Социалистическая академия общественных наук, биография, Н.Л. Кладо, международное право, война, насилие, 1918.

Abstract. The article is dedicated to the famous military theorist and historian N.L. Klado, his participation in the activities of the Socialist Academy of Social Sciences and his intention to write a work called by him “On the Violence”. N.L. Klado considered it necessary to create a special group to study the problems associated with such phenomenon as a war.

Keywords: History of the Socialist Academy of Social Sciences, biography, N.L. Klado, international law, war, violence, 1918.

Судьба творческого наследия Н.Л. Кладо, одного из крупных русских военных теоретиков и историков, складывалась достаточно непросто. Переиздавший один из его трудов – «Этюды по стратегии» – И.С. Даниленко характеризовал Н.Л. Кладо как «выдаю-

щегося, но почти забытого военного мыслителя», творчество которого «еще не заняло того места в теории военной стратегии, военной науки вообще, в том числе в военно-морской теории, которого оно достойно»².

Между тем, Н.Л. Кладо «не просто глубоко знал отечественную и мировую военную мысль, но и дал классический образец ее научно-критического исследования»³. Он оставил после себя «обширные труды, имеющие актуальное значение и для современного флота»⁴. Идеи и методы исследования Н.Л. Кладо «представляют большую ценность» для понимания эволюции и современных тенденций в развитии военной теории, военного дела⁵. Его труды «сыграли исключительную роль в развитии отечественной военной науки, военной стратегии и военной философии»⁶.

В последние годы жизни Н.Л. Кладо именно общие вопросы военной науки «стали преобладающими в его многообразной научной деятельности»⁷. В этом же контексте стоит рассматривать и его стремление связать свою научную работу с Социалистической академией общественных наук (САОН), куда он обратился 28 августа 1918 г. с просьбой принять его в члены-соревнователи.

7 сентября 1918 г. Президиум САОН сообщал Н.Л. Кладо, что ему «едва ли возможно» быть зачисленным в члены-соревнователи САОН, т.к. и «по научному цензу» и «по выдающемуся положению» его «в ряду советских должностных лиц» он намного превосходит «те скромные требования», которые предъявляются к «младшим членам» САОН. К тому же выплата ему содержания как члену-соревнователю или стипендии «вряд ли могла быть произведена», поскольку он уже занимает должность начальника Морской академии, а получение содержания по нескольким должностям запрещено декретом СНК РСФСР. Вместе с тем Президиум САОН обещал Н.Л. Кладо «всеми средствами, имеющимися в распоряжении» САОН оказать ему «полное содействие» в его научной работе и, по мере подготовки его трудов, издать их за счет САОН⁸.

13 октября 1918 г. Н.Л. Кладо выступал в качестве эксперта по вопросу об изучении документов Первой мировой войны 1914–1918 гг. на заседании общего собрания научно-академической и учебно-

просветительской секции САОН. В своем выступлении он указывал на необходимость «скорейшего использования» опыта этой войны⁹.

Свое вступление в САОН Н.Л. Кладо связывал с замыслом завершить задуманную им работу, которой он дал название «О насилии». В ней он «задался целью проследить насилие во всех его проявлениях, начиная с простейших одноклеточных организмов, переходя затем к царствам растений и животных, и остановившись особенно подробно на истории и роли насилия в жизни человечества с момента появления человека на Земле» и до современности¹⁰. В ней он доказывал «необоснованность упований антивоенных устремлений на международное право», считая, что «международное право на деле – право сильнейшего»¹¹.

Фрагмент этой работы Н.Л. Кладо был опубликован О.Г. Гусевой, полагавшей, что она составляет «основную часть»¹² его другого частично опубликованного труда – «Стратегия»¹³. Однако из публикуемых документов следует, что свою работу «О насилии» сам Н.Л. Кладо рассматривал как вполне самостоятельное произведение.

Еще на одно обстоятельство следует обратить внимание. Н.Л. Кладо выступал с предложением о создании в составе САОН «специальной группы», занимающейся изучением проблем, связанных с таким явлением, как войны. Хотя ему не удалось дожить до реализации этого предложения, однако, в 1929 г. в составе Коммунистической академии при ЦИК СССР¹⁴ была организована Секция по изучению проблем войны, в работе которой принимали участие крупнейшие военные теоретики и организаторы военного дела в СССР.

№ 1

Н.Л. Кладо – САОН

28 августа 1918 г.

В Канцелярию Социалистической академии
общественных наук

Заявление.

Заслуженного профессора Морской академии
Николая Лаврентьевича Кладо.

Я прочитал в номере от 7 августа «Известий Всероссийского центрального исполнительного комитета» объявление от Социалистической академии общественных наук о приеме заявлений от лиц, желающих быть зачисленными в члены-соревнователи Академии¹⁵.

Вместе с тем я ознакомился из декрета Всероссийского центрального исполнительного комитета с «Положением о Социалистической академии общественных наук» («Известия Всерос[сийского] центральн[ого] испол[нительного] комитета» от 12 июля¹⁶). Область науки, в которой я работаю, а также характер моих научных работ, соответствует целям, которые ставит себе научно-академическая секция Социалистической академии общественных наук (ст. 7 «Положения»).

Так как мною задумана крупная работа в этой области, для которой уже собран у меня обширный материал, то я прошу о принятии меня в состав секции на правах члена-соревнователя, и предоставить мне возможность, согласно ст. 12 «Положения», пользоваться во время работы стипендией, иметь доступ к пособиям, имеющимся в Академии, и получать указания от действительных членов социально-исторического факультета.

Сведения обо мне (Curticulum vitae) и план задуманной мной работы при сем прилагаю.

Заслуженный профессор

Морской академии

Н. Кладо

Адрес мой:

Петроград. Васильевский остров

11-я линия, д. 8 (здание Морской академии)

ГА РФ. Ф. Р-3415 (Коммунистическая академия при ЦИК СССР). Оп. 1. Д. 3. Л. 280-280 об. Машинопись, подпись – автограф. На бланке начальника Морской академии.

№ 2
Curriculum vitae
заслуженного профессора Морской академии Николая
Лаврентьевича Кладо.

Родился 1 ноября 1862 года.

В 1881 году кончил курс Морского училища с премией.

С 1881 по 1884 г. находился во внутренних и заграничных плаваниях на судах военного флота в звании штурмана.

В 1884 г. поступил в Морскую академию, которую окончил по машиностроительному отделу в 1886 году.

С 1886 г. по 1896 год состоял в специальных классах Морского училища преподавателем плоской и сферической тригонометрии, начертательной геометрии и истории военно-морского искусства.

В 1895 г. был приглашен в Морскую академию для чтения лекций по военно-морскому искусству и был командирован во Францию, где окончил курс Высшей военно-морской школы.

В 1910 г. с учреждением в Морской академии профессорских должностей, был избран Конференцией ординарным профессором по кафедре военно-морского искусства.

В 1916 г. был избран заслуженным профессором по той же кафедре.

В 1917 г. с предоставлением Академии автономии, был избран на должность начальника Академии, каковую должность занимает и в настоящее время.

Главнейшие труды¹⁷:

Военные действия на море во время японо-китайской войны. 1896 года.

Организация Морской силы. 2 тома. 1900.

Основы военно-морского дела. 1901.

После ухода 2-й Тихоокеанской эскадры. 1904.

Современная морская война. 1905.

Военные действия на море во время русско-японской войны. 1906.

Введение в курс истории военно-морского искусства. 1910.

Значение флота в ряду военных средств государства. 1910.
Этюды по стратегии. 1913.
О теории военного искусства. 1914.
Введение в курс стратегии. 1917.
Литографированные:
Курс истории военно-морского искусства. 7 томов. 1897.
Курс стратегии. 3 тома. 1911 г.
Кроме того, ряд статей в повременной печати по вопросам, связанным с военным искусством.

ГА РФ. Ф. Р-3415. Оп. 1. Д. 3. Л. 281–281 об. Машинопись.

№ 3 План работы

С моей точки зрения, и этот взгляд я приводил в моих трудах, – военная наука принадлежит к разряду общественных (социальных) наук

Война – это такое же явление общественной жизни, как и всякое другое. Изучение войны – это изучение той общественной деятельности, которая посвящена: в мирное время – подготовке к войне, а в военное время – ведению войны.

Здесь под словом «ведение войны» я подразумеваю не применение на войне военной техники, т.е. не передвижения военной силы для подготовки сражений (стратегия), не употребление в бою различных видов оружия (тактика), т.е. значит не флот, не пехоту или артиллерию, не умение стрелять или пускать удушливые газы, а работу моральных, общественных и экономических факторов, управляющих действиями социальных групп и народных и войсковых масс во время состояния войны.

Поэтому в задачи Академии общественных наук должно входить и изучение войны как явления общественной жизни, и значит в ней должна быть соответственная специальная группа. В особенности имеет смысл существование такой группы в Социалистической академии общественных наук.

Действительно, история человечества в значительной своей части представляет из себя целый ряд кровопролитных войн. И вот одной из основных задач социализма является освобождение человечества от бремени милитаризма (постоянной подготовки к войне) и от возможности кровавых столкновений между народами. Целью социализма является всеобщее разоружение, вечный мир и братское сотрудничество всех народов, населяющих землю.

Но раз это так, одна из проблем научного социализма состоит в том, чтобы изучить всесторонне войну как явление общественной жизни. Ведь нельзя бороться с болезнью, не изучив всех ее причин и проявлений. Всю эту научную работу и должна выполнить специальная группа «изучения войны как явления общественной жизни человечества» научно-академической секции Социалистической академии общественных наук».

Вот к научной области изучаемой этой группой и относится задуманная мною работа.

Война – это массовое насилие. Подготовка к войне (милитаризм) – это подготовка к такому насилию. Если бы не существовало насилия в жизни человечества, не было бы и войны. А потому человечеству, чтобы избавиться от войны, надо избавиться от насилия. А для этого наука должна изучить происхождение и природу насилия. Эту задачу я и поставил себе, и тема моей работы носит название «О насилии».

Я задался целью проследить насилие во всех его проявлениях, начиная с простейших одноклеточных организмов, переходя затем к царствам растений и животных, и остановившись особенно подробно на истории и роли насилия в жизни человечества с момента появления человека на Земле до наших дней. Для этой работы у меня не только собран обширный материал, но он уже распределен по отделам и главам, и я могу уже примерно определить и объем моего труда. Он займет от 20 до 25 печатных листов.

Если понадобится более подробный план моей работы, то я или вышлю его дополнительно, или кто-либо из действительных членов социально-исторического факультета, живущий в Петро-

граде (напр[имер], Д.Б. Рязанов¹⁸) может ознакомиться с ним на месте и дать свой отзыв.

Заслуженный профессор
Морской академии

Н. Кладо

ГА РФ. Ф. Р-3415. Оп. 1. Д. 3. Л. 282–283. Машинопись, подпись – автограф.

Примечания

1. Кладо Николай Лаврентьевич (1862–1919) – теоретик и историк русского флота, генерал-майор, профессор (с 1910 г.), начальник (с 1917 г.) Морской академии. См. о нем: Кладо Д.Н. Николай Лаврентьевич Кладо (1862–1919) // Село Млёво: (история села Млёва и его знаменитые уроженцы). Вышний Волочек, 2008. С. 56–83.
2. Даниленко И.С. От составителя // Кладо Н.Л. Этюды по стратегии. М., 1997. С. 5.
3. Там же. С. 6.
4. Корякко В.И. Вклад Н.Л. Кладо в военную науку еще предстоит оценить // Военно-исторический журнал. 2005. № 2. С. 70.
5. Даниленко И.С. Указ. соч. С. 7.
6. Русанов И.П., Корякко В.И. Классик отечественной военной мысли: К 150-летию Н.Л. Кладо // Морской сборник. 2012. № 11 (1988). С. 28.
7. «Мы будем в состоянии держать в узде всех нарушителей мира...» / Публ. подг. О.Г. Гусева // Военно-исторический журнал. 2001. № 3. С. 44–45.
8. ГА РФ. Ф. Р-3415 (Коммунистическая академия при ЦИК СССР). Оп. 1. Д. 3. Л. 284–284 об.
9. ГА РФ. Ф. Р-3415. Оп. 1. Д. 5. Л. 26 об.
10. Там же. Д. 3. Л. 283.
11. Русанов И.П., Корякко В.И. Указ. соч. С. 34.
12. «Мы будем в состоянии держать в узде всех нарушителей мира...». С. 45.
13. См.: Кладо Н.Л. Стратегия. Введение. Петроград, 1918.
14. САОН в 1919 г. была переименована сначала в Социалистическую академию, а в 1924 г. – в Коммунистическую академию.
15. См.: От Социалистической академии общественных наук // Известия ВЦИК. 1918. 7 августа. № 167.

16. См.: Известия ВЦИК. 1918. 12 июля. № 145.
17. Библиография трудов Н.Л. Кладо см.: Военно-теоретическое наследие Н.Л. Кладо и его значение для современности / Под ред. И.С. Даниленко. М., 2000. С. 159–164.
18. Рязанов (Гольдендах) Давид Борисович (1870–1938) – общественный деятель и ученый, управляющий Главным управлением архивным делом (1918–1931), директор Института К. Маркса и Ф. Энгельса (1921–1931), академик АН СССР (с 1929 г.).

Н.А. Комочев, А.В. Мельников, В.В. Тихонов

**«Спешу дать отчет о своей жизни»:
письма В.А. Александрова М.Н. Тихомирову. 1943–1965 гг.***

N.A. Komochev, A.V. Melnikov, V.V. Tikhonov

**«I hasten to give a report about my life»:
letters of V.A. Alexandrov to M.N. Tikhomirov. 1943–1965**

Аннотация. Публикуются 10 писем В.А. Александрова своему учителю историку М.Н. Тихомирову, написанные в 1943–1965 гг. Часть писем относится к свердловскому периоду биографии В.А. Александрова. В них отражена повседневная жизнь исторического факультета МГУ в эвакуации, процесс работы начинающего историка-исследователя над курсовой работой по истории Галицко-Волынской Руси. Другая часть писем фиксирует факты биографии В.А. Александрова и его взаимоотношений с М.Н. Тихомировым в послевоенный период. Письма хранятся в личном фонде М.Н. Тихомирова в Архиве РАН.

Ключевые слова: В.А. Александров, М.Н. Тихомиров, исторический факультет МГУ, Великая Отечественная война, историография, Галицко-Волынская Русь.

Abstract. The publication presents 10 letters of V.A. Alexandrov to his teacher, the famous historian M.N. Tikhomirov, written during 1943–1965. Half of the letters reflect the Sverdlovsk period of V.A. Alexandrov's life. They reflect the daily life of the history Department of Moscow state University in the evacuation, the process of work of a novice historian on a course work on the history of Galician-Volyn Rus'. Another part of the letters contains fragmentary records of V.A. Alexandrov's activity after he defended his thesis.

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-09-00089а «Академик М.Н. Тихомиров: дневники, воспоминания, переписка».

The letters are kept in the personal papers of M.N. Tikhomirov in the Archive of the Russian Academy of Sciences.

Keywords: V.A. Alexandrov, M.N. Tikhomirov, Moscow state University faculty of history, Great Patriotic war, historiography, Galician-Volyn Rus’.

Вадим Александрович Александров (1921–1994) – известный историк, этнограф, специалист по отечественной истории XVII–XIX вв., источниковедению и историографии¹. В 1939 г. он поступил на исторический факультет МГУ, где его учителем стал выдающийся ученый, в будущем академик Михаил Николаевич Тихомиров (1893–1965)². В.А. Александров впоследствии вспоминал: «Вкус к анализу исторического документа под тонким давлением руководителя я быстро почувствовал и безоговорочно “прилип” к Михаилу Николаевичу. Дальнейший путь на факультете мной был определен заранее и я в нем не ошибся»³.

Студенческий курс В.А. Александрова, вступивший в аудиторию МГУ в первый день Второй мировой войны⁴, дал много выдающихся деятелей российской исторической науки XX в. Но он особенно значим и для формирования научной школы М.Н. Тихомирова. Именно с этого курса – четверка дипломников М.Н. Тихомирова (когда на истфаке была восстановлена практика публичной защиты квалификационных работ), ставших его первыми аспирантами: В.А. Александров, А.Н. Мальцев, Е.В. Чистякова, С.О. Шмидт⁵.

С началом Великой Отечественной войны, в июле-августе 1941 г., В.А. Александров в составе сводного батальона студентов исторического и механико-математического факультетов МГУ участвовал в строительстве оборонительных рубежей на дальних подступах к Москве вдоль берега Десны в районе села Снопот Рогнединского района Орловской (ныне Брянской) области⁶. Комсорг батальона историк М.Я. Гефтер вспоминал как «образовался из историков и мехматовцев батальон МГУ СУ-9 («СУ-9», то есть 9-й строительный участок, входил в состав 3-го района 8-го Полевого строительства Главоборонстроя. Технической базой 3-го района был

московский трест «Строитель» – одна из самых старых в Москве строительных организаций). В задачу нашу, наряду с другими формированиями, входило строительство противотанковых рвов большой глубины по рубежу реки Десна, в северном выступе тогдашней Орловской области (ныне Брянской), примерно на параллели Рославля (в тылу его). Первоначальным местом обитания была деревня Снопоть, работы же велись за деревней на другой стороне Десны. Работали 14 часов в сутки, иногда больше. Непривычка к тяжелому физическому труду и необычайно жаркое лето причиняли немало трудностей, начиная с почти повального мышечного заболевания при высокой температуре, которое переносили на ногах, нередких солнечных ударов»⁷. Исключительные физические нагрузки остались памятли и В.А. Александрову, не без доли иронии вспоминал он в конце жизни о «перепутьях войны с немцами», «когда в сентябре 1941 г. <...> отлеживался дома от последствий моего появления на Западном фронте под Рославлем»⁸. Ил. 1.

Осенью 1941 г. В.А. Александров оказался в эвакуации вместе с Московским университетом, сначала в Ашхабаде, а затем в Свердловске. Здесь он продолжил работу под руководством М.Н. Тихомирова, которая не прекращалась и после возвращения М.Н. Тихомирова в Москву.

Именно свердловский период жизни наиболее подробно отражен в письмах В.А. Александрова своему учителю. Об этих годах он так писал в своих воспоминаниях: «На четвертом курсе М.Н. Тихомиров темой курсовой работы для меня избрал историю Галицко-Волынской Руси XIII–XIV вв. Насколько я понял, он питал какие-то серьезные надежды на результаты моего сочинения, но они не сбылись. Он не знал, что этой темой занимался питомец Ленинградского университета В.Т. Пашуто⁹ <...> Но самое главное, летописный материал, на котором можно было обосновать тему, у меня не «пошел». Я добросовестно «выжимал» летописи, но при всем моем старании исследовательского вкуса от него не получил. К тому же, находясь зимой 1942/43 г. в Свердловске, испытывал недостаток литературы. В результате, зачет я, конечно, получил, но по существу проделанной работы мы с М.Н. Ти-

хомировым обменялись колкими письмами (он в то время был в Москве), вдобавок я получил нагоняй за почерк (о перепечатке на пишущей машинке тогда и думать было нечего)»¹⁰. Публикуемые письма существенно дополняют воспоминания.

Возвращение В.А. Александрова в Москву по понятным причинам заметно снизило интенсивность переписки. В 1944 г., по окончании университета, В.А. Александров поступил в аспирантуру, где под руководством М.Н. Тихомирова подготовил и успешно 26 ноября 1947 г. на историческом факультете МГУ защитил кандидатскую диссертацию «Стрелецкое войско на юге Русского государства в XVII в.»¹¹. После этого начались непростые поиски работы, описанные им в воспоминаниях. М.Н. Тихомиров помогал своему ученику как мог. После смены ряда работ и должностей, В.А. Александров стал научным сотрудником Института этнографии АН СССР, с которым оказалась связана вся его дальнейшая научная биография. Ил. 2.

Публикуются все письма В.А. Александрова М.Н. Тихомирову (за исключением двух телеграмм поздравительного характера), хранящиеся в личном фонде академика М.Н. Тихомирова в Архиве РАН (фонд 693). Тексты писем передаются согласно современным правилам правописания, авторские подчеркивания выделены курсивом. Ряд упомянутых лиц идентифицировать не удалось.

Публикаторы глубоко признательны вдове В.А. Александрова Галине Георгиевне Александровой и доктору исторических наук Елене Николаевне Швейковской («первой ученице»¹² В.А. Александрова) за ряд ценных замечаний и сведений об упоминаемых событиях и лицах.

№ 1

Дорогой Михаил Николаевич!

Получил Ваше письмо, написанное по приезду в Москву. Очень рад, что доехали хорошо. Вы пишете о возможно большой работе в Наркомпросе и Институте истории. Напишите, пожалуйста, поподробнее в чем она будет заключаться, как долго продлится, и вообще, как Вы предлагаете поступать в дальнейшем.

У нас в университете все по-старому. Близится сессия, потому я с 8 часов утра до 12 часов ночи занимаюсь. Конечно, как и следовало ожидать, очередной скандал с Кафенгаузом¹³. Придется жаловаться Ник[олаю] Алекс[андровичу]¹⁴. Отказывается принимать досрочно экзамен (у двух человек!) и читает форменную белиберду. Последняя лекция целиком была посвящена Полтавскому сражению, где у кого пушки стояли, и как долго из них стреляли! Спец[иальный] курс называется! О Разгоне¹⁵ тоже пока ничего не слышно, для своего спец[иального] курса он даже не прислал еще программы и списка литературы.

Бокшанин¹⁶, вероятно, в награду за успехи на столовом поприще, выхлопотал командировку в Москву. Луцкий¹⁷ тоже.

С сегодняшнего дня ввели обязательное посещение лекций. По-видимому, с началом нового семестра придется бросить работу на заводе, т.к. времени не будет. Ну, да это дело будущего. Пока работаю и думаю продолжать в феврале.

Проф[ессор] Мотылев¹⁸ на перерегистрации отказался от брони на [19]43 год. Через неделю его попытались мобилизовать. Не ожидая такого финала, он стал хлопотать, но пока еще ничего не известно. Вот и все университетские новости. Глубоко уверен, что летом все поедет в Москву. Настроение приблизительно такое же, как было весной в Ашхабаде¹⁹.

Большое Вам спасибо, что зашли ко мне домой²⁰. Мама²¹ мне уже писала о Вашем посещении. Напишите, как у нас дома, как выглядит и как живет моя мама. Видели ли Вы в университете Попова²², Прокофьева²³, чем и как занимаются студенты в Москве? Сегодня у нас отправилась первая партия студентов перевозить картофель из района к ж[елезной] д[ороге], а затем в Свердловск. Предприятие очень выгодное (процентные отчисления перевезенного картофеля в личное пользование), но на этот раз на заводе отпуск мне не дали, да я и не настаивал. Начальник цеха у нас новый, весьма несимпатичный и связываться с ним бессмысленно.

Арт[емий] Влад[имирович]²⁴ получил письмо от Ростика Розенфельдта²⁵. Он уже на фронте. Владик Кропоткин²⁶ также призван и уехал.

Занимаюсь я сейчас ист[орическим] материализмом. Кажется, придется сдавать Каплуну²⁷. В феврале кончу читать летописи и во что бы то ни стало напишу курсовую²⁸ до апреля.

Аккуратно хожу в кафетерии, но с 16 числа обеды очень резко ухудшились, но говорят, что это почему-то временно. Просто не повезло мне. Пишите, пожалуйста, обо всем. Как Вы устроились в бытовом отношении?

Ваш Вадим

25/1 [19]43 год.

Извините за мелкий почерк – с бумагой у меня кризис.

АРАН. Ф. 693. Оп. 4. Д. 80. Л. 1–1 об. Автограф.

№ 2

Дорогой Михаил Николаевич!

Сдал вчера ист[орический] материализм, получил «хорошо» и чувствую, как гора свалилась с плеч. Кафенгаузу тоже сдал, на «отлично». Сейчас отдыхаю, правда первый день, но вполне продуктивно – читаю А. Толстого²⁹. В университете продолжается то же – никто ничего не знает, Ник[олай] Ал[ександрович] деятельно готовится к новому семестру, правда у меня возникает только один вопрос – неужели он, бедный, один будет читать все курсы, спецкурсы, вести семинары и практические занятия. По всей вероятности, так и будет, если мы не поедem в Москву. Напишите, пожалуйста, как об этом толкуют у Вас. Дм[итрий] Григорьевич³⁰ так уверен в переезде, что отказался от поездки с Уч[еным] советом, хотя я ему гарантировал посадку. О судьбе Вашего пальто не могу ничего сказать, ибо Арт[емий] Влад[имирович] уехал раньше, чем я получил Вашу открытку. С нетерпением жду окончания «осадного сидения» в Свердловске, век бы его не видать. Ввели нам 600 гр[амм] хлеба и обязательное посещение лекций, придется бросить завод. В марте обязательно напишу свой Галич и представлю Вам на суд. Подбор материала в основном кончил. Думаю, что на будущий год курсовую работу сделаю на основе этой темы, но с привлечением Длугоша³¹, Зубрицкого³² и др. Ну, да это решим после, приехав домой.

Погода стоит последние дни мягкая, хочется верить, что начнется весна. В марте приезжает Разгон, сдам ему «Окт[ябрьскую] рев[олюцию]» и сессия будет кончена.

Пишите.

Ваш Вадим

23/II [19]43 г.

АРАН. Ф. 693. Оп. 4. Д. 80. Л. 2. Автограф. Адрес: Москва, ул. Герцена, д. 46, кв. 5., проф. М.Н. Тихомирову. Письмо представляет собой «военный треугольник» без конверта, на письме штемпель: «проверено военной цензурой».

№ 3

Дорогой Михаил Николаевич!

Получил Ваше письмо и, признаться, оно произвело на меня совсем не то впечатление, какое Вы ожидали бы. Я не завращал сердито глазами, и лишь глубоко огорчился, тем более что причин было более чем достаточно. Как я понял, Вы собираетесь покинуть МГУ. Это меня огорчило больше всего и Вы, я думаю, поймете мое состояние – работать под Вашим руководством четыре года и получить на пятый курс нового научного руководителя, рисуется мне личной глубокой катастрофой. Второй причиной моих сетований является Ваше сомнение относительно моей Галицко-Волынской Руси. Как я уже писал Вам в прошлом письме, работа эта идет вполне нормально, хотя не так быстро, как я хотел бы. Так или иначе, сейчас готовы три первые главы работы и начата четвертая. В общем, работаю сейчас над Владимирком³³ и венгерским походом 1147 года. В конце этого письма за невозможностью прочесть Вам первую часть работы (кончая Владимирком, как мы уговаривались) напишу основные, схематические выводы. Напишите мне, пожалуйста, ответ и Ваше мнение. Работаю я, используя все данные летописей (Ипатьевской, Лаврентьевской, Никоновской), Карамзина³⁴, Соловьева³⁵ и Татищева³⁶. Уже успел убедиться, что без Длугоша и венгерских хроник хорошо и полно работа у меня не получится, то есть так, как я хотел бы. Так как эту работу мне хотелось бы переработать в курсовую в будущем году, то с Длугошем

и хрониками в первые месяцы будущего учебного года я справлюсь. Насколько Вы меня знаете, надеюсь, что поверите в мое слово, ведь быть аспирантом только благодаря авторитету Вашего выдвижения и по теории исключения всех прочих я не хочу.

Неприятный осадок оставили и Ваши описания относительно Арциховского и сдачи Ваших книг. Удивляюсь, как может быть взрослый человек, тем более профессор, таким мелочным, как Арциховский. Не знаю, что рассказывал он обо мне, но максимум гадостей, без достаточных причин он пытался наделать и тут. Дело обстояло очень просто. После Вашего отъезда наступили 40° холода и я сказал А[рциховскому], что возьму книги, когда будет возможно высунуть нос на улицу, а когда стало известно о его отъезде, даже спрашивал время, когда можно его застать дома, ибо два раза я безуспешно торкался в столь знакомую дверь. В ответ А[рциховский] пожаловался на меня Ник[олаю] Ал[ександровичу] Смирнову и тот меня шутливо выговаривал!

После этого не могу отказать себе в удовольствии рассказать историю, столь характерную для Арциховского. Его сажали в поезд и грузили двое Саш³⁷, поблагодарил которых он весьма оригинально: «Ну вот спасибо, жаль я отдал пропуск в столовую философу Сосковцу, а то бы отдал вам!» (sic).

Напишите, пожалуйста, как обстоят Ваши дела в МГУ, и неужели Вы меня бросите?

Хорошего в Свердловске тоже ничего нет, приехавший Разгон сулит нам отъезд в мае... сегодня предложено записываться тут на огороды. Я глубоко уверен в приезде в Москву, но общее настроение сильно действует на меня, хотя я внешне очень спокоен и уверен. В связи с увеличением норм продуктов, с завода я ушел и сейчас работаю, сидя в историческом кабинете с 10 часов утра до 10 часов вечера. Уже готов к сдаче экзамена по новой истории, готовится политэкономия. Как видите, время даром я не теряю и в работе забываю наши багажные настроения. Очень нелегко все же жить одному, без определенного жилища.

Если у Вас остались какие-нибудь вещи, напишите мне и, если мы поедем, я организую доставку их, равно и вашего матра-

ца. С.Д. Сказкину³⁸ Гейвель³⁹ просит передать, что экземпляр Вашей книги у него цел и может быть выслан по первому требованию. Елизавету Алексеевну⁴⁰ я изредка встречаю, преимущественно в столовой, и Николай Александрович ко мне по-прежнему благоволит, провел мне стипендию, хотя спецкурс Разгона я еще не сдал, по причине отсутствия Разгона до последних дней.

Получил письмо от Олега Залесского и очень рад. Он ранен, лежит в Куйбышеве с обмороженной ногой и оторванными пальцами (осколком гранаты) на той же ноге. Настроение у него хорошее и впечатления его чрезвычайно живо им описаны.

Ну вот и все новое. Найдите, пожалуйста, свободные полчаса и напишите мне поскорее. Теперь обращаюсь к делам научным:

1) Какими источниками пользовался Татищев. О многих его данных ведь нигде нет никаких подтверждений⁴¹. Как принимать его данные, иногда очень заманчивые; так, если ему верить, то относительно польско-венгерского союза 1108 года (Ж[урнал] М[инистерства] Н[ародного] П[росвещения]. 1880. III. – автор только инициалы⁴², основывается на хрониках венгерских), предусматривающего раздел Галиции, можно построить следующую картину. Если Володарь⁴³ в союзе с[о] Стефаном II⁴⁴ ходил на греков в 1118 году, то значит этот союз уже был им разрушен, что и повело похищение его поляками в 1122 году⁴⁵ с целью так или иначе подчинить Галицию.

2) Первая вступительная глава «Географическое положение Галиции». Краткие данные о Карпатах, остатки русского населения в Карпатах, как туземное население, а не колонизация более поздних веков, чему помешала бы польская колонизация. Русское население к югу от Ужгорода до верховья Тиссы⁴⁶ (данные Húsek'a⁴⁷). Вывод – граница Галиции идет по Карпатам во всю их ширину.

3) Вторая глава – «Общественные отношения в Галиче». Перемещение торговых путей в Европе в связи с крестовыми походами, напор кочевников и поэтому усиление экономических позиций Галича.

О торговых путях через Галицию говорю лишь вскользь, но основываясь на Печерском патерике⁴⁸ (который я прочитал), при-

знаю водный путь из Галича в Киев «не пустиша гостей из Галича ни людей из Перемышля»⁴⁹. Основываясь на данных Линниченко⁵⁰ и грамоте Ивана Берладника⁵¹, считаю, что византийские товары проникали в Галич именно через черноморские колонии Галича. Вообще же торговля носит характер транзита, обогащающего князя и торговые операции бояр, сидящих по городам, с соседними государствами. От географического положения этих городов зависит и политическая ориентация князя (по летописи прослежено во время 1100–1200 гг. пять случаев). Отлив населения, особенно при Ярославе Осмомысле⁵² и 20-летнем мире в Галиции, я принимаю. Общественные отношения – роль городского населения в основном исключается, князья опираются на дружину (мягкий вассалитет) и группы боярства, почти никогда не единодушного (причина побед Ростиславичей). «Децентрализация» торговли по городам не вела к выделению одного крупного торгового центра. Боярство не замкнутое сословие, пополняет[ся] как путем обогащения со стороны князя (свой дружинник), так и случайными путями «вокняжился бе и Судьич попов внук⁵³»).

Политика Ростиславичей и Мстиславичей, их цепкость за власть и в основном победа – компромисс с боярством на основе раздачи городов.

Хотелось сказать что-нибудь о ремесле, но Б.А. Рыбаков⁵⁴ разочаровал меня полным отсутствием материала, равно и по боярско-княжескому хозяйству (мне хотелось бы подчеркнуть его товарность).

4) Третья глава – «Возникновение Галицкого княжества». Начало – съезд в Любиче⁵⁵, съезд в Уветичах⁵⁶ подтвердил права Ростиславичей в результате их побед над венграми.

Принимая данные Татищева о[б] атаке Володаря из осажденного венграми Перемышля на последних, во время сражения их с пришедшими на выручку Давидом⁵⁷ и Боняком⁵⁸, можно принять катастрофичность поражения венгров, считая летописные данные, конечно, преувеличенными. Венгры попали под тройной удар – с тыла Володарь, с фланга Боняк, с центра Давид.

Далее идет речь о польско-венгерском союзе (см. 1). Вообще,

политика Ростиславичей – укрепление власти и стремление наращивать польско-венгерское наступление.

О времени Владимирка я напишу Вам через неделю, когда все кончу. Писание получается объемистое. Одни только эти по сути дела вводные главы заняли больше половины нормальной тетради – 15 страниц.

Пишите. Жду ответа. Погода у нас скверная, окаянные ветра замучили.

26/III [19]43 г. Ваш Вадим.

По общественной линии теперь я лектор райкома комсомола и делаю доклады на международные темы по заводам и воинским частям.

АРАН. Ф. 693. Оп. 4. Д. 80. Л. 3–4. Автограф.

№ 4

Дорогой Михаил Николаевич!

Получил Вашу открытку и спешу дать отчет о своей жизни. Что Вы остаетесь в Москве, я предусматривал и не очень огорчен, ибо надеюсь на свой скорый приезд. Пока же работаю довольно интенсивно над Галичем. Сегодня кончил детальное чтение Лаврентьевской, Ипатьевской, Воскресенской летописей и начал думать о главе «Общественные отношения в Галицком княжестве». Напишите, пожалуйста, Ваше мнение о роли городов (Галич и др.) – в этом вопросе устоявшегося мнения у меня нет, и хочется знать Ваше мнение. Георгий Андреевич⁵⁹ начал ввязываться в мою работу, чем я несколько удивлен. Назначил мне обязательные консультационные часы каждую неделю и, по-видимому, хочет заменять Ваше руководство. Это меня несколько не устраивает по вполне понятным причинам. Напишите, как себя вести с ним? Саша⁶⁰ ничего не делает, больше занят чтением новой истории, газет и чревоугодием (он уже успел съесть хлеб за половину месяца!). Вы опять скажете про меня: «Собакевич». Но что же делать, если это так. Я ему говорил о необходимости работы и получил ответ, что завод отнимает слишком много времени и он не успевает. Каким-то образом я успеваю. Спецкурс на новый семестр собира-

ется читать нам вдвоем Георгий Андреевич «Балтийский вопрос XVI–XVII веков». Против этого я не возражаю.

В житейском смысле на март устроился неплохо. Нам теперь дают коммерческие ужины, что весьма подняло настроение, и 600 грамм хлеба. В этом месяце я еще продолжаю работать на заводе, но уже последний месяц – не имеет смысла. Сейчас же я имею 3 обеда в день, 1 ужин и 800 гр[амм] хлеба. Не жалею. Погода все больше походит на весеннюю, говорят, что тут весна бывает обычно ранняя. Очень приятно, хотя на сессию весной нам вынесли семь экзаменов. Нелегкая будет работа. Саши⁶¹ Вам посылают привет. Марине⁶² я передал Вашу просьбу. До скорой встречи. Пишите.

Ваш Вадим.

6/III [19]43 г.

Очень заинтересован Вашим участием в работе над «Историей русского флота»⁶³. Напишите поподробнее о ней.

АРАН. Ф. 693. Оп. 4. Д. 80. Л. 5. Автограф. Адрес: Москва, ул. Герцена, д. 46, кв. 5., проф. М.Н. Тихомирову; обратный адрес: Свердловск, Главный почтамт, до востребов[ания]. Александров В.А. Письмо представляет собой «военный треугольник» без конверта, на письме штампель: «проверено военной цензурой».

№ 5

Начальнику Печатного приказа думному боярину

Тихомирову Михаилу Николаевичу

О хождении подъячишки Вадьки Александрова

на литовский [рубеж]⁶⁴.

Бьет челом и слезно о прощении плачется подъячишко твоего приказа Вадька сын Алексашкин да по прозвищу Александров. В прошлом июле месяце ныняшнего 7454 года⁶⁵ по указу ближнего боярина Ильи Саввича Галкина⁶⁶ должен был аз грешный с твоей боярской милостью ехать по государеву делу во Псков, а оприч хлебного жалованья иного дадено не было, и твоя боярская милость во гневе ближнему боярину челом била и во Псков не поехала, пое-

лику приказной подьячишко, умом смутяся, бесчестье великое тебе нанес и дорожные протори и проести на твой боярский счет отнес⁶⁷.

Аз же грешный, в хворости пребывая, уехал из Москвы к сестре своей⁶⁸ в Великие Луки, и без указа по своей воле город описал и, таясь от казни жестокой, бяю ныне тебе, государь мой, челом и слезно молю о милости. Прочитай мою грамотку да помилуй.

А город до нашествия вражьего был деревянный и как польский король Стефан Баторий⁶⁹ [с] ливонцы калеными ядрами его сожгли, и оприч бурьяна да стен пустых каменных нет ничего. А жителей всякого чина в городе много, рубят дома вновь и крыши кроют да таких домов уж там великое число⁷⁰. А крепость, что царем и великим государем Петром Алексеевичем⁷¹ заложена⁷², цела, оприч ворот каменных, и снесены они ядрами до основания, да острог⁷³ и собор⁷⁴, и живут в той крепости полоненные вороги⁷⁵, строят хоромы приказные, а частные дома без них строят. Крепость большая на берегу Ловати стоит, в прежние годы рвом окруженная, подземные ходы имеет к реке. А супротив ее, на ином берегу Ловати, стоит часовня⁷⁶, по указу царя и великого государя Петра Алексеевича поставленная на могиле ратных людей, павших в баталии со сваями⁷⁷ у Великих Лук в 7215 году⁷⁸. А храмы божьи разорены и разграблены, оприч церкви, что на Казанском кладбище⁷⁹. Сергиев монастырь⁸⁰ рушится, ограда каменная ядрами снесена, северная стена храма⁸¹ взорвана, купола нет, да внутри храма, оприч пакостей людских, нет ничего. А Воскресенская церковь⁸², еще со времени царя и великого государя Алексея Михайловича⁸³ стоявшая, божьим супостатом еретиком и вором приказным ярыжкою ради бездельной корысти взорвана на каменья под хоромы и поселе на него управы нет. Да божье провидение не дало ему камня с того храма, поелику рассыпался он во прах и укором христианам так и остался. Приказные же хоромы разрушены все и после как ни строят их, многие стоят без крыш и дверей.

А окрест города земля вся изрыта костями и осколками пробита.

Смилуйся, государь мой, помилуй.

28/VIII [19]46 г. В. Александров.

АРАН. Ф. 693. Оп. 4. Д. 80. Л. 6. Машинопись. Дата, подпись и заголовок – автограф.

№ 6

Дорогой Михаил Николаевич!

Рад был сегодня услышать об улучшении Вашего состояния. Все это время сознательно не хотел попасть к Вам «на прием», чтобы не утомлять Вас излишне, тем более что гостей у Вас, кажется, бывало достаточное число. Если вы не будете возражать, очень хочу увидеть Вас в четверг. Марина Алексеевна просила передать Вам большой привет, а мне остается пожелать скорейшего выздоровления.

27 июня [1947 г.]⁸⁴.

Ваш Вадим

АРАН. Ф. 693. Оп. 4. Д. 80. Л. 7. Автограф. Записка адресована: Тихомирову Михаилу Николаевичу

№ 7

Михаил Николаевич!

Я устроился у физкультурников⁸⁵, приняли очень охотно. Из Учпедгиз'а⁸⁶ отбыл благополучно; выясняется, что главный прохвост Давидович⁸⁷. В энциклопедию устраиваться сейчас невозможно, буквально на днях Баканов⁸⁸ сдает дела Бурджалову⁸⁹.

Вадим.

[1953 г.]

АРАН. Ф. 693. Оп. 4. Д. 80. Л. 14. Автограф на небольшом клочке бумаги. Датируется по содержанию.

№ 8

Дорогой Михаил Николаевич!

Все Ваши поручения в Москве я выполнил. Книгу Пашкевича⁹⁰ отдал в редакцию заведующей иностранным отделом⁹¹ (даме явно шмидтовского⁹² умонаклонения), которая выписывала ее на свое имя. Она очень интересовалась Вашей рецензией на эту книгу⁹³. Фавстов⁹⁴ заверил меня, что статью Муравьева⁹⁵ печатать они будут, но мою рецензию счел излишней. Верстку Вашей статьи о Ключевском⁹⁶ мне не показал: статья, вернее номер, в типографии. Что же касается мести индейца на Дачной улице⁹⁷, то я, со-

гласно нашей договоренности, ее отложил до Вашего приезда.

За истекшую неделю я несколько пришел в себя и даже как-то вечером три часа бился над проклятым пасьянсом своего имени⁹⁸; к сожалению, безуспешно. По утрам же с Галиной Георгиевной⁹⁹ елозили за земляницей, набрали полсотни стаканов и духом от варенья пропах весь дом. К счастью, злокозненная ягода почти сошла.

Погода стоит отличная. Приезжайте непременно, будем очень рады. На всякий случай накануне приезда пошлите, пожалуйста, телеграмму, чтобы мы не отправлялись в этот день в какой-нибудь поход.

Галина Георгиевна шлет Вам большой привет.

Ваш Вадим

15/ VII [19]58 г.

АРАН. Ф. 693. Оп. 4. Д. 80. Л. 8. Автограф.

№ 9

Дорогой Михаил Николаевич!

К сожалению, прервал свое сельское сиденье и вернулся в Москву. До начала окаянного конгресса остался месяц¹⁰⁰ и, по всей видимости, вскоре институт будет напоминать Помпею в ее последние дни. Уже издан приказ, согласно которому все этнографическое народонаселение должно без изъятия являться на работу каждый день, а местком обсуждает дальнейшие меры по усилению трудовой дисциплины. Я, впрочем, получил послабление и этот, безусловно исторический, приказ меня коснулся слабо. Вопреки логике событий я как-то укрепился духом и смотрю на все эти события взором летописца. Так оно будет проще.

Отдохнул неплохо, по будним дням не без успеха добывал на реке уху¹⁰¹, а по воскресным особенно усиленно тренировал «профессора» в дальних прогулках, так как в эти дни река превращалась в уху человеческую¹⁰².

Цветы мои растут пока успешно¹⁰³, хотя однажды по ним прогулялась корова. Впрочем, она была настолько благоразумна, что сожрала только хозяйский горох и картошку.

Очень соскучился и с нетерпением жду Вашего выздоровления. Алексей Владимирович Ефимов¹⁰⁴ и Леонид Павлович Потапов¹⁰⁵ просили меня передать Вам самые лучшие и самые теплые пожелания. Выздоровливайте и берегите себя. Все наше семейство присоединяется к моим пожеланиям.

Всегда Ваш Вадим

1/VII [19]64 г.

P.S. Вашу луковицу мы съели в соответствующем оформлении на Троицу и весьма ее одобрили.

Москва.

АРАН. Ф. 693. Оп. 4. Д. 80. Л. 10-10 об. Автограф.

№ 10

Дорогой Михаил Николаевич!

Как Вы себя чувствуете? Сижу невылазно на даче, так как опасаясь оставить младенца¹⁰⁶ и бабушку¹⁰⁷ одних. Галина Георгиевна уехала со студентами на практику до августа¹⁰⁸. Очень хочется Вас повидать, думаю о Вас каждый день, так хотелось бы поднести Вам леща, который ловится совсем неплохо. Отметил уже девятую викторию. Для полноты впечатлений решил даже заснять любительский кинофильм «Как ловить рыбу»¹⁰⁹. Результат получился неожиданный. Когда кинооператор (Андрей Подольский¹¹⁰) увидел выведенного на поверхность воды крупного леща и включил камеру, лещ, перепуганный ее треском, сделал отчаянный рывок и ушел, унося в пучину вод всю мою снасть!

Оператор утверждает, что этот кадр – жемчужина всего фильма.

Я уже довольно основательно отсиделся на месте и думаю, что даже с удовольствием вернусь в Москву и примусь за дела.

Желаю Вам всего лучшего и прошу разрешения при первой же возможности Вас навестить.

Все наше семейство шлет Вам привет и добрые пожелания.

Всегда Ваш Вадим.

4/VII [19]65 г.

Вербилки.

АРАН. Ф. 693. Оп. 4. Д. 80. Л. 12-13. Автограф.

Примечания

1. См. о нем: Список основных работ доктора исторических наук Вадима Александровича Александрова (к 60-летию со дня рождения) // Советская этнография. 1982. № 3. С. 143–146; *Покровский Н.Н.* К кончине Вадима Александровича Александрова (1921–1994) // Археографический ежегодник за 1994 год. М., 1996. С. 367–369; *Швейковская Е.Н.* Проблемы расселения и землевладельческого освоения Сибири в творчестве В.А. Александрова // Особенности российского земледелия и проблемы расселения в России IX–XX вв.: Материалы XXVI сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тамбов, 2000. С. 17–28; *Она же.* Социум и государство России XVII века в трудах В.А. Александрова // Историк во времени: Третьи Зиминские чтения: Доклады и сообщения научной конференции. М., 2000. С. 186–187; *Она же.* Основные проблемы в исследованиях В.А. Александрова (к 80-летию со дня рождения) // Археографический ежегодник за 2001 год. М., 2002. С. 191–217; *Кирюкова С.С.* Научная сессия, посвященная 80-летию В.А. Александрова // Этнографическое обозрение. 2002. № 4. С. 160–162; *Буганов В.И.* Отечественная история в трудах В.А. Александрова // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): сборник статей. М., 2003. С. 244–262; *Швейковская Е.Н.* Источниковедческие аспекты в трудах В.А. Александрова 1960–1970 гг. // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X–XXI вв.: источники и методы исследования. Материалы XXXII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Рязань, 2012. С. 7–20.
2. См. о нем: Михаил Николаевич Тихомиров / Вступ. статья В.И. Шункова; библиогр. сост. Р.И. Горячевой. М., 1963 (Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Серия истории; Вып. 6); Рукописное наследие академика М.Н. Тихомирова в Архиве Академии наук СССР: Научное описание / Сост. И.П. Старовойтова. М., 1974; *Чистякова Е.В.* Михаил Николаевич Тихомиров: (1893–1965). М., 1987; Михаил Николаевич Тихомиров (1893–1965): Биобиблиографический указатель / Сост. И.Е. Тамм. М., 1996; *Буганов В.И.* Тихомиров Михаил Николаевич // Историки России: Биографии. М., 2001. С. 677–684; *Шмидт С.О.* Московский историк Михаил Николаевич Тихомиров. Тихомировские традиции. М., 2012; *Ковеля В.В.* М.Н. Тихомиров и его научное наследие: развитие научных концепций и влияние политико-идеологического фактора. Диссертация на соиск. ученой степени к.и.н. СПб., 2017; и др.

3. *Александров В.А.* Путь в историю, пути в истории (Моя жизнь). М., 1998. С. 36.
4. *Богданов В.П.* Студенческий курс, начавший учебу в первый день Второй мировой войны // Археографический ежегодник за 2013 год: Посвящен памяти Сигурда Оттовича Шмидта. М., 2019. С. 214–222.
5. *Чистякова Е.В.* Михаил Николаевич Тихомиров... С. 28. См. также: *Она же.* Школа М.Н. Тихомирова // Общественное сознание, книжность, литература феодального периода: (К 60-летию Н.Н. Покровского). Новосибирск, 1990. С. 352–368.
6. См.: *Кремер И.С.* Мы строим московскую линию Мажино // Летописи войны: Воспоминания, дневники, письма историков МГУ – участников Великой Отечественной войны / Сост. С.И. Антонова и др. М., 2012. С. 146.
7. *Гейфтер М.Я.* Письмо о строительстве оборонительных рубежей // «Мы шли навстречу ветру и судьбе...»: воспоминания, стихи и письма историков МГУ – участников Великой Отечественной войны / Сост. С.И. Антонова и др. М., 2009. С. 149–150.
8. *Александров В.А.* Указ. соч. С. 31.
9. Пашуто Владимир Терентьевич (1918–1983) – историк, член-корреспондент АН СССР (1976). В 1948 г В.Т. Пашуто защитил кандидатскую диссертацию, ставшую основой его монографии «Очерки по истории Галицко-Волынской Руси» (М., 1950).
10. *Александров В.А.* Указ. соч. С. 38–39.
11. См. официальное оповещение о времени и месте защиты: Вечерняя Москва. 1947. 17 ноября. С. 4.
12. *Александров В.А.* Указ. соч. С. 94.
13. Кафенгауз Бернгард (Борис) Борисович (1894–1969) – историк, д.и.н. (1946), проф. (1948), специалист по истории социально-политической и экономической истории Средневековой Руси и России XVII–XIX вв.
14. Смирнов Николай Александрович (1896–1983) – историк-востоковед, д.и.н. (1941), проф. (1942), преподавал в МИФЛИ и МГУ, исполняющий обязанности декана исторического факультета МГУ (1941–1943).
15. Разгон Израиль Менделевич (1905–1987) – историк, д.и.н. (1940), проф. (1940), специалист по советской истории. После критики во время кампании по борьбе с «безродными космополитами» вынужден был уехать из Москвы в Томск.
16. Бокшанин Анатолий Георгиевич (1903–1979) – историк, к.и.н. (1937), д.и.н (1965), доцент (1935–1965, с 1966 – проф.) кафедры истории Древнего мира исторического факультета МГУ.
17. Луцкий Евгений Алексеевич (1907–1991) – историк, проф., (1968),

- д.и.н. (1970), специалист по истории советского общества, источниковедения, в 1940–1943 гг. – доцент МГУ.
18. Мотылев Вольф Евнович (1899–1967) – экономист, в 1941–1949 гг. профессор МГУ.
 19. Первоначально МГУ находился в эвакуации в Ашхабаде.
 20. Московский адрес В.А. Александрова – Кропоткинская (ныне – Пречистенка) ул., д. 18. Флигель усадьбы Ушковых, в котором жила семья В.А. Александрова не сохранился.
 21. Александрова (в девичестве Городецкая) Ольга Михайловна (1895–1988) – мать В.А. Александрова.
 22. Попов Борис Семенович (1922–1994) – историк, д.и.н. (1973). Однокурсник В.А. Александрова. Летом 1941 г. участвовал в строительстве оборонительных рубежей в районе с. Снопот Рогнединского района Орловской (ныне – Брянской) области. В 1942–1943 гг. находился в эвакуации в Свердловске, по возвращении в Москву, в 1944 г. окончил исторический факультет по кафедре Средних веков, написав дипломную работу под руководством Е.А. Косминского «Георгий Гемист Плифон – его политическая деятельность и мировоззрение» (машинопись сохранилась в личном архивном фонде С.О. Шмидта в Архиве РАН – фонд 2218, не обработан). В 1947 г. защитил в МГУ одноименную кандидатскую диссертацию, официальные оппоненты: д.и.н. Ф.А. Коган-Бернштейн и к.и.н. З.В. Удальцова (см.: Византийский временник. 1949. Т. 2(27). С. 386–387). Впоследствии преподавал в партийной школе в Краснодаре, в Высшей партийной школе при ЦК КПСС (с 1957 – зав. кафедрой истории международного и национально-освободительного движения). В 1976–1988 гг. – проректор Академии общественных наук. Специалист по истории Сербии, Болгарии, Румынии новейшего времени, истории социалистических идей и рабочего движения.
 23. Прокофьев Вадим Александрович (1920–1991) – историк, писатель. Выпускник исторического факультета МГУ (1943), автор художественно-научных биографий деятелей революционного и рабочего движения в России XIX – начала XX вв. В письме М.Н. Тихомирову от 5 декабря 1946 г., поздравляя его с избранием в члены-корреспонденты (4 декабря 1946 г.), отмечал: «Вы, вероятно, забыли пишущего эти строки, но у меня на всю жизнь останутся в памяти дни Ашхабада и Свердловска, когда мы все с удовольствием бывали у Вас, старались помочь друг другу, чем возможно» (АРАН. Ф. 693. Оп. 4. Д. 505. Л. 1).
 24. Арциховский Артемий Владимирович (1902–1978) – историк, археолог, д.и.н. (1940), проф. (1937), член-корреспондент АН СССР (1960).

25. Розенфельдт Ростислав Леонидович (1922–1989) – историк, археолог. Однокурсник В.А. Александрова. Летом 1941 г. участвовал в строительстве оборонительных рубежей в районе с. Снопот Рогнединского района Орловской (ныне – Брянской) области. В ноябре 1941 г. эвакуирован вместе с МГУ в Ашхабад, потом в Свердловск, в 1942 г. призван в армию, участник Сталинградской битвы, войну закончил в Австрии. С 1947 г. – сотрудник Института археологии АН СССР, к.и.н. (1962), автор трудов по археологии Москвы, эпохе раннего железа Восточной Европы, дьяковской культуры.
26. Кропоткин Владислав Всеволодович (1922–1993) – историк, археолог, д.и.н. (1973). В 1940 г. поступил на исторический факультет МГУ, летом 1941 г. участвовал в строительстве оборонительных рубежей в районе с. Снопот Рогнединского района Орловской (ныне – Брянской) области, в ноябре 1941 г. эвакуирован с МГУ в Ашхабад, потом в Свердловск. В 1943 г. был призван в армию, служил в железнодорожных войсках. После демобилизации в 1946 г. восстановился на историческом факультете МГУ, с 1950 г. – сотрудник Института археологии АН СССР.
27. Так в тексте, вероятно, имеется в виду: Каплан Иосиф Григорьевич (1900–1963) – декан (1941–1942), заведующий кафедрой диалектического и исторического материализма (1941–1943) философского факультета МГУ.
28. Курсовая работа по истории Галицко-Волынской Руси.
29. Из контекста письма не ясно, о каком писателе идет речь: об Алексее Константиновиче или об Алексее Николаевиче Толстом.
30. Коновалов Дмитрий Григорьевич (1876–1947) – филолог, историк русского сектантства. В 1941–1943 гг. – заведующий кафедрой классической филологии МГУ.
31. Длугош Ян (Długosz Jan, 1415–1480) – польский историк-хронист, дипломат, краковский каноник (с 1436), архиепископ львовский (1480). Автор «Истории Польши» в 12 кн. (на латин. яз.).
32. Зубрицкий Денис Иванович (1777–1862) – историк, археограф, общественный деятель. Автор трудов по истории Галицко-Волынской Руси, в том числе: «Критико-историческая повесть временных лет Червонной или Галицкой Руси / Пер. с польского [и предисл.] О.М. Бодянского» (М., 1845) – первая часть незавершенного труда «Rys do historyi Narodu Ruskiego w Galicyi i hierarchii cerkiewnej w temże Królestwie» («Очерк истории русского народа в Галиции и церковной иерархии в этом королевстве»), «История древнего Галичско-Русского княжества» (Львов, 1852–1855. Ч. 1–3), и др.

33. Владимир (Владимирко) Володаревич (1104–1152) – князь звенигородский (с 1124), перемышльский (с 1129), галицкий (1141–1144, 1145–1153).
34. Карамзин Николай Михайлович (1766–1826) – писатель, историк, автор 12-томной «Истории государства Российского».
35. Соловьев Сергей Михайлович (1820–1879) – историк, академик АН (1872), автор 29-томной «Истории России с древнейших времен».
36. Татищев Василий Никитич (1686–1750) – государственный деятель, географ, историк, автор «Истории Российской».
37. Предположительно упомянуты студенты исторического факультета МГУ: Мальцев Александр Николаевич (1921–1964) – историк, к.и.н., преподаватель МГУ, ученик М.Н. Тихомирова и Медведев Александр Филиппович (1916–1984) – историк, археолог, к.и.н. (1953), ученик А.В. Арциховского.
38. Сказкин Сергей Данилович (1890–1973) – историк, д.и.н. (1935), академик АН СССР (1958), специалист по истории Европы в Средние века и Новое время.
39. Так в тексте. Возможно, имеется в виду доцент кафедры истории СССР МГУ Г.П. (или Г.Л. – в литературе встречается разное написание инициалов) Тейвель, с 1939 г. преподававший на кафедре истории СССР МГУ, в 1941/1942 г. читавший в Свердловске, вместе с Г.А. Новицким, общий курс истории СССР (см.: *Горловский М.* Работа кафедры истории СССР Свердловского государственного университета им. А.М. Горького в дни Великой Отечественной войны // *Исторический журнал.* 1943. № 3/4. С. 107; *Щодра О.М.* Историческая наука в Московском университете 1934–1941 гг.: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.09. М., 1984. С. 67). Историк Е.Н. Берковская (1923–1998), сделавшая свой первый студенческий доклад в его семинаре накануне войны, позднее вспоминала: «Наш преподаватель – доцент Тейвель, имени и отчества я к сожалению не помню, молодой, худощавый, с серьезным лицом, в очках (он по молодости, очевидно, держался с нами не без чопорности). Он предложил нам темы докладов, и, кажется, мы сами выбирали каждый себе. Он рассказывал нам кратко о каждой теме, и, кажется, давал список основной литературы и источников. <...> После войны на истфак наш Тейвель не вернулся. Кажется, он погиб» (*Берковская Е.Н.* Судьбы скрещения: Воспоминания. М., 2008. С. 331; тоже в кн.: «Мы шли навстречу ветру и судьбе...»: воспоминания, стихи и письма историков МГУ – участников Великой Отечественной войны / Сост.: С.И. Антонова и др. М., 2009. С. 61–62). Тейвель упомянут как аспирант МГУ в дневнике Н.М. Дру-

- жинина за 1936 г. (см.: Историки о времени и о себе. Дневник Николая Михайловича Дружинина // Вопросы истории. 1997. № 3. С. 109; № 4. С. 96). В Архиве РАН в фонде С.В. Бахрушина сохранилось его письмо С.В. Бахрушину от 1 марта 1937 г. (АРАН. Ф. 624. Оп. 4. Д. 221) и статья «Расширение крепостных отношений в Московском государстве XVI в.» (АРАН. Ф. 624. Оп. 5. Д. 225. Машинопись, б/д).
40. Смирнова Елизавета Алексеевна (1900–?) – жена Н.А. Смирнова.
 41. Дискуссия о достоверности так называемых татищевских известий идет в исторической науке длительное время. Одни считают, что В.Н. Татищев приводил в своих трудах уникальные факты, почерпнутые из недошедших до нас источников, а другие настаивают на том, что историк сам их выдумывал.
 42. *А.И.Д.* О западных границах Подкарпатской Руси, со времен св. Владимира // ЖМНП. 1880. № 3. С. 134–159. Автор – Добрянский-Сачуров Адольф Иванович (1817–1901) – историк, юрист, писатель, общественный деятель. См. о нем: *Юрасов М.К.* А.И. Добрянский как историк // Русин. 2012. № 3. С. 78–90.
 43. Володарь Ростиславич (? –1124/25) – князь перемышльский (1092–1124), в 1119 г. совместно с венграми участвовал в походе на Константинополь.
 44. Иштван II (Стефан II) (1101–1103) – король Венгрии и Хорватии.
 45. В 1122 г. Володарь Ростиславович был пленен поляками. См.: *Стефанович П.С.* Володарь Перемышльский в плену у поляков (1122 г.): источник, факт, легенда, вымысел // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2006. № 3(25). С. 56–74.
 46. Тиса – река, левый приток Дуная. Написание Тисса встречается в справочных изданиях начала XX века.
 47. Гусек Ян (Húsek Jan, 1884–1973) – чешский этнограф, диалектолог, социолог, доктор философии. См.: *Húsek J.* Národopisná hranice mezi Slováký a Karpatorusy. Bratislava, 1925.
 48. Киево-Печерский патерик – памятник древнерусской книжности первой трети XIII в., сборник сказаний об истории создания Киево-Печерского монастыря.
 49. Цитата из Киево-Печерского патерика.
 50. Линниченко Иван Андреевич (1857–1926) – историк, приват-доцент Московского университета (1888–1896), профессор Новороссийского (Одесского) университета (с 1896 г.), член-корреспондент Петербургской Императорской академии наук (1913). Автор трудов по истории Киевской и Галицкой Руси, русско-польских отношений до XIV в., истории западных славян, истории русской литературы.

51. Иван Ростиславович Берладник (?–1162) – князь звенигородский и галицкий (1144). На короткое время захватил галицкий стол, но после поражения от дяди, Владимирка Володаревича, вынужден был служить различным князьям. О так называемой грамоте Ивана Берладника, датированной 1134 г., до сих пор идут споры о ее подлинности.
52. Ярослав Владимирович Осмомысл (?–1187) – князь галицкий, сын Владимира (Владмирко) Володаревича.
53. Цитата из Ипатьевской летописи. Доброслав Судьич, «попов внук» – галицкий боярин. См.: *Пашуто В.Т.* Общественно-политический строй Древнерусского государства // Пашуто В.Т. Русь. Прибалтика. Папство: Избранные статьи. М., 2011. С. 84.
54. Рыбаков Борис Александрович (1908–2001) – историк, археолог, академик АН СССР (1958), директор Института археологии (1956–1987), директор Института истории (1968–1970) АН СССР. В.А. Александров имеет в виду исследование Б.А. Рыбакова, предшествовавшие его монографии «Ремесло Древней Руси» (М., 1948).
55. Любечский съезд 1097 г. – съезд русских князей о прекращении усаобиц и закреплении сложившейся системы наследования уделов.
56. Съезд в Уветичах (Витичевский) — две встречи русских князей, состоявшиеся в августе 1100 г. На них было решено примириться друг с другом и предать суду князя Давида Игоревича за ослепление Василько Ростиславича.
57. Давид Игоревич (ок. 1055–1112) – князь волынский, дорогобужский. Активно участвовал в борьбе за галицкий удел. Часто действовал в союзе с ханом Боняком.
58. Боняк – половецкий хан, активный участник междукняжеских усаобиц рубежа XI–XII вв.
59. Новицкий Георгий Андреевич (1896–1982) – историк, к.и.н. (1935), проф. (1960), специалист по истории XVII–XVIII вв., музееведению. Декан исторического факультета МГУ (1948–1951).
60. Вероятно, А.Н. Мальцев.
61. См. прим. 37.
62. Вероятно, упомянутая в следующем письме Марина Алексеевна – первая жена В.А. Александрова.
63. Книга не была опубликована.
64. Небольшая часть письма оторвана, слово восстановлено по смыслу.
65. 1946 г.
66. Галкин Илья Саввич (1898–1990) – историк, к.и.н. (1936), д.и.н. (1956), проф. (1941), ректор МГУ (1943–1948), специалист по западноевропейской истории нового и новейшего времени.

67. Очевидно, М.Н. Тихомиров отказался ехать в командировку в Псков за свой счет.
68. Городецкая (в замужестве Михайлюк) Вера Владимировна – двоюродная сестра В.А. Александрова по материнской линии.
69. Баторий Стефан (1533–1586) – польский король (с 1576 г.). В ходе Ливонской войны предпринял осаду Пскова. В 1580 г. войска Батория захватили Великие Луки и перебили весь его гарнизон и население.
70. В письме совмещены события из истории города и описание разрушений после Великой Отечественной войны.
71. Петр I (1672–1725) – русский царь (с 1682 г.), император (с 1721 г.).
72. Имеется в виду крепость в Великих Луках, возведенная по указанию Петра I в 1704–1708 гг. под руководством Леонтия Филипповича Магницкого.
73. Здание городской тюрьмы.
74. Воскресенский собор (не сохранился), каменный заложен в 1692 г., закрыт в 1929 г., практически полностью уничтожен во время Великой Отечественной войны. См.: Псковский паломник. Псков, 2011. Вып. 4: Храмы и монастыри Великолуцкого уезда Псковской губернии.
75. Немецкие военнопленные.
76. Вероятно, часовня св. Великомученицы Екатерины. Каменная часовня, возведенная, в 1869 г. вместо деревянной, устроенной по преданию «на костях», на месте захоронения жителей города, погибших во времена Смуты пострадала в годы Великой Отечественной войны, в 1940-х гг. полностью уничтожена, заново воссоздана в 2000-х гг. См.: Псковский паломник. Псков, 2011. Вып. 4: Храмы и монастыри Великолуцкого уезда Псковской губернии.
77. Шведы.
78. 1707 г.
79. Казанское кладбище – городской некрополь в Великих Луках, основанный в 1803 г. Кладбищенская церковь Казанской иконы Божией Матери (1821) в наименьшей степени, сравнительно с другими городскими сооружениями, пострадавшая в годы Великой Отечественной войны, к 1945 г. была восстановлена и действовала. См.: Псковский паломник. Псков, 2011. Вып. 4: Храмы и монастыри Великолуцкого уезда Псковской губернии.
80. Троице-Сергиев Великолуцкий монастырь, основанный в XIV–XV вв., практически полностью уничтожен в 1943 г. во время освобождения Великих Лук. См.: Псковский паломник. Псков, 2011. Вып. 4: Храмы и монастыри Великолуцкого уезда Псковской губернии.
81. Троицкий собор, с пределом преподобного Сергия (1706).

82. См. прим. 74.
83. Алексей Михайлович (1629–1676) – русский царь (с 1645 г.).
84. Год письма обозначен карандашом рукой неустановленного лица (АРАН. Ф. 693. Оп. 4. Д. 80. Л. 7 об.).
85. В 1953–1955 гг. В.А. Александров работал в Государственном центральном НИИ физической культуры.
86. Учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР. Здесь В.А. Александров работал в 1947–1952 гг.
87. Давидович Давид Самойлович (1907–1990) – историк, д.и.н. (1966), заведующий редакцией истории Учпедгиза (1937–1953).
88. Баканов Петр Федорович (1907–?) – историк, к.и.н. (1949), заведующий редакцией истории СССР (1949–1952), редакцией народного образования (1952–1953) «Большой советской энциклопедии». С 7 июля 1953 г. – исполняющий обязанности старшего научного сотрудника Института истории АН СССР.
89. Бурджалов Эдуард Николаевич (1906–1985) – историк, к.и.н. (1939), д.и.н. (1968), заместитель главного редактора журнала «Вопросы истории» (1953–1957). Специалист по истории Революции 1917 года.
90. Пашкевич Генрик (Pasziewicz Henryk) (1897–1979) – польский и британский историк-медиевист. Речь идет о книге Г. Пашкевича «Происхождение Руси» «The origin of Russia» (London: George Allen & Unwin, 1954).
91. Редакция журнала «Вопросы истории».
92. Шмидт Сигурд Оттович (1922–2013) – историк, педагог, общественный деятель, д.и.н. (1965), проф. (1970), академик Российской академии образования (1992). Ученик М.Н. Тихомирова.
93. М.Н. Тихомиров не публиковал рецензию на книгу Г. Пашкевича.
94. Фавстов Георгий Андреевич (1923–?) – историк, к.и.н. (1954), с 1957 г. – сотрудник редакции журнала «Вопросы истории».
95. Муравьев Анатолий Васильевич (1924–1993) – историк, к.и.н. (1956), профессор (1982), заведующий кафедрой источниковедения исторического факультета МГУ (1962–1966). Ученик М.Н. Тихомирова. Не ясно, о какой статье А.В. Муравьева идет речь, в «Вопросах истории» он не публиковался.
96. *Тихомиров М.Н.* К выходу в свет первых трех томов Собрания сочинений В.О. Ключевского // Вопросы истории. 1958. № 8. С. 154–159. В.А. Александров вместе с А.А. Зиминим и Р.А. Киреевой участвовал в подготовке к печати и комментировании собрания сочинений В.О. Ключевского в 8 томах, выходявшем под общим наблюдением М.Н. Тихомирова (см.: *Александров В.А.* Указ. соч. С. 105–110). Эк-

- земляры первых пяти томов собрания сочинений В.О. Ключевского с дарственными надписями В.А. Александрова и А.А. Зимина М.Н. Тихомирову хранятся в библиотеке Дальневосточного федерального университета (см.: *Печенкина В.А.* Книги с автографами из коллекции М.Н. Тихомирова, подаренной Дальневосточному государственному университету. Владивосток, 2002. С. 125–126). Собрание сочинений В.О. Ключевского, издавалось сначала в Госполитиздате, а с пятого тома – в Соцэкгизе. Г.А. Фавстов работал в начале 1950-х гг. редактором в Госполитиздате, им отредактированы пять первых томов, включавших «Курс русской истории».
97. В поселке Вербилки Талдомского района Московской области, где семья В.А. Александрова многие годы снимала дачу.
 98. Имеется в виду гранпасьянс на две колоды, который в шутку называли «александровский».
 99. Александрова (в девичестве Туктанова) Галина Георгиевна (род. в 1927 г.) – химик-технолог, преподаватель химического факультета МГУ (1955–1988). Жена В.А. Александрова (с 1955 г.).
 100. VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук, состоявшийся в Москве 3–10 августа 1964 г.
 101. В.А. Александров был известен как заядлый рыбовод.
 102. Так как в выходные и воскресные дни значительно возрастало количество отдыхающих у реки, В.А. Александров предпочитал уединенные прогулки. «Профессор», вероятно, шутливое наименование от М.Н. Тихомирова.
 103. На даче В.А. Александров выращивал цветы, в особенности любил гладиолусы, стараясь приобретать самый лучший посадочный материал.
 104. Ефимов Алексей Владимирович (1896–1971) – историк, этнограф, д.и.н. (1938), член-корреспондент АН СССР (1939) и Академии педагогических наук СССР (1947), заведующий сектором народов Америки Института этнографии АН СССР (с 1956 г.). Автор трудов по новой и новейшей истории США, истории русских географических открытий, методологии истории.
 105. Потапов Леонид Павлович (1905–2000) – этнограф, д.и.н. (1947). С 1948 г. – директор Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР. Одновременно – руководитель Музея антропологии и этнографии АН СССР. Специалист по этнографии Дальнего Востока.
 106. Александров Вадим Вадимович (род. в 1960 г.) – сын В.А. Александрова.

107. Александрова О.М., см.: прим. 21.
108. В 1965 г. Г.Г. Александрова руководила студенческой практикой на Березниковском химическом комбинате. См. ее письмо М.Н. Тихомирову от 16 июля 1965 г. (АРАН. Ф. 693. Оп. 4. Д. 81. Л. 3–4).
109. Очевидная отсылка к знаменитому произведению С.Т. Аксакова «Записки об ужении рыбы».
110. Подольский Андрей Георгиевич (1921–1985) – историк-арабист, ученый секретарь Академии художеств СССР.

Ил. 1. В.А. Александров. [1944 г.]. Размер фотографии: 6х9.

На обороте надпись: «Дорогому Михаилу Николаевичу
от ученика. В. А. 1/III 44 г.».

АРАН. Ф. 693. Оп. 2. Д. 208. Л. 1.

Ил. 2. М.Н. Тихомиров в гостях у В.А. Александрова.
29 ноября 1957 г. Размер фотографии: 8х11.
АРАН. Ф. 693. Оп. 2. Д. 175. Л. 2.

Ф.Р. Дунаевский о реэвакуации в Ленинград

E.N. Gruzdevar

Feodor R. Dunaevsky on Re-evacuation to Leningrad

Аннотация. Впервые публикуется фрагмент записок из личного фонда социолога, психолога и физиолога Ф.Р. Дунаевского. Рукопись содержит анализ событий вокруг реэвакуации Ленинградского Физиологического института из Казани в 1944 г. Документ интересен как свидетельство участника событий и как попытка осмысления возникших трудностей. В статье также представлена краткая биография автора записок.

Ключевые слова: Ф.Р. Дунаевский, реэвакуация, Ленинград, осень 1944 г., Академия наук, Институт физиологии.

Abstract. The essay first reveals an extract from the Notes of Feodor R. Dunaevsky, a sociologist, psychologist, and physiologist, held in his personal fond. The manuscript analyzes the events which were unfolding during the re-evacuation of the Institute of Physiology from Kazan to Leningrad in 1944. The document seems to be interesting both as the evidence of one of the participants and his attempt to understand the difficulties which all of them experienced that time. In addition, the essay tells us briefly about the Notes' author.

Keywords: F. Dunaevsky, re-evacuation, Leningrad, autumn 1944, Academy of Sciences, Institute of Physiology.

Среди бумаг сотрудника Ленинградского института физиологии им. И.П. Павлова АН СССР Ф.Р. Дунаевского¹ сохранился документ, озаглавленный им как «Реэвакуация». Эта рукопись, выполненная в обычной школьной тетради в линейку с дополнением нескольких вкладных листов писчей бумаги, датирована 29 и 30 сентября 1944 г. Записи являются, по признанию автора, «изло-

жением впечатлений и мыслей» о том, «чему я был свидетелем за последние полгода»². Интерес к этому документу определяется не только его темой, но и личностью рассказчика.

Федор Романович Дунаевский родился в 1887 г. в Харькове в семье железнодорожного служащего. В родном городе окончил гимназию и в 1910 г. — юридический факультет университета. Однако заниматься адвокатурой «не имел ни материальной возможности, ни охоты» и зарабатывал на жизнь уроками. Свободное время отдавал самообразованию в области психологии и естественных наук, которыми интересовался с детских лет. В 1912 г. переехал в Петербург, где с началом Первой мировой войны был мобилизован в армию. Попав в авиационную школу, стал преподавателем моторного дела³. После демобилизации в 1918 г. вернулся к родным в Харьков. В условиях частой смены правительств на юге России и Украине менял места службы⁴, пока летом 1921 г. не был назначен директором Харьковского (Всеукраинского) института труда, и проработал на этой должности 10 лет. Об этом периоде своей биографии Дунаевский писал: в институте «развернул психологический отдел, где пытался осветить экспериментально некоторые вопросы, которыми интересовался <...>, ища в то же время путей для непосредственного практического использования собственных работ института и собранных в нем знаний. В 1928 г. основные результаты экспериментальных работ и этих исканий изложил в опубликованной тогда же работе “Интеллектуальная мощьность”»⁵⁶.

В 1931 г. Дунаевский оставил Харьков и переехал сначала в Москву, а затем в Ленинград. Занимался литературной работой, дававшей возможности для естественнонаучных занятий, которым посвящал много времени в научных библиотеках. В 1933 г. он сформулировал основные предположения о биологической роли находимого в мозгу железа и наметил экспериментальные пути для проверки этих предположений. Тогда же, консультируясь с виднейшими советскими физиологами, Дунаевский познакомился с Л.А. Орбели, который проявил интерес к его теории и оказал поддержку: в 1934–1936 гг. Дунаевский ставил опыты в лаборатории Естественного института им. Лесгафта, которой руководил

Л.А. Орбели, а с 1936 г. получил разрешение на продолжение работ в Физиологическом институте им. И.П. Павлова⁷. В 1938 г. тема «О биологической роли железа» была включена в план института, а Дунаевский с 1 апреля 1939 г. зачислен в штат младшим научным сотрудником⁸. С Физиологическим институтом он не расставался уже до самого выхода на пенсию в 1950 г.⁹.

Научная экспериментальная работа была прервана условиями блокады и эвакуации. Большая часть сотрудников института и лабораторное оборудование в конце 1941 г. оказались в эвакуации в Казани. Дунаевский присоединился к ним в июле 1942 г.¹⁰. Будучи лишен опытной базы, он обратился к литературной работе – оформлял полученные результаты исследований по сидерозу¹¹, написал несколько статей¹², вчерне закончил теоретическое исследование «О предпосылках изучения церебральной функции», готовил научные сообщения и обзоры. С 1943 г. он был привлечен к изданию «Журнала общей биологии» и занимал пост его научного редактора в течение 5 лет.

Коллеги считали Дунаевского «по широте научной эрудиции достойным ученого звания профессора, он выполнил <...> ряд ценных и интересных работ»¹³. Между тем его научный статус (м. н. с.) оставался скромным. Прошли времена, когда ученую степень можно было получить за работы, высоко оцененные научным сообществом, а «домогаться» ученой степени Дунаевский считал «противоречащим существу ситуации»: «Не имея биологического образования, будучи самоучкой и [в] возрасте 57 лет я мог бы этого добиться лишь усилиями чрезвычайными, и я предпочитал оставаться без степени»¹⁴. Это не мешало ему оставаться мыслителем, подвергать анализу те события и явления, свидетелем или участником которых он оказался.

В годы войны внимание государственных лидеров привлекла проблема устройства науки. Академии наук было предложено представить свои соображения по вопросу. Редактировать одобренный академической комиссией текст было поручено Дунаевскому. Одновременно он подготовил по запросу АН и записку по общему состоянию биологической проблематики в СССР.¹⁵

Когда в январе 1944 г. было объявлено о снятии блокады Ленинграда, все ранее выехавшие из города ленинградцы начали мечтать о возвращении домой. Когда будет разрешена реэвакуация¹⁶ и как она будет организована, долго оставалось неизвестно. Весной это значительно осложнило принятие эвакуантами решения об огородах, спасавших от зимнего голода, – закладывать их или нет? Если сеять, то какие культуры? Не приходилось ожидать, что сроки реэвакуации будут подгоняться под сбор урожая, да и каждому увезти с собой по несколько мешков картошки вряд ли удалось бы. Хотя правительство предложило по этому поводу решение: «Плодоовощ принимала продукты в местах отъезда и выдавала в местах приезда, принимала даже на корню. Но мероприятие это, реальное для Москвы, не распространялось на Ленинград <...>»¹⁷. В конце июня стало известно, что реэвакуация институту разрешена в августе. Администрация постановила провести переезд в два этапа: в середине августа и середине сентября. Это давало надежду на то, что выехавшие первыми смогут позаботиться в Ленинграде о квартирах, дровах и вообще о бытовом устройстве, а оставшиеся в Казани успеют убрать урожай.

Первый эшелон отправился 13-го и прибыл в Ленинград 19 августа 1944 г. И в тот же день было опубликовано правительственное распоряжение, аннулировавшее все неиспользованные вызовы для реэвакуации¹⁸. Дунаевский емко описал возникшую ситуацию: «Распоряжение это поставило в тягчайшие условия тысячи людей. Люди ликвидировали свои дела, упаковались, распродали дрова, отказались от квартир. И вдруг – с полной неподготовленностью к ней перспектива еще одной зимы. Собрано, упаковано оборудование (например, институты Физико-технический, Радиевый¹⁹). Теперь надо снова его распаковывать и быть может на краткий срок. В нашем институте часть оборудования в Ленинграде, часть – в Казани, нет комплектности. Часть сотрудников там, часть здесь, срывается работа и там, и здесь. И множество разорванных семейств»²⁰. Ему самому удалось вернуться в Казань, где осталась жена. Урожай, из-за которого они не уехали в августе, не оправдал даже самых скромных ожиданий. Все дела были завершены, оставалось только полу-

чить разрешение на въезд в Ленинград. Однако на все хлопоты по этому поводу был получен категорический отказ.

Дунаевскому с женой предложили ехать в качестве сопровождающих вагоны с оборудованием и овощами. И они решили без комфорта, без полных прав (жена имела только командировку, но был риск не получить право на постоянное жительство в Ленинграде), но все же ехать домой. Однако к назначенному времени оказалось, что нет вагонов, и ожидание отъезда затянулось еще на неделю. Именно в это время, в период вынужденного безделья, Дунаевский начал свои заметки о реэвакуации. Они содержат описания ожидания и подготовки к возвращению, провалы попыток отъезда в сентябре–октябре, рассуждения о просчетах, приведших к той «чепухе», из-за которой «все застряли в Казани».

Ниже публикуется фрагмент рукописи, представляющий осмысление автором факта закрытия Ленинграда для реэвакуации. Тема реэвакуации уже неоднократно привлекала внимание историков²¹, о ней многое известно, и тем не менее, записки Дунаевского интересны и как мнение современника, и как оригинальная теория психолога и социолога, специалиста по организации управления.

Ф.Р. Дунаевский **Реэвакуация**

<...> Как всегда при невзгодах, невольно мысль обращается к тем моментам, когда можно было бы, поступив иначе, избежать их.

Этого рода бесплодные размышления, как было бы все иначе, если бы я тогда-то и тогда-то не сделал того-то и того-то, являются лишь обычным симптомом страдания или огорчения. Это заметил еще Толстой, описывая переживания Наташи у постели Болконского. Полезно помнить об этом, чтобы справляться с их назойливым возвращением. Неожиданный досуг, который я сейчас имею, дал, однако, и повод, и возможность для других размышлений.

В чем главный корень тех происшествий, которые так выбили меня из колеи и привели ко всем этим нелепостям и невзгодам? Конечно, все было бы в порядке и все расчеты и решения оправ-

дались бы, если бы не было этой отмены пропусков. Что побудило их отменить, – я уже писал²². Но как вообще стало возможно, что на такую меру пошли?

Объяснение, которое обычно приводится, что Ленинград переполнили не те элементы, которые были нужны в первую очередь для его восстановления, – ничего не объясняет. Сам по себе факт этот, по-видимому, верен. Но как могло получиться, что в нашем плановом государстве при строгой системе выдачи пропусков (требуется два документа – вызов из Ленинграда, который дается по решению председателя горисполкома, и пропуск из облисполкома места эвакуации), при невозможности получить продуктовые карточки без пропусков все же в Ленинград нахлынули не те слои, какие были нужны? Для ответа на этот вопрос надо допустить два обстоятельства: во-первых, элементы, ненужные для Ленинграда, каким-то образом оказались более нетерпеливыми, более нажимистыми, ловкими, пролазливыми, сумевшими использовать узурпированные формальные основания для въезда в Ленинград; во-вторых, административная система обнаружила слишком большую нечеткость работы, просеивала возвращающихся слишком редким и податливым решением. Не зная подробнее, как обстоит дело, я не могу дать уверенного ответа на эти вопросы. Но ряд отдельных наблюдений и фактов позволяет все же выдвинуть некоторые предположения.

Я помню, что еще с ранней весны началась вербовка восстановительных рабочих для Ленинграда. Им довольно легко давали пропуска и сразу направляли в Ленинград. Помню также отдельные разговоры и рассказы относительно лиц, которые записывались штукатурами, каменщиками и т. д., не имея ни малейшего представления об этих профессиях. Естественно было ожидать, что вербовка эта не могла охватить слои, действительно квалифицированные, которые работали в системе эвакуированных предприятий и не могли быть отпущены порознь без ущерба для выполнения производственных планов. Вербовка могла охватить только слои неквалифицированные, легко отпускаемые с предприятий или пробавлявшиеся на случайных местных работах, домашние хозяйки, иждивенки и т. п. Из квалифицированных легко мог-

ли реагировать на вербовку только элементы распыленные, эвакуировавшиеся неорганизованно, отбившиеся от своих предприятий, осевшие по деревням в местах родственных связей, вышедшие из трудового возраста и т. д.

Вербовка производилась и должна была производиться либерально. Не надо искать объяснения этому в коррупции вербовочного аппарата. Вербовка не могла производиться строго, ибо действительно квалифицированных людей не отпускали и не могли отпускать сразу, а кроме того, существовала установка на возможность быстрого приобретения квалификации по приезду в Ленинград. Не могла не действовать на вербовщиков необходимость «выполнять план», о выполнении которого судили, конечно, по числу нанятых, а не по реальной их квалификации. При таких условиях коррупция если и играла роль, то не основную.

Конечно, просев производился бы тщательнее, если бы обучение не откладывалось до Ленинграда, а производилось на месте и отправлялись бы лишь лица, сдавшие испытания. Но и это не гарантировало бы от искажений состава вербуемых. В сущности, процесс суррогации квалификаций – не столь уж редкое явление в современности, и попытки избежать этой суррогации при помощи различных систем аттестации, дипломирования и т. д. по существу тоже является лишь формой суррогации.

Несомненно, что аннулирование вызовов в Ленинград, уже выданных, прекращение выдачи пропусков по ним было вызвано просчетом. Но просчет был не арифметический и не бухгалтерский. Просчет был в проценте отсева приехавших, который нельзя было точно учесть наперед и который намного превысил предвиденный.

Можно относиться различно к этому просчету. Те, по чьим интересам он ударил непосредственно и больно, конечно, склонны искать персональных виновников и видеть в происшедшем проявление нерадивости, административной неспособности и т. п. Не сомневаюсь, что найдутся элементы, которые поспешат обобщать, захотят представить происшедшее, как типическое проявление режима.

Но, сопоставляя события последних лет и происшествия моей собственной жизни за последние месяцы, я не могу не задумать-

ся о некоторых обстоятельствах гораздо более глубокого и общего порядка.

Что происшедшее имеет корни более глубокие и общие – по-видимому, начинают осознать. На протяжении середины сентября «Правда» дважды посвящала передовые вопросу о текучести рабочей силы и обращала внимание на непредвиденную «тягу к родным местам». В качестве противодействия этой тяге, угрожающей выполнению производственных планов, подчеркивалась важность заботы о быте трудящихся. Очень отрадно, что это осознается и подчеркивается. Но мне кажется, что вопрос идет о вещах, гораздо более глубоких. Тяга в родные места обуславливается отнюдь не одними только различиями в бытовых условиях. И, несомненно, есть немало мест, где живется сытнее, чем в Ленинграде. Можно быть уверенным, что никакими урегулированиями снабжения вопрос не решится.

За эти дни я имел несколько разговоров с теми, кто здесь остается, с местными жителями. Их пугает перспектива культурного потускнения. Эвакуация внесла струю иной культуры в их жизнь. Их тяготит перспектива возвращения к прежней тусклости. В мире существуют две полярные системы распределения культуры: французская и американская. Во Франции есть Париж, где – всё, и провинция, где почти ничего. В США столица – лишь один из центров, и не во всех отношениях главный. Наряду с Вашингтоном и Нью-Йорком есть Чикаго и Сан-Франциско, и Харвард, и Филадельфия и т. д. Множество центров сверкают на всю страну, соперничая друг с другом. Нечто подобное и в Германии.

У нас преобладает французская система. Дело осложняется централизмом всей административной системы, невозможностью решать даже сравнительно легкие вопросы без центра, оттягиванием в центр всех более способных и активных деятелей, неизбежным оседанием всяких благ у центров, где они распределяются. Это неизбежно ведет к принципиально иным уровням культуры, как культуры общей, так и культуры административной. Отсюда центростремительные тенденции в распределении кадров, тем более сложные, чем выше квалификация этих кадров.

Уравновесить эти тенденции простыми мерами дисциплины и бытовыми заботами очень трудно. Здесь нужны принципиально иные меры. Их можно было бы видеть в систематической децентрализации культурных центров (системах городов наук, крупных экспонатных²³ центров, о которых я писал в своей записке о нуждах науки²⁴), в принципиальном урегулировании административного централизма, т. е. предоставлении бóльшей самостоятельности местам, в периодическом направлении центральных работников на несколько лет на места, в принципиальном улучшении транспорта и связи и, конечно, также и в уравнивании условий бытовых.

Однако и эта плоскость рассмотрения вопроса относится не к самым корням его. О корнях заставили меня задуматься собственные мои неудачи этого года, просчеты с огородом и просчеты с реэвакуацией. Я рассчитывал каждый раз правильно с точки зрения известных мне обстоятельств, но жизненные уравнения отличаются от уравнений алгебраических не только обилием неизвестных, но и неизвестностью числа неизвестных.

Я правильно рассчитал, что проса требуется для сытости меньше, чем картофеля, транспортировать его будет легче, посевной материал дешевле. Я прочел то, что известно о факторах урожайности этой культуры, консультировался со специалистами и с опытными людьми. Я провел правильно все операции по посеву и прополке. Я учел с большой осторожностью урожай по метелкам. Но я не учел, что холода и дожди в период созревания приостановят его, не учел, что созревание произойдет с такой чудовищной неравномерностью, не учел процента осыпания в этих условиях, процента похищения птицами, мышами, муравьями. И вместо тысяч зерен, которые я видел вырастающими из одного посеянного, вместо сотни, которую я ожидал получить из этих тысяч, вводя коэффициент поправок на непредвиденное, я получил их десятки²⁵. Даже предвидя факторы, я не мог предвидеть всех этих факторов. Не так ли само²⁶ и ленинградцы, даже предвидя отсев из вербуемых, не смогли предвидеть процента этого отсева? И не заключается ли поэтому корень путаницы и чепухи не в индивидуальных промахах, а в принципиальных трудностях задачи?

Жить – значит решать неизвестное число уравнений с неизвестным числом неизвестных. К этому фундаментальному факту бытия возможны две полярные позиции. Можно искать щелей в природе, где бы число неизвестных было предельно малым, прятаться в уголках однородности среды, углублять эту однородность искусственными щелями раковин. И можно идти отважно навстречу неизвестным, противопоставляя [sic!] им веру в собственную способность справляться с ними.

Чем выше отвага к неизвестному, тем больше объективный риск ошибок. Еще в молодости, задумываясь над принципиальной трудностью для интеллекта от сложности бытия, я видел выход в том, чтобы, не гоняясь за невозможной полнотой охвата сложности, уметь находить главное, которое позволяло бы компенсировать неудачи во второстепенном. Потом мне доставило удовлетворение, когда я нашел у Ленина тот же принцип: ухватиться за звено, за которое вытаскивается вся цепь.

Размышляя над судьбами СССР и Германии в нынешнем столкновении, я думал о разном качестве предусмотрительности. Немцы, разумеется, лучше нас умеют рассчитывать детали своих замыслов. У них предусмотрено, сколько лопат понадобится для рытья могил после каждого сражения. И все же они просчитались, и просчитались в основном. Число лопат было высчитано верно, но число сражений оказалось для них неизвестным.

Можно утешать себя тем, что у нас просчитываются только во второстепенном. Это действительно существенное утешение. Но сейчас именно это второстепенное бьет по мне и бьет больно.

Особенно больно чувствовать, что бессилён.

Я принадлежу к тем, кто принципиально против щелей и раковин. Я не боюсь неизвестностей. Я противопоставляю им абсолютную решимость и предпочитаю гибель отступлению. Но в то же время хочется предвидеть то, что можно было бы предвидеть <...>

СПбФ АРАН. Ф. 1071. Оп. 1. Д. 46. Л. 12 об. – 19 об. Подлинник.

Примечания

1. О личном фонде см.: *Застрожнава Е.Г., Онощенко В.В.* Дунаевский Федор Романович // Ученые – фондообразователи Санкт-Петербургского филиала архива Российской академии наук: Краткий биографический справочник: Г–И. СПб., 2019. С. 114–115.
2. «Резэвакуация». Рукопись Дунаевского. 29–30.10.1944 // СПбФ АРАН. Ф. 1071. Оп. 1. Д. 46. Л. 1.
3. Для будущих авиаторов им в соавторстве была подготовлена брошюра: *Шнеур В. Дунаевский Ф.* Мотор «Гном». [Пг., 1916].
4. Когда Харьков перешел в руки Белой армии, Дунаевский был в марте 1919 г. мобилизован и направлен в Симферополь и Кочу для преподавания моторного дела в авиачастях. После освобождения Крыма (октябрь 1920) был помощником начальника советского Авиапарка в Севастополе, а затем переведен в Москву в Главкоавиа (Личный листок по учету кадров, Автобиография. 1936–1937 // СПбФ АРАН. Ф. 153. Оп. 3. Д. 543. Л. 6, 7).
5. *Дунаевский Ф.Р.* Интеллектуальная мощь и перспективы ее измерения. М., 1928. Эта работа недавно переиздана в качестве приложения в книге: *Шетов В.Х.* Федор Дунаевский. Нальчик, 2001.
6. Автобиография Дунаевского (черновик). Сентябрь 1939 г. // СПбФ АРАН. Ф. 1071. Оп. 1. Д. 44. Л. 1 об.–2. Харьковскую школу НОТ и управления, которую возглавлял Дунаевский, историки науки относят к числу самых крупных и продвинутых научных объединений в отечественной социологии труда 1920-х гг. В институте изучался широкий круг вопросов – от совершенствования управленческих функций и стиля руководства до повышения производительности труда и классификации профессий. Работы Дунаевского по менеджменту и управленческой деятельности сегодня в немалой степени привлекают внимание специалистов. Его теориям отведены главы в вузовских учебниках по истории менеджмента (Комплексность Ф.Р. Дунаевского // *Лавров А.Ю., Рыбакова О.И.* История менеджмента: Учеб. пособие. Чита, 2005. С. 220–232), по социологии (Харьковская школа НОТ и управления // *Добренчиков В.И., Кравченко А.И.* Отечественное наследие. М., 2018. С. 156–162), его идеи и исследования анализируются в диссертациях по социальной и педагогической психологии, истории экономической мысли, организации управления.
7. Заявление Дунаевского. 15.10.1936 // СПбФ АРАН. Ф. 153. Оп. 3. Д. 543. Л. 2. Директор института акад. Л.А. Орбели на заявлении Дунаевского написал: «Допустить к работе на правах практиканта».

8. Выписка из приказа по институту № 73 от 26.06.1939 // СПбФ АРАН. Ф. 153. Оп. 3. Д. 543. Л. 1.
9. Дунаевский умер в 1960 г. в Ленинграде.
10. Выписка из приказа по институту № 60 от 06.07.1942 // СПбФ АРАН. Ф. 153. Оп. 3. Д. 543. Л. 11.
11. Сидероз – заболевание, вызванное попаданием в ткани глаз или органы дыхания частиц железа, образующие различные органические и неорганические соединения, которые практически не выводятся из организма, нарушая его нормальную деятельность. Профессиональное заболевание шахтеров и тех, чей труд связан с обработкой металлов.
12. *Дунаевский Ф.Р.* Проблема физиологической резистентности // Журнал общей биологии. 1943. Т. 4. № 1–2. С. 4–6; *Он же.* Тканевые отложения железа // Успехи современной биологии. 1944. Т. 17. Вып. 1. С. 19–38. Другие работы остались неопубликованы.
13. Общественно-научная характеристика Дунаевского. 08.06.1946 г. // СПбФ АРАН. Ф. 153. Оп. 3. Д. 543. Л. 20.
14. «Резэвакуация». Рукопись Дунаевского // СПбФ АРАН. Ф. 1071. Оп. 1. Д. 46. Л. 2.
15. Дополнение к автобиографии Дунаевского. Март 1946 г. // СПбФ АРАН. Ф. 153. Оп. 3. Д. 543. Л. 19.
16. Массовая резэвакуация предприятий и жителей Ленинграда началась после выхода постановления Государственного Комитета Обороны (ГКО) от 29.03.1944 г.
17. «Резэвакуация». Рукопись Дунаевского // СПбФ АРАН. Ф. 1071. Оп. 1. Д. 46. Л. 5.
18. Это была приостановка процесса, по уже выданным пропускам еще можно было въехать в город, а 03.09.1944 г. было принято постановление ГКО «Об ограничении в 1944 г. резэвакуации в г. Ленинград учреждений, институтов, предприятий и рабочей силы».
19. Возвращение Радиевого института в Ленинград затянулось до декабря 1944 г. (подробнее см.: Атомный проект СССР. Документы и материалы / Под общ. ред. Л.Д. Рябева. Т. 1: 1938–1945. Ч. 2. М., 2002. С. 165–166); Физико-технический институт вернулся из Казани лишь в феврале 1945 г.
20. «Резэвакуация». Рукопись Дунаевского // СПбФ АРАН. Ф. 1071. Оп. 1. Д. 46. Л. 9.
21. Напр.: *Карпенко И.А.* Социально-бытовые аспекты процесса резэвакуации гражданского населения в Ленинград. 1943–1946 гг. // Вестник СПб. университета. 2006. Сер. 2. Вып. 4. С. 177–181; От войны к миру: Ленинград 1944–1945: Сборник документов / Отв. ред. Н.Б. Лебедева,

- отв. сост. Н.Ю. Черепенина. СПб., 2013.
22. Ранее в рукописи Ф.Р. Дунаевским было лишь упомянуто, что отмена в августе 1944 г. всех неиспользованных вызовов в Ленинград для эвакуации была неожиданной. «Я не знаю настоящих причин этого распоряжения. Говорят, что в Ленинград успело понаехать множество людей, совершенно там не нужных, всякими правдами и неправдами» (СПбФ АРАН. Ф. 1071. Оп. 1. Д. 46. Л. 8 об.).
23. Экспонационный – в значении «демонстрационный», наглядно сообщающий о достигнутых результатах.
24. Об этом в записке Ф.Р. Дунаевского сказано: «Близящееся окончание войны приблизило к вниманию вождей проблемы устроения науки. Это было дано понять президиуму Академии наук, о чем я узнал у Л.И. Федорова, а потом от Орбели. Появилось формальное основание и формальный повод представить свои соображения. Они были одобрены Орбели и созванной им комиссией, мне было предложено дать редакцию, пригодную для передачи в высшие инстанции, что я и сделал» (СПбФ АРАН. Ф. 1071. Оп. 1. Д. 46. Л. 20–20 об.). Упоминаемый документ и его местонахождение нам неизвестны.
25. Огород в 1944 г. дал Дунаевскому вместо ожидаемых трех пудов прося (из расчета сам-сто) лишь 13 кг, из которых после мельничной обработки получилось 5,3 кг пшена.
26. Не так ли само... – украинизм; надо понимать: «Не так ли же...».

РАЗДЕЛ II

Материалы Всероссийской
научно-практической конференции
молодых ученых
«Вклад ученых в Победу»
(АРАН, ИИЕТ, 14 мая 2020 г.)

Наука и война

**Научный вклад С.С. Брюхоненко в отечественную медицину
в предвоенные годы**

I.Yu. Brovchenko

**The scientific contribution of S.S. Brukhonenko to the national
medicine of antebellum USSR**

Аннотация. Выдающийся советский физиолог Сергей Сергеевич Брюхоненко стал первым ученым-создателем аппарата искусственного кровообращения (автожектор). Он стоял у истоков зарождения современной реаниматологии. Его работа по оживлению внезапно скончавшихся людей велась начиная с 1920-х гг. и не прекращалась в годы Великой Отечественной войны. Экспериментальный научный вклад ученого С.С. Брюхоненко явился важным мировым приоритетом в развитии отечественной медицины.

Ключевые слова: С.С. Брюхоненко, аппарат искусственного переливания крови, советская медицина, Великая Отечественная война, ученый-изобретатель, автожектор.

Abstract. Soviet prominent physiologist Sergei Sergeevich Brukhonenko was the first scientist-developer of cardiopulmonary bypass (autojektor). He was one of the first founders of modern intensive care medicine in Soviet Union. His work in the revival of organisms had been carrying out since 1920s and was not stopped during the World War II. The experimental scientific contribution of Brukhonenko to the research of cardiopulmonary bypass was very important international priority in the development of national medicine.

Keywords: S.S. Brukhonenko, heart-lung machine, Soviet medicine, the World War II, scientist-developer, autojektor.

Реаниматология и трансплантация как медицинские отрасли науки получили за последнее десятилетие широкое развитие и занимают в настоящее время одно из передовых направлений исследований. У истоков развития реаниматологии стоял выдающийся физиолог Сергей Сергеевич Брюхоненко (30.04.1890, Мичуринск – 20.04.1960, Москва).

С.С. Брюхоненко окончил медицинский факультет Московского Университета, после чего был призван в армию в 1914 г., став военным медиком. В 1917 г. вернулся с фронта награжденным Георгиевским крестом. С 1919 г. по 1926 г. работал ассистентом профессора отделения клинической патологии и терапии военного госпиталя в Лефортово. Военные потери, ранения солдат и знакомство с работами Н.И. Пирогова, – все это повлияло на желание С.С. Брюхоненко и дальше совершенствоваться в медицине.

В 1920–1930-е гг. он работал в Научно-исследовательском институте экспериментальной физиологии и терапии. В 1926 г. в Москве открылся первый в мире институт по переливанию крови, который впоследствии стал называться Гематологический научный центр АМН РФ, там С.С. Брюхоненко работал в 1931–1935 гг. Именно в годы Первой Мировой войны стала широко развиваться технология переливания и хранения крови. Это позволило спасти жизни многим солдатам, а сама технология вошла в повседневную жизнь. Перспектива развития этого направления предполагала усиленное внимание ученых, в том числе и С.С. Брюхоненко, в деле изучения перфузии. Им были написаны научные работы по кровообращению¹. Вместе с С.И. Чечулиным, учеником и последователем И.П. Павлова, они создали в 1926 г. аппарат искусственного кровообращения (ИК), который получил название «автожектор». Конструкция аппарата была довольно проста, она состояла из двух механически управляемых насосов.

К началу Великой Отечественной войны Сергею Сергеевичу был 51 год. Это был уже известный ученый, который предпринял первые попытки создания аппарата искусственного кровообращения по принципу «сердце-легкие». Начало войны показа-

ло острую необходимость разработки экстренных методов спасения раненых. В 1935 г. С.С. Брюхоненко возглавил основанный им Научно-исследовательский институт экспериментальной физиологии и терапии. Когда началась Великая Отечественная война, перед сотрудниками были поставлены насущные задачи – исследовать условия консервирования крови и добиться более длительного ее хранения, что было крайне необходимо в военных условиях. В их число также входил заказ на конструирование универсального аппарата по переливанию крови.

В личном фонде С.С. Брюхоненко, хранящемся в Архиве РАН, находится чертеж, подписанный С.И. Чечулиным². Ил. 1. Аппарат предназначался для поддержания жизни и функций центральной нервной системы животных, а также теплкровных при помощи искусственного кровообращения. С.С. Брюхоненко считал, что может быть достигнута работа естественного сердца при помощи механического аппарата «как бы искусственное сердце». Опыт семи лет дал возможность в достаточной мере выяснить те основные условия, которые могут удовлетворить конструкцию аппарата для искусственного кровообращения. Выяснилось, что помимо основного условия – полного автоматизма, т.е. саморегуляции аппарата, очень важную роль играет простота его устройства и близость схемы его кровообращения к естественной. «Автожектор»³ отличался существенно от первой модели возможностью получения пульсирующего тока крови, большей простотой и надежностью действия. В первой модели автоматизм регуляции достигался при помощи системы электрических реле, действовавших подобно рефлекторной нервной дуге организма. В описываемой модели тот же эффект достигался благодаря пневматическому устройству. Необходимо подчеркнуть, что до С.С. Брюхоненко никто из отечественных и зарубежных ученых подобных задач не ставил и не решал, в том числе и потому, что к концу 1920-х гг. еще не был сконструирован настолько совершенный аппарат ИК, каким являлся «автожектор» С.С. Брюхоненко. Сам изобретатель считал, что одним из важных свойств аппарата должна быть его простота и возможность широкого применения.

«Автожектор» С.С. Брюхоненко был использован при операциях на сердце профессором Н.Н. Терebinским. Однако осуществление подобных операций осложнилось тем, что Н.Н. Терebinский после подключения ИК так и не сумел добиться полной остановки сократительной деятельности сердца. В то же время после прекращения ИК восстановить ее до нормального уровня удавалось далеко не всегда, причем только на короткое время⁴. Осложнения были вызваны токсичностью веществ, используемых в работе аппарата ИК. На тот момент в медицине не существовало еще антидотов к веществам в аппарате С.С. Брюхоненко. Вот почему пришлось отложить экспериментальные операции на несколько лет и вернуться к ним только в 1940 г.

Стоит отметить, что совершенствование аппарата не прекращалось. В 1937 г., незадолго до начала Второй Мировой войны, вышла новая модель «СБ-3» (Сергей Брюхоненко, 3-я модель) с добавленным пенно-пленочным азратором, который разработал В.Д. Янковский. Дальнейшие разработки продолжались вплоть до 1958 г. Благодаря личному фотоархиву⁵ С.С. Брюхоненко можно увидеть, как он продолжал дорабатывать свой аппарат. Ил. 2.

Об изобретении С.С. Брюхоненко, безусловно, стало известно широко за пределами СССР и европейского континента. В 1940 г. на экраны в США вышел советский научно-популярный фильм «Эксперименты по оживлению организма»⁶, где объяснялись и показывались исследования С.С. Брюхоненко по успешному оживлению собак после клинической смерти. Тем самым в тот период прозвучала актуальная проблема физиологии – оживление теплокровных организмов и выведение их из терминального состояния. Тем самым были сделаны первые шаги появления реаниматологии как отдельного направления медицины.

Кроме автожектора, заслуги Брюхоненко С.С. в области медицины заключаются в создании системы современной реанимации. Известно, что после удачных опытов с собакой С.С. Брюхоненко пытался восстанавливать сердечную деятельность у умерших людей. В большом количестве случаев ему удавалось запустить сердце, однако после отключения аппарата искусственного кровообра-

щения сердце работало не более 15 минут. Современная реаниматология опирается на технологические достижения, такие как создание электронной аппаратуры и аппаратов для поддержания кровообращения, дыхания и очищения крови. Большинство этих задач решались и прорабатывались С.С. Брюхоненко, поэтому его по праву можно назвать одним из предвестников нового направления медицины – реаниматологии.

Во второй половине 1940-х гг. С.С. Брюхоненко продолжал проводить свои опыты по оживлению трупов. В то время как накопленные наблюдения военных лет позволили выйти реаниматологии на первый план. Ее основоположником в нашей стране считается В.А. Неговский, который также как и С.С. Брюхоненко, был учеником профессора Ф.А. Андреева. Но, в отличие от С.С. Брюхоненко, Неговский опирался на противоположную идею, основанную на оживлении внезапно скончавшихся людей до перехода организма из стадии клинической смерти в стадию биологической смерти. Неговский рассчитал, что до начала эффективной сердечно-легочной реанимации в распоряжении врача имеется не более 4–5 минут от момента остановки дыхания и кровообращения. Реанимация должна была учитывать это главное временное условие, иначе становилось невозможным возвращение к жизни коры головного мозга. В результате гипоксии закономерно наступала ее гибель, а затем и биологическая смерть всего организма. Исходя из вышесказанного, к началу 1950-х гг. гипотеза С.С. Брюхоненко о возможности оживления трупов людей через несколько десятков минут после наступления смерти с помощью ИК выглядела еще более спорной, чем в 1930-е гг.

Талант С.С. Брюхоненко проявился и в изобретательской деятельности. Самым значительным своим изобретением он считал «Способ и приспособление для пространственного рисования (стереография и стереограф)», где основной деталью являлся стереокарандаш, способный делать стереоскопические рисунки. Уникальность и широта научных взглядов С.С. Брюхоненко в совокупности с точностью расчетов увеличили перечень его изобретений в медицине: прибор для наблюдения за электромагнитными и дру-

гими излучениями, автоматический телефонный коммутатор, невысыхающее чертежное перо, способ изготовления небьющегося термометра и др.

С.С. Брюхоненко в 1965 г. посмертно была присуждена Ленинская премия за научный вклад в изучение и внедрение разработок по искусственному кровообращению. Количество достижений ученого могло бы возрасти еще больше, если бы он прожил дольше и принял активное участие в изучении проблем трансплантологии. Это подтверждают его опыты и исследования по оживлению изолированной головы собаки с помощью аппарата ИК, которые он предпринял еще в 1920-е гг. В результате проведенного опыта ученый доказал «возможность» поддержания жизни ЦНС перфузией головного мозга кровью, обогащенной кислородом⁷.

Опыты и исследования С.С. Брюхоненко стали широко известны еще в 1960-е гг., а интерес к его экспериментам до сих пор не ослабевает. Его наследие изучают в разных странах. Среди исследователей: П. Богопольский, С. Глянцев, Д. Логинов, W. Probert, D. Melrouse⁸, W. Böttcher⁹, V. Alexi-Meskishvili.

С.С. Брюхоненко был выдающимся физиологом, изобретателем. Своим изобретением С.С. Брюхоненко смог на практике показать новые возможности отечественной реаниматологии и помочь ей сформироваться как отдельное независимое направление медицины. Несомненно, опыт зарождающейся реанимации был применен во время Великой Отечественной войны в полевых госпиталях и больницах для спасения раненых путем переливания и вливания крови солдатам. Его опыт и исследования были применены д.м.н и проф. В.А. Неговским, который впоследствии, анализируя их, смог положить начало направлению реаниматологии в отечественной медицине. Будучи в годы Великой Отечественной войны директором Научно-исследовательского института экспериментальной физиологии и терапии (1935–1949), а также работая в Научно-исследовательском институте экспериментально-хирургической аппаратуры и инструментов (1935–1958, с 1935 г. по 1951 г. – директор), С.С. Брюхоненко смог внести огромный вклад в развитие и совершенствование механизмов хранения и транспортиров-

ки крови. Его бесценный опыт в сфере переливания крови, а также как военного врача помог в организации полевых госпиталей и размещении раненых.

Примечания

1. Брюхоненко С.С. Аппарат для искусственного кровообращения (тепло-кровных) // Изучение новых методов искусственного кровообращения и переливания крови / Под ред. О.А. Степпуна. М., 1928; Применение метода искусственного кровообращения для оживления организма // Сб. тр. / Ин-т эксп. физиологии и терапии. 1937.
2. Автожектор ЗБ и С-4. 1938–1941 гг. // Архив РАН (АРАН). Ф. 1534. Оп. 1. Д. 23.
3. Аппарат для осуществления искусственного кровообращения. Описание, чертежи, автограф, машинопись авторизованная. 3 февраля 1931 г. // АРАН. Ф. 1534. Оп. 1. Д. 10.
4. Богопольский П.М., Глянцев С.П., Логинов Д.Т. Сергей Сергеевич Брюхоненко – создатель метода искусственного кровообращения (к 125-летию со дня рождения) – Кардиология и сердечно-сосудистая хирургия, № 6, 2016. С. 77.
5. Брюхоненко С.С. Портреты. Фотографии. 1900–1950-е гг. // АРАН. Ф. 1534. Оп. 2. Д. 215.
6. Experiments in the revival of organisms. New-York, 1940 г. // Документальный фильм. [Электронный ресурс]. URL: https://archive.org/details/0226_Experiments_in_the_Revival_of_Organisms_20_36_46_00 (дата обращения: 14.05.2020).
7. Богопольский П.М., Глянцев С.П., Логинов Д.Т. Сергей Сергеевич Брюхоненко – создатель метода искусственного кровообращения (к 125-летию со дня рождения) // Кардиология и сердечно-сосудистая хирургия, № 6, 2016. С. 78.
8. Probert W.R., Melrose D.G. An early Russian heart-lung machine // British Medical Journal. 1960. P. 1047–1048.
9. Böttcher W., Alexi-Meskishvili V. Sergej Sergejewitsch Brychonenko (1890–1960): Pionier des kardiopulmonalen Bypasses in der Sowjetunion // Deutsche Gesellschaft für Kardiotechnik e.V. Berlin. 2003, № 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://dgfkt.de/content/hlm/Brychonenko.pdf> (дата обращения 01.05.2020).

**Научная деятельность Б.Н. Заходера
во время Великой Отечественной войны**

О.Б. Bokareva

**Scientific activity of B.N. Zakhoder
during the Great Patriotic War**

Аннотация. В статье рассматривается жизнь и научная деятельность востоковеда Б.Н. Заходера в годы Великой Отечественной войны. Ученый работал в эвакуации в Ашхабаде и Ярославле. В Москве он продолжал читать лекции, работать над докладами, статьями, книгами и выступлениями по радио. Основной тематикой его работ оставалась история Кавказа, Ближнего и Среднего Востока.

Ключевые слова: Б.Н. Заходер, Великая Отечественная война, Архив РАН, востоковедение, история Ирана (Персии).

Abstract. The article examines the life and scientific activity of the orientalist B.N. Zakhoder during the Great Patriotic War on the basis of his works, letters and diaries. The scientist worked in evacuation centers in Ashgabat and Yaroslavl. He continued to give lectures, work on reports, articles, books and radio appearances in Moscow. The main theme of his works remained the history of the Caucasus, the Near and Middle East.

Keywords: B.N. Zakhoder, the Great Patriotic War, the Archive of Russian Academy of sciences, oriental studies, the history of Iran (Persia).

Борис Николаевич Заходер – ученый-иранист, внесший большой вклад в развитие отечественного академического востоковедения. Ил. 1. Он родился 6 (18) августа 1898 г. в семье земского врача Николая Борисовича Заходера и его супруги Марии Константиновны, происходившей из дворянского рода Малишевских.

Ил. 2. Согласно автобиографии, место рождения ученого – село Баки Варнавинского уезда Костромской губернии, а не Борók, упоминавшийся в историографии¹. В автобиографии и в неопубликованных воспоминаниях «Жизнь, как я ее видел» Б.Н. Заходер писал, что он с матерью переехал из села в Москву к родственникам, учился в 7-й Московской гимназии². Учебу он совмещал с работой репетитором³.

В 1917 г., после окончания гимназии, Б.Н. Заходер проработал год делопроизводителем – помощником секретаря Отдела суконной промышленности, после революции – в Центральном комитете текстильной промышленности. В 1918–1923 гг. он работал секретарем и заведующим хозяйственной частью в Управлении государственных академических театров. В 1920–1922 гг. он проходил службу стрелком в I запасном стрелковом полку Рабоче-крестьянской Красной армии, также был помощником заведующего армейским клубом.

В 1923 г. Б.Н. Заходер поступил на персидский сектор ближневосточного факультета Московского института востоковедения (МИВ), который закончил в декабре 1927 г. Ил. 3. По окончании курса ученый остался в аспирантуре этого института, на кафедре истории Персии (1927–1930). Во время обучения, как один из лучших аспирантов и знаток фарси, он совершил рабочую командировку в Персию, составил фотоальбом и подробный дневник своего пребывания в этой стране, которые не были опубликованы. Ил. 4.

С 1 сентября 1930 г. Б.Н. Заходер начал преподавать студентам в МИВе, был назначен доцентом, а потом заведующим кафедрой персидского языка. Через несколько лет ушел из-за разногласий с руководством лингвистического сектора института. С 1932 г. он вел педагогическую работу в Полиграфическом институте, в Научно-исследовательском институте монополии внешней торговли, на курсах дипломатических работников Министерства иностранных дел, был совместителем на историческом факультете Московского государственного университета (МГУ).

В январе 1934 г., получив назначение и дипломатический паспорт для выезда в научную командировку в Тегеран, Б.Н. Захо-

дер был арестован органами ОГПУ, обвинен в бытовом преступлении и выслан в Казань. В Казани он работал библиотекарем и ученым консультантом в Казанском государственном университете⁴. В октябре 1934 г., по ходатайству своих родственников, был освобожден досрочно. Обвинение в преступлении он считал ложным.

После возвращения из ссылки ученый начал преподавать в Московском институте философии, литературы и истории им. Н.Г. Чернышевского (МИФЛИ) (1934–1939). Помимо работы в МИФЛИ, он был старшим научным сотрудником в Музее восточных культур (МВК) (1935–1939), работал в Московском отделении Государственной академии истории материальной культуры (МО ГАИМК), преподавал на кафедре истории средних веков МГУ. На историческом факультете МГУ он проработал до 1954 г.

В 1923 г. Б.Н. Заходер женился на Марии Николаевне Протасевой, представительнице дворянского рода. В 1930-х гг. она работала художницей-текстильщицей, затем – искусствоведом. Семья проживала в квартире на Кузнецком Мосту, рядом с будущим местом работы ученого – Институтом востоковедения АН СССР (ИВАН).

Б.Н. Заходер исследовал средневековую историю стран Ближнего и Среднего Востока, Средней Азии. В предвоенный период он написал статьи «Иран при Сасанидах» (1938), «Сведения об исследователях, переводчиках и знаменитых каллиграфах, работавших над произведениями Низами» (1939–1941), «Мухаммед Нахшаби. К истории карматского движения в Средней Азии в X в.» (1940).

Ученый стал первым в нашей стране читать полный курс лекций по истории народов Ближнего и Среднего Востока в средние века. Два выпуска первого варианта этого курса были опубликованы стеклографическим способом под названиями «Средиземноморье и Передняя Азия с XI по XVIII в.» и «Средиземноморье и Ближний Восток в ранее средневековье» (1940)⁵.

В 1938 г. Ученым советом МГУ Б.Н. Заходер был утвержден в ученой степени кандидата исторических наук без защиты диссертации. Ил. 5.

В 1939 г. при активном участии Б.Н. Заходера, который являлся

членом Библиотечного совета Государственной публичной исторической библиотеки РСФСР, был создан специальный Кабинет Востока Государственной публичной исторической библиотеки.

К этому времени ученый разработал вариант предисловия для биобиблиографического сборника по истории средних веков «Восточное средневековье» и одноименный конспект курса для студентов-заочников (1939–1947)⁶. Позже он подготовил лекцию «Средняя Азия и Кавказ в XIV–XVII вв.» для Высшей школы марксизма-ленинизма при ЦК ВКП (б) (1940–1941)⁷.

Незадолго до Великой Отечественной войны под влиянием Е.А. Косминского, возглавлявшего кафедру истории средних веков исторического факультета МГУ, Б.Н. Заходер разработал спецкурс «История мусульманского средневековья», который состоял из трех разделов: «Историческая наука мусульманского средневековья», «Европейские путешествия на средневековый мусульманский Восток», «Европейская историческая литература и история мусульманского средневековья»⁸. Впоследствии ученый также много времени уделял источниковедению и историографии по этой тематике.

Весной 1941 г. Б.Н. Заходер защитил докторскую диссертацию на тему «Низам аль-Мульк (Очерки по истории Сельджукского государства)»⁹. Ил. 6. В это время он работал над статьей «Империя Тимура», которая была опубликована в «Историческом журнале» в июне 1941 г.¹⁰.

В начале войны Б.Н. Заходер вместе с частью преподавателей Исторического факультета был эвакуирован в Ашхабад (Московская группа Института востоковедения АН СССР под руководством И.Ю. Крачковского находилась в Ташкенте). В Ашхабаде, на объединенном заседании Ученых советов Института истории Туркмении и Исторического факультета МГУ, 16 февраля 1942 г. им был прочитан доклад «Денданекан. К вопросу об исторических судьбах района между Серахсом и морем в свете последних археологических находок». В ноябре 1942 г. им была подготовлена статья на эту тему. В ней он изложил события небольшой археологической экспедиции Туркменского филиала АН СССР, в которой

сам принимал участие. В начале статьи, изданной в 1943 г., он написал: «За короткий срок экспедиции удалось не только обогатить туркменские музеи замечательными экспонатами старинного искусства и культуры, но и провести дополнительное обследование ряда пунктов, игравших некогда значительную роль на древнем караванном пути, связывавшем Серах с древним Мервом»¹¹.

Весной Заходеры отправились в Ярославль из Ашхабада через Куйбышев, «двигаясь по воде». Об этом свидетельствует письмо Ирины Николаевны Шаховской, сестры Марии Николаевны Заходер. И.Н. Шаховская осталась в Москве и проживала в квартире Заходеров (5 мая 1942 г.)¹².

В июне 1942 г. Заходеры были в Ярославле¹³. В этом городе он вместе с женой и племянницей Ксаной Владимировной находился до конца июня 1943 г. Б.Н. Заходер ездил в Ярославль до конца войны, семью он отвез в Москву. В Ярославском государственном педагогическом институте он вел занятия по ряду разработанных курсов¹⁴, а также по новым лекциям и семинарам¹⁵.

О военном периоде в жизни и научном творчестве Б.Н. Заходера свидетельствуют его записки дневникового характера в трех частях (16 августа 1941 г. – 13 декабря 1942 г.), дневник (5 марта 1943 г. – 23 августа 1946 г.), переписка, научные труды и биографические документы¹⁶.

Переехали Заходеры в Ярославль «после мучительной жизни в Ашхабаде» и перенесенной ученым малярии, о чем писала в своем письме родственница Бориса Николаевича, «Тица», дочь его тети Е.К. Малиновской. «Тица» в это время работала в Москве ответственным секретарем газеты «Знамя Трехгорки» <...> Редакция состоит из одного человека. Я и швея, и жнец, и в дуду игрец. Я работаю не менее 14 часов в сутки» (7 июля 1942 г.)¹⁷.

Во втором письме «Тица» написала: «Дорогие Боря и Муся. Перед отъездом хочу с вами попрощаться и пожелать всего, всего наилучшего. Вам, Мусенька, больше здоровья, а тебе, Боря, успехов в научной работе. <...> Когда Ксана получит похвальную грамоту, пусть напишет мне на фронт. <...> Хочу быть там, где решается судьба моей родины. Смерти не боюсь. Да и опасность не

так уж велика! В случае чего проявите внимание к моим ребятам. <...> Выезд из Москвы в пригород <...> теперь без пропуска воспрещен, а в Москве цены сразу подскочили. <...> Помните, что на фронте даже три слова на открытке – большая радость, что-то родное. Поэтому пишите хоть пустяки, хоть в шутку» (11 октября 1942 г.)¹⁸. Переписка между ними продолжалась и после войны.

О военном времени, семейных проблемах, взаимоотношениях ученого с коллегами написано в пяти письмах Татьяны Николаевны Протасьевой, сестры Марии Николаевны Заходер. Они были отправлены из Москвы в Ярославль (22 июля – 20 ноября 1942 г.). В первом письме она написала: «За последние дни очень усложнился въезд и выезд из Москвы, так что может быть Боря и не сможет получить командировку. Тёма писал: появились грибы, я их хожу собирать и варю. Зная, как он их не любил и никогда не ел, можно думать, что он далеко не сыт. Если вы хоть мал-мальски прилично питаетесь, то слава Богу. У нас, конечно, очень трудно. Столовой ни у кого из нас нет, на рынке все безумно дорого, живем на то, что спускаем вещь за вещью в комиссионном магазине. У нас очень далеко наш участок – в Щелкове. <...> Мы две с половиной недели ели кашу, а то варим один суп из травы (щавеля, крапивы и т.д.), т.к. по карточкам очень туго выдают»¹⁹.

Во втором письме Татьяна Николаевна сообщала, что «Крачковские уезжают в санаторий Болшево под Москвой» (7 августа 1942 г.)²⁰. Далее она оповещала, что стала донором вместе с родственницей Ириной, поэтому имеет рабочую карточку (13 августа 1942 г.)²¹. В следующем письме она писала, что в Москве ждут Б.Н. Заходера, а его супруге советует устроиться на работу через художника В.М. Зимина (28 октября 1942 г.)²². В последнем «военном» письме она сообщала: «Приехал Сказкин, очень ему Борис обрадовался, и надо сказать, что везде к Боре исключительное отношение. Был уже раза 3 у Крачковских, его там как родного принимают»²³.

Находясь в Ярославле, Б.Н. Заходер переписывался с коллегами, которые преимущественно были в эвакуации. В личном фонде ученого сохранились два письма от Евгения Алексеевича Луцкого

(1907–1991), преподавателя Исторического факультета МГУ, который находился в эвакуации в г. Свердловске (28 августа и 14 сентября 1942 г.)²⁴. Ил. 7, 8.

В годы войны в Ярославле Б.Н. Заходер работал над статьями: «Денданекан» (1943)²⁵, «Ирановедение в СССР» (1943)²⁶, «Ю.Н. Марр» (1943)²⁷, а также над отзывом об исторической драме «Муканна» узбекского поэта Алимджана Хамида (1943)²⁸.

В своем дневнике 1943–1946-х гг. Б.Н. Заходер акцентировал внимание на важнейших, с его точки зрения, событиях личного, научного, политического характера. В отличие от дневниковых записей 1941–1942 гг., делавшихся изредка, карандашом на каждой строчке обычной тетради в клетку, поздние заметки велись почти ежедневно, были выполнены чернилами.

В новом дневнике, от 6 марта 1943 г., он записал: «В «литерной» столовой МГУ можно пообедать без очереди, часть посетителей решила брать сухой паек. Но кормят все равно неважно. Голодно». 19 марта Б.Н. Заходер написал: «Вчера и сегодня вечером в Ярославле тревога. Вчера – тихо, а сегодня – зенитки». 20 марта – следующие строчки: «Война освобождает пошлость до предела. Война родит героев, воров и пошляков». 24–25 марта ученый зафиксировал в дневнике: «Читал лекцию «Город, засыпанный песками». <...> Ввиду отсутствия папиросной бумаги все книги с иллюстрациями в библиотеке страдают. В области политики лучшие планы те, – которые удаются. В газетах – речь Черчилля, война еще год-два. Им можно!»²⁹.

В дневниковых записях он просто и ярко, как художник-график, фиксирует картину повседневных военных дней, с бомбежками, смертями от голода и болезней, человеческими слабостями, соседствующими с подвигами людей, героизмом всего советского народа.

В мае, во время очередной командировки в Москву, он записал: «Раненые всюду; в военной форме, штатском, на костылях, с протезами. <...> Продолжаются хлопоты профессуры в облисполкоме по поводу увеличения питания»³⁰.

В июне, после возвращения в Ярославль, ученый отмечал, что работать стало труднее из-за вечерних и ночных бомбежек, после

которых было много пожаров в деревянных домах: «<...> пострадавшие роются в золе, в углях, еще горячих, в поисках уцелевших вещей. И в городе с наступлением вечера иступленный страх. <...> [Люди] уходят за город, на сторону Волги. Соседний госпиталь эвакуирован»³¹.

В 1943 г. научные сотрудники (члены-корреспонденты, доктора наук, заведующие кафедрами) были переведены на новое снабжение. В действие был введен приказ Наркомторга СССР № 308 от 7 июля 1943 г. на основании распоряжения СНК СССР от 30 июня 1943 г. В дополнение к ранее выданным карточкам Б.Н. Заходер получил еще сухой паек³².

В сентябре 1943 г. в Белом зале Дома ученых в Москве на открытии сессии Отделения истории и философии он участвовал в обсуждении докладов А.Д. Удальцова «Этногенез восточных славян», Б.А. Рыбакова «Ранняя культура восточных славян» и Б.Д. Грекова «Первый труд по истории России». На заседании присутствовали В.П. Волгин, С.П. Толстов, И.А. Орбели. Заседание было прервано «важным известием о взятии Чернигова, все покинули зал»³³. Вечером, после заседания (оно продолжилось на следующий день), Б.Н. Заходер отправился в Большой театр, «открывшийся после полуторалетного перерыва оперой “Иван Сусанин”»³⁴.

24 декабря 1943 г. ученому утвердили полную ставку в МГУ³⁵. В 1944 г. Московским университетом была напечатана его книга «История восточного средневековья. Халифат и Ближний Восток»³⁶.

Многие годы Б.Н. Заходер был связан с Академией наук СССР. С 1944 г. по поручению И.Ю. Крачковского он стал сотрудником Московской группы Института востоковедения АН СССР, а позже возглавил одно из его подразделений (Сектор Ирана, Сектор истории и экономики стран Ближнего и Среднего Востока, Сектор Ирана и Отдел стран Ближнего и Среднего Востока; 1950–1960).

В августе 1944 г. Б.Н. Заходер с супругой получили трагическое известие о кончине брата Марии Николаевны – Артемия Николаевича Протасьева. Его первое письмо сестре и Б.Н. Заходеру было написано карандашом на почтовом листе полевой почты и отправлено в г. Ашхабад (9 апреля 1942 г.)³⁷.

В одном из своих писем, на открытке с изображением атакующих противника советских танков, проверенной военной цензурой, Артемий Николаевич обращался к Борису Николаевичу: «Спасибо тебе Борис за открытку. Я очень рад, что ты возобновил свои лекции в Московском Университете, это самая интересная для тебя работа. <...> К своему большому огорчению <...> не видно окончания этой трагедии [о войне]. Будем верить в скорое и благополучное окончание. Храни Вас Господь мои родные, крепко Вас целую» (16 декабря 1942 г.)³⁸.

Артемий Николаевич погиб от пули немецкого снайпера 24 июля 1944 г. Был похоронен на Новодевичьем кладбище в семейной усыпальнице.

В дневниковой записи, выполненной Б.Н. Заходером 9 мая 1945 г., ученый описал происходящее вокруг: «Вся Москва несколько дней говорила о мире. Говорят, утром в церквях на молебствии – слезы, рыдания. <...> Небо от прожекторов как шахматная доска, – в клетках красные, зеленые, белые фейерверки. 30 выстрелов»³⁹. Ил. 9.

В 1944–1945 гг. Б.Н. Заходер работал над рядом проектов: докладами «Русская школа в историографии Средней Азии», «Основы дипломатической службы на мусульманском востоке в раннее средневековье» и «Академик И.Ю. Крачковский» (1944), статьями «Десятилетие кафедры Средних веков Исторического факультета», «История Востока в Московском университете», «Отделение Востока Исторического факультета Московского университета», «Редкая рукопись по истории Иранской живописи и каллиграфии в Московском музее» (1944) и «Хорасан и образование государства Сельджуков» (1945), очерком «Советское Ирановедение» (1944), стенограммами лекций «Средняя Азия накануне Монгольского нашествия (XI–XIII вв.)» и «Средняя Азия под властью арабского халифата» (1944), текстом лекции «Кавказ, Закавказье и Средняя Азия в XVI–XVII вв.», с которой ученый выступил по радио⁴⁰.

После окончания Великой Отечественной войны ученый продолжал изучение источниковой базы по истории Ирана, историографии, а также методологии востоковедения.

Б.Н. Заходер скончался 7 января 1960 г. в Москве. Его личный архив был передан в Архив АН СССР 16 июня 1966 г. Письма, дневники, некоторые научные работы и художественные произведения ученого не опубликованы и ждут своих исследователей.

Примечания

1. Архив РАН (АРАН). Ф. 478. Оп. 1. Д. 23. Л. 1, 3; АРАН. Ф. 1532. Оп. 1–4. Д. 1–862. Краткая историческая справка; *Кулагина Л.М.* Борис Николаевич Заходер (1898–1960) // Портреты историков: Время и судьбы. Т. 3: Древний мир и Средние века / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов, Л.П. Маринович, Л.Т. Мильская. М., 2004. С. 407.
2. АРАН. Ф. 1532. Оп. 2. Д. 33. Л. 1–23.
3. Там же. Ф. 478. Оп. 1. Д. 23. Л. 3; там же. Ф. 1532. Оп. 2. Д. 33. Л. 1–23.
4. Там же. Ф. 478. Оп. 1. Д. 23. Л. 3 об.
5. *Кулагина Л.М.* Указ. соч. С. 408.
6. АРАН. Ф. 1532. Оп. 1. Д. 24. Л. 1–95.
7. Там же. Д. 25. Л. 1–40.
8. Там же. Оп. 3. Д. 10. Л. 1.
9. Там же. Оп. 1. Д. 26. Л. 1–582.
10. Там же. Д. 28. Л. 1–29; *Заходер Б.Н.* Империя Тимура (Средняя Азия XIV в.) // Исторический журнал. 1941. № 6. С. 78–88.
11. *Заходер Б.Н.* Денданекан // Исторический журнал. 1943. № 3–4. С. 74.
12. АРАН. Ф. 1532. Оп. 4. Д. 258. Л. 1.
13. Там же. Оп. 3. Д. 11. Л. 1.
14. Партийные курсы «Международные отношения и внешняя политика СССР» и др.
15. АРАН. Ф. 1532. Оп. 3. Д. 14. Л. 1.
16. Там же. Оп. 2. Д. 21. Л. 1–94; Д. 22. Л. 1–96; Д. 23. Л. 1–21; Д. 24. Л. 1–21.
17. Там же. Оп. 4. Д. 165. Л. 1–2 об.
18. Там же. Л. 3–3 об.
19. Там же. Д. 285. Л. 1–1 об.
20. Там же. Л. 2–2 об.
21. Там же. Л. 3–4 об.
22. Там же. Л. 5–5 об.
23. Там же. Л. 6–6 об.
24. Там же. Д. 162. Л. 1, 2. Впоследствии Е.А. Луцкий возглавлял кафедру вспомогательных исторических дисциплин Московского государ-

- ственного историко-архивного института (МГИАИ), работал в Институте истории АН СССР и в Археографической комиссии АН СССР. С 1942 г. под его руководством было защищено более 50 диссертаций по вопросам источниковедения.
25. Там же. Оп. 1. Д. 29. Л. 1–25; *Заходер Б.Н.* Денданекан // Исторический журнал. 1943. Кн. 3–4. С. 74–77; *Он же.* Dendanekan. «Belleten Türk tarih kurumu». Ankara, 1954. Cilt 18. Sayı 72. S. 581–587. В настоящее время в историографии закрепилось название «Данданакан».
 26. Там же. Д. 31. Л. 1–2.
 27. Там же. Д. 32. Л. 1–2.
 28. Там же. Д. 128. Л. 1; *Заходер Б.Н.* Муканна // Большая советская энциклопедия / Глав. ред. Б.А. Введенский. 2-е изд. М.: Большая сов. энциклопедия, 1954. Т. 28. С. 537.
 29. Там же. Оп. 2. Д. 24. Л. 1–2 об.
 30. Там же. Л. 3 об.
 31. Там же. Л. 4 об.
 32. Там же. Л. 5.
 33. Там же. Л. 6 об., 7.
 34. Там же. Л. 7 об.
 35. Там же. Л. 8.
 36. Там же. Оп. 1. Д. 30. Л. 1–183; *Заходер Б.Н.* История восточного средневековья. (Халифат и Ближний Восток). М.: МГУ, 1944. 152 с.
 37. Там же. Оп. 4. Д. 284. Л. 1–1 об. Полевая почтовая станция № 1807 литер «О» подразделение 11.
 38. Там же. Оп. 2. Д. 24. Л. 8–8 об.
 39. Там же. Л. 13.
 40. Список основных научных трудов профессора, доктора исторических наук Б.Н. Заходера (К 60-летию со дня рождения) // Проблемы востоковедения. М.: Изд-во АН СССР, 1959. № 1. С. 227–228.

Ил. 1. Б.Н. Заходер. Фотопортрет. 1950-е гг.
АРАН. Ф. 1532. Оп. 2. Д. 44. Л. 1.

Ил. 2. Свидетельство о браке родителей Б.Н. Заходера. 1909 г.
АРАН. Ф. 1532. Оп. 2. Д. 62. Л. 1.

Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

имени Н. Н. НАРИМАНОВА.

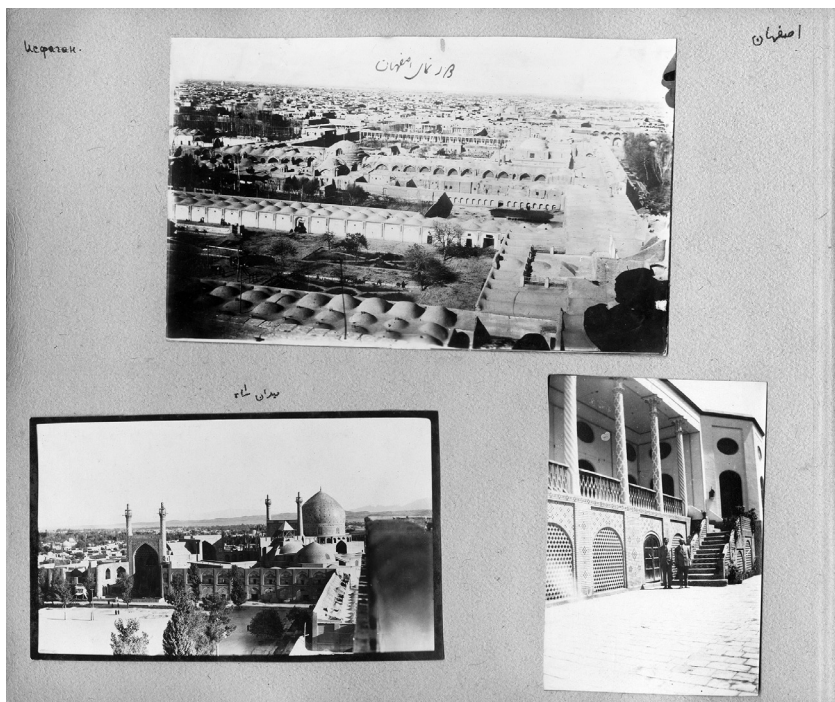
ДИПЛОМ.

Предъявитель сего гражданин Союза Советских Социалистических Республик *Заходер Борис Николаевич*, родившийся в *1898* году в сел. *Баки* *в Хостинском уезде*, вступил по приемным испытаниям в _____ году на *Персидский* сектор *Восточного* факультета Института Востоковедения, учрежденного постановлениями СНК от 7—IX 1920 г. и ВЦИК от 27—X 1921 г.

Во время пребывания на вышеуказанном факультете гражданин *Заходер Б. Н.* успешно прошел нижеследующие курсы и выполнил семинарские работы по:

<i>Курсов:</i>	<i>Народная политика С.С.С.Р.</i>
<i>История развития общественных форм.</i>	<i>История дипломатических отношений стран В.В.</i>
<i>Империялизм.</i>	<i>Статистика.</i>
<i>История революционных движений на Востоке.</i>	<i>Семинарские:</i>
<i>Государство и конституция С.С.С.Р.</i>	<i>Организация конгрессной службы.</i>
<i>Исторический материализм.</i>	<i>Международные договоры.</i>
<i>Политическая экономика.</i>	<i>История дипломатических отношений.</i>
<i>Физическая география В.В.</i>	<i>Языки:</i>
<i>Экономическая география С.С.С.Р.</i>	<i>Персидский</i>
<i>Народное хозяйство стран В.В.</i>	<i>Арабский</i>
<i>Экономическая политика С.С.С.Р.</i>	<i>Турецкий</i>
<i>История Персии древняя средневековая.</i>	<i>Французский</i>
<i>Международное право.</i>	
<i>Торговые договоры стран В.В.</i>	

Ил. 3. Диплом Б.Н. Заходера. 1927 г. АРАН. Ф. 1532. Оп. 2. Д. 5. Л. 1.

Ил. 4. Фотоальбом Б.Н. Заходера. 1928 г.
 АРАН. Ф. 1532. Оп. 2. Д. 42. Л. 2 об.

Народный Комиссариат по Просвещению

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Москва, Моховая, 11, телеф. 2-95-56

В Ы П И С К А

из протокола № 6 заседания Совета Московского Государственного Университета от 13-го июня 1938 г.

(Подлинник протокола находится в делах Совета МГУ)

Слушали: 26. Об утверждении ЗАХОДЕР Бориса Николаевича в ученой степени кандидата исторических наук без защиты диссертации.

Постановили: Утвердить ЗАХОДЕР Бориса Николаевича в ученой степени кандидата исторических наук без защиты диссертации.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА А.С.Бутягин.
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ СОВЕТА
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

В е р н о :

Монозвон.

Ученый секретарь Совета
Московского Государственного Университета

8 - /VII - 1938 г.

Тып. «Гудок», Москва. Заказ № 1452.

Ил. 5. Выписка с кафедры об утверждении Б.Н. Заходера кандидатом исторических наук. 1938 г. АРАН. Ф. 1532. Оп. 2. Д. 10. Л. 1.

ВЫСШАЯ АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ
ВСЕСОЮЗНОГО КОМИТЕТА ПО ДЕЛАМ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ПРИ СНК СССР
Москва, Рождественка д. № 11. Телеграфный адрес: Москва, КОМШКОЛ

В Ы П И С К А

из протокола № 20 . . . от « 31 . . . » мая 1941 г.

(Подлинник протокола находится в делах Высшей Аттестационной Комиссии)

СЛУШАЛИ:

§ II. Об утверждении ЗАХОДЕР Бориса Николаевича в ученой степени доктора исторических наук на основании защиты 31/III-41 г. при Совете Московского ордена Ленина государственного университета им. М. В. Ломоносова диссертации на тему: "Низам-аль-Мульк".

ПОСТАНОВИЛИ:

Утвердить ЗАХОДЕР Бориса Николаевича в ученой степени доктора исторических наук.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВЫСШЕЙ АТТЕСТАЦИОННОЙ
КОМИССИИ - С. Кастанов

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ - М. Борисов

Верно: Ученый Секретарь Высшей
Аттестационной комиссии

М. Борисов
/М. Борисов/

« 24 . . . » июня . . . 1941 г.

МПН - 3140

Ил. 6. Выписка ВАК об утверждении Б.Н. Заходера доктором исторических наук. 1941 г. АРАН. Ф. 1532. Оп. 2. Д. 14. Л. 1.

**В.Л. Тягуненко: биография и служба
во время Великой Отечественной войны**

A.E. Rybchenkova

**V.L. Tyagunenko: biography and service
during the World War II**

Аннотация. В статье на основе архивных документов рассмотрена биография экономиста В.Л. Тягуненко. Отдельное внимание уделено периоду Второй мировой войны. В личном фонде В.Л. Тягуненко в Архиве РАН хранятся фотодокументы, связанные с его жизнью и службой во время Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: В.Л. Тягуненко, личный фонд, биография, ученый, советские экономисты, фотолетопись, Великая Отечественная война.

Abstract. Based on archival documents, the article considers the biography of the economist V.L. Tyagunenko. Special attention is paid to the period of the Second World War. In the personal fund of V.L. Tyagunenko in the Archive of the Russian Academy of Sciences stores photo documents related to his life and service during the Great Patriotic War.

Keywords: V.L. Tyagunenko, personal fund, biography, scientist, soviet economists, photo chronicle, Great Patriotic War.

Виктор Леонидович Тягуненко – экономист, специализировавшийся на крушении колониальной системы империализма и создании независимых государств Азии, Африки и Латинской Америки. Автор свыше 100 работ по проблемам экономики и политики развивающихся стран.

Тягуненко родился 1 января 1920 г. на хуторе Викнено Любомирского сельсовета Песчано-Бродского района Кировоградской

области в семье крестьянина. После окончания школы в Пятигорске в 1938 г. поступил в Киевский индустриальный институт на химико-технологический факультет.

Однако уже в 1939 г. был призван в ряды Советской Армии во время советско-финского конфликта, а позднее сражался на фронтах Великой Отечественной войны¹.

В.Л. Тягуненко был сначала курсантом мотострелкового полка Московского военного округа (ноябрь 1939 – апрель 1940), младшим командиром (апрель 1940 – июнь 1941), затем командиром взвода (июнь 1941 – ноябрь 1941), секретарем бюро ВЛКСМ батальона (ноябрь 1941 – август 1942), комсоргом минометного полка (август 1942 – октябрь 1943), помощником начальника политотдела по комсомолу дивизии 1-го Белорусского фронта (октябрь 1943 – январь 1944), помощником начальника политотдела по комсомолу курсов младших лейтенантов Московского военного округа (май 1944 – август 1945)².

В 1946 г. В.Л. Тягуненко закончил Смоленское Военно-Политическое училище по подготовке пропагандистов. В 1947–1951 гг. учился в Военно-Политической академии им. В.И. Ленина. С 1954 г. – адъюнкт кафедры политэкономии той же академии. Защитил диссертацию на тему о роли колоний в накоплении капитала. На ее основе в 1957 г. была издана книга «Войны и колонии: влияние распада колониальной системы на военно-экономическую базу империализма»³. Параллельно Тягуненко получил опыт педагогической работы в качестве преподавателя курса политэкономии. Позднее преподавательскую работу он продолжил в Краснознаменной Военно-Воздушной академии.

В 1963 г. Тягуненко успешно защитил докторскую диссертацию на тему «Проблемы борьбы освободившихся стран за экономическую независимость», достойно завершив многолетние исследования национально-освободительных движений. Его работа получила положительные отзывы экономистов В.Я. Аболтина, А.Г. Милейковского, а также директора Института Африки АН СССР И.И. Потехина⁴.

В 1957 г. после демобилизации начался творческий путь Виктора Леонидовича в системе Академии наук СССР. Он поступил

на работу в Институт мировой экономики и международных отношений Академии наук в качестве старшего научного сотрудника (1957–1961). Деятельный творческий ум и лидерские качества Виктора Леонидовича привели к тому, что вскоре он стал заведующим сектором общих проблем слаборазвитых стран (1961–1963), затем заместителем директора (1963–1964), и, наконец, заведующим отделом экономики и политики слаборазвитых стран (1964–1975). На этой должности он оставался вплоть до своей смерти в 1975 г.

Под руководством В.Л. Тягуненко с 1964 г. был создан один из наиболее передовых в стране научных коллективов в области политико-экономических исследований развивающихся стран, заслугой которого можно считать трансформацию проводимых исследований от проблем преимущественно теоретических и исторических к анализу современных процессов. Это, в свою очередь, привело к изменению методики самого исследования – переходу от выяснения чисто объективных факторов к учету совокупности и взаимодействия объективных и субъективных факторов, т.е. учету не только происходящих социально-экономических процессов, влияния исторических, географических, этнографических и иных факторов, но и воздействия на эти процессы, на их деформацию психологических, культурных, этических моментов, влияния роли личности, возглавляющей данный процесс и т.д.

В Архиве РАН сохранился доклад на Ученом совете Института международной экономики и международных отношений АН СССР о работе отдела экономики и политики развивающихся стран по теме «Тенденции и перспективы экономического и социально-политического развития стран Азии, Африки и Латинской Америки», в котором сам В.Л. Тягуненко так характеризовал сложности проделанной его коллективом работы: «<...> Здесь потребовался серьезный поворот во взглядах на изучаемые явления, умение распознать, что скрывается за только что возникшими процессами и дать им теоретическую оценку. Сложность такого поворота от изучения уже устоявшегося, проверенного жизнью, к быстро изменяющимся процессам имела не только объективные причины, главной из которых является огромное число самых разно-

образных стран, но и чисто психологический фактор – необходимость отойти от сравнительно спокойной жизни, выработанных навыков, определенного научного задела и заняться анализом происходящих на наших глазах изменений. В результате общения удалось поставить ряд важных научных вопросов, таких, например, как возможность и формы некапиталистического развития в условиях сосуществования двух мировых социально-экономических систем, о переходном характере общественных отношений в странах социалистической ориентации, о темпах самостоятельного развития и путях борьбы за экономическую независимость и ряд других»⁵.

В ходе своей работы В.Л. Тягуненко часто бывал в зарубежных командировках: в Англии, Австрии, Чехословацкой Социалистической Республике (1960), Индии (1961), на Цейлоне, в Югославии (1962) и ГДР (1969).

В.Л. Тягуненко с 1960 г. состоял в редколлегии журналов «Мировая экономика и международные отношения», с 1969 г. – «Известия АН СССР. Серия экономическая». С 1970 г. он стал председателем Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «Современные проблемы развивающихся стран», с 1971 г. – вошел в состав членов бюро отделения экономики АН СССР.

Виктор Леонидович был награжден орденом Красной звезды (1956), премией им. Н.Г. Чернышевского (в 1976 г., посмертно) за серию работ по проблемам современных национально-освободительных революций и теории общественно-экономического прогресса в странах «третьего мира» и особо за монографию «Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы»⁶. Помимо этого, у него имелись другие медали – «За оборону Москвы» (1944), «За победу над Германией» (1945), «800-летие Москвы» (1947), «XXX-летие Советской Армии и Флота» (1948), «За боевые заслуги» (1950).

Авторству В.Л. Тягуненко принадлежат более сотни работ, среди которых одними из наиболее известных считаются монографии «Войны и колонии» (1957), «Слаборазвитые страны в мировом капиталистическом хозяйстве» (в соавторстве с В.В. Рымаловым, 1961),

«Проблемы современных национально-освободительных революций» (1966), «Строительство коммунизма и мировой революционный процесс» (1966), трехтомная коллективная монография «Классы и классовая борьба в развивающихся странах» (1967–1968). В этих работах проводится комплексный анализ взаимодействия экономических, социальных и политических факторов в развитии стран «третьего мира», динамики национально-освободительных революций и вопросов влияния научно-технической революции на хозяйственное развитие этих стран.

Личный фонд ученого поступил на хранение в Архив АН СССР (ныне – Архив РАН) 10 марта 1983 г. от вдовы В.Л. Тягуненко, экономиста Людмилы Владимировны Тягуненко.

Примечания

1. Автобиография и личный листок по учету кадров В.Л. Тягуненко. 1956–1968 гг. // Архив РАН (АРАН). Ф. 1768. Оп. 1. Д. 22.
2. Там же.
3. *Тягуненко В.Л.* Войны и колонии: влияние распада колониальной системы на военно-экономическую базу империализма. М.: Воениздат, 1957. 176 с.
4. Подробнее см.: Отзывы о диссертации на тему «Проблемы борьбы освободившихся стран за экономическую независимость». 1963 г. // АРАН. Ф. 1768. Оп. 1. Д. 35.
5. Доклад на Ученом совете Института международной экономики и международных отношений АН СССР о работе отдела экономики и политики развивающихся стран по теме «Тенденции и перспективы экономического и социально-политического развития стран Азии, Африки и Латинской Америки». 1969 г. // АРАН. Ф. 1768. Оп. 1. Д. 39. Л. 1–31.
6. Диплом о награждении В.Л. Тягуненко премией им. Н.Г. Чернышевского за серию работ по проблемам современных национально-освободительных революций и теории общественно-экономического прогресса в странах «третьего мира». 1976 г. // АРАН. Ф. 1768. Оп. 1. Д. 29. Л. 1–3.

Ил. 1. В.Л. Тягуненко. Белград. 1963 г. АРАН. Ф. 1768. Оп.1. Д. 43. Л. 2.

Ил. 2, 3. В.Л. Тягуненко в действующей армии. 1943 г. и б.д.
АРАН. Ф. 1768. Оп. 1. Д. 41. Л.2; Д. 43. Л. 1.

Ил. 4. В.Л. Тягуненко, Е. Дьяченко, Ф. Шуитиев перед зданием Военно-политической академии им. В.И. Ленина. 1949 г.
АРАН. Ф. 1768. Оп. 1. Д. 42. Л. 1.

Ил. 5. В.Л. Тягуненко, преподаватель политэкономии Военно-Воздушной Академии в Монино с офицерами стран СЭВ.
Середина 1950-х гг. АРАН. Ф. 1768. Оп. 1. Д. 46. Л. 1.

Ил. 6. На Первомайской демонстрации в Москве. 1957 г.
АРАН. Ф. 1768. Оп. 1. Д. 44. Л. 1.

Ил. 7. В.Л. Тягуненко с экономистом А.Г. Милейковским. Лондон.
1960–1961 гг. АРАН. Ф. 1768. Оп. 1. Д. 47. Л. 1.

Ил. 8. А.М. Байков (Бирмингем), проф. Mead (Кэмбридж), проф. Ely Devons (Лондон), В.Л. Тягуненко, А.Г. Милейковский, С.П. Вешнев.
22 сентября – 5 октября 1960 г. Лондон.
АРАН. Ф. 1768. Оп. 1. Д. 47. Л. 3.

Ил. 9. В.Л. Тягуненко, глава советской делегации на Цейлоне. 1963 г.
АРАН. Ф. 1768. Оп. 1. Д. 47. Л. 5.

Ил. 10. В.Л. Тягуненко с австрийскими экономистами в Вене. 1965 г.
АРАН. Ф. 1768. Оп. 1. Д. 47. Л. 7.

Ил. 11. В.Л. Тягуненко с женой Людмилой Владимировной и дочерьми Еленой и Анной. 1962 г. АРАН. Ф. 1768. Оп. 1. Д. 48. Л. 1.

Ил. 12. В.Л. Тягуненко во время заседания Бюро отделения экономики АН СССР. 1974 г. АРАН. Ф. 1768. Оп. 1. Д. 49. Л. 1.

**Кавказская комплексная экспедиция СОПС:
исследование природных ресурсов
для послевоенного восстановления края***

А. V. Sobisevich

**Caucasian Comprehensive Expedition of SOPS:
a study of natural resources
for post-war reconstruction of the region**

Аннотация. Кавказская комплексная экспедиция СОПС, которая проводилась с 1945 г. по 1948 г., имела своей целью изучение природных ресурсов территорий, сильно пострадавших в ходе Великой Отечественной войны. Об исследованиях ученых мы можем судить по документам, хранящимся в Архиве РАН в личном фонде известного почвоведом Б.Б. Польшова, осуществлявшего руководство сельскохозяйственным отрядом экспедиции. Продолжением Кавказской комплексной экспедиции стала работа Черноморской комплексной экспедиции СОПС.

Ключевые слова: СОПС, Кавказ, экспедиции, Великая Отечественная война, природные ресурсы, Б.Б. Польшов.

Abstract. The Caucasian comprehensive expedition of SOPS, which was carried out from 1945 to 1948, had as its goal the study of the natural resources of the territories that were very affected during the Great Patriotic War. We can judge the studies of scientists by the documents stored in archive RAS in the personal fund of the famous soil scientist B.B. Polynov, who led the agricultural detachment of the expedition. The continuation of the Caucasian integrated expedition was the work of the Black Sea integrated expedition SOPS

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, № 20-78-10095 «Советская наука как индустрия: кадры, инфраструктура, организационно-управленческие практики (1920–1970-е гг.)».

Keywords: SOPS, Caucase, expedition, Great Patriotic War, natural resources, B.B. Polynov.

Природные ресурсы Северного Кавказа и Закавказья вызывали интерес у руководства Академии наук СССР еще в довоенное время. В 1935–1936 гг. на территории Северного Кавказа работала экспедиция Совета по изучению производительных сил (СОПС) АН СССР. В 1935 г. СОПС также организовал конференции по изучению производительных сил Азово-Черноморского края¹. В конце 1930-х гг., когда сложилась напряженная внешнеполитическая обстановка и очевидным стало скорое противостояние с Германией, руководство СССР посчитало первоочередной задачей изучение природного и экономического потенциала не удаленных восточных, а обжитых западных регионов страны.

14 июля 1938 г. Совет народных комиссаров СССР издал постановление «О научных экспедициях Академии наук в 1938 г.», где указывалось на необходимость интенсифицировать экспедиционную деятельность СОПС в западных регионах СССР². Изучение территории Кавказа, таким образом, получило приоритет. Исследования СОПС на Кавказе были прекращены, по всей видимости, после начала Великой Отечественной войны, когда по мере наступления немецких войск промышленные предприятия направлялись в эвакуацию в восточные регионы страны, а перед учеными ставили задачи разведки новых месторождений полезных ископаемых. Проведение исследований на Северном Кавказе стало совершенно невозможным летом 1942 г., когда немецкие войска начали наступление и дошли в некоторых местах до отрогов Главного Кавказского хребта.

Проведение исследований на Кавказе возобновилось только после окончания боевых действий. 23 мая 1944 г. Президиумом Академии наук СССР было принято решение возобновить работу Кавказской комплексной экспедиции Совета по изучению производительных сил АН СССР. 8 июня 1944 г. заместитель председателя СОПС АН СССР академик Е.А. Чудаков провел совещание, где рассматривались итоги работы Уральской комплексной экс-

педиции СОПС и утверждались планы двух новых экспедиций – Волго-Башкирской и Кавказской комплексной. С докладом о планируемых в 1944 г. исследованиях на Кавказе выступил руководитель экспедиции, член-корреспондент АН СССР П.И. Лебедев. Ученый совет Кавказской комплексной экспедиции возглавил академик Д.С. Белянкин³.

Деятельность Кавказской комплексной экспедиции предполагалось сосредоточить на территории Краснодарского края до левого берега реки Кубани, так как она являлась наименее изученной и представляла наибольший интерес для экономики. Руководство экспедиционными отрядами взяли на себя известные ученые: академики Д.С. Белянкин, А.А. Григорьев, С.Г. Струмилин; члены-корреспонденты В.И. Вейц, П.И. Лебедев, Б.Б. Плынов; доктора наук С.И. Кузнецов, Л.В. Пустовалов, В.Б. Сочава и Б.Ф. Добрынин.

Кавказской комплексной экспедиции предстояло провести общегеологическое, петрографическое и литологическое изучение Северо-Западного Кавказа для обоснования прогнозов поисков новых месторождений полезных ископаемых (хрома, никеля, железа, угля, химического сырья и стройматериалов); провести углубленное минералого-петрографическое и гидрогеологическое изучение уже известных месторождений полезных ископаемых. Большое внимание уделялось изучению почв, лесов и кормовых угодий, а также трудовых ресурсов Краснодарского края с целью выработки мероприятий по повышению урожайности сельскохозяйственных культур и рационального использования лесов. Проводилось также изучение энергетических ресурсов. Например, В.И. Вейц был специалистом в создании гидроэлектростанций. Согласно решению Президиума Академии Наук СССР от 23 мая 1944 г., работа Кавказской комплексной экспедиции начиналась в 1945 г. и была рассчитана на 3 года⁴.

Документы, хранящиеся в личном фонде Б.Б. Плынова в Архиве РАН, свидетельствуют о том, что ученый был приглашен участвовать в Кавказской комплексной экспедиции П.И. Лебедевым. Принимая на себя руководство сельскохозяйственным отрядом, Б.Б. Плынов намеревался использовать наработки Ю.А. Ливеров-

ского, почвенный отряд которого проводил свои исследования еще в довоенные годы⁵.

В 1944 г. сельскохозяйственный отряд Б.Б. Польшова занимался составлением сводок и обобщением материалов, собранных в ходе работы экспедиций по центральной и восточной частям Северного Кавказа за предыдущие годы. Собранные материалы предстояло сделать частью будущей монографии, в которой следовало рассмотреть роль рельефа Северного Кавказа как фактора зонального распределения почв и растительности, а также его значение в изменении климатических условий и формировании растительного покрова. Сами экспедиционные исследования должны были начаться летом 1945 г.

Планируя работу сельскохозяйственного отряда на период 1945–1947 гг., Б.Б. Польшов отмечал, что в предгорьях Западной части Северного Кавказа сельское хозяйство развито слабо. Освоение предгорных районов носило случайный характер, а несовершенные практики землепользования в конечном счете приводили к почвенной эрозии. Целью агрономической группы экспедиции стала выработка мероприятий по повышению производительности сельского хозяйства в Западной части Предкавказья. В течение трех лет исследования должны были охватить районы предгорий западного склона Кавказа, примерно от верховьев рек Лаба и Уруп на запад, вплоть до побережья Черного моря. Полевые исследования ученые собирались проводить в ходе летного полевого сезона, а затем в оставшееся время полученные результаты следовало обработать. Ил. 1.

Состав сельскохозяйственного отряда включал начальника отряда В.Д. Кислякова, научных сотрудников Ф.С. Первухина, О.А. Шелякину и коллектора А.А. Кульменко. Исследовательской целью отряда стало изучение сельского хозяйства предгорий Западной части Предкавказья от верховьев рек Лабы и Урупа на запад до побережья Черного моря. Данные территории относились к левобережью реки Кубани и входили в состав Краснодарского края. Аналогичные задачи в рамках Кавказской комплексной экспедиции СОПС ставились перед животноводческим

отрядом, который первоначально предлагали назвать биолого-животноводческим. В итоге в его составе была отдельно выделена зоотехническая группа⁶.

Сельскохозяйственный отряд начал работу 11 июля 1945 г. Отрядом была проведена работа по сельскохозяйственному районированию территории предгорий Кубани. Участники экспедиции при этом опирались на уже собранные ранее данные по климату, геоботанике, геоморфологии и почвенному покрову. В отчете от 1 сентября 1945 г. начальник отряда В.Д. Кисляков отмечал, что рельеф предгорной области характеризовался здесь преобладанием крутых склонов, балок и оврагов. Следовательно, это очень сильно ограничивало использование таких земель под пашню, ведь распашка склонов приводила к усилению процессов эрозии почвы и развитию овражной сети. В предгорных районах были распространены «мочаки» – заболачивания горных склонов, которые приводили к гибели урожая и заболеванию овец и коров «копыткой». На 1948 г. намечалось продолжение исследований по южным склонам Кавказского хребта, а именно – на участке Черноморского побережья от Новороссийска до границ с Абхазской Автономной Советской Социалистической Республикой.

Результаты проведенных в 1945 г. исследований Б.Б. Плынов обобщил в докладной записке «Об условиях земледелия и животноводства в Предгорной области Краснодарского края» и направил ее руководству СОПС. В записке ученый, в частности, указывал, что имеет «общее впечатление об условиях земледелия и животноводства в Предгорной области Краснодарского края, составленное на основании как личных наблюдений, так и сообщений <...> сотрудников и также совещаний, проведенных с представителями местных партийных и земельных органов и местными специалистами»⁷. Дав оценку природным условиям, Б.Б. Плынов охарактеризовал район наблюдения между верховьями рек Уруп и Лаба, а также в бассейне Малой Лабы как имеющий сильный пересеченный рельеф. Вместе с тем следы почвенной эрозии в этой местности были выражены очень слабо. Б.Б. Плынов связывал это с тем, что склоны были покрыты лесом (преобладал дуб с орешником)

или высоким травяным покровом. В ряде мест отмечалось заболачивание; причем «мочаки» находились не только на плоских вершинах, но и на относительно крутых склонах. Очень тяжелая почва, которую сложно было обрабатывать легкими тракторами, по мнению ученого, обладала высоким потенциалом плодородия. Эту догадку ученый связывал с буйным ростом травы и обилием сорняков.

В отчете отмечалось преобладание среди местных сельскохозяйственных культур пшеницы, кукурузы и подсолнуха, из огородных – картофеля и турецкого табака, из садовых – яблок, груш, вишни. На участках индивидуального пользования урожайность полевых и садовых культур была весьма высокая. Однако Б.Б. Полюнов отмечал удручающее положение колхозного хозяйства, связанное с послевоенным разрушением края: «Колхозные поля обильно засорены и во многих местах нет никакой возможности распознать “поля”, которые производят впечатление вековой залежи или даже естественного луга. Урожай пшеницы и кукурузы ничтожно низки. Обычно не превышают 5 центнеров, обычно же 2–3 центнеров. Нормы хлебопоставок не выполняются. Трудодень оплачивается не свыше 1 кило, но чаще 100–200 гр.»⁸.

Для нас большой интерес представляет фрагмент, который Б.Б. Полюнов вычеркнул из своего отчета: «Рельеф не позволяет широкого применения механизации. Там, где это можно, необходимо применять лишь гусеничный трактор – колесные совершенно не берут тяжелой почвы. На “мочаках” пшеница гибнет уже во время колошения. Количество “мочаков” за годы войны сильно увеличилось. Поздние дожди не допускают своевременного покоса. Кроме того, со стороны животноводов есть указания на пресность кормов, вызывающую более высокую, чем обычно, потребность в соли. В то же время здесь в некоторых местах имеются соленые озера»⁹.

В документах Б.Б. Полюнова сохранились отрывочные сведения о работе геоботанического отряда, которым руководил молодой ученый-биолог В.Б. Сочава. Исследования его отряда позволили составить геоботаническую карту обследуемого района и пред-

ложить ботанико-географическое районирование, с помощью которого можно было оценить запасы кормов для крупного рогатого скота, а также планировать дальнейшее освоение луговых и лесных угодий. В ходе своих исследований В.Б. Сочава установил, что эксплуатация лесов без строгого учета их водоохраной и почвозащитной роли может привести к почвенной эрозии.

После окончания работы в 1948 г. Кавказская экспедиция СОПС была реорганизована в Черноморскую комплексную экспедицию, которая проводила исследования до 1950 г. В составе Черноморской экспедиции были образованы отряды: почвенно-геоморфологический (руководитель И.П. Герасимов), почвенно-эрозионный (руководитель С.С. Соболев), оползневый (руководитель И.В. Попов), лесной (руководители В.Н. Сукачев и С.В. Зонн), гидрогеологический (руководитель Н.Н. Славянов), гидроэнергетический (руководитель В.И. Вейц), земельных фондов (руководитель В.Д. Кисляков), чая и субтропических культур (руководитель Т.К. Кварацхелия), пригородного хозяйства (руководитель И.А. Бородин) и трудовых ресурсов (руководитель С.Г. Струмилин)¹⁰.

Исследования Черноморской комплексной экспедиции, помимо изучения природных ресурсов, имели своей целью осуществление интродукции в СССР ценных сельскохозяйственных культур. Разрабатывая программу экспедиции, руководство СОПС стремилось учесть постановление Совета Министров СССР от 17 августа 1947 г. «О развитии культуры чая, цитрусовых и других субтропических плодовых культур в Краснодарском крае». Кроме того, Министерство сельского хозяйства СССР обратилось в Президиум Академии наук с просьбой включить в программу исследований СОПСа по Черноморскому побережью исследование возможности осуществления посадок чайных деревьев, а также создания на Сочинском побережье хозяйств для снабжения продуктами питания Сочи–Магистинкой группы курортов¹¹.

Подводя итоги, следует отметить, что деятельность Кавказской комплексной экспедиции СОПС и ее преемника – Черноморской комплексной экспедиции СОПС – в настоящее время изучена слабо. Внимания исследователей обращено в целом на деятельность СОПС. Для

изучения отдельных экспедиций СОПС потребуется привлечение отчетных материалов, которые хранятся в Архиве РАН в фонде «Совет по изучению производительных сил Академии наук СССР»¹².

В задачи Кавказской и Черноморской комплексных экспедиций входило восстановление послевоенного хозяйства территорий, очень сильно пострадавших во время немецкой оккупации. Использование месторождений полезных ископаемых, расположенных недалеко от своих потребителей, помогало снизить нагрузку на транспортную инфраструктуру. Изучение экспедиционными отрядами сельскохозяйственного потенциала местности, а также ее обеспеченности кормами для крупного рогатого скота позволяло восстановить колхозное хозяйство, придав ему специализацию в молочном животноводстве. В условиях горной местности даже короткий перерыв в уходе за полями и садами или неумелые попытки вернуть прежде заброшенным территориям окультуренный вид приводили к активизации столь опасных явлений, как заболачивание почв и почвенная эрозия. Проводимые исследования нацелены были на то, чтобы это предотвратить.

Примечания

1. Архив РАН (АРАН). Ф. 174. Оп. 3. Д. 1.
2. *Узбекова Ю.И.* Совет по изучению производительных сил в системе «мобилизованной науки» (1930-е – начало 1950-х гг.) // *Genesis: исторические исследования.* 2019. № 12. С. 32–43.
3. АРАН. Ф. 602. Оп. 3. Д. 30.
4. АРАН. Ф. 174. Оп. 3. Д. 61.
5. Подробнее см.: *Собисевич А.В., Снытко В.А.* Исследования Бориса Борисовича Полынова на Кавказе // *Вестник Академии наук Чеченской Республики.* 2018. № 3 (40). С. 96–103.
6. АРАН. Ф. 602. Оп. 3. Д. 30. Л. 6–8.
7. АРАН. Ф. 602. Оп. 1. Д. 49. Л. 1.
8. Там же.
9. Там же.
10. АРАН. Ф. 602. Оп. 3. Д. 30. Л. 67.
11. Там же. Л. 68.
12. АРАН. Ф. 174.

Ил. 1. В предгорьях Кавказа. Академик Борис Борисович Полинов
у почвенного разреза. 1945 г.
АРАН Ф. 602. Оп. 3. Д. 68. Л. 1.

**Вторая мировая война
и ее последствия:
проблемы источниковедения,
археографии, историографии**

**Фонд руководителя Комиссии по изучению истории
Великой Отечественной войны И.И. Минца в Архиве РАН**

O.V. Selivanova, T.N. Lapteva

**Personal fund of the Commission on the History
of the Great Patriotic War's Head Isaak Mints
in the Archive of Russian Academy of Sciences**

Аннотация. В статье рассматривается состав хранящегося в Архиве РАН личного фонда академика И.И. Минца. Особое внимание уделено документам, относящимся к его деятельности как руководителя Комиссии по изучению истории Великой Отечественной войны. Эти документы позволяют расширить источниковую базу для изучения вопросов сохранения наследия войны и дополнить материалы основного фонда Комиссии через призму источников личного происхождения.

Ключевые слова: И.И. Минц, личный фонд, Комиссия по изучению истории Великой Отечественной войны, Архив РАН.

Abstract. The article discusses the composition of the personal fund of Academician I.I. Mints stored in the Archive of Russian Academy of Sciences, special attention is paid to documents related to his activities as the head of the Commission for the Study of the History of the Great Patriotic War. These documents allow expanding the source base of issues related to the preservation of the legacy of the war and supplement the materials of the Commission's main fund through the prism of documents of personal origin.

Keywords: I.I. Mints, personal fund, Commission for the Study of the History of the Great Patriotic War, Archive of Russian Academy of Sciences.

Несмотря на то, что история исторической науки XX в. не так далеко отстоит от наших дней и многие деятели этого периода продолжают работу, она окружена огромным количеством мифов. Одной из таких ярких и противоречивых фигур является Исаак Израилевич Минц – организатор, а затем и жертва идеологической переориентации, которого некоторые исследователи называют вершителем судеб советской исторической науки. Ил. 1. В 2015 г. его фонд, хранящийся в Архиве РАН, прошел научную обработку и стал доступен для исследователей. Разнообразный по составу, он включает в себя огромное количество научных трудов, переписку, биографические документы, множество фотографий, документы о деятельности, подготовительные материалы к трудам. Все эти документы в той или иной степени способны помочь не только исследователям биографии академика подтвердить или опровергнуть слухи, укоренившиеся в научной и околonaучной среде относительно его личности и деятельности, но и по-новому взглянуть на события, влиявшие на формирование истории и историографии советской России.

Исаак Израилевич Минц родился в 1896 г. в селе Кринички Екатеринославской губернии. О дореволюционных годах сведений из его биографии почти не сохранилось; даже почерпнутые из автобиографий, анкет и справок, они иногда противоречат друг другу. Так, в одной из автобиографий он писал: «Как выходец из бедной еврейской семьи <...> до свержения царизма не мог получить даже нормального среднего образования, так как попасть в среднюю школу было почти невозможно»¹. Все-таки попав в среднюю школу, Минц начал, по разным анкетным данным, с 12–14 лет вести трудовую жизнь – был репетитором «богатых кулацких сынков на Украине». Правда, именно эти слова были зачеркнуты, и рукой Минца подписано: «С 13 лет начал самостоятельную трудовую жизнь, одновременно в качестве экстерна сдавая экзамены за тот или иной класс гимназии. Только последние классы профессор Минц имел возможность провести в стенах гимназии, добывая себе средства к существованию репетиторством, то есть обучением отстающих в учебе гимназистов из состоятельных слоев населения»². (Вообще эта фра-

за очень характерна для И.И. Минца и в целом тона его воспоминаний. Так, сохранилась фотография, где он изображен с дочерьми известных политических деятелей, и его рукой на обороте стоит подпись: «Нинка Подвойская, Марьянка Ярославская, Люська Шверник, Ирка Луначарская, Исаак Израилевич Минц»³. Ил. 2.

В марте 1917 г. (а в большинстве анкет Минц указывал апрель) он вступил в ряды большевистской партии (сохранилось удостоверение Минца И.И. – члена Верхне-Днепровского комитета коммунистической партии Украины⁴); с Февральской до Октябрьской революции, как записано в личном деле из Военно-воздушной академии Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА), занимался агитаторской работой, но в Октябрьском перевороте активного участия не принимал.

Опять же в соответствии с различными анкетами в конце 1917 г., 1918 г. или 1919 г. – вступил в ряды Красной Армии. Сохранились донесение командующему войсками Украинского военного округа об участии И.И. Минца в боях в 1919 г., послужной список, несколько фотографий, анкеты-рекомендации сослуживцев И.И. Минца о его участии в Гражданской войне, удостоверение о воинской службе и др.⁵. Ил. 3. Гражданскую войну Минц закончил в чине военкома 1-го Конного корпуса Червоного казачества, которым командовал герой войны В.М. Примаков⁶. За политработу и боевые операции во 2-ой повстанческой дивизии Минц был награжден грамотой и серебряными часами.

Интересна сохранившаяся копия письма В.М. Примакова А.С. Бубнову⁷, в то время заведующему агитпропом ЦК, от 13.09.1922 г. с просьбой посодействовать его помощнику Минцу, «парню очень способному и умнице», уже готовому к экзаменам, поступить в Институт⁸. На следующий год, еще оставаясь на военной работе (согласно отложившейся в фонде справке о работе И.И. Минца в ячейке Военно-воздушной академии РККА в качестве комиссара), он стал слушателем исторического отделения Института красной профессуры. Учился в течение 3 лет у В.П. Волгина⁹, М.Н. Покровского¹⁰ (сохранились фрагменты курсов Покровского «Английская интервенция и северное правительство», «Про-

исхождение крепостничества», «Семинар по гражданской войне»), Н.М. Лукина¹¹, П.Ф. Преображенского¹².

С августа 1924 г. И.И. Минц руководил кафедрой общественно-исторических наук в Военно-воздушной академии им. Н.Е. Жуковского. Свидетельством этого служат его личное дело¹³ и выписка из послужного списка. В 1926 г. он окончил Институт красной профессуры, был назначен преподавателем истории ВКП(б) и заместителем заведующего его исторического отделения (в фонде – заверенная копия выписки из протокола о рекомендации к назначению И.И. Минца заместителем заведующего исторического отделения Института красной профессуры от 30 июня 1926 г.¹⁴), руководителем кафедры в университете им. Я. Свердлова (согласно архивной справке – с 1924 г. по 1927 г.) и кафедры ленинизма в Международной ленинской школе, где читал лекции на английском языке до 1931 г. В фонде отложились выписки из протоколов заседаний Оргбюро ЦКВКП(б) от 1 и от 15 октября 1926 г. об утверждении И.И. Минца преподавателем Университета трудящихся Китая им. Сунь Ятсена и об освобождении его от этой должности (непонятно, в силу каких причин).

В этот же период появляются его первые труды на актуальную тему интервенции, полностью соответствовавшие идеологическим установкам государства: сначала статьи в партийной печати, затем очерки (например, «Англичане на Севере») и в 1931 г. монография «Английская интервенция и северная контрреволюция». В архиве отложились не только эти работы, но и подготовительные материалы, архивные выписки.

В 1931 г. по инициативе М. Горького была создана Главная редакция «Истории гражданской войны» для издания многотомного исследования; И.И. Минц был назначен заведующим исторической частью и руководителем научно-организационной работы редакции. Было поднято огромное количество архивного материала; одной из основных задач И.И. Минца стало привлечение к работе участников войны и использование их воспоминаний. В 1935 г. вышел первый, в 1942 г. – второй тома «Истории гражданской войны» (его создатели, в т.ч. И.И. Минц, удостоились Государствен-

ной премии I степени). В архиве отложились стенограммы совещаний, отчеты, постановления, записки в ЦК, замечания, записки И.И. Минца, рабочий вариант первого тома с правкой И.В. Сталина (с пометкой, что записано рукой Харитоновой)¹⁵.

Совместная работа с М. Горьким над «Историей гражданской войны» велась не только в стенах редакции; И.И. Минц не раз приезжал к нему на дачу в Подмоскowie и Тессели (Крым), о чем свидетельствуют архивные фотографии; в частности, одна из них – фотография невестки М. Горького Н.А. Пешковой с дарственной надписью: «Спасибо за уроки, дорогой Минц. Тимоша». Так же сохранились воспоминания Минца «В лаборатории А.М. Горького», «Из бесед с А.М. Горьким»¹⁶.

Публикация документов по периоду Гражданской войны являлась эффективным оружием идеологической борьбы, поэтому И.И. Минц был так востребован как историк. Он был одним из реализаторов лозунга – передать опыт старых бойцов-революционеров новым поколениям, что было чрезвычайно актуально в предвоенных условиях. В 1935 г. ему была присвоена докторская степень без защиты диссертации¹⁷. В 1939 г. И.И. Минц стал членом-корреспондентом АН СССР, в 1946 г. – действительным членом.

В 1930-е гг. в связи с необходимостью изучения и интерпретации внешнеполитических проблем первоочередным для советских историков стало издание обобщающей работы по истории дипломатии. Был собран коллектив виднейших историков во главе с В.П. Потемкиным¹⁸, подготовлен и издан труд «История дипломатии», охватывающий историю внешней политики России и СССР с древних времен до 1930-х гг.; И.И. Минц стал автором 12 глав по периоду с 1917 г. по 1923 г. За эту работу он был во второй раз удостоен Государственной премии I степени.

В годы Великой Отечественной войны И.И. Минц активно писал статьи и брошюры, обличающие фашизм. С первых же дней он стал выступать с лекциями, посвященными ходу боевых действий, прочитал более 1000 докладов на фронтах и в тылу. Например, доклад «Провал гитлеровского “крестового похода”» (международный

обзор)», прочитанный на собрании работников Наркомата обороны в январе 1942 г.; выступления по радио «Советский строй неурушим!» (июнь 1942 г.), «Красная Армия превратилась в грозную для врага силу» (сентябрь 1943 г.); доклад «Разгром немецких войск под Москвой в декабре 1942 г.», организованный Парткабинетом Московского городского комитета и Московского областного комитета ВКП (б) 4 декабря 1942 г. и др.¹⁹. Отдельно стоит отметить выступления, посвященные партизанскому движению в годы Гражданской войны, целью которых было использование опыта борьбы уже против фашистов (например, лекции «Опыт партизанского движения в Советском Союзе», «Партизанская война против фашистских людоедов»²⁰). В Архиве РАН сохранились тексты выступлений и лекций, подготовительные материалы к ним.

К военным годам относится сохранившееся удостоверение, согласно которому И.И. Минц являлся бойцом команды Противовоздушной обороны. Принимал активное участие в тушении зажигалок и дежурил на крыше во время фашистских налетов²¹.

Только в 1943 г. он четырежды выезжал на фронт, выступил более 100 раз перед самой разной аудиторией – солдатами, офицерами, рабочими, учеными, перед тысячами слушателей радио²². У И.И. Минца сохранилось много рабочих материалов для статей, книг, лекций. Публичные лекции вызывали живейший отклик, слушатели передавали ему записки с вопросами о том, как, например, связаться с партизанами²³. Ил. 4.

В ноябре 1941 г. была образована Комиссия по истории Великой Отечественной войны, вскоре ставшая госорганизацией в системе АН СССР И.И. Минц сначала стал заместителем возглавившего ее Г.Ф. Александрова²⁴, с лета 1945 г. – ее председателем²⁵. Ил. 5. При работе Комиссии активно использовался опыт редакции «Истории Гражданской войны».

«Будущие поколения несомненно спросят у нас, потребуют ответа от нас, – чем объяснить, что ни одно государство не выдержало удара бронированной армии фашистов, а Советский Союз выдержал, не сдался, побеждает и несомненно окончательно победит гитлеровскую армию <...> Чтобы ответить на этот вопрос, необ-

ходимо собрать документы, и собирать их нужно теперь же <...> Документы истории Отечественной войны помогут нашим героям, нашей героической Красной Армии выполнить свое дело, помогут осознать ту величественную задачу, которая возложена на плечи нашей армии историей», – так в 1942 г. определял роль Комиссии И.И. Минц²⁶.

На документах Комиссии, сохранившихся в фонде И.И. Минца, необходимо остановиться особо. Воспоминания, интервью, фольклор, письма; статистические данные; материалы о боевых действиях, партизанах, пропаганде, организации народного ополчения в Москве и труде советских людей в тылу; фотографии Ил. 6.; трофейные документы оккупантов, – все эти подлинные источники были собраны за время работы и заполнили несколько десятков ящиков. После Победы они были разобраны и систематизированы. В итоге получилось 16 тысяч архивных дел, в том числе более 33 тысяч фотографий. Комиссия продолжила работу при Институте истории АН СССР. До сих пор ни один серьезный исследователь не может создать научного труда по истории войны, не изучив эти архивы.

В годы войны собирание этих документов было живым процессом: поездки в действующую армию, вылазки на оккупированную территорию, командировки на эвакуированные оборонные предприятия, совещания в Москве, работа в институте, дома, – везде, где представлялась возможность. Именно поэтому отдельные документы отложились в домашних архивах сотрудников. В фонде И.И. Минца сохранился ряд документов, не только повторяющих, но и дополняющих материалы Комиссии. Среди них, например, имеются официальные и организационные бумаги: это планы работ, планы публикаций, докладные записки, отчеты о деятельности Комиссии, штатное расписание научно-библиографического отдела Комиссии, созданного в 1943 г. для анализа всех выходящих книг и периодики на тему войны. Так, например, в докладной записке в ЦК ВКП(б) 1945 г. И.И. Минц, отчитываясь о проделанной Комиссией работе, говорил о необходимости ее реорганизации и дальнейшем расширении работы по собиранию материала²⁷.

Работой Комиссии по истории Великой Отечественной войны руководило Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). Одним из распоряжений было сохранять рукописи фронтовиков, не опубликованные в прессе по причине малограмотности или отсутствия литературного таланта у их авторов²⁸.

Более того, работу Комиссии контролировали также органы НКВД и Главное архивное управление, строго корректировавшие ее деятельность. И.И. Минц сохранил в личном архиве указания И.В. Сталина 1942 г., как правильно следует показывать в печати и выступлениях роль союзников в войне, условия, необходимые для победы над гитлеровской Германией, и т.д.

Большую группу документов составляет как организационная (проект циркулярного письма в обкомы партии за сентябрь 1943 г., письма о написании статей в рамках работы Комиссии и др.), так и личная переписка И.И. Минца с сотрудниками Комиссии, такими как Б.Г. Верховен, П.Ф. Иванов, С.И. Кляцкин, З.Н. Печенкова. Личная переписка показывает практическую работу членов комиссии по собиранию устных рассказов очевидцев, воспоминаний, записок и дневников. В основном сотрудников встречали радушно, в подробностях рассказывали об интересовавших событиях, пользуясь возможностью и оставить о себе память (или о своем подвиге, особенно если он не был отмечен командованием), и иногда восстановить справедливость, если, например, журналисты искажали события. Однако встречались и нечистые на руку лица, желавшие заработать на этих рассказах.

Письма создают красочную живую картину рабочей повседневности, одновременно сообщая об обстановке на фронте, о том, как встречали членов Комиссии командиры, политработники и рядовые солдаты, об их настроении и отношении. Одно из таких писем публикуется как приложение к настоящей статье (см. Приложение 1).

Еще одна группа документов – это рабочие материалы, представленные, прежде всего стенограммами бесед с участниками войны и выписками из газет. Большая часть этих документов относится к партизанскому движению и, помимо непосредственно боевых

действий, освещает его различные аспекты: борьба с предателями, политмассовая работа, дети в отрядах, женщины-разведчицы, зверства, быт, связь с Красной армией.

Комиссия вела точный учет собранных в боевых частях, у жителей оккупированных территорий и членов партизанских отрядов подлинных документов, текстов интервью и бесед, мемуарных и дневниковых записей, статей и очерков. Статистические данные сохранились в фонде руководителя Комиссии И.И. Минца²⁹.

За научно-исследовательскую работу в годы Великой Отечественной войны И.И. Минц не раз получал государственные награды (орден Отечественной войны, медали «За оборону Москвы», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»), благодарственные письма и грамоты. Стоит отметить, что И.И. Минц, получив в 1943 г. Сталинскую премию (за 2-й том «Истории Гражданской войны»), перечислил ее в пользу развития бронетанковых войск СССР. Ил. 7.

Возвращаясь к общему рассмотрению архивного наследия И.И. Минца, необходимо отметить, что изучаемые им вопросы полностью соответствовали запросам времени и идеологической линии партии, что вместе с неоспоримым писательским талантом приводило к практически стопроцентному принятию его работ к печати – в фонде среди множества трудов почти нет неизданных рукописей. По этой же причине он был приглашен в коллектив авторов учебника по истории КПСС под редакцией Б.Н. Пономарева³⁰; об этой работе свидетельствуют подготовительные материалы, замечания И.И. Минца, Е. Бугаева и др. лиц, переписка, доклад Минца, план работы, письма и другие документы³¹.

Активный участник конференций и симпозиумов, как союзных, так и зарубежных, он сохранил переписку с учеными об участии в конференциях, публикации совместных научных трудов, командировках и других вопросах, пригласительные билеты, даже авиабилеты из США, множество фотографий, отчеты и докладные записки, списки участников, тексты выступлений, замечания и фрагменты переписки с участниками во время заседаний³².

Интересны документы, касающиеся чтения лекции за границей (например, в США курс лекций в Корнельском университете по советской истории, отдельные лекции и консультации в Колумбийском, Стэнфордском,

Пенсильванском университетах, Гарварде, а также студенческих общежитиях) для изучавших историю СССР, – это преимущественно различные отчеты и замечания³³.

Будучи организатором науки, академик участвовал в деятельности различных научных комиссий: в составе научно-методического совета для руководства подготовкой Научных кадров через аспирантуру и докторантуру, экспертной комиссии Президиума АН СССР для рассмотрения записок по разработке ведущих проблем в области общественных наук, комиссии по подготовке издания трудов Н.А. Морозова³⁴, Экспертной комиссии по премиям Президиума АН СССР, Ученого совета Института истории АН СССР (1949–1960), комитета по Сталинским премиям, комиссии по выборам в Академию наук СССР, Научного совета АН СССР по истории общественной мысли, советской части проблемной комиссии многостороннего сотрудничества академий наук социалистических стран «История Великой Октябрьской социалистической революции» и др. Об этом свидетельствуют постановления, выписки из протоколов и т.п. Однако Минц был организатором не только научной деятельности Академии наук, но и участвовал в социально-хозяйственной жизни АН СССР. Сохранились выписки из постановлений о его включении в состав различных комиссии: комиссии для организации лечебного питания для академиков и членов-корреспондентов, комиссии по подготовке предложений по экономии средств, комиссии по подготовке постановления о мерах по улучшению лечебно-медицинского обслуживания ученых и научных сотрудников, комиссии содействия медицинскому и санаторно-курортному обслуживанию и др.

Стоит отметить, что в фонде отложилось большое количество фотографий и множество адресов, присланных историку в связи с его юбилеями. Простой подсчет их количества позволяет оценить степень его влияния в различные годы³⁵.

Как известно, И.И. Минцу приписывают фразу: «Да, мои взгляды колебались, но в соответствии с колебаниями генеральной линии партии». И все же несмотря на то, что на протяжении долгой подстраивался под требования времени в освещении различных вопросов, он тоже не избежал проработок, хотя и с достаточно мягкими последствиями.

В нескольких листах по учету кадров есть отметки о партивзысканиях в виде выговора с формулировкой «За притупление партийной бдительности» в 1937 г., но они вычеркнуты³⁶. Кроме того, в анкете за 1955 г. для предполагаемой поездки в Китай есть отметка взысканиях: «В 1931 г. – за участие в работе над историей под редакцией Е. Ярославского³⁷ – выговор, был снят Киевским райкомом в 1932 г. В 1937 г. – за допущение в состав авторов Истории Гражданской войны врагов народа – выговор, снят в том же году райкомом»³⁸. Как известно, из 19 составителей первого тома были расстреляны 13 человек: Я. Гамарник³⁹ (застрелился), К. Радек⁴⁰, Р. Эйдеман⁴¹, Я. Берман⁴², С. Диманштейн⁴³, Н. Крыленко⁴⁴ и др.

Если обратить внимание на сохранившиеся в архиве портреты И.И. Минца за 1938 г. и 1942 г., становится ясно, что и для него эти годы не прошли бесследно⁴⁵. Так, например, сохранился черновик письма И.И. Минца от 07.05.1937 г., адресованного Сталину, Молотову, Ворошилову и позже вычеркнутому Гамарнику, где он говорит о том, что уже около года «приходится работать в крайне трудных, незаслуженных условиях», о травле в свой адрес «в связи с мнимой связью с Авербахом»⁴⁶ и распространяемых слухах, что Минц – «бывший троцкист»⁴⁷.

Во время борьбы с космополитизмом он был обвинен А.Л. Сидоровым⁴⁸ в принижении исторического значения Октябрьской революции, недостаточном внимании к работам Ленина и Сталина, разложении молодежи, и, вполне в соответствии с духом антисемитизма, в еврейском протекционизме. Имеется подборка отзывов сотрудников «Истории гражданской войны» об антипатриотической деятельности И.И. Минца и его группы и «космополитической отраве» его работ, даже оправдании империалистов

США: «<...> космополит Минц выполнил гнусную роль – защитника <...> американского империализма» (отзыв Б. Верховеня)⁴⁹.

Однако в целом последствия для И.И. Минца оказались не слишком серьезными, и вскоре начинается восстановление его научной карьеры. В 1954 г. И.И. Минц становится старшим сотрудником Института истории АН СССР⁵⁰, с 1962 г. – председателем Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской революции», созданным по его же инициативе⁵¹. Бюро Научного совета объединило специалистов из Москвы, Ленинграда и других городов; также были образованы филиалы и секции в национальных республиках и некоторых крупных городах Союза. Несомненно, это было возвращение И.И. Минца на место одного из патриархов советской исторической науки.

Изучение архива И.И. Минца позволит не только уточнить спорные факты его биографии, в силу одиозности его личности, противоречивой и обросшей огромным количеством слухов и анекдотов (зачастую с подачи самого Минца), но и даст возможность исследователям на основе источников сделать заключение о вкладе его трудов в историческую науку советского периода, и, в частности, о его деятельности как руководителя Комиссии по истории Великой Отечественной войны.

Приложение 1

Письмо члена Комиссии по истории Великой Отечественной войны З.Г. Фазина председателю И.И. Минцу, написанное из Крыма во время сбора документов и свидетельств, вскоре после его освобождения от фашистских войск. Текст приводится с сохранением стилистических особенностей, по современным правилам орфографии и пунктуации. Сокращения раскрыты в квадратных скобках.

Дорогой тов[арищ] Минц!

Завтра отбывают в Москву, до дому, до хаты, Белецкий, Трусова и Шамшина. Они расскажут Вам о нашей работе в Крыму, о нашем житье-бытье, обо всем, что мы здесь видели, записали и собрали. С моей точки зрения, это была интереснейшая поездка. По приезде добавлю к рассказу товарищей свои впечатления и расскажу более подробно о своей части работы. Пока хотел бы вкратце сказать об этом, хотя бы два-три слова.

Две задачи стояли передо мной: во-первых, поработать в армиях Крейзера⁵² и Захарова⁵³, заверить там Мелитопольские стенограммы Генкиной и Грицевской и продолжить их работу по Крыму; во-вторых – Севастополь. Белецкий и Трусова занялись партизанским и подпольным движением Крыма и, естественно, не могли мне помочь – у них от своих тем разбежались глаза, и они с увлечением погрузились в них по уши. Тотчас по приезде в Симферополь я начал розыски штаба фронта, узнал адрес деревушки, где он помещался, вышел на дорогу, проголосовал и добрался попутными машинами до штаба. Из разговоров с начальством выяснилась такая картина: армии уже снимаются с места и отбывают на другие фронты. Многие дивизии уже ушли, другие – на колесах. Мне сказали – прежде всего отправляйтесь к Крейзеру. Поработайте там, а затем возьмитесь за Захарова, который должен уйти позже Крейзера.

Дело военное. Я не стал рассуждать. К великому неудовольствию Трусовой и Белецкого, которым обком пообещал дать местную стенографистку, я взял Анастасию Ивановну и помчал к Крейзеру (в Москве с т[оварищами] Разгоном и Сидоровым так и было договорено – в первую очередь работа в армии, так как она уходит из Крыма). Крейзер принял нас очень радушно. Из первого же разговора с ним я понял, что он немного ущемлен и недоволен тем, что наибольшие лавры за Крымскую компанию достались не 51 армии, на которую выпала самая трудная задача, а Захарову. На Комиссию нашу Крейзер посмотрел поэтому, как на богом послан-

ное ему утешение. Это, мол, история, она объективна, а не то, что, мол, корреспонденты-газетчики, которым Захаров так ловко умеет показать «товар лицом». Всю душу раскрыл, – жаль, не было при этом стенографистки (я пришел на три минуты условиться о беседе, а вышло, как часто бывает, так что всюю разговорились). Несколько раз я хватался за тетрадку свою, – он говорил:

– Нет, этого не пиши!..

Все-таки придя домой, я кое-что записал из этой любопытной беседы.

Что сделано по армии Крейзера?

Записаны:

1. Крейзер – трехчасовая беседа. Он рассказал всю эпопею о форсировании Сивашей, прорыва на Джанкой и штурма Сапун-горы, решившего участь Севастополя.

2. Нач[альник] артиллерии армии генерал Телегин⁵⁴ (прорыв на Сиваше и Сапун-гора).

3. Нач[альник] инженерных войск генерал Баженов⁵⁵ – Сиваш и знаменитые переправы.

4. Нач[альник] разведки армии полковник Зайцев⁵⁶. Он, кстати, дал для Комиссии ряд ценных документов, захваченных на Херсонесе у противника. Тут неопубликованные приказы Альмендингера⁵⁷, протоколы допроса пленных офицеров и рядовых, материалы разведки противника и т.д.

5. Нач[альник] оперативного отдела штаба армии – полк[овник] Титов – весь путь 51-й армии от оставления до освобождения Крыма («От моря до моря»).

6. К[омандир] саперной штурмовой бригады полк[овник] Павлов⁵⁸ (Сиваш, Сапун-гора, штурмовые группы). Кстати, Павлову почему-то не понравилась его мелитопольская стенограмма, по моему, очень хорошая. Он ее подписал с нелепой оговоркой: «В таком виде печатать не годится». Тщетно я убеждал его, что это все не для печати.

Не ограничиваясь беседами с этими шестью высокими начальниками, мы направились в 10-й корпус Неверова и в две диви-

зии 51-й армии, где поработали несколько дней, записывая генералов и простых смертных, иногда проводя беседы уже на станциях, у эшелона, уже готового покинуть Крым. За одним бойцом, переходившим 50 раз вброд через Сиваш, мы с Анастасией Ивановной гнались до Бахчисарая – и все-таки нашли его в пути и записали!

Пока мы трудились в армии Крейзера, произошли неожиданные изменения в порядке выхода армий из Крыма. Захаров ушел. Кроме того, не мог же я на все время занять Анастасию Ивановну – этим я сорвал бы работу товарищей. Они ныли, были, плакались, даже сердились. Пришлось на этом волей-неволей кончить с армиями, хоть кое-какие штабы и части еще и можно было бы захватить. Придется искать их на новом месте. Сделано, в сущности, только самое начало, и то лишь по одной армии, только то, что можно было успеть в создавшейся обстановке. Крейзер гостеприимно приглашал к себе на новое место. Но это уже дело хозяйское, как Вы посмотрите.

По Севастополю.

Это была для меня не новая тема, и здесь я сориентировался быстрее. Флота мы здесь не нашли, никакие корабли пока сюда не ходят (из-за мин); из морских частей здесь оказался только знаменитый батальон Героя Советского Союза Ботылева⁵⁹ – бывшие куниковцы⁶⁰ – герои Керчи, Новороссийска и Мысхако («Малая Земля»).

Записали в батальоне самого Ботылева, еще одного Героя Сов[етского] Союза из этого же бат[альо]на – Диброва⁶¹ и бойца-морняка, который первым водрузил в Севастополе военно-морской флаг⁶². Записали и некоторых других людей бат[альо]на.

Затем по моей просьбе пред[седатель] горсовета Ефремов⁶³ подобрал пять стариков-рабочих Севастопольского морзавода, которые дали интересный материал и по обороне Севастополя, и по периоду немецкой оккупации. Рассказы их бесхитростны, но любопытны.

Записали, кроме того, самого Ефремова и первого секретаря горкома Лесика.

Это – все, что удалось сделать за пять дней в Севастополе. Людей там сейчас еще мало, войска все ушли, и город остался наедине со своей славой, со своими развалинами. Но оживает он с каждым днем, и думается, что в ближайшее время туда потребуются новая поездка. По возвращении я доложу Вам подробно о работе подпольной севастопольской группы – материала тов[арищ] Лесик пока не дал ввиду особых причин, но обещал мне, что этот материал он обязательно представит Комиссии.

Кроме того, от руки мною сделан еще ряд записей – генерал Гладков⁶⁴ – Герой Сов[етского] Союза, местные симферопольские жители и т.д. По счастливой случайности мне удалось достать подшивку выходившей в Крыму при немцах пасквильной газетки «Голос Крыма»⁶⁵ и другие немецкие материалы и документы. Достал и две подшивки дивизионных газет за период боев за Крым и Севастополь. Во всех этих материалах разберусь и наведу порядок по возвращении в Москву.

Вот почти все, дорогой Исаак Израилевич. Писал бы и писал, да всего в письме не перескажешь. Хотел два-три слова, а получилось экое письмище!

Я был рад услышать Ваш голос по телефону, и хоть после всех мытарств и автомобильных гонок по дорогам Крыма в дождь, в грязь и в жару был в душе настроен вернуться вместе со всеми домой с тем, конечно, чтобы спустя пару недель поехать в Одессу, но понял, что Вы правы и спешу выполнить Ваше приказание. Одесса, так Одесса! Отвечу как моряк: «Есть, товарищ Минц!»

Крепко жму Вашу руку.

Горячий привет всему коллективу.

З. Фазин.

АРАН. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 998. Л. 1–5. Автограф.

Примечания

1. Архив РАН (АРАН). Ф. 2019. Оп. 1. Д. 567. Л. 2.
2. Там же. Л. 4.
3. АРАН.Ф. 2019. Оп. 1. Д. 732. Л. 1, 2.
4. Там же. Д. 472.
5. Там же. Д. 591, 600, 638 и др.
6. Примаков Виталий Маркович (псевдонимы: Ордынец, Лин, Генри Ален; 1897–1937) – советский военачальник, комкор (1935). Член КПСС с 1914 г., член ВЦИК и ЦИК СССР. Член Военного совета при наркомате обороны СССР. Награжден тремя орденами Красного Знамени (1919, 1921, 1929). Арестован в 1936 г., расстрелян в 1937 г. по обвинению в участии в военном заговоре. Определением Военной коллегии в 1957 г. реабилитирован.
7. Бубнов Андрей Сергеевич (парт. псевд. – Химик, Яков; лит. псевд. – А. Готов, С. Яглов, А. Б. и др.; 1884–1938) – советский государственный и партийный деятель, историк-публицист. Один из первых авторов очерков по истории партии («Основные моменты в развитии коммунистической партии в России» (1921) и «Основные вопросы истории РКП» (4 издания 1924–1926)). Расстрелян, в 1956 г. реабилитирован и восстановлен в партии.
8. АРАН. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 602. Л. 11.
9. Волгин Вячеслав Петрович (1879–1962) – советский историк и общественный деятель, специалист по истории социалистических идей. Академик (1930). Был редактором ряда научных периодических изданий и коллективных исторических трудов, председателем группы по изучению истории Франции при Институте истории АН СССР. Лауреат Ленинской премии (1961).
10. Покровский Михаил Николаевич (1868–1932) – член большевистской партии с 1905 г., видный советский государственный и общественный деятель, историк. Принимал активное участие в революции 1905–1907 гг., был членом Московского комитета партии. С 1918 г. – заместитель наркома просвещения РСФСР. В 1923–1927 гг. активно участвовал в борьбе с троцкизмом. В различные годы руководил Коммунистической академией, Институтом истории АН СССР, Институтом красной профессуры. Академик (1929). Организатор марксистской исторической науки, создатель т. н. «школы Покровского».
11. Лукин Николай Михайлович (1885–1940) – историк, специалист в области новой истории Западной Европы, империализма, рабочего дви-

- жения. Профессор (1925). Директор Института истории АН СССР (1936–1938). Академик (1929).
12. Преображенский Петр Федорович (1894–1941) – этнолог, историк религии. Профессор Нижегородского университета (1921–1923), член РАНИОН (1922–1929), сотрудник Главпрофобра Наркомпроса, редактор Большой Советской Энциклопедии, сотрудник издательства Academia. С 1931 г. – ученый хранитель Центрального музея народо-ведения. Участвовал в международных конгрессах историков в Осло (1928), Варшаве (1933). Арестован в 1937 г., в 1941 г. расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.
 13. АРАН.Ф. 2019. Оп. 1. Д. 477.
 14. Там же. Д. 478. Л. 1.
 15. Там же. Д. 749, 768 и др.
 16. Там же. Д. 184, 303, 639, 740 и др.
 17. Там же. Д. 485. Л. 1.
 18. Потемкин Владимир Петрович (1874–1946) – дипломат, государственный деятель, историк, академик АН СССР (1943), действительный член Академии педагогических наук (1943), дважды лауреат Сталинской премии (1942, 1946). Автор ряда научных работ, посвященных вопросам истории международных отношений, педагогики, истории Франции, Парижской коммуны.
 19. АРАН.Ф. 2019. Оп. 1. Д. 26, 29, 37, 42.
 20. Там же. Д. 32, 43, 442 и др.
 21. Там же. Д. 492. Л. 1.
 22. Там же. Д. 406.
 23. Там же. Д. 32, 34, 406 и др.
 24. Александров Георгий Федорович (1908–1961) – философ (специалист по истории западной философии), партийный функционер. В течение многих лет был главным сталинским идеологом. Академик АН СССР (1946).
 25. АРАН. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 762. Л. 21.
 26. Там же. Д. 38. Л. 2, 22–23.
 27. Там же. Д. 765. Л. 4–8.
 28. Там же. Д. 411. Л. 1–6, 14, 47–86; Д. 763. Л. 1–5.
 29. Там же. Д. 442. Л. 187–193, 281–307.
 30. Пономарев Борис Николаевич (1905–1995) – партийный деятель, секретарь ЦК КПСС (1961–1986) академик АН СССР (1962), Герой Социалистического Труда (1975).
 31. АРАН. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 787.
 32. Там же. Д. 531, 647, 716, 721, 722, 784 и др.

33. Там же. Д. 569, 656, 657, 790, 792, 876 и др.
34. Морозов Николай Александрович (1854–1946) – химик, астроном, историк культуры, писатель, деятель русского революционного движения, почетный член АН (1932).
35. АРАН. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 576–584.
36. Там же. Д. 489. Л. 2 об.
37. Ярославский Емельян Михайлович (Губельман Миней Израилевич) (1878–1943) – партийный деятель, академик АН СССР (1939), лауреат Сталинской премии (1943). Член ЦИК и ВЦИК СССР. Один из главных идеологов и адвокатов сталинизма.
38. АРАН. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 523. Л. 1об.
39. Гамарник Ян Борисович (партийная кличка – товарищ Ян; 1894–1937) – советский военачальник, государственный и партийный деятель, армейский комиссар 1-го ранга. Член партии с 1916 г., член ЦК с 1927 г. (кандидат с 1925 г.), член Оргбюро ЦК с 17.11.1929 г. Застрелился накануне возможного ареста по «делу Тухачевского». Реабилитирован КПК при ЦК КПСС в партийном отношении 7 октября 1955 г.
40. Радек Карл Бернгардович (наст. имя – Кароль Собельсон) (1885–1939) – советский политический деятель, участник международного социал-демократического и коммунистического движения, журналист, революционер. В 1919–1924 гг. член ЦК РКП; в 1920–1924 гг. – член Исполкома Коминтерна, сотрудник газет «Правда» и «Известия». По официальной версии, К. Радек был убит в Верхнеуральском политизоляторе другими заключенными в 1939 г. В 1988 г. К. Радек посмертно реабилитирован и восстановлен в КПСС.
41. Эйдеман (наст. фамилия – Эйдеманис) Роберт Петрович (1895–1937) – военный деятель, комкор (1935). Председатель Осоавиахима. Член КПСС с 1917. Арестован в июне 1937 г., проходил по процессу военачальников в июне 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован в 1957 г.
42. Берман Яков Леонтьевич (1888–1937) – юрист, специалист по государственному праву и уголовному процессу; вступил в РСДРП в 1905 г., меньшевик-оборонец; декан факультета советского строительства и права МГУ (1930–1931); начальник Военно-политической академии имени Н. Г. Толмачева (1926–1928); заместитель председателя Верховного Суда РСФСР в период с 1933 по 1936 гг. Расстрелян в сентябре 1937 г. по обвинению в «террористической и антисоветской деятельности», реабилитирован в ноябре 1956 г.
43. Диманштейн Семен (Шимен) Маркович (1886–1938) – российский революционер; советский партийный деятель. Член ВЦИК и ЦИК СССР. С 1929 г. и до конца 1931 г. зам. Секретаря Совета Националь-

- ностей при Президиуме ЦИК Союза ССР. В 1938 г. расстрелян, реабилитирован посмертно.
44. Крыленко Николай Васильевич (партийная кличка – Абрам; 1885–1938) – советский государственный и партийный деятель, Верховный главнокомандующий российской армии после Октябрьской революции 1917 года. Кандидат в члены ЦИК СССР I–IV созывов, член ЦКК ВКП(б) в 1927–1934 гг. С 1918 г. работал в органах советской юстиции – председателем Верховного революционного трибунала ВЦИК, заместителем наркома юстиции, прокурором Республики; с 1931 г. – нарком юстиции РСФСР, а с 1936 г. – нарком юстиции СССР. Один из организаторов массовых репрессий.
45. АРАН. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 635.
46. Авербах Леопольд Леонидович (1903–1937[?]) – советский литературный критик и активный комсомольский деятель, член Союза писателей СССР, главный редактор журнала «На литературном посту». В годы «большого террора» арестован по ложному обвинению и расстрелян.
47. АРАН. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 748.
48. Сидоров Аркадий Лаврович (1900–1966) – советский историк, доктор исторических наук, профессор, специалист по экономической истории России начала XX в. Один из инициаторов многотомных публикаций документов по истории российских монополий, революции 1905–1907 гг. и Октябрьской революции. Ответственный редактор 45–80 томов «Исторических записок» (1954–1966), член редакционных советов 2-го издания «Большой советской энциклопедии», «Советской исторической энциклопедии», многотомных «Всемирной истории» и «Истории СССР с древнейших времен до наших дней», «Очерков истории исторической науки в СССР», «Истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» (тт. 1–6), журнала «Исторический архив» (1955–1962) и др. Соавтор ряда вузовских учебников истории.
49. АРАН. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 601. Л. 22.
50. Там же. Д. 233, 504, 509, 759.
51. Там же. Д. 213, 778 и др.
52. Крейзер Яков Григорьевич (1905–1969) – генерал армии. С 1943 г. командовал 51-й армией, отличившейся при освобождении Донбасса, Крыма, Прибалтики. Первый генерал Великой Отечественной войны, получивший звезду Героя Советского Союза. Во время войны – член президиума Еврейского Антифашистского комитета.
53. Захаров Георгий Федорович (1897–1957) – генерал армии, участник Сталинградской битвы. С 1943 г. – командующий 2-й гвардейской ар-

- мией Южного фронта, во главе которой провел Донбасскую, Мелитопольскую, Крымскую наступательные операции.
54. Телегин Николай Иванович (1902–1974) – советский восначальник, генерал-лейтенант артиллерии, участник освобождения Крыма.
 55. Баженов Алексей Николаевич (1900–1945) – советский военный инженер, генерал-майор инженерных войск.
 56. Зайцев Михаил Фомич (1909–?) – военный разведчик, полковник, под его руководством было обеспечено проведение Крымской операции.
 57. Альмендингер Карл (Karl Allmendinger; 1891–1965) – немецкий офицер, участник Первой и Второй мировых войн, генерал пехоты, участник военных действий в Крыму.
 58. Павлов Петр Георгиевич (вне СССР – Панчевский Петр Павлов) (1902–1982) – болгарский и советский военачальник и государственный деятель, Министр обороны Народной Республики Болгария, генерал-майор, командир 12-й штурмовой инженерно-саперной бригады.
 59. Ботылёв (Ботылев) Василий Андреевич (1920–1970) – капитан 3-го ранга, Герой Советского Союза.
 60. Куниковцы – штурмовой отряд майора Ц.Л. Куникова, захвативший плацдарм «Малая Земля» в ходе операции по освобождению Крыма.
 61. Дибров Филипп Давыдович (1915–1996) – полковник Советской Армии, Герой Советского Союза. Отличился во время освобождения Крыма, одним из первых высадившись на побережье Крымского полуострова и захватив немецкий плацдарм.
 62. 10 мая на вышке водной станции взвился в небо военно-морской флаг, который водрузили моряки А. Ефремов и Г. Пивоваров.
 63. Ефремов Василий Петрович (1906–1965) – председатель горисполкома Севастополя в 1938–1946 гг., один из руководителей обороны Севастополя 1941–1942 гг., во время которой был заместителем председателя Городского Комитета обороны и начальником местной противовоздушной обороны (МПВО).
 64. Гладков Василий Федорович (1898–1981) – генерал-майор, участник Великой Отечественной войны. Особо отличился в ходе Керченско-Эльтигенской десантной операции (ноябрь–декабрь 1943 г.)
 65. «Голос Крыма» – профашистская газета, издававшаяся на русском языке в период оккупации Крыма в 1941–1944 гг., орган Симферопольского городского управления.

Ил. 1. Исаак Израилевич Минц. 1970-е гг.
АРАН. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 635. Л. 8.

Ил. 2. И.И. Минц, Н. Подвойская, М. Ярославская, В. Свердлова, Л. Шверник, И. Луначарская, М. Каганович в Музее Революции на открытии выставки «Ленинской гвардии бойцы». 20 марта 1987 г.
АРАН. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 732. Л. 1.

Ил. 3. И.И. Минц (сидит в центре) в годы Гражданской войны.
АРАН. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 638. Л. 10.

213

Уважаемый глав. корреспондент
Академии Наук СССР!

Прошу ответить на следующие
вопросы:

- 1) Можно ли посылать
письма отсюда в
партизанские отряды?
- 2) Есть ли радиопередача для
партизан?

Константин Малый

Ил. 4. Записка одного из слушателей выступления И.И. Минца по поводу связи с партизанами. АРАН. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 442. Л. 234.

Ил. 5. Выписка из протокола заседания Президиума Академии наук СССР

24

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 8
распорядительного заседания Президиума Академии Наук СССР
от 26 июля 1945 г., § 13

« 5 » VII 1945 г.

13. Ходатайство профессора Г.Ф.Александрова об освобождении его от руководства Комиссией по составлению хроники Великой Отечественной войны
докладчик - академик Н.Г.Бруевич.

1. Удовлетворить просьбу профессора Г.Ф.Александрова об освобождении его от руководства Комиссией по составлению хроники Великой Отечественной войны и выразить профессору Г.Ф.Александрову благодарность за проведенную им работу.

2. Исполнение обязанностей председателя Комиссии возложить на члена-корреспондента АН СССР И.И.Минца.

д.п. Вице-президент Академии Наук СССР
академик - Д.А.Орбели
Академик-секретарь Академии Наук СССР
академик - Н.Г.Бруевич

Ил. 5. Выписка из протокола заседания Президиума Академии наук
о назначении И.И. Минца председателем Комиссии по истории
Великой Отечественной войны.

АРАН. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 762. Л. 21.

Ил. 6. Фотография расстрела партизан фашистами из собрания
Комиссии по истории Великой Отечественной войны.
АРАН. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 411. Л. 24.

Товарищам Г.АЛЕКСАНДРОВУ, Ем.ЯРОСЛАВСКОМУ, И.МИНЦ,
П.ПОСПЕЛОВУ, М.МИТИНУ, Б.БЫХОВСКОМУ,
Э.ГЕНКИНОЙ, В.АСМУС, И.РАЗГОН, Е.ГОРОДЕЦ-
КОМУ, П.ЮДИНУ, О.ТРАХТЕНБЕРГУ, М.ДЫННИК,
М.ГРИГОРЬЯН, Л.ТОВСТУХЕ.

Благодарю вас, товарищи Александров, Ярослав-
ский, Минц, Поспелов, Митин, Быховский, Генкина,
Асмус, Разгон, Городецкий, Юдин, Трахтенберг, Дын-
ник, Григорьян, Товстуха за вашу заботу о бронетан-
ковых силах Красной Армии.

Примите мой привет и благодарность Красной
Армии.

И. Сталин

Ил. 7. Благодарственное письмо И.В. Сталина И.И. Минцу и др.
за перевод денег на строительство танков для Красной Армии.

АРАН. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 491. Л. 1.

**Наука в Историко-архивном институте
в годы Великой Отечественной войны**

N.A. Komochev

**Scientific studies at the Historical and archival Institute
during the Great Patriotic war**

Аннотация. Статья посвящена роли Историко-архивного института в научной жизни страны военного времени. Рассматриваются исследовательские и учебные издания института, подготовленные в годы Великой Отечественной войны. Проведенный обзор свидетельствует о подъеме науки в институте, аккумулировавшем лучших специалистов в области исторической науки, источниковедения, вспомогательных исторических дисциплин, архивоведения.

Ключевые слова: Историко-архивный институт, источниковедение, вспомогательные исторические дисциплины, советская историография, история высшего образования.

Abstract. The article is devoted to the role of the Historical and archival Institute in the scientific life of the wartime. The research publications of the Institute prepared during the Great Patriotic war are considered. The review shows the rise of science in the Institute, which has accumulated the best specialists in the field of historical science, source studies, auxiliary historical disciplines, archival science.

Keywords: Historical and archival Institute, source studies, auxiliary historical disciplines, historiography, history of higher education.

В годы Великой Отечественной войны Историко-архивный институт не был эвакуирован и продолжал работу. Занятия шли своим чередом, издавались учебные пособия, защищались диссертации. Преподаватели и студенты стали свидетелями вражеских налетов на Москву.

При бомбежках довольно сильно пострадал район улицы 25-го Октября (нынешняя Никольская улица). Только в начале августа 1941 г. на крышу института было сброшено порядка 20 зажигательных бомб, которые тушили и перебрасывали во двор¹. Были разрушены здания, расположенные на углу проезда Куйбышева (Богоявленский переулок), на них упал немецкий бомбардировщик (уже после войны на этом месте возник сквер²), пострадала часть верхнего этажа в здании напротив института. Падавшие на здание бомбы тушились силами Противовоздушной обороны, размещавшимися на верхних этажах, и стараниями студентов, дежуривших на крышах³. По устным воспоминаниям, слышанным автором настоящей статьи, в центр институтского двора однажды упала даже бомба-пустышка, изготовленная немецкими антифашистами, с текстом внутри: «Kameraden! Wir sind zusammen!».

В середине октября 1941 г., когда над Москвой нависла угроза захвата и в городе началась паника, тогдашний директор института бежал вместе с институтской кассой, распространялись слухи о ликвидации, почти все преподаватели и студенты разъехались. Но благодаря выдержке профессора П.П. Смирнова⁴, принявшего на себя руководство, обстановка выправилась, и работа института восстановилась. Заместителями П.П. Смирнова стали аспирантка И.И. Корнева, впоследствии много лет работавшая в институте на кафедре археографии, и заведующая отделом кадров К.З. Кузнецова. О ситуации тех недель говорится в воспоминаниях П.П. Смирнова, опубликованных Т.И. Хорхординой⁵. В институт стали возвращаться студенты и профессора, учебный процесс возобновился. Организацию всей работы пришлось поднимать заново, потому что материалы канцелярии и учебной части были уничтожены.

В мае 1942 г. директором института был назначен П.Б. Жибарев, которого в 1944 г. сменил на этом посту Д.С. Бабурин (занимал эту должность до 1947 г.). В период директорства П.П. Смирнова, П.Б. Жибарева и Д.С. Бабурина наука в институте переживала свой расцвет, несмотря на трудности военного и послевоенного времени. Момент снятия Д.С. Бабурина с поста директора открыл в 1948 г. новую страницу в истории института⁶. Вот почему пери-

од 1941–1947 гг. в развитии Историко-архивного института можно рассматривать как самостоятельный этап. Это подтверждают изменения статуса, поскольку в 1947 г. институт был передан из системы Министерства внутренних дел в подчинение Министерству высшего образования и получил название Московского государственного историко-архивного института⁷.

В годы войны происходили вынужденные изменения при организации учебных занятий. В 1941–1942 гг. срок обучения студентов в институте был сокращен с 4 до 2,5 лет, в соответствии с этим перестраивался учебный план. Но уже с начала 1942–1943 учебного года удалось вернуться к четырехлетнему обучению (пятилетний срок обучения ввели в 1949–1950 учебном году). В 1942 г. институт закончили более 50 выпускников, в последующие годы эти цифры увеличивались. И это при том, что еще в 1941 г. более 50 студентов и преподавателей ушли добровольцами в народное ополчение. Кроме того, многие были призваны на фронт, участвовали в строительстве оборонительных сооружений, работали в госпиталях, на строительстве третьей очереди метро и были заняты на других видах работ⁸.

Институтская библиотека в годы войны действовала и обслуживала читателей, среди которых были не только студенты и преподаватели, но и записавшиеся в нее со стороны. На июль 1945 г. в библиотеке было 99 276 книг, 26 433 брошюр, около 11–15 тыс. не инвентаризованных изданий, 750 читателей. За 1944–1945 гг. было отмечено 42 422 посещения библиотеки и 44 979 выдачи книг⁹.

Как рассказывал автору статьи В.А. Черных¹⁰, студент института в 1944–1948 гг., внутренняя планировка здания до сентября 1947 г., когда в связи с 800-летием Москвы был затеян большой ремонт, несколько отличалась от современной. Главный вход осуществлялся со стороны улицы 25 Октября (Никольской) через правую дверь, и входивший сразу попадал к лестнице на второй этаж. Нынешней 6-й аудитории (актового зала) тогда не существовало, пространство было перегорожено с двух сторон, так что проходящий по центру узкий и темный коридор завершался окошком выдачи библиотеки, в комнатах окнами на Никольскую располага-

лись отдел кадров и бухгалтерия, а в помещениях окнами во двор было две аудитории. К сентябрю 1947 г. перегородки снесли и образовалась 6-я аудитория, без которой сейчас сложно себе представить институт¹¹. Ил. 1.

Институт в условиях военного времени многим предоставлял возможность жилья. Профессора и студенты жили в помещениях института, помимо этого, были еще два небольших общежития – на Бережковской набережной и Большой Андроньевской улице. В Москве было достаточно голодно и, по воспоминаниям замдиректора института К.З. Кузнецовой, для поддержки сотрудников в 1942 г. под Волоколамском было выделено подсобное хозяйство, дававшее небольшой урожай¹².

Поскольку Историко-архивный институт в годы войны оставался одним из немногих работающих в Москве учебных заведений, к преподаванию привлекались профессора из числа эвакуированных или временно оставшихся незанятыми. Среди работавших непродолжительное время в институте были востоковеды А.А. Губер и И.М. Рейснер, источниковед и археограф С.Н. Валк, литературовед и текстолог Н.Ф. Бельчиков, историк и музейный работник С.С. Дмитриев, историк И.И. Полосин, историк и библиограф П.А. Зайончковский, специалист по истории Дальнего Востока П.И. Кабанов, историк башкирского народа Р.М. Раимов, до 1941 г. в институте работал историк С.Б. Веселовский.

Во время войны, а также в послевоенные годы в институте работали такие выдающиеся историки и архивисты, как А.И. Андреев, С.С. Гадзяцкий, И.А. Голубцов, И.Ф. Колесников, В.К. Лукомский, В.В. Максаков, И.Л. Маяковский, В.К. Никольский, А.А. Новосельский, М.М. Себенцова, П.П. Смирнов, А.Н. Сперанский, Н.В. Устюгов, Л.В. Черепнин, В.К. Яцунский. Ил. 2.

Военное время стало началом педагогической карьеры Н.В. Бржостовской, Н.П. Ерошкина (с 1946 г.), А.А. Зимина (с 1947 г.), Е.И. Каменцевой, Е.А. Луцкого (с 1947 г.), О.М. Медушевской, К.И. Рудельсон, П.Г. Софинова и др.

В рассматриваемый период были опубликованы учебные пособия И.Л. Маяковского «Очерки по истории архивного дела в

СССР» (Ч. 1, 1941), Н.В. Устюгова по хронологии, а также метрологии и денежному счету (2 ч., 1943), Л.В. Черепнина по метрологии (1944) и хронологии (1944), учебное пособие Н.С. Чаева и Л.В. Черепнина по русской палеографии (1946), пособие К.Г. Митяева «Теория и практика архивного дела» (1946) и др.¹³ Большое значение имели составленные доцентом института П.Г. Софиновым «Основные правила публикации документов ГАФ СССР» (1945).

В годы войны и первые послевоенные годы докторские диссертации защитили профессора института П.П. Смирнов «Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века» (1942), И.Л. Маяковский «Очерки по истории архивного дела в СССР» (1943), В.К. Никольский «Первобытная община» (1943), А.А. Новосельский «Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в.» (1946), Л.В. Черепнин «Русские феодальные архивы XIV–XV веков» (1947). Кандидатские диссертации защитили П.Г. Софинов «Сталин и Дзержинский на Восточном фронте» (1941), П.И. Кабанов «Дальневосточная республика (1920–1922 годы)» (1942, в 1948 г. – докторская диссертация «Амурский вопрос и его разрешение»), Л.В. Черепнин «Древнерусская церковная феодальная вотчина XIV–XVI вв.» (1942), А.Т. Николаева «Уставные таможенные грамоты Московского государства XVI–XVII вв.» (1946) и др.

Ценным источником, отражающим уровень науки, являются «Труды Историко-архивного института». В условиях ограниченных издательских возможностей публикация научных исследований была непростым делом, для любого ученого издание научной статьи становилось событием. Учебные пособия часто выходили на стеклографах, что сразу делало их библиографической редкостью. На этом фоне издание разнообразных по тематике многотиражных Трудов являлось большой заслугой института.

Первый том Трудов вышел еще в 1939 г. и представлял собой публикацию монографии выпускника аспирантуры Д.С. Бабурина «Очерки по истории Мануфактур-коллегии». Начиная со второго тома, Труды обретают свой привычный формат и с этого момен-

та представляют собой публикации статей преподавателей, сотрудников, в отдельных случаях – и студентов Историко-архивного института.

Второй и третий тома Трудов вышли в 1946 и 1947 гг. тиражом 3000 экземпляров, но готовились раньше и отражают результаты научных исследований военного времени, поэтому рассмотрим их в контексте обозначенного хронологического периода 1942–1947 гг.

Начиная со второго тома, сложилась традиция издавать Труды института по кафедрам. Том № 2 составлен из трудов кафедры вспомогательных исторических дисциплин. Под руководством А.Н. Сперанского, а затем А.И. Андреева это была одна из самых сильных кафедр в институте, указанный период является временем ее расцвета. После кончины в 1943 г. основателя кафедры профессора А.Н. Сперанского, автора ценных трудов по истории XVII–XVIII вв., в течение полугода обязанности заведующего кафедрой исполнял П.П. Смирнов.

В июне 1943 г. кафедре возглавил ленинградский историк, ученик А.С. Лаппо-Данилевского и А.Е. Преснякова – А.И. Андреев, находившийся на этом посту до 1949 г.¹⁴. Ил. 3. На кафедре тогда работали А.А. Новосельский (1943–1946), В.К. Лукомский (1942–1946), В.К. Яцунский (1944–1959), Л.В. Черепнин (1942–1949), И.Ф. Колесников (1945–1950), И.А. Голубцов (1946–1947) и др. В военные и первые послевоенные годы началась работа на кафедре Е.И. Каменцевой, О.М. Медушевской, А.Ц. Мерзона, И.А. Мироновой, А.А. Зимина, А.Т. Николаевой, М.Н. Черноморского, С.О. Шмидта, после возвращения с фронта в институт, но уже на кафедру истории СССР вернулся Н.В. Устюгов¹⁵. Ил. 4.

Второй том «Трудов Историко-архивного института» открывает работа Л.В. Черепнина о документах великокняжеского архива времени Ивана III¹⁶. Статья представляет собой основу докторской диссертации, защищенной в эти годы и двухтомника «Русские феодальные архивы XIV–XV вв.»¹⁷. Идея заключается в анализе роли документов великокняжеского архива в политической жизни своего времени и позднейших лет. Очевидно, что такая постановка

задачи, органично сочетающая в себе актовое источниковедение с историей архивов, тесно связана с тематикой работы Историко-архивного института. Статья свободна от идеологии, в ней нет ни одной ссылки на классиков марксизма-ленинизма. Значение данной работы впоследствии заслонило монографией, и она оказалась почти забыта, хотя ее можно отнести к числу лучших трудов историка.

Этюд В.К. Лукомского об истории герба Смоленска¹⁸ вышел уже посмертно. Он посвящен редкой для своего времени тематике, поскольку занятия геральдикой как «дворянской» дисциплиной были фактически невозможны. В.К. Лукомский оставался едва ли не единственным специалистом-практиком: до революции он работал управляющим Гербовым отделением Сената. Эвакуированный из блокадного Ленинграда, В.К. Лукомский в 1942 г. поступил на работу в Историко-архивный институт. Рассматриваемая статья принадлежит к числу последних его работ. Она построена как ответ на давнюю заметку С.Н. Тройницкого, написанную в 1921 г., в бытность его директором Государственного Эрмитажа¹⁹. Статья В.К. Лукомского при совершенном отсутствии всякой идеологии по содержанию носит характер критической рецензии. В основе лежат материалы западноевропейских гербовников XV–XVI вв. и литература на русском, латинском, немецком и польском языках.

Первые программы курсов по генеалогии и геральдике разрабатывались для института еще в 1930-е гг.²⁰ Но благодаря В.К. Лукомскому традиции изучения геральдики в институте закрепились и впоследствии были продолжены. Характерно, что одной из первых диссертаций, защищенных на кафедре вспомогательных исторических дисциплин, стала работа выпускника института А.А. Ураносова по сфрагистике и территориальным эмблемам²¹.

Записным книгам крепостей, содержащим акты конца XV–XVI вв., посвящена статья Е.И. Каменцевой²², выпускницы кафедры, которая с 1944 г. работала на ней в качестве преподавателя. В историографии эта работа в числе других известна как пример «графически-статистического метода», когда статистические выкладки о развитии актовых клаузул подвергаются анали-

зу как источник по истории социально-экономических отношений²³. По тематике она находится в русле кандидатской диссертации Е.И. Каменцевой (1950). В статье характеризуется историография и дается обзор сохранившихся записных книг. Заметное место уделено разбору публикации источника, подготовленной А.С. Лаппо-Данилевским, причем его издание Е.И. Каменцевой оценивается высоко.

Продолжает том исследование П.П. Смирнова²⁴. Докторскую диссертацию на тему «Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в.» он защитил в 1942 г. и получил за нее Сталинскую премию, которую передал в Фонд обороны. Статья содержит характеристику стрелецких книг как исторического источника и перечень выявленных автором в архиве стрелецких книг середины XVII в.

В 1946 г. докторскую диссертацию на тему «Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в.» защитил А.А. Новосельский. По воспоминаниям студентов первых послевоенных лет, защиты диссертаций преподавателями института (А.А. Новосельским, Л.В. Черепниным), проходившие на Волхонке в Институте истории, были для всех большим событием²⁵. Статья А.А. Новосельского²⁶ по своей тематике продолжает его ранние работы, начатые еще в 1920-х гг. В институте он работал сначала на кафедре вспомогательных исторических дисциплин, потом на кафедре истории СССР.

Еще одна весьма «дворянская» тема поднята в очерке Е.А. Василевской²⁷ – историка и филолога, преподававшей на кафедре древнерусский язык. Особенностью работы является анализ местнической терминологии источников в историческом контексте. Стоит заметить, что исследование Е.А. Василевской о местничестве до сих пор входит в число классических работ по теме, о чем свидетельствует хотя бы его присутствие в краткой библиографии к современной статье о местничестве в «Большой российской энциклопедии».

Фундаментальный труд заведующего кафедрой А.И. Андреева²⁸ касается русских географических открытий начала XVIII в. –

той темы, которой он тогда плодотворно занимался и которая спустя всего несколько лет в ходе идеологических проработок ставилась ему в вину. В основе статьи – скрупулезный анализ картографических источников с широким использованием архивного материала из собраний Москвы и Ленинграда, источников и литературы на русском и нескольких иностранных языках: латинском, немецком, французском, английском. Относительно небольшая по объему работа чрезвычайно насыщена материалом и до сих пор сохраняет научное значение. Тематика исторической картографии в Историко-архивном институте получила развитие в трудах О.М. Медушевской, посвятившей этому вопросу свою кандидатскую диссертацию (1952) и ряд научных публикаций.

Завершает том работа Е.Н. Даниловой²⁹, посвященная источниковедческому анализу вышедшего в 1812 г. на французском языке анонимного сочинения – фальсификации политической программы Петра I, вошедшей в историографию как подложное «Завещание Петра Великого». Это единственная из ее исторических работ³⁰. Используя материалы на французском и немецком языках, широкий круг историографии Е.Н. Данилова публикует, анализирует и интерпретирует текст источника. Статья остается классической по данной теме, была позднее переиздана³¹ и до сих пор считается «самой фундаментальной работой об этом документе»³². Современные авторы отмечают, что источник подвергнут «скрупулезному историко-филологическому анализу, доходящему подчас до эрудитского формализма»³³.

Третий том трудов, выпущенный по кафедре истории СССР, также очень сильный по составу представленных материалов. Открывает его статья А.И. Андреева³⁴ об историке С.М. Соловьеве, которая вскоре стала причиной для обвинений автора в «низкопоклонстве перед Западом»³⁵. По воспоминаниям современников³⁶, ставилась в вину А.И. Андрееву и публикация здесь отрывка из воспоминаний репрессированного внука историка – поэта-символиста и вице-экзарха восточно-католической церкви. Статья написана проникновенно, с опорой на архивные материалы личного происхождения – воспоминания членов семьи историка и переписку.

Автор исследования «Тверская литература XV в., как исторический источник» М.А. Ильин³⁷, выпускник 1942 г. и аспирант института в 1942–1945 гг., сделал потом архивную карьеру, возглавив архивное дело Калининской (ныне Тверской) области. В данном случае фактически речь идет об источниковедческом анализе целого корпуса памятников: житийной литературы – «Повести о великом князе Михаиле Александровиче», «Инока Фомы слова похвального о благоверном великом князе Борисе Александровиче» и исторических произведений – Повести о Плавском стоянии 1406 г., Песне о Щелкане Дудентьевиче, «Хожении за три моря Афанасия Никитина». Для своих лет постановка и решение исследовательских задач были новаторскими.

Автор следующей статьи – В.Н. Зеленецкая, по воспоминаниям П.П. Смирнова, сыграла важную роль в судьбе института в 1941 г., когда она была студенткой IV курса. Ил. 5. Вместе с П.П. Смирновым и И.И. Корневой В.Н. Зеленецкая участвовала в составлении докладной записки, благодаря которой институт остался в Москве и продолжил работу³⁸. Участник войны, она защитила кандидатскую диссертацию и впоследствии работала на кафедре истории СССР советского периода. Но публикация в рассматриваемом томе посвящена значительно более раннему времени³⁹. Тематически исследование развивает сюжеты, изучением которых занимался историк-славист В.И. Пичета, работавший в Историко-архивном институте – здесь он в течение ряда лет руководил аспирантами и являлся председателем государственной экзаменационной комиссии. Статья В.Н. Зеленецкой представляет собой источниковедческое исследование по социально-экономической истории Великого княжества Литовского. По материалам господарских уставов показана реализации их положений на примере Кобринской экономии.

Продолжает том блестящая работа П.П. Смирнова⁴⁰, чрезвычайно насыщенная материалом и вся основанная на анализе обнаруженных им ранее неизвестных источников. Историческая география Москвы XVII в. предстает здесь во всем своем колорите. В воспоминаниях студентов П.П. Смирнов неизменно называется в числе лучших преподавателей, причем отмеча-

ют эмоциональность и образность его лекций. Ил. 6. Заметно это и в статье, слог которой весьма поэтичен. «Они как бы переносят нас в эту отдаленную эпоху, вводят в круг знати, обсевшей столицу своими подмосковными, и, как хороший путеводитель, перечисляют их имена, владения, расстояния проезда. Данные строельной книги просятся на карту и, будучи нанесены на нее, дают исчерпывающее знакомство с состоянием подмосковного землевладения в середине XVII века. Эти книги читаются, как историческая повесть и волнуют как она»⁴¹, – писал он о строельных (межевых) книгах.

Исследование Н.В. Устюгова⁴² касается более позднего периода, чем основная часть его трудов и посвящено изучению реализации на практике известного указа «о вольных хлебопашцах». В истории института Н.В. Устюгов сыграл важную роль. Ил. 7. Еще в довоенный период по кафедре вспомогательных исторических дисциплин им были подготовлены и изданы на стеклографе учебники по хронологии (1939), метрологии (1939), сфрагистике (1939), геральдике (1940), нумизматике (1940). В переработанном виде пособия по хронологии, метрологии и денежному счету вышли в 1943 г. В годы войны Н.В. Устюгов находился на фронте, был награжден орденами и медалями, а затем вернулся в институт и продолжил работу на кафедре истории СССР. Его заслугой стали студенческий кружок по истории, который существовал много лет (затем традиции кружка продолжил А.И. Комиссаренко) и своя научная школа. Н.В. Устюговым совместно с его ученицей Е.И. Каменцевой были подготовлены учебные пособия по сфрагистике и геральдике⁴³, а также метрологии⁴⁴, сохраняющие свое значение до сих пор.

Некоторое время на кафедре истории СССР работал П.А. Зайончковский, статья которого о Кирилло-Мефодиевском обществе продолжает том⁴⁵. Работа построена на архивных материалах следственного дела, связанного с организацией общества, одним из лидеров которого был историк Н.И. Костомаров, общество имело панславистскую программу. Тема статьи связана с кандидатской диссертацией, защищенной П.А. Зайончковским в 1940 г. под руководством Ю.В. Готье и вышедшей на ее основе книгой (1959).

Завершает том Трудов института исследование директора (и выпускника аспирантуры) Историко-архивного института Д.С. Бабурина, посвященное новейшей истории и основанное на архивных материалах Центрального государственного архива Октябрьской революции (ныне Государственный архив Российской Федерации)⁴⁶. Еще до войны Д.С. Бабурин учился в аспирантуре института, занимался под руководством П.Г. Любомирова и Ю.В. Готье, защитил диссертацию, опубликованную тогда же в виде монографии (первый том Трудов Историко-архивного института). В годы войны работал в Главном архивном управлении, при его активном участии был создан Центральный государственный архив РСФСР Дальнего Востока в Томске (ныне – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока во Владивостоке). С деятельностью Д.С. Бабурина в качестве директора связан период расцвета научных исследований в институте.

Подводя итог обзору первых томов «Трудов Историко-архивного института», стоит сказать, что они производят удивительно свежее впечатление: разнообразие тематики, нет ни одной случайной или «проходной» работы, некоторые исследования по объему и содержанию фактически представляют собой монографии. Написанные профессионалами высокого уровня, свободные от идеологии, статьи сохраняют свое значение вплоть до настоящего времени. Они являются ярким свидетельством того, что Историко-архивный институт в военные и первые послевоенные годы являлся ведущим центром страны в области изучения истории, источниковедения, вспомогательных исторических дисциплин. Привлечение лучших ученых в сочетании с опорой на архивные источники позволило в непростые годы вывести Историко-архивный институт в авангард науки.

Институт ждут еще многие славные страницы, но сейчас, когда происходят перемены и в системе образования, и в научной жизни, представляется важным помнить и развивать тот опыт, когда усилиями нескольких десятков человек были достигнуты научные успехи, многими из которых мы до сих пор можем по праву гордиться.

Примечания

1. Московский ордена «Знак почета» государственный историко-архивный институт 1930–1980: сб. док-тов и мат-лов. Пермь, 1984. С. 137.
2. Сорок сороков. Краткая иллюстрированная история всех московских храмов / Сост. П. Паламарчук. М., 1994. Т. 2. С. 57.
3. Московский ... С. 107.
4. Смирнов Павел Петрович (1882–1947) – д.и.н., выпускник и профессор Киевского университета, подвергался политическим репрессиям, в 1927–1934 гг. – профессор в Среднеазиатском университета (Ташкент), в 1938–1947 гг. – профессор Историко-архивного института, лауреат Сталинской премии за книгу «Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века».
5. *Хорхордина Т.И.* Корни и крона. Штрихи к портрету Историко-архивного института (1930–1991). М., 1997. С. 67–75. Сокращенная публикация, в которой опущены наиболее острые моменты ср.: Московский ... С. 106–109. Об институте в годы войны см. также: Гуманитарный университет в Москве. История идеи / Сост. Т.И. Хорхордина. М., 2012. С. 56–67; *Хорхордина Т.И.* Роль Историко-архивного института в подготовке архивистов в годы Великой Отечественной войны // Крымский архив. 2015. № 4(19). С. 135–146.
6. *Простоволосова Л.Н., Станиславский А.Л.* История кафедры вспомогательных исторических дисциплин: учеб. пособ. М., 1990. С. 28–38.
7. Гуманитарный университет... С. 68.
8. Московский... С. 118, 136–138.
9. Там же. С. 138–139.
10. Черных Вадим Алексеевич – выпускник Историко-архивного института (1948), к.и.н. (1955), сотрудник Главного архивного управления, заместитель директора ЦГАЛИ (1963–1972), ученый секретарь Археографической комиссии Академии наук, автор исследований творчества Анны Ахматовой, в том числе фундаментальной «Летописи жизни и творчества Анны Ахматовой».
11. Автор благодарит Вадима Алексеевича за возможность знакомства с его воспоминаниями об институте.
12. Московский... С. 111.
13. Библиографию см.: Московский... С. 300–309; Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института / Сост. Р.Б. Казаков, М.Ф. Румянцева. М., 2001. С. 146–147.

14. Как вспоминает В.А. Черных, А.И. Андреев с женой жил в помещении института на втором этаже в комнате рядом с учебной частью. По имеющимся у нас данным, ныне это кабинет декана факультета архивного дела, расположенный рядом с приемной дирекции Историко-архивного института (аудитория 20).
15. О кафедре в этот период см.: *Простоволосова Л.Н., Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 11–35.
16. *Черепнин Л.В.* Документы московского великокняжеского архива и их значение в политической борьбе при Иване III // Труды Историко-архивного института. М. 1946. Т. II. Кафедра вспомогательных исторических дисциплин / Под ред. А.И. Андреева. С. 3–67.
17. *Он же.* Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М., 1948, 1951. Ч. 1, 2.
18. *Лукомский В.К.* К вопросу о происхождении Смоленского герба // Труды Историко-архивного института. М. 1946. Т. II. С. 71–76.
19. О связи В.К. Лукомского с миром искусства см.: *Пчелов Е.В.* В.К. Лукомский и геральдика Серебряного века // Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. Мат-лы XXII межд. науч. конф. М., 2010. С. 59–75.
20. *Комочев Н.А.* Из истории преподавания источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин в 1930-е гг. // Вспомогательные исторические дисциплины и источниковедение: современные исследования и перспективы развития. Мат-лы XXVII межд. науч. конф. М., 2015. С. 255–261.
21. Тема диссертации: «Русские областные и городские печати в период образования и укрепления Русского централизованного многонационального государства» (XV–XVII вв.), защищена в 1953 г. Список диссертаций см.: Научно-педагогическая школа... С. 216.
22. *Каменцева Е.И.* Записные книги крепостям дьяка Дмитрия Алябьева // Труды Историко-архивного института. М. 1946. Т. II. С. 79–98.
23. *Кашианов С.М.* Русская дипломатика. М., 1988. С. 115.
24. *Смирнов П.П.* Книги строельные // Труды Историко-архивного института. М. 1946. Т. II. С. 101–123.
25. *Ивницкий Н.А.* Студенты – фронтовики первых послевоенных наборов МГИАИ (1945–1946 гг.) // Археографический ежегодник за 2005 год. М., 2007. С. 150.
26. *Новосельский А.А.* Отдаточные книги беглых, как источник для изучения народной колонизации на Руси в XVII веке // Труды Историко-архивного института. М. 1946. Т. II. С. 127–152.
27. *Василевская Е.А.* Терминология местничества и родства // Труды Историко-архивного института. М. 1946. Т. II. С. 155–179.

28. *Андреев А.И.* Экспедиции на восток до Беринга (в связи с картографией Сибири первой четверти XVIII века) // Труды Историко-архивного института. М. 1946. Т. II. С. 183–202.
29. *Данилова Е.Н.* «Завещание» Петра Великого // Труды Историко-архивного института. М. 1946. Т. II. С. 205–270.
30. Ее биографии посвящена недавняя обстоятельная монография: *Шилохвост О.Ю.* Профессор Елизавета Данилова. Цивилист. Трудовик. Источниковед. Очерк научной деятельности. М., 2020. 129 с. Список ее трудов см.: Там же. С. 119–128.
31. См.: Проблемы методологии и источниковедения истории внешней политики России: сб. ст. / Отв. ред. А.Л. Нарочницкий. М., 1986. С. 213–279.
32. *Козлов В.П.* Тайны фальсификации: анализ подделок исторических источников XVIII–XIX вв. 2-е изд. М., 1996. С. 85.
33. *Мезин С.А.* Взгляд из Европы: французские авторы XVIII в. о Петре I. Саратов, 1999. С. 169. Оценку самой статьи см.: Там же. С. 168–170.
34. *Андреев А.И.* Работа С.М. Соловьева над «Историей России» // Труды Историко-архивного института. М., 1947. Т. III. Кафедра история СССР / Под ред. А.И. Гуковского, А.А. Новосельского. С. 4–16.
35. *Простоволосова Л.Н., Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 30.
36. *Зимин А.А.* Патриархи // Александр Александрович Зимин (Сер. История и память. Учителя) / Сост. В.Г. Зимины, Л.Н. Простоволосова. М., 2005. С. 48.
37. *Ильин М.А.* Тверская литература XV в., как исторический источник // Труды Историко-архивного института. М., 1947. Т. III. С. 18–68.
38. *Хорхордина Т.И.* Указ. соч. С. 71.
39. *Зеленецкая В.Н.* Землеустроительная политика второй половины XVI в. в Белоруссии и Литве и положение различных разрядов сельского населения // Труды Историко-архивного института. М., 1947. Т. III. С. 70–98.
40. *Смирнов П.П.* Подмосковное землевладение в середине XVII в. по межевым строельным книгам 1649 г. // Труды Историко-архивного института. М., 1947. Т. III. С. 100–140.
41. Там же. С. 140.
42. *Устюгов Н.В.* Увольнение крестьян в свободные хлебопашцы по духовному завещанию // Труды Историко-архивного института. М., 1947. Т. III. С. 142–169.
43. *Каменцева Е.И., Устюгов Н.В.* Русская сфрагистика и геральдика. М., 1963. 224 с. (2-е изд. М., 1974).
44. *Они же.* Русская метрология. М., 1965. 255 с.

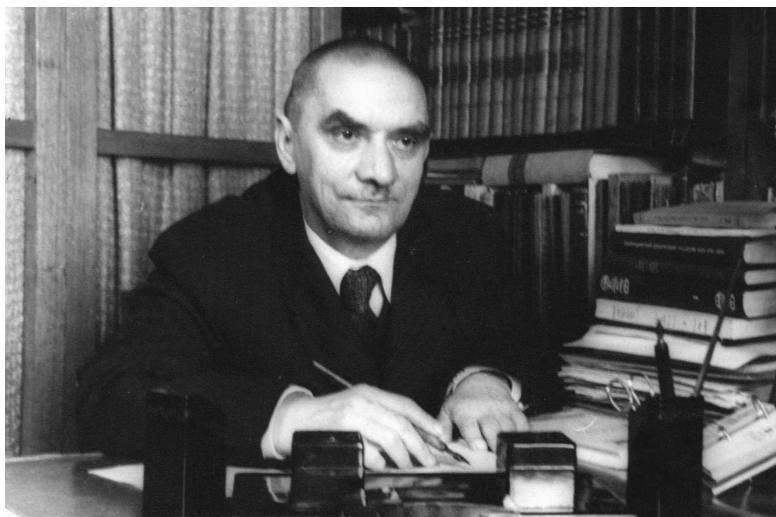
45. *Зайончковский П.А.* Кирилло-мефодиевское общество // Труды Историко-архивного института. М., 1947. Т. III. С. 172–216.
46. *Бабурин Д.С.* Из истории гражданской войны в Семиречье // Труды Историко-архивного института. М., 1947. Т. III. С. 218–263.

Ил. 1. Общий вид Историко-архивного института.
ЦГА Москвы. Ф. Л-169 (Д.М. Эпштейн). Оп. 1. Д. 242. Л. 1 об.

Ил. 2. Государственные экзамены в Историко-архивном институте, конец 1940-х гг. В комиссии: В.В. Максаков, А.А. Новосельский, А.И. Андреев, А.В. Чернов, Я.Г. Щеголев, И.Л. Маяковский.
ЦГА Москвы. Ф. Л-169. Оп. 1. Д. 237. Л. 7 об.

Ил. 3. А.И. Андреев в своей комнате в помещении института. На столе сверху лежит 2-й том «Трудов Историко-архивного института».
ЦГА Москвы. Ф. Л-169. Оп. 1. Д. 233. Л. 1.

Ил. 4. Группа студентов-выпускников 1948 г., среди преподавателей – А.И. Андреев и Н.В. Устюгов. Дата фотографии установлена по публикации в книге: Простоволосова Л.Н., Станиславский А.Л. История кафедры вспомогательных исторических дисциплин. М., 1990. С. 66. ЦГА Москвы. Ф. Л-169. Оп. 1. Д. 235. Л. 17.

Ил. 5. Вера Николаевна Зеленецкая, фотография 1942–1943 гг. ЦГА Москвы. Ф. Л-169. Оп. 1. Д. 235. Л. 8 об.

Ил. 6. Павел Петрович Смирнов.
ЦГА Москвы. Ф. Л-169. Оп. 1. Д. 233. Л. 21 об.

Ил. 7. Николай Владимирович Устюгов.
ЦГА Москвы. Ф. Л-169. Оп. 1. Д. 233. Л. 23.

Профессор С.А. Коновалов и конференция «Британия и Россия в новом мировом порядке» (Лондон, 10–11 апреля 1942 г.)

M. V. Kovalev

Professor S.A. Konovalov and the Conference “Britain and Russia in the New World Order” (London, April 10–11, 1942)

Аннотация. В статье на основе материалов из рукописного собрания Бодлеанской библиотеки Оксфордского университета реконструируется участие русского эмигранта, профессора С.А. Коновалова в конференции «Британия и Россия в новом мировом порядке», состоявшейся в Лондоне 10–11 апреля 1942 г. Эта конференция интересна и примечательна в контексте истории советско-британских отношений в годы Второй мировой войны. Вместе с тем участие в ней русского эмигранта С.А. Коновалова раскрывает отношение части представителей русской диаспоры к войне и роли в ней СССР.

Ключевые слова: С.А. Коновалов, Великобритания, Вторая мировая война, русская эмиграция, общественные настроения, советско-британские отношения, лейбористы.

Abstract. The article, based on materials from the Department of Manuscript at the Bodlean Library, reconstructs the participation of a Russian emigrant, professor S.A. Konovalov, in the conference “Britain and Russia in the New World Order”, held in London on April 10–11, 1942. This conference is interesting and noteworthy in the context of the history of Soviet-British relations during the Second World War. At the same time, the participation of professor S.A. Konovalov, a Russian emigrant, reveals the attitude of some representatives of the Russian diaspora to the war and the role of the USSR in it.

Keywords: S.A. Konovalov, United Kingdom, World War II, Russian emigration, public sentiment, Soviet-British relations, Labour Party.

Современная историографическая ситуация характеризуется возрастанием интереса к проблеме изучения русской эмиграции в годы Второй мировой войны. Эта тема приобрела разные исследовательские измерения: изучается участие русских эмигрантов в европейском Сопротивлении, причины и формы проявления коллаборационизма, опыт оккупации глазами русских эмигрантов, оценка ими международной обстановки, отражение военных событий в литературных текстах¹. Подобные исследования ведутся как на примере отдельных стран (особенно активно – на примере Франции), так и в более широком – европейском или мировом – контексте, как на индивидуальном, так и на коллективном уровне. Источниковая база при этом постепенно расширяется, в научный оборот вводятся новые архивные материалы, в том числе из зарубежных архивов². Обратим внимание на примечательное и практически не изученное собрание документов, хранящееся в Отделе специальных коллекций Бодлеанской библиотеки Оксфордского университета (Bodleian Library, Special Collections) – на личный фонд профессора Сергея Александровича Коновалова (1899–1982).

Материалы этой коллекции до сих пор не инвентаризованы, научно не описаны, потому для работы с ними необходимо получать специальное разрешение. Документы уложены в стандартные картонные коробки. Они не дифференцированы и не систематизированы, находятся в хаотичном порядке: не соблюден ни хронологический, ни тематический принцип. Некоторые бумаги сильно измяты, соединенные канцелярскими скрепками листы нередко изъедены ржавчиной. По этой причине невозможно в полной мере оценить объем хранящихся документов, их состав, определить точно их хронологические рамки³.

Важность изучения этих материалов несомненна не только в силу их большого объема, но и в виду личности фондообразователя. С.А. Коновалов был сыном А.И. Коновалова, крупного промышленника и министра Временного правительства. Вскоре после прихода к власти большевиков семья Коноваловых покинула Родину. Родители отправили сына на учебу в Оксфорд. Вся его дальнейшая жизнь оказалась связана с британской средой. С.А. Коно-

валов получил известность в академических кругах уже в конце 1920-х гг. – начале 1930-х гг., защитив диссертацию о финансовых реформах в Чехословакии⁴ и затем создав при Бирмингемском университете Бюро исследований экономического положения России (Birmingham bureau of research on Russian economic conditions). Он наладил выпуск научных записок – «Memorandum of Bureau of research on Russian economic conditions», которые должны были знакомить британцев с положением дел в советской экономике. Таким образом, за сравнительно короткое время С.А. Коновалов сумел завоевать высокую научную репутацию в Великобритании и за ее пределами. Решительный поворот в его карьере произошел в период Второй мировой войны.

В годы войны С.А. Коновалов многократно встречался с просоветскими британскими деятелями, принимал деятельное участие в общественной жизни. Обратим внимание на сохранившиеся в архиве ученого материалы конференции «Британия и Россия в новом мировом порядке», состоявшейся 10–11 апреля 1942 г. Она была созвана Национальным советом мира (The National Peace Council), крупной британской пацифистской организацией, основанной в 1908 г., ставившей своей целью пропаганду идей прав человека, справедливости и примирения. Очевидно, что именно Совет пригласил С.А. Коновалова к участию. Об этом свидетельствуют два письма (10 февраля и 25 марта 1942 г.) секретаря организации Джеральда Бэйли (Gerald Bailey) к профессору⁵. Полагаю, что организаторы видели в С.А. Коновалове одного из самых квалифицированных специалистов по России, работавших на тот момент в британских университетах. Тот же Дж. Бейли признавался в письме в своей некомпетентности в вопросах англо-советского культурного сотрудничества и просил С.А. Коновалова о совете. Видимо, свою роль в организации конференции сыграли и британские квакеры, известные своими антивоенными взглядами. Местом проведения заседаний был выбран знаменитый квакерский общественный центр «Френд Хауз» (Friend House) на Юстон Роад.

Во вступительной речи на открытии конференции Дж. Бейли обозначил в качестве ее цели беспристрастное и всеобъемлю-

щее обсуждение сотрудничества между Великобританией и СССР. Конференция была ориентирована не на вопросы координации военных действий, но на разработку программы тесного взаимодействия во имя мира. В своем выступлении Дж. Бейли признавал наличие серьезных различий между двумя странами и говорил о необходимости преодоления существующих барьеров.

В архиве С.А. Коновалова имеется предназначенный для участников конференции вопросник на английском языке с пометкой «Не для публикации»⁶. Он был призван стимулировать и направлять выступления докладчиков, но при этом не ставил целью ограничивать ход рассуждений. Список этих вопросов чрезвычайно интересен, поэтому заслуживает того, чтобы изложить его максимального подробно и полно. Он хорошо отражает интерес британской общественности к СССР в годы войны, порожденный во многом долгой закрытостью СССР от внешнего мира. Работа конференции проводилась в рамках четырех секций (по две в день), которые концентрировали в себе ту или иную проблему двухсторонних отношений. Ими руководили специальные модераторы, во время работы выступало два-три докладчика, каждому из которых давалось по 35 минут, после чего задавались вопросы и устраивались дискуссии.

Первая секция касалась религиозного вопроса, участники должны были обсудить его значение в развитии двухсторонних отношений, поговорить о том, как религия может способствовать взаимопониманию, и что для этого могут сделать христианские демократы. Им следовало оценить положение церкви в СССР и вообще поговорить о ее значении в русской истории; проанализировать, насколько изменилась ее роль с началом войны. Примечательно, что участники намеревались подискутировать о феномене «Святой Руси» и попытаться понять, какой смысл вкладывается в это понятие в настоящее время. Вынесение религиозного вопроса в начало работы конференции было своего рода данью британским духовным кругам, принявшим активное участие в ее организации. Отметим здесь, что весной 1942 г. еще не произошло официального поворота советских властей в отношении церкви (он,

как известно, состоялся только в сентябре 1943 г., после встречи И.В. Сталина с высшим духовенством), в то же время было уже ясно, что религиозные конфессии с началом войны заняли патристическую позицию. Видимо некоторая неясность в официальном статусе религии в СССР стимулировала обсуждение поставленных вопросов.

Вторая секция была посвящена культурным аспектам англо-советского сотрудничества. Участники должны были выявить краткосрочные и долгосрочные перспективы взаимодействия в области науки и образования, в том числе посредством обмена студентами, преподавателями, учеными, специалистами различных областей, или иными способами. Они намеревались поговорить о достижении языкового взаимопонимания, о стимулировании изучения русского языка в английских школах и университетах, о расширении доступности изданий на русском языке и подготовке новых языковых учебников.

Особого внимания заслуживает секция «Англо-советское сотрудничество: экономические факторы», поскольку в ее рамках, как кажется, рассматривались наиболее актуальные для военного времени вопросы. Так, предполагалось поговорить о важнейших характеристиках советской экономической системы, о главных отличиях между ней и экономикой Великобритании и США. Участники должны были задаться вопросом об эффекте, который оказала или может оказать война на советскую и британскую экономики. Причем им следовало попытаться спрогнозировать, какая экономическая модель может возобладать в СССР после окончания войны, какие проблемы могут повлиять на перспективы более тесного англо-советского экономического сотрудничества, как можно будет расширить послевоенную англо-советскую торговлю, какой вклад сможет внести СССР в послевоенное восстановление Европы, и каковы будут его собственные потребности при ликвидации нанесенных войной разрушений, какие изменения в британской социальной и экономической политике могли бы способствовать укреплению единства и сотрудничества между двумя странами, какие незамедлительные шаги нужно предпринять для этого.

На заключительном заседании предстояло обменяться мнениями насчет основных политических проблем англо-советских отношений. Приведем тут красноречивую цитату из документа, не нуждающуюся в комментариях: «Каковы основные цели советской международной политики, особенно в политическом поле, и какие коррективы могут и должны быть сделаны британской политикой, чтобы привести обе политики в большее соответствие? В частности, какие меры могут и должны быть приняты сейчас, чтобы консолидировать англо-советские политические отношения с целью более полного и плодотворного сотрудничества в послевоенном урегулировании и восстановлении?»⁷.

Как видим из этого перечня, организаторы конференции были проникнуты убеждением, что война неминуемо произведет изменения в советской системе, которые откроют дорогу для ее более тесного, взаимовыгодного сотрудничества с Западом. При этом они признавали, что движение навстречу должно быть обоюдным, и сама Британия должна предпринять конкретные шаги на этом пути.

Сам С.А. Коновалов выступал в первый день конференции на секции о культурном взаимодействии. К сожалению, текст его доклада обнаружить не удалось. Вместе с ним на этом заседании выступил известный английский философ, оксфордский профессор Эдгар Фредерик Карритт (Edgar Frederick Carritt), а ведущим был лорд Томас Хордер (Thomas Jeeves Horder, 1-st Baron Horder), крупный британский медик и общественный деятель, на тот момент – президент Англо-советской ассоциации общественных связей (Anglo-Soviet Public Relations Association). Впоследствии, С.А. Коновалов будет поддерживать с этой организацией тесные контакты. Среди иных участников конференции обнаруживаем знаменитого шотландского философа Джона Мак-Мюррея (John Macmurray), на тот момент – профессора Университетского колледжа Лондона (University College London)⁸, главу пацифистского Методистского братства мира (The Methodist Peace Fellowship) преподобного Генри Картера (Reverend Henry Carter)⁹, настоятеля Кентерберийского собора отца Хьюлетта Джонсона (Hewlett Johnson), главу Генерального совета Британского конгресса профсоюзов в 1937–1938 гг.

(The General Council of the British Trades Union Congress) Герберта Элвина (Herbert H. Elvin), журналиста и редактора пацифистского журнала «Новости мира» (The Peace News) Джона Миддлтона Марри (Middleton Murry), профессора международных отношений в Иерусалимском университете, бывшего генерального прокурора Палестины и крупнейшего сионистского деятеля Нормана Бентвича (Norman Bentwich), профессора политических наук Лондонского университета Гарольда Ласки (Harold J. Laski), лектора Кембриджского университета, видного экономиста Морис Добба (Maurice Dobb), лондонского корреспондента агентства ТАСС Эндрю Ротштейна (Andrew Rothstein) и др. Большинство этих имен сегодня ничего не говорят российскому читателю. Между тем, среди них было немало ярких и интересных персон, и о них нельзя не упомянуть в контексте нашего повествования.

Тот же Х. Джонсон, несмотря на церковный сан и пост настоятеля главного англиканского храма, был членом Лейбористской партии и убежденным марксистом. Он приветствовал Октябрьскую революцию 1917 г., одобрял политику большевиков и неоднократно посещал СССР. За свои взгляды он заслужил прозвище «Красный настоятель Кентербери» и статус потенциально неблагонадежного гражданина со стороны британской разведки. В годы Второй мировой войны Х. Джонсон активно поддерживал СССР, выступал за скорейшее открытие Второго фронта и собирал пожертвования. Такая деятельность не могла остаться незамеченной в Москве, и в 1945 г. Х. Джонсон был награжден орденом Трудового Красного Знамени, а в 1950 г. удостоен международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами»¹⁰. Профессор М. Добб был убежденным марксистом, активнейшим деятелем Коммунистической партии Великобритании, по некоторым сведениям — агентом Коминтерна¹¹. Во всяком случае, именно он привел в Коммунистическую партию знаменитого разведчика Кима Филби (Kim Philby). Г. Ласки, помимо преподавания в Лондонской школе экономики, был видным деятелем Лейбористской партии. В 1930-е гг. он прослыл одним из самых влиятельных политиков-марксистов в Англии и сторонником плановой экономики, имен-

но он активно развивал идею о «кризисе демократии» и необходимости перехода на социалистические рельсы¹². Не менее примечательна фигура Э. Ротштейна, сына русского революционера и политэмигранта Ф.А. Ротштейна, дружившего с В.И. Лениным. Он был активным членом Коммунистической партии Великобритании и автором многочисленных популярных книг об СССР. С 1921 г. он работал корреспондентом РОСТА (позднее – ТАСС) в Лондоне, переводил работы русских марксистов на английский язык, после войны много публиковался в СССР.

Таким образом, мы отчетливо видим, что большинство участников конференции принадлежало к пацифистским, христианско-демократическим, социалистическим кругам. Многие из них придерживались откровенно марксистских, просоветских взглядов. Есть основания полагать, что некоторые были связаны с советской разведкой. Вращение в их обществе могло скомпрометировать русского эмигранта, особенно в свете уже хорошо известных к тому времени фактов вербовки в эмигрантской среде. Допускаю, что своим выступлением С.А. Коновалов отчетливо обозначил свою общественную позицию. В отличие от некоторых эмигрантов, в том числе близких ему, он не сторонился просоветских кругов, не пытался дистанцироваться от них. В то же самое время ученый был востребован в британских общественно-политических кругах, остро нуждавшихся в специалистах по России. Среди своих коллег и студентов он тоже пользовался высоким авторитетом.

Показательно, как в декабре 1943 г. тогда еще не слишком известный, начинающий британский славист Макс Хейвард (Хей-уорд) (Harry Maxwell «Max» Hayward; 1924–1979) советовался с С.А. Коноваловым насчет того, какие фильмы об СССР показать студентам. Среди имевшихся в распоряжении лент назывались новаторский «День нового мира» Михаила Слущкого и Романа Кармена, знаменитый «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой», удостоенный в 1943 г. премии «Оскар» как лучший документальный фильм, «В тылу врага», повествующий об эпизоде советско-финской войны, а также канадская документальная картина «Наши русские союзники» («Our Russian Ally»). М. Хейвард

склонялся к показу «Дня нового мира» (в британском прокате – «One Day in Soviet Russia»), поскольку этот фильм, по его словам, был своего рода «путешествием по всему Союзу»¹³. В объективе кинокамеры был запечатлен один день – 4 августа 1940 г. – в разных частях Советского Союза: от восхода солнца на Дальнем Востоке до вечернего Ленинграда, от пограничников в пустыне Каракумы до свадьбы в грузинском селе, от сталеваров Магнитогорска до выступления Галины Улановой. Увлеченного русским языком и культурой М. Хейварда эти визуальные образы не могли оставить равнодушным. Впереди, после окончания войны, его будут ждать стажировка в Праге, откуда он будет подробно писать С.А. Коновалову¹⁴, служба в британском посольстве в Москве, работа редактором Издательства имени Чехова, но главное – слава одного из лучших переводчиков русской литературы XX в. Благодаря ему многие произведения В.В. Маяковского, Б.Л. Пастернака, А.А. Ахматовой, А.С. Солженицына найдут своих читателей на Западе¹⁵.

Участие профессора С.А. Коновалова в конференции «Британия и Россия в новом мировом порядке» является важной вехой в биографии ученого. Хотя его поворот в сторону СССР начался еще в конце 1930-х гг., участие в лондонском совещании 1942 г. уже четко и наглядно очерчивало его общественные взгляды. Позиция С.А. Коновалова не выглядит необычной. Его обращение в сторону СССР произошло в годы Второй мировой войны на волне патриотического подъема, охватившего часть русской эмиграции. После окончания войны большое число русских за рубежом действительно прониклись глубокой симпатией к СССР. Писатель А. Седых, вспоминая обстановку тех дней, писал: «Слишком много было пережито, слишком велики были надежды эмигрантов на то, что “к старому теперь не может быть возврата”»¹⁶. Мечты о переменах связывались в массовом сознании с верой в постепенную эволюцию советского строя в сторону демократизации. К сожалению, известные на сегодняшний день источники не позволяют в полной мере реконструировать взгляды С.А. Коновалова по этому вопросу. Однако еще в конце 1930-х гг. в письме к Е.Д. Кусковой он признавался: «Эмиграция считает себя солью земли. В России

плохо, но не эмиграция сделает хорошо»¹⁷. Здесь уместно вспомнить письмо Ивана Ивановича Сукина (1890–1958), бывшего министра иностранных дел в правительстве А.В. Колчака, адресованное 19 июля 1941 г. советскому послу в Лондоне И.М. Майскому. В нем он предложил забыть все былые противоречия и выразил готовность всемерно помогать Родине перед лицом гитлеровской угрозы¹⁸.

Война закрепила идеологический раскол, наметившийся в эмигрантских кругах уже с конца 1930-х гг. Судя по письмам соотечественников, адресованных С.А. Коновалову и сохранившихся в его архиве, значительная часть русских интеллектуалов за рубежом пристально следила за мировой политикой, отчетливо ощущала угрозу надвигающейся войны и задавалась вопросом – какая роль в ней будет отведена Советскому Союзу. Заметим, что в близкий круг общения С.А. Коновалова входили, главным образом, либералы и социалисты, а потому их картина мира не отражала всю полноту взглядов эмиграции. Профессор сторонился крайне правых, монархических кругов эмиграции, известная часть представителей которых в годы войны выступила на стороне гитлеровской Германии. Позиция, занятая С.А. Коноваловым во время войны, отнюдь не означала его безоглядного примирения с большевиками. Это была искренняя попытка понять пережитые и переживаемые Родиной потрясения. И эта попытка отразилась на дальнейшей карьере С.А. Коновалова. Во время Второй мировой войны, когда спрос на специалистов по России в Великобритании стремительно вырос, он заработал высокую общественную репутацию. Можно предположить, что участие в лондонской конференции 1942 г. внесло свой вклад в укрепление его статуса и авторитета. В 1945 г. С.А. Коновалов был избран заведующим кафедрой русистики в Оксфордском университете. Это был новый крутой поворот в его жизни и карьере¹⁹.

Примечания

1. Hogenhuis A. Des savants dans la Résistance: *Doris Vildé et le réseau du Musée de l'Homme*. Paris, 2009; Урицкая Л.Р. Они любили свою страну... Судьбы русской эмиграции во Франции с 1933 по 1948 г. СПб.,

- 2010; *Мосейкина М.Н.* «Оборонцы» и «пораженцы»: проблема нравственного выбора русской эмиграции в Латинской Америке в годы Второй мировой войны // *Латинская Америка*. 2011. № 8. С. 69–80; *Вовк А.Ю.* Просоветские организации первой волны // *Новый журнал*. 2014. Кн. 276. С. 288–300; *Он же.* Русский эмигрант во французской тюрьме и лагере для «нежелательных иностранцев» Верне // *Журнал российских и восточноевропейских исследований*. 2018. № 3 (14). С. 119–130; Российская эмиграция в борьбе с фашизмом: Международная научная конференция. Москва, 14–15 мая 2015 года. М., 2015; *Васильева М.А.* О военной прозе Владимира Варшавского // *Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына*. 2014–2015. М., 2015. С. 206–217; *Наземцева Е.Н.* Политико-правовое положение русской эмиграции в Китае в период Второй мировой войны // *Вопросы истории*. 2016. № 2. С. 137–149; *Матвеева Ю.В.* Вторая мировая война в литературном восприятии трех волн русской эмиграции // *Quaestio Rossica*. 2016. Т. 4. № 2. С. 137–158; *Русский барин – герой Франции*. М., 2017; *Васильева М.А., Коростелев О.А.* «...Я задумал очень трудную книгу...»: письма к В.С. Варшавскому о «Незамеченном поколении» // *Русская литература*. 2017. № 1. С. 127–141; *Турыгина Н.В.* Коллаборационизм и патриотизм в среде русских эмигрантов во Франции в годы Второй мировой войны // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. История*. 2011. № 3. С. 187–191; *Ковалев М.В.* Участие русской эмиграции во Франции в борьбе с фашизмом // *Военно-исторические исследования в Поволжье: Межвузовский сборник научных трудов*. Саратов, 2006. Вып. 7. С. 300–312; *Он же.* «Мы все с генералом де Голлем!»: Русские герои французского Сопротивления // *Родина*. 2006. № 12. С. 115–122; *Он же.* Русская эмиграция во Франции в годы войны // *Новый журнал*. Нью-Йорк, 2006. Кн. 245. С. 209–230; *Он же.* «Добровольное участие в войне стало частью моей жизни...» Жизнь и судьба Николая Васильевича Вырубова, русского героя Франции // *Русский барин – герой Франции* / Сост. Н.А. Лобанов-Ростовский, Н.А. Алпатова. М., 2017. С. 174–205; и мн. др.
2. *Вильде Б.В.* Дневник и письма из тюрьмы. 1941–1942. М., 2005; *Костыцын В.А.* Воспоминания о Компьенском лагере (1941–1942). М., 2009; *Кочетков А.Н.* Иду к тебе. Forest Hills, N.Y., 2012; *Турыгина Н.В.* Русская колония во Франции (24 января 1941 г.) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2016. № 1 (19). С. 46–81; и др.
 3. В ответ на мой запрос в мае 2018 г. архивисты Бодлеанской библиотеки определили объем коноваловского фонда в 72 архивных ящика

- (Dr. Malgorzata Czepiel – Dr. Mikhail Kovalev, 23 May 2018 // Личный архив М.В. Ковалева). Общий обзор архивного фонда С.А. Коновалова см.: *Ковалев М.В.* Оксфордский архив профессора С.А. Коновалова // Отечественные архивы. 2015. № 5. С. 58–71.
4. *Konovalov S.* Monetary reconstruction in Czechoslovakia and its effects on economic life. Thesis submitted for the Degree of B. Litt. Oxford: Exeter College, 1925. 312 p. // University of Oxford, Bodleian Library, Special Collections, Papers of Sergey Konovalov (далее – Papers of Sergey Konovalov). Box B 35.
 5. Джеральд Бэйли (Gerald Bailey) – С.А. Коновалову, 10 февраля 1942 г. // Papers of Sergey Konovalov. Box A 8; Джеральд Бэйли (Gerald Bailey) – С.А. Коновалову, 25 марта 1942 г. // Ibid.
 6. «Британия и Россия в новом мировом порядке», Конференция во Friend House в Лондоне, 10–11 апреля 1942 г. // Papers of Sergey Konovalov. Box A 8.
 7. Ibid.
 8. *Costello J.E.* John Macmurray: A biography. Edinburgh, 2002.
 9. *Phillips P.T.* A kingdom on earth: Anglo-American social Christianity, 1880–1940. University Park, 1996. P. 244–245, 165, 267–269; *Kramer A.* Conscientious Objectors of the Second World War: Refusing to Fight. Barnsley, 2013. P. 82–86.
 10. *Butler J.R.* The Red Dean of Canterbury: the public and private faces of Hewlett Johnson. London, 2011.
 11. Knightley P. Philby: The Life and Views of the KGB Masterspy. London, 1989. P. 30–31, 36–37, 45.
 12. *Jones B.* The Russia complex: the British Labour Party and the Soviet Union. Manchester, 1977; Newman M. Harold Laski: a political biography. Basingstoke, 1993.
 13. Н.М. Hayward – С.А. Коновалову, 20 декабря 1943 г. // Papers of Sergey Konovalov. Box A 6.
 14. Н.М. Hayward – С.А. Коновалову, 17 сентября 1946 г.; Н.М. Hayward – С.А. Коновалову, 3 мая 1947 г.; Н.М. Hayward – С.А. Коновалову, 23 июля 1947 г. и др. // Papers of Sergey Konovalov. Box B 12/2.
 15. *Friedberg M.* Literary Translation in Russia: A Cultural History. University Park, Pennsylvania, 1997. P. 178.
 16. *Седых А.* Далекие, близкие. М., 2003. С. 198.
 17. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 237. Л. 83.
 18. *Майский И.М.* Избранная переписка с иностранными корреспондентами. 1916–1975. Кн. 1. М., 2011. С. 554–556.

19. См. об этом подробнее: *Ковалев М.В.* Профессор С.А. Коновалов и советско-британские научные связи // Русское наследие в современном мире: Вторая международная научно-практическая конференция. Сборник научных трудов. Великобритания, г. Лондон, 27 июня 2017. Лондон, 2017. С. 25–37; *Он же.* Документы по истории советско-британских научных связей в архивном собрании С.А. Коновалова в Оксфорде // Документальное наследие России: проблемы теории и практики (К 100-летию государственной архивной службы России): Материалы Всероссийской научно-практической конференции. М., 2018. С. 110–116.

**«Берлинский вопрос» в дипломатии Н.С. Хрущева:
источниковедческий анализ**

A.A. Zhurkina

**“Berlin’s question” in Khrushchev’s diplomacy:
source analysis**

Аннотация. В этой статье исследуется идея Хрущева о создании «свободного города Берлин», а также значение Берлинского вопроса в международных отношениях советского периода. Проанализированы заявления Хрущева и переговоры на высшем уровне с послами. Кроме того, дан анализ документов, хранящихся в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ).

Ключевые слова: Берлин, послевоенный, оккупация, мирный договор, дипломатия.

Abstract. In this article explores the Khrushchev’s idea of creating “free city Berlin” as well as the meaning of Berlin’s question in international relations of the soviet period. Khrushchev’s statements and summit talks with ambassadors are analyzed. There is also given analysis of documents that characterize stored in Russian State Archive of Recent History (RGANI).

Keywords: Berlin, post war, an occupation, peace treaty, diplomacy.

«Германский вопрос» в рамках осмысления феномена «Холодной войны» и геополитической ситуации в середине XX в. в целом имеет огромное значение. Раскол Германии стал не только центральным вопросом в международных отношениях периода «Холодной войны», но и привел к усугублению проблем идентичности немецкой нации, которые актуальны и в настоящий момент. В данном случае «Берлинский вопрос» в дипломатических отношениях СССР и других стран выступал как часть «германского вопро-

са». «Берлинский вопрос» стал прямым результатом послевоенного четырехстороннего статуса Берлина, его правового положения, определенного по итогам Ялтинской конференции.

Автор данной статьи видит актуальность изучения указанной темы, даже несмотря на достаточно обширную историографию вопроса. Это обуславливается многими факторами: именно в период дипломатии Н.С. Хрущева можно выделить «пиковые» точки «германского» и, в частности, «берлинского» вопросов на арене международных отношений. Именно эти кризисные ситуации во многом определили вектор направленности политико-дипломатического курса отношений СССР с ГДР и странами Запада.

В оценке дипломатии Н.С. Хрущева некоторые авторы находят много точек соприкосновения. Так, стоит отметить схожесть взглядов А.М. Филитова¹ и Г. Веттига². Оба исследователя отмечают особенность «единоличной» дипломатии Н.С. Хрущева. Оба исследователя отмечают факт того, что Н.С. Хрущев не часто обращался к Министерству иностранных дел за советом или же консультацией, принимая решения, он, как правило, руководствовался своими собственными взглядами. Особенности дипломатии Н.С. Хрущева имели значительное влияние на решение и трансформацию «берлинского вопроса» в течении достаточно продолжительного времени.

А.М. Филитов выделяет также следующую особенность дипломатической линии заданного периода: Н.С. Хрущев, как главный идейный борец с «культом личности», в некоторых вопросах принимал решения самостоятельно, не советуясь ни с кем. В начальный период руководства Н.С. Хрущева, его стиль управления во внешнеполитических вопросах сглаживался во многом политикой Министерства иностранных дел, а именно В.М. Молотовым, затем пришедшим ему на смену Д.Т. Шепиловым (который во многих вопросах отстаивал свою позицию куда более жестко предшественника). Однако занявший в 1957 г. пост нового министра А.А. Громыко зачастую шел Н.С. Хрущеву на уступки³.

Кроме того, именно в дипломатии Н.С. Хрущева можно проследить путь от идеи концепции «вольного города Берлин» до

идеи Берлина как «самостоятельной единицы», что описывает в своей монографии исследователь Р.В. Долгилевич⁴. Уже с 1958 г. начинается разработка идеи о статусе «свободного города» Западного Берлина. На очередном заседании Президиума ЦК КПСС было решено обязать Министерство иностранных дел вместе с уполномоченными отделами ЦК КПСС подготовить предложения по реализации данной идеи. Однако уже к 1963 г. данная концепция нигде не фигурирует. А в 1964 г. концепция «самостоятельной политической единицы»⁵ была оформлена в Договоре о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и ГДР 12 июня 1964 г.⁶

Н.С. Хрущев относился к Западному Берлину с некоторой долей опасения и видел в нем угрозу, площадку для подрывной деятельности ФРГ и ее разведок в сторону ГДР. Н.С. Хрущев, в отличие от И.В. Сталина, который в первую очередь видел в ГДР некий способ укрепления советского влияния, добивался от Запада признания послевоенных границ в ГДР.

Стоит отметить, что на восприятие «берлинского вопроса» имело влияние и подписание Австрийского государственного договора (нем. Österreichischer Staatsvertrag) или Декларации о независимости Австрии в 1955 г. в Вене во дворце Бельведер. Договор был подписан между Францией, Великобританией, США и СССР – с одной стороны и австрийским правительством – с другой. Договор закреплял суверенитет Австрии. Помимо этого, Австрия внесла в договор пункт о постоянном нейтралитете, что давало надежду СССР на неприсоединение Австрии к НАТО после вывода советских войск. Для СССР было показательно то, что ход переговоров улучшился после смерти И.В. Сталина, а к февралю 1955 г. Молотову и австрийским представителям удалось прийти к консенсусу. Этот способ решения проблемы, по мнению советского руководства, можно было применить и к решению западноберлинского вопроса. Пойти по пути экономической интеграции Западного Берлина, а не, допустим, блокады. Учитывая и тот факт, что Австрия и ее столица Вена в послевоенный период были также разделены на зоны между Великобританией, США, Францией и СССР.

Говоря о «пиковых точках» дипломатии, автор данной работы видит целесообразным актуализировать внимание читателя на вопросе изучения событий 17 июня 1953 г., не говоря уже о «втором берлинском кризисе». Так называемый «второй берлинский кризис» стал одним из самых напряженных моментов Холодной войны. В современной историографии существует несколько концепций периодизации Берлинского кризиса. Автор данной статьи придерживается классической версии периодизации, на которой основываются исследования немецкого историка Г. Веттига и представителя отечественной историографии А.М. Филитова. Авторы полагают, что кризис был «от поздней осени 1958 г. до поздней осени 1963 г., с кульминационным пунктом – строительством стены в августе 1961 г. – и обостренной напряженностью в последующие месяцы»⁷.

Весь указанный период проходил под знаком «мирного существования» – главной советской дипломатической установки, которая из красивого и агитационного лозунга стала превращаться в настоящую дипломатическую доктрину внешней политики Советского государства. Все вышесказанное отражает актуальность заданной темы, ведь «берлинский вопрос» стал катализатором развития международных отношений того формата, который существовал в то время.

При изучении всех вышеперечисленных вопросов исследователями используется и привлекается различный круг источников. Таким авторам, как А.М. Филитов и Г. Веттиг, удалось поработать как в немецких, так и в российских архивах. Многие источники были введены ими в научный оборот впервые.

Однако автор данной статьи видит целесообразность источниковедческого анализа документов по указанному вопросу в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ). В этом заключается еще один аспект актуальности указанной проблематики. Такой подход позволяет более детально изучить каждый источник отдельно и в группе с другими источниками. Как полагает автор, такой метод позволит расширить источниковую базу по заданной проблематике, а также ввести в научный оборот большее количество источников.

Документы бывшего архива ЦК КПСС, ныне хранящиеся в РГАНИ, представляют собой комплексный источник по изучению истории советского периода и советского общества, а также международных отношений. Они имеют большое научно-просветительское и практическое значение.

Большинство исторических процессов XX в. так или иначе связаны с деятельностью коммунистической партии. Многие события и явления уходящего столетия невозможно понять, не зная внутреннего устройства КПСС, динамики изменения персонального состава ее высших органов. Рассматривая Аппарат ЦК КПСС как пример «закрытого общества», можно отметить, что Советское «закрытое» общество всегда защищало свои границы, будь то государственные, культурные, или даже ментальные, в том числе и со стороны формально идейно близких обществ. Но некие «стены» внутри самого советского социума сегрегировали его обитателей по своим «закрытым» обществам также очень жестко⁸.

Органом управления КПСС являлся Центральный комитет (ЦК), который избирался на общем съезде партии. Однако ЦК являлся не постоянным органом, а собирался на Пленумы для решения некоторых конкретных задач, а также избирал новых членов постоянного руководящего органа партии – Политбюро ЦК КПСС и Секретариата ЦК КПСС, который решал более мелкие проблемы.

Для технической помощи Политбюро и Секретариату ЦК КПСС существовал еще один, не избираемый, партийный институт – Аппарат ЦК КПСС. Одной из важнейших функций Аппарата ЦК было соблюдение контрольной функции за исполнением принятых Политбюро и Секретариатом решений, а также общий контроль за ситуацией во вверенных их попечению сферах. Такая развитая сеть правящей партии лежала в основе законодательной и практической деятельности всего государства. Стоит понимать, что именно в партийных документах отразилась вся принципиальная позиция по основополагающим вопросам.

Ошибочно полагать, что документы по «берлинскому вопросу» отложились преимущественно только в одном отделе. По мере того, как менялся характер управления страной (консолидирова-

ние «единоличного» управления Н.С. Хрущева) и изменялся принцип международных отношений (установление дипломатических отношений с ФРГ), видоизменялся и состав документов. «Берлинский вопрос» нашел отражение и в обсуждениях на заседаниях Президиума ЦК, и в постановлениях ЦК КПСС, и в материалах Секретариата. В ЦК КПСС собиралась различная информация из множества ведомств, отчеты о положении в Берлине, документы о подготовке и проведении совещаний на высшем уровне.

Автор видит целесообразным выделить следующие комплексы документов, чтобы подтвердить визуально вышеуказанные слова о важности изучения документов по «берлинскому вопросу» на основе документов бывшего партийного архива:

материалы подготовки и проведения совещаний на высшем уровне, где обсуждался или затрагивался «берлинский вопрос»;

переговоры с послами в ГДР и ФРГ (анализируя которые можно составить общее представление о тенденциях и направленности политики в высшем руководстве двух немецких государств);

сведения и отчеты представителей и посольств в ГДР (очень ценный источник, который характеризует положение и общее настроение в ГДР в указанный период).

Если вплоть до 1957 г. внешнеполитическими связями с родственными партиями занимался Международный отдел ЦК КПСС, то уже после восстания в Венгрии ответственность за связи с правящими компартиями была передана Отделу по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран, который возглавил бывший до этого с 1954 г. послом СССР в Венгрии Ю. Андропов. 20 мая 1957 г. Секретариат ЦК утвердил структуру отдела, в которой был выделен Сектор ГДР.

Отдел по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран был создан 21 февраля 1957 г. и просуществовал вплоть до 1988 г. Из неофициальных названий часто фигурировали такие, как «отдел по соц. странам», «2-й международный», «отдел братских партий», «братский отдел». С 1957 г. документы касательно «берлинского вопроса» отложились в большей степени именно в Аппарате ЦК. Знаковым также является тот

факт, что вопросы, связанные с деятельностью ранее одной страны, а теперь двух немецких государств – ГДР и ФРГ – стали решаться не только в разных секторах, но и в разных отделах.

В целом документы КПСС как отдельный вид (что принципиально) исторического источника содержат в себе ценную информацию по истории международных отношений, в частности – отношений ГДР и СССР в указанный период⁹.

Примечания

1. *Филитов А.М.* Германия в советском внешнеполитическом планировании, 1941–1990. М.: Наука. 2009. 331 с.
2. *Веттиг Г. Н.С.* Хрущев и Берлинский кризис 1958–1963 годов: политика угроз и возведение Берлинской стены. М.: РОССПЭН, 2007. 400 с.
3. *Филитов А.М.* Указ. соч. С. 239.
4. *Долгилевич Р.В.* Западный Берлин и советская дипломатия (1963–1969 гг.). М.: Алетейя. 2018. 246 с.
5. Там же.
6. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Выпуск XXVI: Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 1 января 1969 года и 31 декабря 1970 года. М.: Международные отношения, 1973. Док. № 1676. С. 68–71.
7. *Пилько А.В.* НАТО и Берлинский кризис 1958–1961 годов // Новая и новейшая история. 2012. № 1. С. 83.
8. Николай Митрохин. Аппарат ЦК КПСС в 1953–1985 годах как пример «закрытого общества» // НЛО. 2006. № 6. [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2009/6/apparat-czk-kpss-v-1953-8212-1985-godah-kak-primer-zakrytogo-obshhestva.html> (дата обращения: 12.05.2020).
9. *Прозуменщиков М.Ю.* Архивные документы о советско-германский отношения в эпоху Н.С. Хрущева // Послевоенная история Германии. Материалы Конференции российский и немецких историков. М.: Директмедиа Паблишинг, 2006. С. 246.

**Конструирование памяти о войне:
идеология, символика,
коммеморация**

**Огненный таран Н. Гастелло:
создание пропагандистского образа
и коммеморативные практики**

V.V. Tikhonov

**N. Gastello's fire RAM. The creating
of propaganda image and the commemorative practices**

Аннотация. Статья посвящена реконструкции отражения огненного тарана Н. Гастелло в советской пропаганде времен Великой Отечественной войны, а также анализу послевоенных коммеморативных практик. Демонстрируется, как постепенно была сформирована разветвленная мемориальная инфраструктура, отражающая роль Гастелло как одного из символов войны. Делается вывод, что образ героя строился по принципам соцреалистического канона.

Ключевые слова: героика, Великая Отечественная война, Н. Гастелло, советская пропаганда, коммеморативные практики.

Abstract. The article is devoted to the reconstruction of the reflection of N. Gastello's fire RAM in Soviet propaganda during the Great Patriotic war, as well as to the analysis of post-war commemorative practices. It shows how the extensive memorial infrastructure was gradually formed, reflecting the role of Gastello as one of the symbols of the war. It is concluded that the image of the hero was built on the principles of the socialist realist canon.

Keywords: Iheroics, the Great Patriotic war, N. Gastello, Soviet propaganda, commemorative practices.

Героика Великой Отечественной войны прочно вошла в историческое сознание российского общества. Это явление, в котором тесно переплелись реальные события, сконструированные пропагандистские образы и последующие коммеморативные прак-

тики. Среди наиболее узнаваемых героев можно назвать Н.Ф. Гастелло. Целью данной статьи является описание практик конструирования, идейного наполнения и форм поддержания «мифа»¹ о Н.Ф. Гастелло и его огненном таране.

26 июня 1941 г. звено под командованием Н.Ф. Гастелло вылетело в район Радошковичи-Молодечно, где располагалась немецкая механизированная колонна. Гастелло управлял самолетом ДБ-3Ф, в котором находились также лейтенант А.А. Бурденюк, лейтенант Г.Н. Скоробогатов и старший сержант А.А. Калинин. Самолет был подбит огнем зенитной артиллерии (был поврежден топливный бак) и рухнул на колонну. Согласно официальному наградному листу, «по наблюдению ст[аршего] лейтенанта Воробьева и лейтенанта Рыбаса они видели, как капитан Гастелло развернулся на горящем самолете и повел его в самую гущу танков»².

5 июля 1941 г. Совинформбюро сообщило: «Героический подвиг совершил командир эскадрильи капитан Гастелло. Снаряд вражеской зенитки попал в бензиновый бак его самолета. Бесстрашный командир направил охваченный пламенем самолет на скопление автомашин и бензиновых цистерн противника. Десятки германских машин и цистерн взорвались вместе с самолетом героя»³.

10 июля 1941 г. в газете «Правда» появился очерк П. Павленко и П. Крылова «Капитан Гастелло»⁴. Публикация вызвала резонанс. 25 июля Гастелло был представлен полковым комиссаром Н. Кузнецовым к званию Героя Советского Союза, которое было присвоено уже на следующий день. После этого образ Гастелло получил широкое распространение в пропаганде и занял прочное место в героике Великой Отечественной войны.

Образ Гастелло быстро стал важной частью советской пропаганды. Летчиков, совершивших «огненный таран», стали называть «гастелловцами». Стоит отметить, что на первом – катастрофическом – этапе войны в советской пропаганде доминировала именно индивидуальная (поскольку настоящих больших побед просто не было) героика, причем жертвенная. По мере постепенного изменения ситуации в пользу советской армии можно было наблюдать смещение акцентов в сторону героя-победителя. Так, по мере

повышения мастерства советских летчиков росло и отрицательное отношение к тарану как героическому, но малоэффективному, самоубийственному средству ведения боя. Например, знаменитый ас А.И. Покрышкин относился к тарану исключительно отрицательно⁵. Впрочем, до конца войны такие подвиги продолжали официально выделяться⁶.

Растиражированный пропагандой образ Гастелло концентрировался на индивидуальном подвиге, остальные члены экипажа оказались забыты. На плакатах, листовках и иллюстрациях в средствах массовой информации изображалось, что свой знаменитый таран он совершил в одиночку. При этом часто он оказывался летящим не на бомбардировщике, а на истребителе.

Большую роль в создании массового образа Гастелло сыграл В. Гроссман. В статье, опубликованной в газете «Красноармеец» (1941, № 15), он писал: «Машина Гастелло врывается в “толпу” цистерн и машин – и оглушительный взрыв долгими раскатами сотрясает воздух сражения: взрываются вражеские цистерны. Нелегко умирать. Но такая смерть прекрасна, как вечная жизнь»⁷.

Значимая роль в героическом нарративе отводилась семье Гастелло. Обращение к родным героя должно было придавать истории его жизни и подвига определенные сентиментальные и интимные нотки, очеловечивать его и в то же время показывать ординарность героя, его типичность для советского общества. Кроме того, это должно было играть на пропаганду семейных ценностей, набравшую силу во второй половине 1930-х гг. Одна из первых брошюр о Гастелло, выпущенная в 1941 г. (подписано к печати 16 августа 1941 г.) издательством «Молодая Гвардия», состояла из литературных рассказов близких героя (родителей и жены) о нем⁸.

Газета «Московский большевик» подготовила очерк «Бесстрашный герой», основной акцент в котором делался на семье Гастелло. Текст сопровождался фотографией семьи, читающей приказ о награждении, опубликованный в газете «Правда». Очерк завершался следующим образом: «Старый вагранщик поднимает седую голову и смотрит на портрет сына. Его узловатые, отдыхающие на коленях руки сжимаются в кулаки. У обеих женщин – ста-

рой и молодой – на ресницах дрожат слезы. Но в их взгляде светятся гордость и мужество и та великая любовь – любовь к советской Родине, что выше всех личных чувств, глубже всякой скорби, сильнее, чем сама смерть»⁹. В представленном образе семьи прослеживается идея коллективной жертвы во имя Родины, любовь к которой «выше всех личных чувств». Потеря близкого родственника должна восприниматься как необходимая жертва во имя общей победы. В таком же ключе были написаны очерки В. Иванова¹⁰ и М. Перова¹¹.

Семья играла важную роль и в такой коммуникативной форме пропаганды, как открытые письма на фронт и в тыл. Например, была опубликована переписка колхозников Забайкалья (здесь была создана артель имени Гастелло) с матерью Гастелло Анастасией. Она выступала в роли мотиватора и даже контролера, представляющего своего погибшего сына-героя¹². Такая же переписка велась и с шахтерами из Молотовской области, чья шахта была названа в честь Гастелло¹³. Уже после войны мать Гастелло продолжала выступать в качестве хранителя памяти о сыне. На 7-летие подвига летчика вышла заметка о его жене, ставшей медсестрой и посвятившей себя лечению красноармейцев¹⁴. В 1960 г. появился очерк «У матери Николая Гастелло», в котором, помимо прочего, рассказывалось о гибели младшего сына Анастасии, Виктора, который погиб под Ржевом, уйдя на фронт, желая отомстить за старшего брата¹⁵. В этом отразился «оттепельный» поворот к теме человеческой трагедии на войне и показ не только героики (хотя героика присутствует и здесь), но и семейной драмы, горя матери, потерявшей двух сыновей на войне.

Образ Гастелло быстро получил и художественное воплощение. Скульптор С. Лебедева изваяла бюст Гастелло¹⁶. Широкою известность приобрела песня А. Пирогова «Баллада о капитане Гастелло» (музыка – В. Белый, слова – В. Винников). В песне подвиг изображается исключительно индивидуальным. Впервые песня прозвучала в шестом номере киножурнала «Советское искусство»¹⁷. Баллады о Гастелло были сочинены также Т. Сикорским (музыка – В. Левитской) и А. Хачатурян «Капитан Гастелло»

(текст – А. Лугин)¹⁸. Стихи о Гастелло написали ведущие советские поэты – П. Шубин, М. Голодный и В. Лебедев-Кумач.

Стихотворение В. Лебедева-Кумача строилось как рассуждение на примере Гастелло о величии советского человека. Оно так и называлось – «Воистину велик Советский человек (Герою-летчику капитану Гастелло)»:

Нет меры храбрости, героизму нет предела,
Воистину велик советский человек!
Твой славный подвиг, капитан Гастелло,
В преданиях останется навек.
Родной орел! Твой дух героический с нами.
Величью твоему поклонится народ
И понесет в сердцах, как огненное знамя,
Пылающий и грозный самолет.

Но, пожалуй, самой народной формой прославления героя должны были стать сочинения сказителей. Их появление должно было свидетельствовать о народном характере подвига. Про Гастелло такое сказание сочинила знаменитая поморская сказительница А. Суховерхова, надо сказать, чутко реагирующая на социальный заказ современности:

За облаком синим, как сокол степной,
Летает Гастелло – отважный герой.
Он видит сквозь тучи насилие врага,
Он слышит, как стонет родная страна.
Стрелой огневою разит враг его,
И вдруг загорелось машины крыло:
«Мне жизни дороже родная земля!»
И телом горящим он пал на врага.
И словом прощальным его был завет:
«Кто Родине предан, тому смерти нет».
Моря всколыхнулись, затихли леса,
Гастелло навеки запомнит страна¹⁹.

Образ Гастелло, чей отец был родом из Беларуси, активно использовался в пропаганде, рассчитанной на белорусов. Хотя сам Н.Ф. Гастелло в анкете писал, что по национальности он – русский, пропаганда нередко позиционировала его как белоруса²⁰. Белорусские средства массовой информации преподносили Гастелло как героя-земляка.

После войны образ летчика-героя играл не только мобилизующую функцию, но и легитимировал сталинский культ. В газетах появлялись публикации о «Сталинском богатыре» или «Сталинском соколе». Тогда же начинается усиленная мифологизация подвига Гастелло, вписывание в схему «жизнь как подвиг». В рамках этой схемы жизнь презентовалась как телеологическое движение к кульминации – подвигу. Настоящий герой должен был оставить потомкам запоминающееся высказывание-послание, но в случае с Гастелло это было проблематично хотя бы по причине обстоятельств его подвига. Тем не менее, такие высказывания были найдены (додуманы): «Что бы ни ждало нас впереди, все пройдем и выдержим. Никакой буре нас не сломить, никакой силе не сдержат!»; «Если разразится война, если враг посмеет напасть на нашу священную землю, мы огненной стеной спалим его!»; «Разве мы до себя фашистское рабство допустим? – Не допустим! Если будет нужно, за Родину отдадим свою жизнь. Фашистские бандиты будут уничтожены!»²¹. Все три фразы имеют ассоциативные или прямые отсылки к огненному тарану и жертве.

Беллетризованные сочинения о Гастелло печатались неоднократно. В 1947 г. известный драматург И.В. Шток написал пьесу «Гастелло», в финале которой герой совершает огненный таран на истребители в одиночку. Пьеса была поставлена в театре юного зрителя и предназначалась для воспитания подростков.

Более исторически достоверной является повесть Н. Шпанова «Николай Гастелло» (1948). Но и здесь несовпадений с известными фактами более чем достаточно. Согласно повести, экипаж Гастелло совершал боевой вылет для бомбардировки вражеского аэродрома. Операция прошла успешно, но самолет был подбит. На последних страницах произведения автор показывает последние

минуты жизни экипажа самолета Гастелло. Сам командир ни на мгновение не сомневается, что отдаст жизнь и не катапультируется над территорией врага, но хочет спасти свой экипаж. Тогда он предлагает остальным членам экипажа выбирать: остаться или катапультироваться. Все они единогласно решают остаться и идти на таран²².

Уже 7-летие подвига вызвало немалый информационный резонанс, а 10-летний юбилей в 1951 г. и вовсе отмечался очень широко и приобрел общесоюзный масштаб. В газетах примерно в одно и то же время вышли заметки и статьи с очень похожим названием, что указывает на централизованность мероприятия²³. К 10-летию подвига акцентировалось внимание на том, что Гастелло совершил свой таран не в одиночку, вместе с ним погиб и его экипаж. Появилась статья К. Непомнящего «Экипаж Николая Гастелло», в которой на основе архивных документов рассказывалось о погибших вместе с Гастелло летчиках. Подчеркивалось, что они такие же герои, сознательно пошедшие на смерть. В книге С. Щуцкого специальный очерк посвящался членам экипажа Гастелло. В нем указывалось, что решение идти на таран было коллективным. Упоминалось, что экипаж был многонациональным. Это должно было символизировать советское братство народов²⁴. В 1958 г. сослуживцам удалось добиться награждения остальных членов экипажа Гастелло. 23 января 1958 г. А.А. Бурденюк, А.А. Калинин и Г.Н. Скоробогатый были посмертно награждены орденами Отечественной войны I степени²⁵. Официальное признание подтолкнуло процесс их мемориализации, конечно же, гораздо менее масштабной, чем самого Гастелло.

К 10-летию подвига было решено провести эксгумацию останков Гастелло и его экипажа. Но при вскрытии захоронения (его сделали местные жители вскоре после гибели экипажа) были обнаружены вещи капитана А.С. Маслова и его стрелка-радиста младшего сержанта Г.В. Реутова. Вещей Гастелло обнаружено не было. Находки огласке не предавались. А.С. Маслова и Г.В. Реутова перезахоронили на кладбище Радошковиной, а на месте их гибели был поставлен памятник Гастелло.

Не менее масштабно прошел 20-летний юбилей. Именно этот юбилей окончательно сформировал устойчивый сценарий торжественного поминовения Гастелло. Он мало чем отличался от стандартной советской коммеморации. Предполагалось посещение музея, особенно пионерами и солдатами срочной службы. В книге отзывов люди оставляли записи, желательно с клятвой быть такими же стойкими, как герой. Рядом с местами памяти собиралась пионерская дружина, задачей которой было провести торжественный митинг памяти и возложить цветы. Наконец, центральные и местные газеты публиковали заметки о юбилее, напоминая читателям о подвиге Гастелло²⁶.

После войны начали создаваться места памяти, связанные с Гастелло. Так, во время войны в Доме авиации противовоздушной и химической обороны прошли выставки, на которых ряд экспозиций посвящался героям авиации, в том числе и Гастелло²⁷. В летной школе, где учился Гастелло, в каждой ленинской комнате был его портрет, и с курсантами проводились беседы, рассказывающие о его подвиге²⁸.

Но наиболее насыщенным местом памяти о Гастелло стал г. Муром (Владимирская область), где непродолжительное время он жил, а затем герой стал едва ли не главной достопримечательностью города в советскую эпоху. В 1947 г. здесь открылся дом-музей Н.Ф. Гастелло²⁹. Композиция музея выстраивала жизнь Гастелло как прямой путь к подвигу. В одной комнате демонстрировались юные годы героя, рисовался образ идеального советского гражданина, который любит свою страну, увлечен трудом и с радостью берет общественную нагрузку. Здесь же демонстрировались воспоминания работавших вместе с Гастелло рабочих с местного муромского завода. Еще одна комната была посвящена его службе в армии. Наконец, главной частью экспозиции являлась «комната подвига»³⁰.

Перед музеем был установлен памятник, созданный скульптором А.О. Бембелем в 1943 г. Затем в 1964 г. памятник был перенесен на привокзальную площадь, где находится и поныне. Информацию об авторской трактовке памятника найти не удалось, но она

явно оригинальнее, чем традиционные для соцреализма скульптуры. Гастелло (точнее его бюст) изображен вскинувшим руку (вторая на скульптуре отсутствует), которая прикрывает лицо. Такой жест характерен для человека, защищающегося от сильного огня. У зрителя складывается ощущение, что он сейчас ворвется в огненное пламя.

В 1976 г. в муромской школе № 33 появился собственный музей Гастелло, который работает до сих пор³¹. На регулярной основе с 1946 г. в Муроме проводится футбольный турнир на кубок памяти Гастелло. Здесь же находится Стадион им. Гастелло. В 1965 г. в Муроме прошел всесоюзный турнир памяти Гастелло по волейболу³². В целом, в городе была сформирована довольно разветвленная мемориальная карта мест, связанных с Гастелло³³.

Мемориальную инфраструктуру, посвященную Гастелло, создали и в других городах. В Москве на стенах школы № 370 (здесь учился Гастелло) в 1958 г. торжественно установили мемориальную доску в память о нем³⁴. В 1960 г. на 9 мая 3-я Сокольническая улица была переименована в улицу Гастелло. В Центральном музее Советской армии имела постоянная экспозиция, посвященная Гастелло³⁵. В Ростове-на-Дону на доме, где жил Гастелло, на улице Таганрогская была установлена мемориальная доска. Этому предшествовали публикации в местной прессе, посвященные воспоминаниям местных жителей о летчике³⁶.

Особое значение память о Гастелло имела для Белорусской ССР. По утверждению белорусского писателя С. Щуцкого, в годы войны на территории Белорусской ССР действовало девять партизанских отрядов и одна бригада, носивших имя Гастелло³⁷. Он был официально занесен в пантеон белорусов-героев Великой Отечественной войны. Мемориальным центром стали Радошковичи (теперь – Молодечненский район Минской области Белоруссии), рядом с которыми упал самолет Гастелло. Здесь на площади в 1954 г. был установлен бюст Гастелло³⁸. На 15-летие подвига к месту падения самолета были организованы массовые экскурсии³⁹. Министерство культуры Белорусской ССР, развивая концепцию музеев-заповедников, связанных с войной, планировало создать музей и в

Радощковича⁴⁰, но по каким-то причинам от этого пришлось отказаться. В 1976 г. при дороге Минск–Молодечно был установлен памятник Гастелло и его экипажу.

Еще одним городом, связанным с Гастелло, являлась Уфа, где он некоторое время жил в детдоме. Здесь был в 1985 г. установлен памятник Гастелло, в городе есть микрорайон, памятный сквер и стадион, названные в честь Н.Ф. Гастелло. В 1977 г. тут был основан футбольный клуб «Гастелло». Улицы Гастелло появились во многих населенных пунктах Советского Союза.

В 1977 г. из печати вышла книга сестры Гастелло Нины⁴¹. В работе над книгой принимали участие журналист Н.А. Мукарев, литературную обработку сделал Б.С. Орлов. Перед нами довольно типичный пример военных беллетризованных воспоминаний, щедро издававшихся в 1970-х гг. Личность автора-сестры стала причиной особого акцента на семейной истории, вписанной в официальный советский исторический нарратив (например, история про похороны Ленина, ранее в текстах про Гастелло не встречавшаяся). В тексте есть рассказ о подвиге в годы Первой мировой войны летчика Петра Нестерова, протаранившего немецкий самолет. Здесь можно отчетливо увидеть стремление выстроить континуитет с дореволюционными героями-летчиками, получалось, что подвиг Гастелло – еще одно проявление русского характера. Такая смысловая схема хорошо вписывалась в общий русоцентричный идейный поворот 1970-х гг.

На волне критики советских мифов о Великой Отечественной войне во второй половине 1980-х гг. майор в отставке Э. Харитонов поставил под сомнение каноническую версию подвига на основании того, что при вскрытии могилы в 1951 г. там не было обнаружено останков Гастелло и его экипажа. С его точки зрения, настоящим героем являлся А.С. Маслов, чьи личные вещи и вещи стрелка-радиста Г. Реутова и были обнаружены в захоронении. Э. Харитонов проявил завидную настойчивость в разоблачении Гастелло⁴² и восстановлении справедливости по отношению к Маслову. Свою позицию Харитонов подкреплял не только обнаруженными в могиле находками, но и рассуждениями о несоответ-

ствии типа самолетов, а также тем, что основные свидетели (члены экипажа Воробьева, входившего в состав звена Гастелло) числились в другом полку. Поскольку Маслов был родом из подмосковной Коломны, то в раскрутке своего земляка были заинтересованы власти Коломны, чьей поддержкой Харитонов заручился. Ему удалось обратить на себя внимание сначала союзных (но вскоре СССР распался), а потом и российских властей. Благодаря его усилиям, в 1995 г. Маслов получил звание Героя России (посмертно)⁴³. После этого средства массовой информации активно муссировали (и до сих пор муссируют) тему разоблачения мифа о Гастелло⁴⁴.

Версию событий, предложенную Харитоновым, опровергал сын Гастелло, Василий⁴⁵. Кроме того, она подверглась критике К. Экономовым⁴⁶. Основные аргументы, выдвинутые защитниками, были следующими: наличие официальных рапортов; дислокация двух полков, где служили Гастелло и Воробьев на одном аэродроме в самом начале войны, и выполнение ими операций смешанным составом (следовательно, Воробьев и его штурман действительно могли присутствовать при подвиге); исчезновение останков Гастелло и членов его экипажа объяснялось огненным тараном, при котором что-то сохраниться не могло даже теоретически, и наоборот, сохранность останков Маслова и его экипажа свидетельствует о том, что они огненного тарана не совершали.

Против очернения подвига Гастелло выступил и Центральный музей вооруженных сил (ЦМВС). Так, старший научный сотрудник ЦМВС, полковник в отставке В.Н. Старовойтов в методических материалах, изданных музеем, отстаивал честное имя Гастелло, намекал, что шумиха искусственная, поскольку давно было известно о гибели экипажа Маслова, и указывал, что в минском музее материалы о Гастелло и Маслове соседствуют. Сам автор придерживался мнения, что героями нужно считать обоих⁴⁷.

На данный момент принята компромиссная версия, сутью которой является признание того, что героически погибли оба экипажа. Она же преобладает в последних школьных учебниках. Это вполне вписывается в общую «стратегию примирения», взятую на

вооружение в школьном образовании по отношению к героическим символам. В 2015 г. в поселке Проводник (Коломенский район Московской области), откуда был родом А.С. Маслов, ему установили памятник работы З. Церетели⁴⁸.

«Миф» о Гастелло прочно вошел в героический нарратив Великой Отечественной войны. На его примере хорошо видны механизмы поддержания героического нарратива, построенного по законам не столько достоверного исторического знания, сколько на принципах упрощенной версии социалистического реализма, где недостающие факты достраивались, исходя из канона должного поведения героя. В итоге получился сложный образ, где факты и вымысел тесно переплелись.

Примечания

1. Понятие «миф» в данной статье применяется в том смысле, который в него вкладывал Р. Барт. С его точки зрения, миф – это метаязык, то есть вторичный язык, на котором говорят о первичном (то есть о факте или явлении). Миф обладает формой, понятием и значением. Первое создает оболочку, второе наполняет ее смыслом. Причем форма мифа выхолащивает из него всякое содержание и позволяет в дальнейшем вложить в него какой угодно смысл. Миф деформирует смысл («<...> где кончается смысл, там сразу же начинается миф») и превращает его в форму. При этом миф имеет ценностную природу. Именно эти особенности и определяют значение (содержание) мифа. По наблюдениям Р. Барта, миф является одновременно и формой, и смыслом (См. *Барт Р. Мифологии*. 4-е изд. М., 2017).
2. Подвиг народа. [Сайт]. URL: <http://www.podvignaroda.ru/?#id=150006862&tab=navDetailManAward> (дата обращения: 13.05.2020).
3. Сообщения советского информбюро. 1 (июнь–декабрь 1941 года). М., 1944. С. 28.
4. Правда. 10 июля 1941. С. 2.
5. *Марчуков А.В.* Герои-покрышкинцы о себе и о своем командире. Правда из прошлого. 1941–1945. М., 2014. С. 48.
6. Например, Петр Зубко, совершивший огненный таран ценой собственной жизни. См.: По примеру Гастелло // Сталинский сокол. 4 октября 1944 г.
7. См.: Слово о солдате. М., 1985.

8. *Гастелло Ф., Гастелло А., Гастелло А.* Герой Советского Союза капитан Н. Гастелло. М., 1941.
9. Бесстрашный герой // Московский большевик. 2 августа 1941 г.
10. *Иванов В.* В семье героя // Гудок. 7 мая 1943 г.
11. *Перов М.* В семье героя // Вечерняя Москва. 31 августа 1941 г.
12. Переписка колхозов с матерью Героя Советского Союза тов. Гастелло // Забайкальский рабочий. 8 октября 1942 г.
13. *Щуцкий С.* Герой Советского Союза Николай Гастелло. Минск, 1952. С. 77.
14. Медицинский работник. 30 июня 1948 г.
15. *Воронецкий В.* У матери Николая Гастелло // Красная звезда. 12 ноября 1960 г.
16. Вечерняя Москва. 2 октября 1941 г.; *Гехт С.* Портрет героя // Советское искусство. 9 октября 1941.
17. Патриотические стихи, песни, пьесы // Кино. 18 сентября 1941 г.
18. *Келдыш Ю.* Три баллады о капитане Гастелло // Советское искусство. 18 сентября 1941 г.
19. Творчество народных сказителей // Комсомольская правда. 9 октября 1943 г.
20. Герои Советского Союза. 1942 // Научный архив Института российской истории РАН. Ф. 2. Раздел IV. Оп. 1. Л.М. Доватор; Белорусы на фронте: Гастелло // Комсомольская правда. 8 февраля 1942 г.
21. Николай Гастелло – сталинский богатырь (К семилетию со дня смерти нашего легендарного земляка) // Призыв (Владимир). 26 июня 1948 г.
22. *Шпанов Н.* Николай Гастелло. М.: Военное издательство Министерства вооруженных сил Союза ССР, 1948.
23. См.: Герой Советского Союза Н.Ф. Гастелло (К 10-летию со дня гибели) // Башкирский нефтяник. 27 июня 1951 г.; Герой Советского Союза Н.Ф. Гастелло // Миасский рабочий. 27 июня 1951 г.; Герой Советского Союза Н.Ф. Гастелло (К 10-летию со дня гибели) // Черемховский рабочий. 24 июня 1951 г.; *Аров К.* Подвиг Николая Гастелло // Молодежь Азербайджана. 27 июня 1951 г.; Герой Советского Союза Н.Ф. Гастелло // Звезда Алтая. 28 июня 1951 г.; *Мартиросян К.* Бесмертный подвиг героя (К 10-летию со дня героической смерти капитана Н.Ф. Гастелло) // Коммунист (Ереван). 26 июня 1951 г.; *Гребченко Г.* Легендарный подвиг // Советская Белоруссия. 26 июня 1951 г.; и мн. др.
24. *Щуцкий С.* Указ. соч. С. 72–73.
25. Боевые соратники Гастелло // Красная звезда. 26 января 1958 г.
26. См.: *Власов И.* Жизнь за Родину // Колхозная правда. 23 июня 1961 г.;

- Паршаченко П.* Муромцы чтят память героя // Муромский рабочий. 27 июня 1961 г.; *Акишкин А.* Сердце коммуниста // Советский патриот. 25 июня 1961 г.; *Подвиг Гастелло* // Ташкентская правда. 27 июня 1961 г.; *Стоянов М.* Из племени крылатых // Литература и жизнь. 25 июня 1961 г.; и др.
27. Из отчета о работе ЦС Осоавиахима за 1941–1945 гг. // Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы / Авторы-составители: А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. М., 2007. С. 565.
 28. Там, где учился Гастелло // Комсомольская правда. 19 августа 1945 г.
 29. Открытие дома-музея Николая Гастелло в городе Муроме // Советская Белоруссия. 15 августа 1947 г.
 30. *Гулин Ю.* Человек великого подвига // Советская авиация. 11 марта 1960 г.
 31. Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение Основная общеобразовательная школа №33. г. Муром. [Сайт]. URL: http://murom-sh33.ucoz.ru/index/muzej_geroja_sovetskogo_sojuza_n_f_gastello/0-5 (дата обращения: 29.06.2020)
 32. *Гастелло Н.Ф.* Рассказ о брате: Документальная повесть. М., 1977. С. 61.
 33. Подробнее см.: По Гастелловским мемориальным местам города Мурома. Владимир, 1977.
 34. См.: В школе, где учился Гастелло // Советская авиация. 7 сентября 1958 г.; Здесь учился Николай Гастелло // Комсомольская правда. 7 сентября 1958 г.
 35. Подробнее см.: Николай Гастелло (комплекс репродукций). М.: Центральный музей Советской армии, 1961.
 36. См.: *Антонов Г.* Здесь жил легендарный Гастелло... // Вечерний Ростов. 18 августа 1960 г.; *Лубов А.* Здесь жил Гастелло // Комсомолец (Ростов-на-Дону). 1 октября 1960 г.
 37. *Щуцкий С.* Указ. соч. С. 82.
 38. Сталинский путь. 26 июня 1954 г.
 39. *Садовский Е.* Там, где был совершен героический подвиг // Крылья Родины. 6 июня 1959 г.
 40. Музеи-заповедники в местах партизанской славы // Советская культура. 27 июня 1959 г.
 41. *Гастелло Н.Ф.* Рассказ о брате: Документальная повесть. М., 1977.
 42. Харитонов даже назвал Гастелло «военным преступником» и потребовал расследования действий его экипажа.
 43. См. версию событий Харитонova: *Харитонов Э.В.* Неоконченный

- путь к истине. Экипаж Маслова. Великий Новгород, 2006.
44. *Поляновский Э.* Два капитана // Известия. 28–29 января 1997 г.; Харитонов Э. Тайна двух капитанов // Московия. 7 сентября 2001 г.
45. *Гастелло В.* Правда о легендарном пилоте // Московский журнал. [Электронный ресурс]. URL: <http://mosjour.ru/2017062087/> (дата обращения: 29.06.2020).
46. *Экономов К.* Испытание «Св. Эдуарда» // Московский комсомолец. 8 мая 2002 г.
47. *Старовойтов В.Н.* Подвиг Николая Гастелло. Правда и вымыслы // Информационно-методический сборник № 13. М., 2004. С. 45–46.
48. Российская академия художеств. [Сайт]. URL: <https://www.rah.ru/news/detail.php?ID=29907> (дата обращения: 29.06.2020).

Военная кинохроника как коммеморативная практика

M.I. Romashin, A.V. Stroganov

Military newsreel as a commemorative practice

Аннотация. В статье рассмотрены роль и значение кинохроники как «мемориального актора», формирующего коллективную (социальную) память на основе узнаваемых смысловых конструкций и публичных актов их «вспоминания» и осмысления. Механизмы и практики коммеморации проанализированы на материале хроникально-документального фильма «Разгром немецких войск под Москвой» (1942).

Ключевые слова: коммеморация, военная кинохроника, Великая Отечественная война, память, фильм.

Abstract. The role and importance of newsreels as a “memorial actor”, which forms a collective (social) memory based on recognizable semantic constructions and public acts of their “remembering” and understanding, is considered. The mechanisms and practices of memorialization are analyzed on the basis of the material of the chronicle-documentary film «Razgrom nemeckih vojsk pod Moskvoy» [“The rout of German troops near Moscow”] (1942).

Keywords: commemoration, military newsreel, Great Patriotic War, memory, movie.

Сегодня в исторических исследованиях все более востребованными становятся продукты экранной культуры, фиксирующие, отражающие, презентующие прошлое в формате медиа-реальности. Междисциплинарные подходы стирают рубеж между вербальными и визуальными нарративами, в академических исследованиях активно используются фотографии, кинохроника, фоно-документы, в историографии широко обсуждаются теорети-

ческие и методологические вопросы их источниковедческого анализа. Особый вклад в практику использования кино-фото-фонодокументов (КФФД) в исторических исследованиях внес В.М. Магидов¹, президент Национальной ассоциации аудиовизуальных архивов. Он отмечал, что необходимо «преодоление искусственной изоляции КФФД», «введение их в научный оборот как полноценных источников по отечественной истории»². Среди важнейших особенностей этого рода источников Магидов выделял: полноту передачи и воспроизведения аудиовизуальной стороны факта; «совпадение момента свершения события или факта с его фиксацией, <...> что является феноменом в источниковедческой практике»; разнообразие (монтажные листы, текстовки, аннотации к фотодокументам, микрофонные материалы и др.); специфику методов критического анализа; важность источниковедческой верификации³.

В рамках данного исследования мы сосредоточим внимание на таком виде источников как кинохроника. И рассмотрим ленту «Разгром немецких войск под Москвой» как пример коммеморативной практики.

Подчеркнем, что кино является так называемым «техническим» видом искусства. Возникнув как «движущаяся фотография», оно изначально содержало в себе проблему документальности и натурализма – максимально точного отражения на экране «физических форм материального мира», «фотографического подобия действительности»⁴. Но технографическое изображение не обладает каким-либо значением изначально; оно становится образом, «иконой», символом только при включении в дискурс и обладая возможностью «наслаивать» на себя смыслы. Важнейшая особенность кино – «способность придавать технографическому изображению номинативную и коммуникативную знаковую (семиотическую) функцию»⁵.

В этой связи отметим: кинохроника хотя и является историческим источником, «непосредственно отразившим исторический процесс и запечатлевшим отдельные факты», тем не менее, этот источник отражает события опосредованно, через судь-

ективную призму их видения автором фильма, через наделение его системой особых смыслов, «отразивших в себе социальные, психологические, эколого-географические, коммуникационно-информационные, управленческие и другие аспекты развития общества и личности, власти и права, нравственности, мотивов и стереотипов человеческого поведения»⁶.

Роберт Розенстоун критикует историков, считающих, что анализ фильма исчерпывается только поиском исторических несоответствий. По его мнению, гораздо важнее понимать, что кино не только отражает, но и создает исторические представления о конкретном событии, времени, эпохе⁷. Кинотекст способен как убеждать в реальности происходящего, так и мистифицировать эту реальность, необходимо учитывать эту особенность и владеть навыком «считывания визуальных кодов эпохи»⁸.

Современные исследования сместили вопрос «что есть образ?» в контекст социальных актов творения и восприятия: кто и с какой целью производит и использует образы, как они работают на уровне сознания и подсознания⁹. Известный немецкий историк искусства Ханс Бельтинг писал, что любой образ – это «результат личной или коллективной символизации»: все, «что попадает в поле видения или внутреннего зрения, можно объявить образом или превратить в образ»¹⁰. Прошлое тоже становится неким «символическим ресурсом», «визуализируется», в том числе и на экране¹¹. Идею коммеморации выдвинули представители третьего поколения французской историографической школы Анналов (П. Нора). В настоящее время концепция культуры памяти принадлежит многим научным дисциплинам – истории, социологии, антропологии, психологии. В ее рамках уже константой считается понимание прошлого как важного ресурса (в том числе политического), которым можно достаточно эффективно управлять¹².

Однако если быть точным, во всех сферах деятельности (в политике, в художественных практиках и т.п., – всюду, кроме исторической науки), идет работа не с прошлым (более или менее объективно зафиксированным в корпусе исторических источников), а с социальными представлениями о нем, с тем, что принято на-

зывать коллективной памятью – публичным, общепринятым контентом, который часто базируется не на знании, а на мифологии. Некоторые исследователи говорят об актуализированном или полезном прошлом (*usable past*) – «своеобразном репертуаре исторических событий, фигур и символов, которые наделяются смыслами, в той или иной мере значимыми для современных политических и культурных практик»¹³. Ядро репертуара «востребованного прошлого» образуют устойчивые мифы, а периферия «включает в себя пестрый набор <...> узнаваемых смысловых конструкций» и совокупность публичных актов их «вспоминания» и (пере)осмысления»¹⁴. Логика коммеморации учитывает не столько «правду» исторических фактов, сколько связанные с ними эмоции – радость, триумф, ненависть, скорбь и т.д.

Обратившись к проблеме исторической памяти в пространстве кинематографа, будем учитывать следующие ключевые характеристики: память субъективна, ее важным элементом являются эмоции; в структуру памяти входят не только знания о прошлом, но и «постоянные процессы их реконфигурации», определяемые контекстом социальной среды и средствами передачи информации¹⁵; процессы сохранения и трансформации представлений о прошлом (коммеморативные практики) многообразны, и память во многом зависит от «жанровой специфики дискурса»¹⁶; существует феномен переплетенной/ перекрестной памяти («*entangled memory*»¹⁷).

Почему и зачем фильмы становятся «мемориальными акторами»? Каков механизм реализации ими этой функции?

Подчеркнем, что индивидуальная (автобиографическая) и коллективная (социальная) память о прошлом дополняют друг друга, переплетаются, взаимодействуют, порождая сложные представления конкретных людей и групп¹⁸. В контексте конструирования исторической памяти кинематографом нам представляется важной идея Ж. Бодрийяра о современности как «эре тотальной симуляции», когда реальность заменяется «гиперреальностью» – состоянием, в котором «реальное уже не является реальным», но воспринимается таковым¹⁹. Кинообраз – сконструированная модель мира (настоящего, прошлого или будущего) – начинает жить в созна-

нии человека, определяя его отношение, мифологизируя, подменяя и/или заслоняя рациональное знание, порождая общие представления и формируя стереотипы восприятия. Бодрийяр утверждал, что в результате этого процесса сегодня вся реальность опосредована социальным моделированием. «История, – писал он, – осуществляет свое триумфальное вхождение в кино посмертно»²⁰, т.е. закончив свое существование, превратившись в миф. Говоря словами Бодрийяра, фильмы выступают «медиумами» – посредниками и трансляторами неких ценностей и, вместе с тем, средством формирования новых. Основанные на реальном прошлом, они утрачивают связи с фактами: «Мы входим в мир псевдособытия, псевдо-истории, псевдо-культуры, – писал Бодрийяр, – т.е. события истории, культуры, идей, произведенных не живым опытом, противоречивым, реальным, а произведенных наподобие артефактов посредством элементов кода и технической манипуляции медиума. <...> Событие отфильтровывается, дробится, перерабатывается целым индустриальным конвейером производства»²¹. И порождает новое событие, которое ложится в общую картину исторической памяти. Даже кинохроника, отражающая реальные исторические события, это всегда «вымышленный текст», специальная «конструкция» представляемой действительности.

Опираясь на изложенные теоретические построения, выделим характерные черты кинохроники как объекта анализа в рамках нашего исследования:

документальное кино фиксирует и репрезентирует не только исторические факты, но и представления о них;

отражая представления людей об исторических событиях, фильм вместе с тем активно (спонтанно и/или целенаправленно) формирует такое представление, «запуская» сложные процессы трансформации и взаимодействия автобиографической и коллективной памяти;

конструируя историческую память, фильм опирается как на знания о прошлом, так и на мифологизированные представления о нем, адресуется когнитивной и эмоционально-ценностной сферам личности зрителя(ей);

кинофильм сохраняет, трансформирует, репрезентирует, формирует представления о прошлом с помощью специфических приемов и средств.

Съемки хроникально-документального фильма «Разгром немецких войск под Москвой» были инициированы И.В. Сталиным в начале ноября 1941 г.²² Это был результат работы двух режиссеров (И. Копалина и Л. Варламова) и пятнадцати фронтовых кинооператоров. Основным символическим лейтмотивом картины стало движение «человеческих масс»²³: строительство оборонительных сооружений, работа на заводах, – все это должно было продемонстрировать «грандиозный масштаб»²⁴ происходящего под Москвой. Отметим, что кадров реальных военных столкновений в фильме нет: они заменены эмоционально нагруженными сценами мчащейся конницы, отрядов лыжников-десантников, зенитными залпами и т.п.²⁵ В фильме нет отдельных людей – не только на уровне персонажей картины, но и просто нет лиц: война не индивидуальная трагедия, и даже не индивидуальный героизм, но некая обезличенная сила, «поток», в котором человек не то, чтобы не важен, но он вовсе не подразумевается как единица. Жестокость, бесчеловечность войны тоже не персонифицирована: виселицы, пожарища, развалины музеев, памятников культуры и т.д. Зритель должен был ощутить себя частью великой мощи, которая готова противостоять и побеждать врага.

Не все кадры фильма были документальными: в фильме присутствовал ряд постановочных сцен, включая воссозданную речь И.В. Сталина на Красной площади 7 ноября 1941 г. Все они были умело и соразмерно смонтированы с хроникальными, не вызывая сомнения в цельности и достоверности кинополотна. Особую роль в картине играло музыкальное оформление: в фильме были использованы Пятая симфония П.И. Чайковского, «Песня защитников Москвы» А. Суркова и Б. Мокроусова, «Священная война» А.В. Александрова и В. Лебедева-Кумача. Музыкальный ряд «скреплял» кинокадры, формируя особый эмоциональный тон картины.

Фильм впервые крупномасштабно продемонстрировал «советский» взгляд на войну: трагедийная музыка с опорой на народ-

ные песенные традиции, подчеркнуто лаконичный и сверхэмоциональный закадровый текст, культурно-исторические аллюзии к прежним победоносным войнам (1812, прежде всего).

К 31 декабря 1941 г., менее чем через 1,5 месяца с начала съемок, монтаж фильма был закончен, началось его озвучивание²⁶. Процесс шел под непосредственным контролем Сталина. После предварительного просмотра им был высказан целый ряд замечаний: «главный цензор» выступил сразу в нескольких ролях – «режиссера по монтажу», «звукорежиссера» и «теоретика хроникально-документального кино». В итоге закадровый текст был упрощен и лишен «парадных интонаций», главная роль отведена изображению и монтажу – «ударным средствам документального кино»,²⁷ особая роль в победе под Москвой отведена верховному главнокомандующему²⁸. Только 10 февраля 1942 г. фильм был окончательно одобрен²⁹.

«Разгром...» масштабно рекламировался советскими газетами «Правда» и «Красная Звезда». 15 февраля 1942 г. «Правда» опубликовала статью под заголовком «Поэма о победе», в которой практически покадрово описывался новый документальный фильм³⁰. Премьера «Разгрома...» состоялась в Центральном доме Красной Армии 14 февраля 1942 г.³¹, газеты особо подчеркивали «отличную работу кинооператоров»³².

Кинокартина была отпечатана самым максимальным по тем временам тиражом в 800 копий³³, и 18 февраля 1942 г. фильм был выпущен в прокат³⁴. В первый день его посмотрели почти 84 тыс. москвичей³⁵. Фильм «Разгром...», его режиссеры и часть операторского коллектива 11 апреля 1942 г. были удостоены Сталинской премии³⁶.

Копии фильма были отправлены в США, Великобританию, Иран, Турцию, Канаду, Латинскую Америку, Австралию, Новую Зеландию, Южную Африку, Палестину, Египет, Ирак, Сирию, Индию и Китай³⁷. В США фильм был еще раз перемонтирован, и 1 октября 1942 г. состоялась премьера версии, названной «Москва наносит ответный удар». Картина стала на 10 минут короче, была переозвучена, монтажную структуру привели к

модели традиционного американского повествовательного кино. К аранжировке был привлечен Д. Темкин, выпускник Санкт-Петербургской консерватории, эмигрировавший в Европу. За океаном у фильма была иная, но также политическая функция: он знакомил Америку с новым союзником, демонстрировал «советскую боевую мощь» и должен был послужить убедительным аргументов для одобрения населением вступления США в войну³⁸. За годы войны «Разгром...» посмотрело 4,5 млн американских зрителей³⁹. Именно эта версия фильма в 1943 г. получила премию «Оскар» в номинации «Лучший документальный фильм»⁴⁰. В Великобритании версия фильма, близкая к советскому оригиналу, демонстрировалась в 1000 кинотеатров; ее просмотрело порядка 9 млн. зрителей⁴¹.

Полнометражный хроникально-документальный фильм «Разгром немецких войск под Москвой» засвидетельствовал начало разгрома ранее казавшейся непобедимой военной машины нацистов. Мировой зритель впервые увидел с помощью кадров кинохроники беды и страдания военного времени. Кинооператоры зафиксировали в кадре «содержание» военных событий. Советская кинодокументалистика продолжила освоенную практику в последующих фильмах: «Сталинград» (1943), «Битва за нашу Советскую Украину» (1943), «Берлин» (1945) и мн. др.

«Разгром...» безусловно носил пропагандистский характер и идеологически соответствовал духу сталинского эпохи. Однако его значение существенно и в истории документального кино, и в военной истории, и в осмыслении практик коммеморации: документалистика не только показывает историю, но и формирует «оптику» взгляда.

Примечания

1. Магидов В.М. Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания. М.: РГГУ, 2005. 393 с.
2. Он же. Кинофотофонодокументы: проблемы историографии, архивоведения и источниковедения: автореф. дис. М., 1993. С. 5.
3. Там же. С. 7–9.

4. *Соколов В.С.* Киноведение как наука / Сост. Н.А. Изволов, С.М. Смагина. М.: НИИ киноискусства, 2008. С. 61.
5. Там же. С. 86.
6. *Медушевская О.М.* Источниковедение: теория, история и метод. М.: РГГУ, 1996. С. 15.
7. *Rosenstone R.A.* History in Images / History in Words: Reflections on the Possibility of Really Putting History onto Film // *The American Historical Review*. Vol. 93, № 5 (Dec., 1988). P. 1175.
8. *Репина Л.П.* Наука и общество: публичная история в контексте исторической культуры эпохи глобализации // *Ученые записки Казанского университета*. 2015. Т. 157. Кн. 3. С. 55–67; *Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А.* Направления исследований исторической памяти в России // *Вестник СПбГУ*. 2014. Вып. 2. С. 106–126 и др.
9. *Бахманн-Медик Д.* Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. М.: НЛЮ, 2017. С. 416.
10. *Belting H.* Bild-Anthropologie. Entwürfe für eine Bildwissenschaft. München, 2001. S. 11.
11. *Heisler M.O.* The Political Currency of the Past: History, Memory and Identity // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. Vol. 617. № 1. P. 19.
12. *Малинова О.В.* Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // *Полития*. 2017. № 4. С. 3.
13. Там же. С. 8.
14. Там же. С. 9.
15. *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. ст. С. Зенкин. М.: Новое изд-во, 2007. 346 с.; *Линченко А.А.* Коммеморативные практики и массовое историческое сознание: методологический аспект // *Вестник ТвГУ. Философия*. 2015. № 2. С. 116.
16. *Olick J.K., Robbins J.* Social Memory Studies: From «Collective Memory» to the Historical Sociology of Mnemonic Practices // *Annual Review of Sociology*. 1998. № 24. P. 129; *Conrad S.* Entangled Memories: Version of the Past in Germany and Japan, 1945–2001 // *Journal of Contemporary History*. 2003. № 1. P. 86.
17. *Conrad S.* Entangled Memories: Version of the Past in Germany and Japan, 1945–2001 // *Journal of Contemporary History*. 2003. № 1. P. 86.
18. *Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память // *Неприкосновенный запас*. 2005. № 3–4. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zh-zal.ru/nz/2005/2/ha2.html> (дата обращения: 07.04.2020).

19. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляция / Пер. с фр., вступит.ст. О.А. Печенкиной. Тула, 2013. С. 4.
20. Там же. С. 70.
21. Там же. С. 14.
22. «Плачьте, но снимайте!...». Советская фронтовая кинохроника. 1941–1945 гг. Монтажные листы фронтовых операторов. Материалы к биографиям / Автор-сост. В.И. Фомин М.: Киновек, 2018. С. 58.
23. Там же.
24. «Разгром немецких войск под Москвой». Триумф по обе стороны океана. М.: ВГИК, 2017. С. 9.
25. Там же.
26. Цена кадра. Советская фронтовая кинохроника 1941–1945 гг. Документы и свидетельства / Авт.-сост. В.П. Михайлов, В.И. Фомин М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2010. С. 162; *Копалин И.П.* Рассказ о творческом пути. М.: Бюро пропаганды советского киноискусства, 1966. С. 34.
27. «Плачьте, но снимайте!...». Указ. соч. С. 22.
28. *Марьямов Г.* Кремлевский цензор. Сталин смотрит кино. М.: Конфедерация союзов кинематографистов «Киноцентр», 1992. С. 114.
29. Мастерская И.П. Копалина. Страницы истории ВГИКа: Уч. пос. / [сост., авт. вступ. ст., интервью В.П. Лисакович]. М.: ВГИК, 2014. С. 279.
30. Поэма о победе // Правда. 1942. № 46. С. 2.
31. *Ортенберг Д.И.* Год 1942. Рассказ-хроника. М.: Политиздат, 1988. С. 83; Общественный просмотр в ЦДКА // Красная Звезда. 1942. № 38. С. 3.
32. Общественный просмотр в ЦДКА. Указ. соч. С. 3.
33. «Плачьте, но снимайте!...» Указ. соч. С. 22; Фильм «Разгром немецких войск под Москвой» – в частях Красной Армии // Красная Звезда. 1942. № 41. С. 1.
34. «Плачьте, но снимайте!...» Указ. соч. С. 59.
35. Правда. 1942. № 51. С. 1.
36. «Разгром немецких войск под Москвой». Указ. соч. С. 27; Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР о присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области искусства и литературы за 1941 год // Красная Звезда. 1942. № 86. С. 1.
37. Кино на войне. Документы и свидетельства / сост. В.И. Фомин. М.: Материк, 2005. С. 578.
38. «Разгром немецких войск под Москвой». Указ. соч. С. 28, 36–37.
39. Кино на войне. Документы и свидетельства. С. 656.
40. Там же. С. 38.
41. Там же.

**За «ценный вклад в дело разгрома врага»:
чествование ученых как коммеморативный символ Победы**

S.A. Limanova

Honoring scientists is a commemorative symbol of Victory in 1945

Аннотация. В статье рассмотрены празднования в честь 220-летия Академии наук в их кульминационной фазе. За развитие научных знаний и вклад в Победу различных наград удостоились более 1,5 тысяч советских ученых. Организационные документы из Архива РАН позволяют выявить категории наград, проанализировать процесс отбора награждаемых и его особенности. Статья снабжена уникальными фотопортретами ученых, выполненными фотографом Г.М. Вайлем специально к торжествам.

Ключевые слова: Академия наук, торжества, 1945, Победа, И.В. Сталин, В.Л. Комаров, Г.М. Вайль.

Abstract. The article discusses the celebrations in honor of the 220-th anniversary of the Academy of Sciences in the culmination phase. For the development of scientific knowledge and contribution to the Victory, more than 1,500 Soviet scientists were awarded. Organizational documents from the Archive of the Russian Academy of Sciences make it possible to identify the categories of awards, to analyze the process of the awarded selection and its features. The article has unique photographs of scientists by photographer G.M. Vail specially for the celebrations.

Keywords: Academy of Sciences, celebrations, 1945, Victory, I.V. Stalin, V.L. Komarov, G.M. Vail.

С 15 июня по 3 июля 1945 г. длилась торжественная сессия, посвященная 220-летию существования Академии наук. Этот неурочный юбилей как нельзя кстати предстал частью грандиоз-

ного празднования Победы советского народа в Великой Отечественной войне¹. За полгода до того, в декабре 1944 г., когда подготовка к торжествам только начиналась, Г.А. Князев, директор Архива АН СССР в Ленинграде (1929–1963), записал в дневнике: «Академия предполагает праздновать в 1945 [году] какой-нибудь свой юбилей. Это нужно, чтобы правительство могло наградить сотрудников А[кадемии] Н[аук] орденами и т.д. Приехавшая И.И. Любименко² передавала мне, что об этом намекнул сам И.В. Сталин в беседе с [В.Л.] Комаровым. Празднеству предполагают придать международный характер»³. Оба эти предположения подтвердились. Юбилей был организован как масштабный научный международный форум, в то время как разного рода правительственных наград удостоились более 1,5 тысяч советских ученых.

На всем протяжении юбилейных торжеств неоднократно подчеркивался вклад «передовой советской науки» в военные успехи страны. В приветственном слове от СНК СССР и ЦК ВКП(б), оглашенном на торжественном открытии юбилейной сессии 16 июня 1945 г. в Большом театре, звучали такие слова: «Академия наук СССР отмечает свой юбилей в период, когда советский народ победоносно завершил Великую Отечественную войну с немецкими захватчиками. В дни войны советские ученые вели успешную работу, помогая своим трудом фронту и народному хозяйству нашей страны. Советские ученые внесли ценный вклад в дело разгрома врага»⁴. Эти же слова были напечатаны на следующий день в газете «Правда»⁵, практически ежедневно и очень подробно освещавшей на своих страницах основные этапы академического юбилея. При этом понятия «советское правительство», «советский народ» и «советские ученые» постоянно употреблялись в связке, намеренно демонстрируя единство, сплоченность.

Академик В.Л. Комаров, президент АН СССР (1936–1945), в своем обращении к делегатам сессии отмечал, что годы войны стали «исторической проверкой научной мощи»⁶ Академии наук, которую она с достоинством выдержала. Представители различных научных отраслей послужили на благо Родине: физики смог-

ли создать теоретические и экспериментальные предпосылки для конструирования новых видов вооружения; математики – разработать приемы быстрых вычислений для артиллерии, авиации и боевых судов; химики – найти новые методы производства взрывчатых веществ, сплавов, фармацевтических средств; биологи – отыскать дополнительные ресурсы питания для бойцов Красной Армии и населения; медики – внедрить новые подходы в военной медицине и спасти десятки тысяч человеческих жизней. Именно поэтому «заслуженные ученые возводятся нашим правительством в Героев Социалистического Труда, награждаются и пользуются всенародным признанием и уважением»⁷, – подчеркивал В.Л. Комаров.

Информацию о награжденных ученых можно было найти все в той же «Правде». В выпуске от 11 июня 1945 г. под заглавием «Праздник советской науки»⁸ красовались имена и фотографии ученых, получивших звание Героев Социалистического Труда, с вручением ордена В.И. Ленина и золотой медали «Серп и Молот». (См. фотогалерею в конце статьи).

В последующих номерах «Правды» продолжали публиковать именные списки ученых, поощренных различными наградами «за выдающиеся заслуги в развитии науки и техники, в связи с 220-летием Академии наук СССР» – орденом Ленина (96 награжденных), орденом Отечественной войны первой и второй степени (14 и 8 награжденных соответственно), орденом Трудового Красного Знамени (375 награжденных)⁹. Ученые награждались также орденом «Красная звезда» и орденом «Знак почета», медалью «За трудовую доблесть» и медалью «За трудовое отличие». Помимо этого, сама Академия наук (вне зависимости от получения учеными правительственных наград) выдавала своим работникам почетные грамоты – «За образцовую долголетнюю работу», «За отличную работу» и «За образцовую работу». Поощрение выражалось двумя формулировками – «награждается настоящей грамотой» или «награждается настоящей грамотой с вручением денежной премии»¹⁰. Сохранившиеся в материалах Всесоюзного комитета по проведению 220-летнего юбилея Академии

наук СССР документы позволяют несколько подробнее проследить порядок представления ученых к награждениям.

На первоначальном этапе от всех научных учреждений Академии наук было выдвинуто порядка трех тысяч кандидатов. Затем списки с кандидатами рассматривались и корректировались академиками-секретарями Отделений, академиком-секретарем Академии и наконец самим президентом Академии наук. Помимо общих списков, среди писем на имя В.Л. Комарова периодически приходили отдельные ходатайства за того или иного ученого. Выдвижение академиков и членов-корреспондентов трижды обсуждалось на заседаниях Юбилейного комитета. Тогда же рассматривался вопрос о выдаче грамот и возможностях премирования работников Академии наук. Подготовленные персональные списки ученых, представленных к награждениям орденами и медалями, были направлены Председателю Совета Народных Комиссаров СССР И.В. Сталину¹¹.

В бумагах Юбилейного комитета отложились три примечательных документа: сводные таблицы с распределением работников АН СССР, представленных к правительственным наградам, по ученым степеням и роду работы (см. Табл. 1), по полу и партийности (см. Табл. 2), по национальностям (см. Табл. 3). Согласно данным из этих таблиц, к премированию правительственными наградами должны были представить 1415 человек (научных, административных и технических работников), или 12,5% от общего числа работников Академии наук. Судя по всему, впоследствии таблицы дополнялись и количество награжденных увеличилось¹². Однако даже этот предварительный вариант позволяет выявить некоторые интересные закономерности. Например, то, что чаще других наград вручались орден «Знак Почета» (30%), медаль «За трудовую доблесть» (23%) и орден Трудового Красного Знамени (20,5%), а большинство награжденных были русскими (71,5%), беспартийными (66,2%), мужчинами (76%). Наиболее редкими наградами оказались Орден Отечественной войны первой и второй степени, а также высшая правительственная награда – Орден Ленина.

Табл. 1¹

Распределение работников Академии наук СССР,
представленных к правительственной награде,
по ученым степеням и по роду работы

Наименование орденов и медалей	Академики	Члены- корреспонденты	Доктора наук и профессора	Кандидаты наук	Старшие научные сотрудники	Младшие научные сотрудники	Лаборанты	Обслужив. научно-технич. персонал	Админ.-хоз. работники	ВСЕГО
Орден Ленина	60	16	8	1	1	-	-	-	2	88
Орден Отечествен- ной войны I сте- пени	6	4	1	-	-	-	-	-	-	11
Орден Отечествен- ной войны II степени	2	1	3	-	-	-	-	-	-	6
Орден Трудового Красного Знамени	25	70	155	22	4	-	1	-	14	291
Орден Красная Звезда	3	8	37	64	8	1	-	2	13	136
Орден Знак Почета	-	1	123	167	33	5	-	24	72	425

¹ АРАН. Ф. 519. Оп. 1. Д. 13. Л. 25.

Медаль За трудовую доблесть	-	-	7	63	25	21	-	62	145	323
Медаль За трудовое Отличие	-	-	-	16	1	12	4	48	54	135
Представ- лено к награжде- нию	96	100	334	333	72	39	5	136	300	1415
Всего	139	195	753	1470	519	1225	742	2215	4022	11283
% пред- ставл. к награжде- нию	69	50	44	23	15 ²	3	1	4,2 ³	7	12 ½

Табл. 2⁴

Распределение работников Академии наук СССР,
представленных к правительственной награде,
по полу и по партийности

Наименова- ние орденов и медалей	По полу			По партийности		
	Мужчин	Жен- щин	Всего	Члены и кан- дидаты ВКП(б)	Беспар- тийные	Всего
Орден Ленина	86	2	88	23	65	88
Орден Отечествен- ной войны I сте- пени	11	-	11	2	9	11
Орден Отечествен- ной войны II сте- пени	6	-	6	2	4	6

² В источнике – 1,5. Вероятно, это опечатка.

³ В источнике – 42. Скорее всего, запятая должна была стоять здесь.

⁴ АРАН. Ф. 519. Оп. 1. Д. 13. Л. 26.

Орден Трудового Красного Знамени	270	21	291	85	206	291
Орден Красная Звезда	125	11	136	66	70	136
Орден Знак Почета	334	91	425	161	264	425
Медаль «За трудовую доблесть»	182	141	323	106	217	323
Медаль «За трудовое отличие»	62	73	135	33	102	135
Всего:	1076	339	1415	478	937	1415

Табл. 3⁵

Распределение работников Академии наук СССР,
представленных к орденам и медалям
в связи с 220-летним юбилеем АН, по национальностям

Наименование национальностей	Орден Ленина	Орден Отечественной войны I степени	Орден Отечественной войны II степени	Орден Трудового Красного Знамени	Орден Красной Звезды	Орден Знак Почета	Медаль «За трудовую доблесть»	Медаль «За трудовое отличие»	ВСЕГО
1. Русские	69	8	4	215	94	299	226	98	1013
2. Украинцы	-	1	1	5	3	10	6	3	29
3. Белорусы	-	-	-	1	3	4	5	-	13
4. Армяне	2	-	-	7	3	8	4	-	24
5. Азербайджанцы	-	-	-	1	3	3	10	6	25 ⁶

⁵ АРАН. Ф. 519. Оп. 1. Д. 13. Л. 30.

⁶ В данных из этой строки, вероятно, допущена ошибка. Если подсчитать общее количество, получится – 23.

6. Казахи	1	-	-	2	-	1	6	1	10 ⁷
7. Евреи	12	2	1	54	25	75	54	16	239
8. Прочие националь- ности	4	-	-	6	5	23	12	11	53 ⁸
ВСЕГО	88	11	6	291	136	425 ⁹	323	135	1415 ¹⁰

Торжественное вручение высших правительственных наград состоялось вечером 14 июня 1945 г., поскольку на открытии, приемах и на заседаниях Общего собрания Академии наук ученые уже должны были быть в парадной одежде и при орденах. Награждение проводил первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н.М. Шверник. Он же обратился с поздравлением, подчеркнув, что советские ученые в годы войны «проявили беззаветную преданность Родине»¹³. Академик Л.А. Орбели, выступавший от имени награжденных, определил перспективы работы на будущее: «Награждение нас орденами и высокими званиями мы должны рассматривать как знак внимания не к каждому из нас в отдельности, а к советской науке и к Академии наук. Мы должны сознавать, что эти знаки внимания налагают на нас большую ответственность, налагают на нас обязанность еще выше поднимать знамя советской науки и добиться того, чтобы советская наука являлась передовой наукой, чтобы она еще больше подняла уровень культуры нашей страны и выдвинула нашу страну на первое место в мире»¹⁴.

⁷ В данных из этой строки, вероятно, допущена ошибка. Если подсчитать общее количество, получится – 11.

⁸ В данных из этой строки, вероятно, допущена ошибка. Если подсчитать общее количество, получится – 61.

⁹ В данных из этого столбца, вероятно, допущена ошибка. Если подсчитать общее количество, получится – 423.

¹⁰ При подсчете данных из итоговой строки действительно выходит цифра 1415 (общее количество награжденных), при подсчете данных из итогового столбца получается другая цифра – 1406. Если пересчитать показатели по цифрам, приведенным в сносках, то и в итоговой строке, и в итоговом столбце получится – 1413.

Награжденные сами становились символом Науки и Победы, живым воплощением будущих успехов. Подобная персонификация способствовала еще большему укреплению статуса ученого в Советском Союзе. Посредством академического юбилея происходила дальнейшая популяризация науки: ученые выступали с публичными лекциями, участвовали в передачах на радио; в фойе Большого театра была подготовлена специальная выставка с фотопортретами академиков (автор фотографий – Г.М. Вайль¹⁵); в продажу была запущена серия марок с изображениями зданий Академии наук и портретами самых выдающихся ученых; выходили спецвыпуски научных журналов. Отдельное внимание уделялось международному освещению юбилея, для чего специально были приглашены иностранные корреспонденты. Зарубежных ученых, прибывших на торжества, отправляли на экскурсии в институты и лаборатории Академии наук, чтобы продемонстрировать преимущества советского подхода в деле организации науки. Многие из них активно делились своими впечатлениями с прессой¹⁶.

Кульминационным моментом юбилейной сессии стал торжественный прием делегатов в Георгиевском зале Московского Кремля 30 июня 1945 г. «30 июня Правительство устроило для участников сессии прием в Кремле в старинном Георгиевском зале дворца, – вспоминал академик Б.А. Келлер. – Президиум Академии наук на этом приеме находился за общим столом с Советским Правительством. С речами к участникам сессии обращались В.М. Молотов и М.И. Калинин. Был чудесный концерт лучших артистических сил Москвы. Общей могущественной радостной нотой во время всей сессии звучало чувство величайшей исторической победы и самой горячей любви и благодарности к гениальному организатору и вождю этой победы, нашему почетному советскому академику И.В. Сталину»¹⁷. В тот вечер прозвучали многочисленные тосты в честь Академии наук и ученых, И.В. Сталина и советского народа-победителя¹⁸. На память о торжестве остались полученные награды и юбилейные значки «Академия наук СССР. 220 лет».

Таким образом, из сочетания политического, научного и международного элементов сложился коммеморативный символ Победы. Сформировалась устойчивая ассоциативная связь «Наука-Победа». Образ ученого на долгие годы стал олицетворением прогресса, а развитие науки казалось на тот момент неперенным условием строительства новой, мирной жизни.

Примечания

1. Подробнее см.: *Лиманова С.А.* Победный парад советской науки // *Родина*. 2020. № 6. С. 122–125.
2. Любименко Инна Ивановна (1878–1959) – историк, архивист, д.и.н., с.н.с. Комиссии по истории АН СССР при Архиве АН СССР (1939–1946).
3. *Князев Г.А.* Дни великих испытаний. Дневники 1941–1945. СПб.: Наука, 2009. С. 1034.
4. Архив РАН (АРАН). Ф. 519. Оп. 1. Д. 50. Л. 28.
5. Правда. 1945. № 144 (9915). С. 1.
6. *Комаров В.Л.* Речь на торжественном заседании Юбилейной сессии Академии наук СССР. М.–Ленинград, 1945. С. 10.
7. Там же. С. 12.
8. Правда. 1945. № 139 (9910). С. 1–2.
9. Там же. С. 2; № 140 (9911). С. 1; № 141 (9912). С. 2; № 142 (9913). С. 3; № 143 (9914). С. 1.
10. АРАН. Ф. 519. Оп. 1. Д. 3. Л. 64, 69–70.
11. Там же. Д. 13. Л. 18.
12. Для этого достаточно сравнить количество награжденных Орденом Ленина, Орденом Отечественной войны первой и второй степени, Орденом Трудового Красного Знамени, указанное в таблице, с итоговым количеством награжденных этими орденами, опубликованным на страницах газеты «Правда».
13. Правда. 1945. № 142 (9913). С. 1.
14. Там же.
15. Подробнее см.: *Загребаяева В.Н., Савина Г.А.* «Это удалось Г. Вайлю...»: Фотопортреты действительных членов АН СССР, внесших заметный вклад в победу над фашизмом. 1945 г. // *Исторический архив*. М., 2015. № 4. С. 88–104.
16. Подробнее см.: *Лиманова С.А.* «Академия наук сыграла решающую роль в создании <...> орудий победы»: отклики на 220-летний юби-

лей Академии наук в июне 1945 г. // Великая Отечественная война и проблемы национальной безопасности современной России. Оренбург, 2020. С. 187–191.

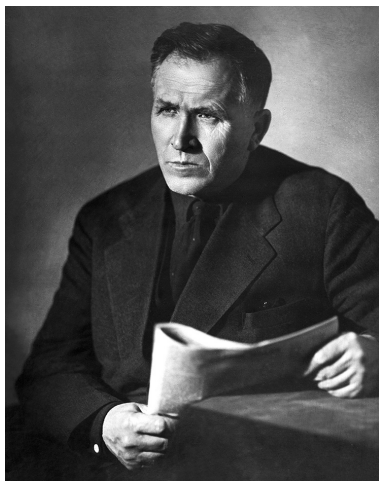
17. АРАН. Ф. 539. Оп. 1. Д. 4. Л. 10–11.

18. Правда. 1945. № 156 (9927). С. 1–2.

**О присвоении звания Героя Социалистического Труда
(Указ Президиума Верховного Совета СССР
от 10 июня 1945 г.)¹:**

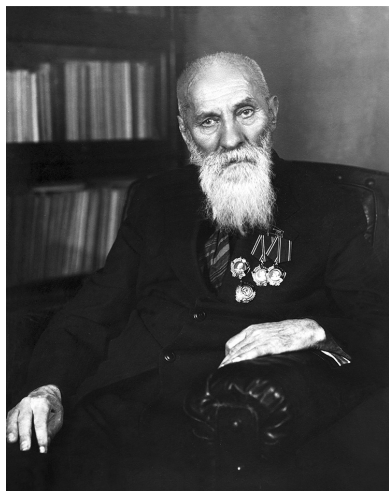
академику А.А. Байкову – за выдающиеся заслуги в области создания научных основ металлургии, химии металлов и металлографии, а также за исключительные заслуги по созданию отечественной школы металлургов;

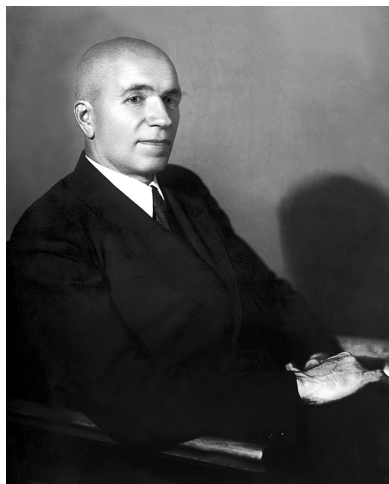
академику И.П. Бардину – за выдающиеся заслуги в деле проектирования, строительства и освоения крупнейших металлургических заводов и за научные достижения в области черной металлургии;

¹ Для фотогалереи награжденных взяты фотокопии художественных фотографий, выполненных Г.М. Вайлем. Фотопортреты были сделаны специально к 220-летию Академии наук и выставлялись в фойе Большого

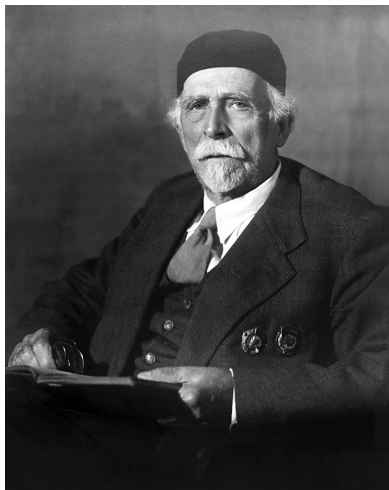
академику А.Н. Баху – за выдающиеся заслуги в области биохимии, в частности за разработку теории реакций медленного окисления и химии ферментов, а также за создание научной биохимической школы;

академику И.М. Виноградову – за выдающиеся научные заслуги в области математики, разработку мощных аналитических методов теории чисел и за многолетнюю плодотворную работу по подготовке кадров математиков;

театра в дни торжеств. В настоящее время они хранятся в Архиве РАН. См.: АРАН. Ф. Р–Х. Оп. 4. Д. 7, 9, 10, 23, 42, 63, 65, 70, 76, 78, 80, 91, 116.

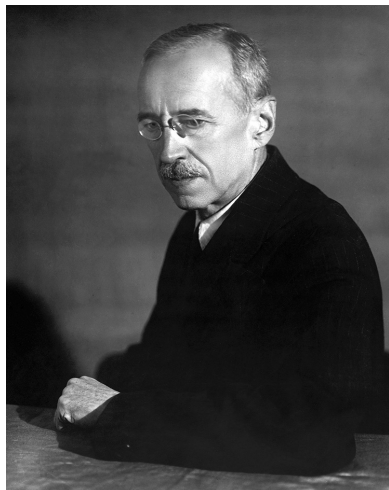

академику Н.Д. Зелинскому – за выдающиеся научные достижения в области органической химии, в частности за исследование контактно-каталитических процессов, и крупнейшие заслуги в области подготовки высококвалифицированных кадров химиков;

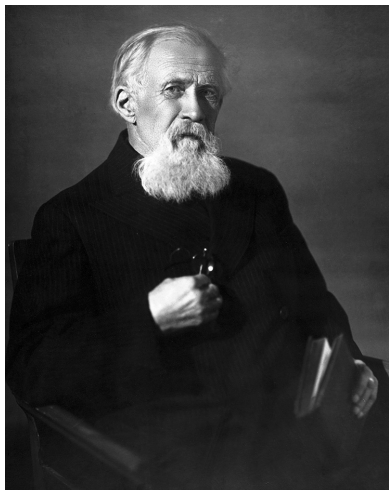
академику Т.Д. Лысенко – за выдающиеся заслуги в деле развития сельскохозяйственной науки и поднятия урожайности сельскохозяйственных культур, особенно картофеля и проса;

академику И.И. Мещанинову – за выдающиеся заслуги в области филологических наук, исследования синтаксиса и морфологии русского языка, а также за плодотворную многолетнюю работу по подготовке кадров филологов;

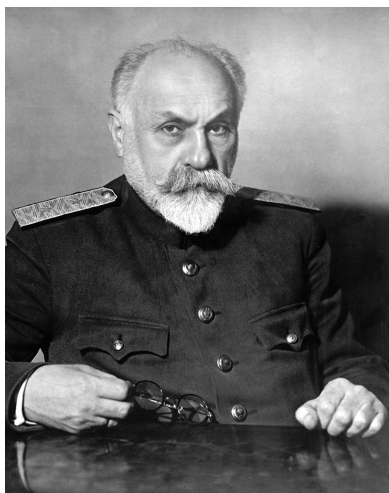

академику Н.И. Мухелишвили – за выдающиеся научные заслуги в области механики, особенно в теории упругости, а также за многолетнюю плодотворную работу по подготовке научных кадров;

академику В.А. Обручеву – за выдающиеся научные достижения в области геологии, особенно за исследования геологии Сибири и Центральной Азии, за теоретическую разработку тектоники рудных месторождений, создание основ новой науки о вечной мерзлоте, а также за многолетнюю плодотворную работу по подготовке кадров геологов;

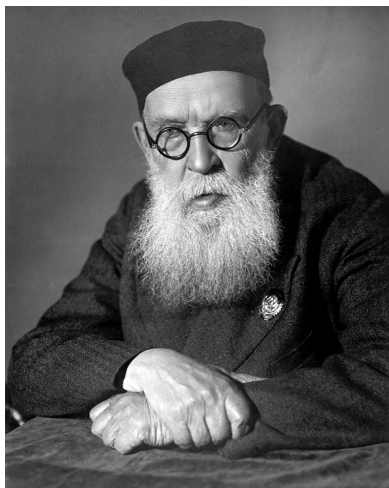
академику Л.А. Орбели – за выдающиеся научные достижения в области эволюционной физиологии нервной системы и высшей нервной деятельности, а также за многолетнюю плодотворную работу по подготовке высококвалифицированных кадров, в особенности военно-медицинских;

академику М.А. Павлову – за выдающиеся заслуги в развитии металлургии, разработку теории доменного процесса и за многолетнюю плодотворную деятельность по подготовке советских доменщиков;

академику Д.Н. Прянишникову – за выдающиеся заслуги в деле развития агрохимии и физиологии растений, за многолетнюю плодотворную деятельность по повышению урожайности сельскохозяйственных культур, а также за создание отечественной школы агрохимиков;

академику А.Е. Фаворскому – за выдающиеся научные достижения в области органической химии, в частности за синтез ряда новых органических соединений, а также за многолетнюю плодотворную работу в деле подготовки высококвалифицированных кадров химиков.

За годы войны звания Героя Социалистического Труда удостоились¹:

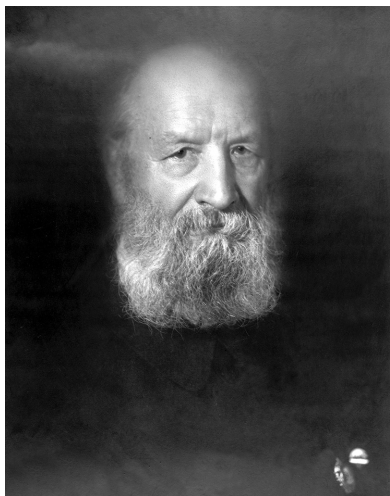
академик А.А. Микулин – за выдающиеся достижения в области создания новых типов вооружения, поднимающих оборонную мощь Советского Союза (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 октября 1940 г.);

академик Н.Н. Бурденко – за выдающиеся научные заслуги в области советской медицины и самоотверженную плодотворную работу по организации хирургической помощи бойцам и командирам Красной Армии, раненым в боях с немецкими захватчиками (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1943 г.);

¹ Для фотогалереи награжденных взяты фотокопии художественных фотографий, выполненных Г.М. Вайлем. См.: АРАН. Ф. Р–Х. Оп. 4. Д. 66, 18, 55, 15, 51-а, 1, 45.

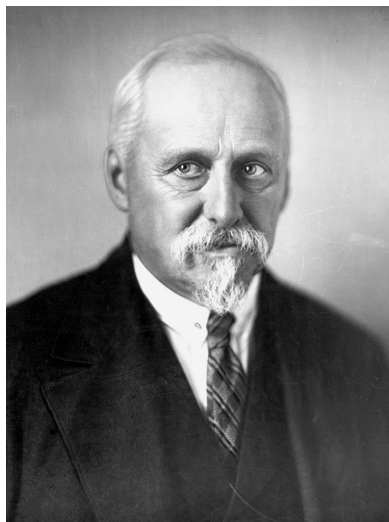

академик А.Н. Крылов – за выдающиеся достижения в области математических наук, теории и практики отечественного кораблестроения, многолетнюю плодотворную работу по проектированию и строительству современных военных морских кораблей, а также крупные заслуги в деле подготовки высококвалифицированных специалистов для Военно-Морского Флота (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 17 июля 1943 г.);

академик А.А. Богомолец – за выдающиеся заслуги в области науки, за создание ценнейших препаратов для лечения ран и переломов костей (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 января 1944 г.);

академик В.Л. Комаров – за выдающиеся научные работы, в особенности в области ботаники, и важные заслуги в деле организации советских научных учреждений (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 октября 1944 г.);

академик А.И. Абрикосов – за выдающиеся научные заслуги в развитии советской медицины и особенно патологической анатомии и за весьма плодотворную работу в области подготовки медицинских кадров (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 17 января 1945 г.);

академик П.Л. Капица – за успешную научную разработку нового турбинного метода получения кислорода и за создание мощной турбокислородной установки для производства жидкого кислорода (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 30 апреля 1945 г.).

РАЗДЕЛ III

Документальное наследие.

Архивная практика

Лаборатории Архива РАН

Н.М. Доведова, Н.И. Маршенникова, Т.С. Ткаченко

Различные виды облаток на документах ученых XIX в. из фондов Санкт-Петербургского филиала Архива РАН

N.M. Dovedova, N.I. Marshennikova, T.S. Tkachenko

Different types of wafer seals on documents of scientists of the 19th century from the funds of Archive of RAS

Аннотация. В статье описаны различные виды облаток, найденные при проведении обследования физического состояния документов из фондов ученых XIX в., находящихся на хранении в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН. Представлена история возникновения облаток, их состав и рецепты изготовления. Даны рекомендации по реставрации.

Ключевые слова: облатки, запечатывание документов, бумага, желатин, реставрация.

Abstract. The article describes the various types of wafer seals found during the examination of the physical condition of the papers of the 19th century, which are stored in the Saint Petersburg branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences, and explains how the wafer seals have been made. The article contains recommendations for future restorers of wafer seals as well.

Keywords: wafer seals, document sealing, paper, gelatin, restoration

С 2017 г. сотрудниками Лаборатории консервации и реставрации документов Санкт-Петербургского филиала Архива РАН в плановом порядке проводится обследование физического состояния документов, находящихся на хранении в архиве. Выбор фондов для проверки осуществляется главным хранителем. Метод сплошной проверки, применяемый при обследовании, позволяет получить информацию не только о физическом состоянии доку-

ментов (переплетов, фотографий, текста и т.п.), но и об особенностях, соответствующих времени их создания и бытования.

В обследование документов ученых XIX в. вошли три фонда:

Фонд 30 «Петр Иванович Кёппен»¹.

Фонд 721 «Василий Яковлевич Струве»².

Фонд 764 «Афанасий Федорович Бычков»³.

При проведении обследования физического состояния этих фондов внимание авторов привлекли письма, запечатанные при помощи небольших круглых дисков (от 0,5 до 1,5 см), и документы с фрагментами текста, в целях правки заклеенные такими же дисками. Возникло предположение о том, что это распространенные канцелярские принадлежности того времени. Из литературы стало известно, что такие диски называют облатками⁴. Сохранность облаток оказалась в целом хорошей, не требующей реставрационного вмешательства. Однако документы, на которых облатки зафиксированы, иногда в таком вмешательстве нуждались. Возникла необходимость определить состав облаток, так как материал и его свойства напрямую влияют на выбор методики реставрации документа, а также на подход к его консервации.

В работе профессора Харьковского университета К.П. Павловича «Конспект или краткое обозрение по дипломатике вообще» за 1829 г. была обнаружена следующая фраза: «Печати же на облатках к грамотам приложенные встречаются не прежде 1571 года», и ссылка на труд немецкого исследователя, архивариуса Николауса Киндлингера, опубликованный в 1799 г.⁵. Находка исследователем двух писем, датированных 13 и 20 июня 1571 г., скрепленных красными облатками с бумажными кустодиями и оттисками овальных печатей, позволила составить представление об истории возникновения и распространения облаток.

Облатки были дешевле воска и сургуча, не требовали разогревания на открытом огне (достаточно было только увлажнить на языке), при этом не портили тонкую дорогую бумагу, а удерживались одинаково прочно и на ней, и на пергамене. Помимо этого, прекрасно служили для сохранения конфиденциальности – хорошо фиксировали отпечаток печати и непременно разрушались при

вскрытии документа. Такие облатки изначально изготавливались по тому же рецепту, что и церковные: из пшеничной муки и воды, при этом были неокрашенными, натурального цвета. Этот простейший состав использовался долго и был широко распространен. Например, в «Журнале общепользных сведений» за 1839 г. в статье «Облатки» очень подробно описывается способ домашнего изготовления облаток «из чистейшей муки с фильтрованной водою». Предлагается «запастись орудиями, которых станет на целый век; они состоят: 1) в формах, совершенно подобных вафельным, с тою однако же разницею, что внутренняя поверхности их должны быть гладкими; чем они чище сполированы, тем лучше и блестящее будут облатки; 2) в резаках или пробоях, очень острых и такой величины и вида, какие хотите дать облаткам. Нужно сделать очень жидкое тесто; нагрейте форму, влейте в нее ложку теста, закройте, погрейте несколько времени на огне, и вы получите блин, круглый или продолговатый, по фигуре формы, которая, когда закроется, не должно иметь более пустоты как на одну треть линии. <...> средняя часть лепешки выйдет всегда чрезвычайно блестяща; из нее делаются лучшие облатки; – закраины, несколько шероховатая, пойдут на облатки худшего разбора. Когда лепешка совершенно суха, ее кладут на весьма гладкий стол, и выбивают облатки резакom»⁶. Для окрашивания облаток в статье предлагается перечень безопасных красителей, которые нужно развести в воде, либо тонко измельчить и добавить в тесто. Черный цвет может быть получен копотью и даже чернилами; красный и розовый – кошенилевым порошком с малейшей примесью квасцов; желтый – куркумой, шафраном, цервой; синий и голубой – берлинской лазурью. Озабоченность безопасностью красителей возникла из-за случаев отравления и даже смертей от контакта облатки с языком при увлажнении, а иногда и поедания красивых маленьких лепешек детьми. В том же журнале за 1836 г. статья «О вреде, происходящем от облаток и других вещей, для крашения которых употребляют ядовитые краски» описывает вред от выкрашенного ярь-медяной, мышьяковым кобальтом, суриком, киноварью, гуммигутом и др. и призывает производителей облаток использо-

вать безвредные кармин, шафран, красильную желтяницу, индиго⁷. Применялись и другие безопасные красители: фернамбук, сумах, кварцитрон, синий сандал.

Известны рецепты с использованием, помимо муки и воды, яичного белка для улучшения адгезии, сахарного сиропа для пластичности и дрожжей для большей пористости и ускорения смачивания⁸. Фотография облаток из муки в специальной (аутентичной) коробочке (Париж, Франция) найдена на торговой интернет-площадке для коллекционеров⁹. К сожалению, год их производства не известен. Сохранность облаток отличная, и по ней можно судить о их внешнем виде: они матовые, заметно пористые и края их неровные, раскрошившиеся (Ил. 1).

Письмо с подобной (по внешнему виду) облаткой находится в фонде В.Я. Струве (Ил. 2). Оранжевого цвета, шероховатая, пористая облатка не разрушена, края неровные, на поверхности – обрывок бумаги верхней части письма.

В фонде А.Ф. Бычкова имеется письмо, запечатанное похожей облаткой голубого цвета (Ил. 3–5). На облатке хорошо заметны следы оттиска простой печати.

Наряду с мучными облатками встречаются в фондах и другие. Они блестящие, гладкие и глянцевые, с ровными краями, цветные, без следов оттиска. Такие облатки изготавливались без муки на основе животных клеев, появились приблизительно к концу XVIII в. В 1814 г. на их производство был зарегистрирован патент мадам Буше из Парижа¹⁰. В статье «Способ делать оплатки из рыбьяго клею; изобретение Г-жи Буше» в «Журнале Мануфактур и торговли» за 1826 г. подробно описывается весь процесс производства и предлагается для придания приятного вкуса «подлить соку из фруктов или сахару, или ароматов». В заключение статьи фраза – «Приготовленные таким образом оплатки гораздо крепче прилипают нежели обыкновенные, не портятся и приятны на вид»¹¹ – красноречиво объясняет преимущества таких облаток.

Такие облатки часто встречаются в фонде В.Я. Струве. На фотографии (Ил. 6) представлена таблица измерений (оборотная сторона), размер которой был увеличен дополнительным листом бу-

маги при помощи полупрозрачных цветных (фиолетовая, красная и желтая) облаков.

В изданном в 1843 г. в Праге «Техническом словаре ремесел» читаем: «Облатки (Wafers, Pains à cacheter) равноценно производятся в двух различных видах: обычные по старому методу из пшеничной муки; новомодные из костного или осетрового клея, вместо которых с некоторых пор применяют декстрин <...> Растворяют очищенный костный клей или лучше осетровый клей в небольшом количестве горячей воды, достигая растворения до тянущихся нитей, которые при охлаждении застывают до консистенции желе. Этот раствор еще горячим наливают на зеркальную поверхность, смазанную растительным маслом, имеющую невысокие бортики. После этого сверху накладывают зеркало, также смазанное маслом, и крепко прижимают. Оставляют до полного остывания, после чего верхнее зеркало осторожно снимают, а нижнее оставляют подсыхать в теплом сухом месте, пока оно легко не отделится от поверхности. Из этой тонкой пластины нарезают круглые либо угловые облатки. Для окрашивания добавляют в раствор осетрового клея прозрачные красители: кармин, отвар бразильского дерева, гуммигут, раствор берлинской лазури в молочной кислоте»¹². Очищенный костный клей – не что иное, как желатин, и рыбий клей, главным образом осетровый, производили в России в больших количествах и экспортировали в Европу. Клееварни располагали при бумажных фабриках, они являлись частью производства, т.к. костный клей-глютин в больших количествах необходим для проклейки при изготовлении бумаги. Главнейшие клеевые фабрики находились в Санкт-Петербурге, Москве, Одессе и Маршанске. А рыбий клей (isinglass) изготавливали на берегах Каспийского моря, Волги, Урала, Дона из высушенных плавательных пузырей осетровых пород рыб¹³. По сведениям 1833 г., в Санкт-Петербурге «Отечественная и импортная бумага, а также конверты, облатки (маленькие кружочки с клейкой поверхностью для запечатывания писем и склеивания бумаг) и письменные принадлежности продавались в Английском магазине, в магазине “Крих и К^о”, а также в лавках Гостиного двора»¹⁴.

Появление конвертов в России относят к первой четверти XIX в. Долгое время многие продолжали обходиться без конвертов, складывая письма соответствующим образом и запечатывая облаткой либо сургучом (Ил. 7–10).

Вслед за желатиновыми облатками появились бумажные облатки. Изготавливали их, покрывая тонкий лист бумаги с обеих сторон слоем того же состава, что и облатки (осетровый клей, желатин), но без красителя, и разрезали по желаемому размеру. Использовали их так же, как мучные и желатиновые: облатку увлажняли с двух сторон, помещали между листами и прижимали. Позже появились бумажные облатки с односторонней клеящей способностью, другая сторона такой облатки была декоративной. Этот вид облаток стал прообразом почтовой марки.

На фотографиях (Ил. 11–14) представлено письмо от И.Д. Деянова А.Ф. Бычкову и ответ получателя на том же листе, запечатанный бумажной облаткой и каплей сургуча.

В «Всеобщем торговом лексиконе», изданном в Лейпциге в 1857 г., о бумажных облатках пишут: «встречаются бумажные облатки с вытесненными различными рисунками (*Genissenoblaten*), именные облатки с буквами и такие наклеивают только снаружи на запечатываемое письмо <...> такие облатки из Парижа, и обычно в изысканных коробочках по 100 штук»¹⁵. Примеры «*Genissenoblaten*» из фонда А.Ф. Быčkoвa – декоративные облатки на письмах неизвестных отправителей: коричневая с изображением бабочки и фигурная золотая (Ил. 15–16).

Большое количество разнообразных бумажных облаток найдено в письмах к Бычкову от М.А. Корфа (Ил. 17–19). Вероятно, облатки барона Модеста Андреевича именные, т.к. на облатках различных цветов и форм с его писем изображена корона рода Корфов и прописная буква «К» готическим шрифтом.

На письме Бычкову от А.А. Ротта – фигурная облатка с готической прописной «R», тоже именная (Ил. 20).

На фотографиях (Ил. 21–22) представлены также однотипные прямоугольные белая и зеленая облатки с изображением рыцарского герба на письмах Бычкову от Соболевского.

В фонде П.И. Кёппена находится письмо от графа А.С. Уварова с темно-синей облаткой прямоугольной формы с золотой короной (Ил. 23).

На фотографиях (Ил. 24–25) представлена темно-зеленая облатка прямоугольной формы с гербом на восьмиконечной звезде и фигурная облатка сине-оранжевая с золотом, короной и готической прописной «G».

Несмотря на то, что в целом состояние облаток, найденных при обследовании, хорошее, встречаются и повреждения. Среди повреждений у мучных облаток имеются расслоение (Ил. 26), частичное осыпание (Ил. 27) и утрата (Ил. 28).

Сохранность желатиновых облаток значительно лучше, но и они, ввиду своей хрупкости, раскалываются (Ил. 29) и отслаиваются, что может привести к потере. На изображении (Ил. 30) утрачена облатка слева.

Исходя из знаний о составе облаток, можно предположить, что они могут быть подвержены биологическим разрушениям, поэтому рекомендуется проводить мониторинг их состояния. При необходимости реставрации или укрепления на бумаге-носителе желательно применять клеящие составы с минимальным содержанием воды¹⁶.

Примечания

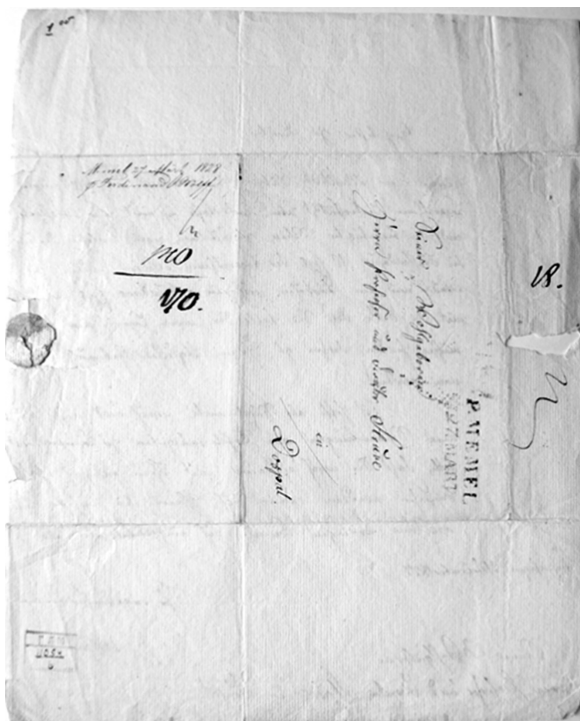
1. Кёппен Петр Иванович (1793–1864) – славист, историк, географ, этнограф, демограф, статист, доктор философии Тюбингенского университета (1825) и Гельсингфорсского университета (1840). В 1826 г. избран членом-корреспондентом Императорской академии наук, в 1843 г. – ординарным академиком по Отделению истории и филологии. Первый посредник между западными и русскими исследователями славянства. Один из создателей Русского географического общества (1845), издал первую «Этнографическую карту Европейской России» (1851), в 1861 г. составил «Хронологический указатель». Материалы, собранные Кёппеном, послужили основой для «Географическо-статистического словаря Российской империи» под редакцией П.П. Семенова-Тян-Шанского.

2. Струве Василий Яковлевич (Фридрих Георг Вильгельм) (1793–1864) – астроном, основоположник звездной астрономии, исследователь двойных и кратных звезд, руководитель измерения дуги меридиана (русско-скандинавская дуга), разработчик высокоточных методов определения координат звезд. Определил систему астрономических постоянных, обосновал вывод о существовании и величине межзвездного поглощения света, вывел интегральное уравнение звездной статистики. В 1813–1839 гг. профессор Дерптского университета, член-корреспондент (1822), действительный академик (1832) Императорской академии наук. Организатор и руководитель строительства Пулковской обсерватории с 1833 г., ее первый директор (1839–1862). Член-учредитель Русского географического общества (1845), его почетный член (1857), член Американского философского общества (1853).
3. Бычков Афанасий Федорович (1818–1899) – историк Императорской академии наук, археограф, библиограф, лексиколог. Член-корреспондент по Отделению русского языка и словесности (1855), экстраординарный академик (1866), ординарный академик по тому же Отделению (1869), председательствующий в Отделении (1893–1899). Член Копенгагенского общества северных антиквариюв (1846), Русского археологического общества (1846), Шведского археологического общества (1846), Копенгагенского общества северной литературы (1848), Русского географического общества (1850), Московского общества истории и древностей российских (1855). С 1840 г. и до конца жизни трудился в Археографической комиссии при Департаменте Министерства народного просвещения.
4. *Phillip Ernst Spieß*. Unterricht von dem Gebrauch der Siegeloblaten. Mit Zusätzen und Bemerkungen über die Bedienung des spanischen Wachses bei der Urkunden Besieglung, von J.Ph. Roos. Frankfurt am Mein, 1794.
5. *Phillip Ernst Spieß*. Unterricht von dem Gebrauch der Siegeloblaten. Mit Zusätzen und Bemerkungen über die Bedienung des spanischen Wachses bei der Urkunden Besieglung, von J.Ph. Roos. Frankfurt am Mein, 1794.
6. Облатки // Журнал общепользных сведений. СПб., 1839. № 48. С. 58–59.
7. О вреде, происходящем от облаток и других вещей, для крашения которых употребляют ядовитые краски // Журнал общепользных сведений. СПб., 1836. № 18. С. 51–52.
8. The Cyclopedia of Useful Arts, Science, and Literature (Ree's Cyclopedia), 1819, edin.

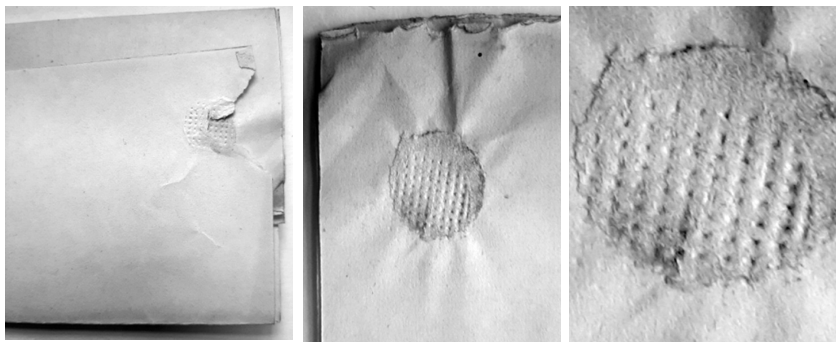
9. Торговая интернет-площадка для коллекционеров. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.delcampe.net> (дата обращения: 27.01.2020).
10. *John Grand-Carteret. Papeterie & papetiers de l'ancien temps.* Paris, 1913.
11. Способ делать платки для печатания из рыбьего клею; изобретение Г-жи Буше // Журнал мануфактур и торговли. СПб., 1826. № 10. С. 55.
12. *Technisches Wörterbuch oder Handbuch der Gewerbskunde in alphabetischer Mines von Karl Karmarsch und Dr Friedrich Beeren.* Т. 2. Prag, 1843.
13. Руководство и приготовление разных родов клея // Журнал общепользных сведений или библиотека, по части промышленности, сельского хозяйства и наук, к ним относящимся. СПб., 1833. Кн. 4. С. 3–9.
14. Быт пушкинского Петербурга. Опыт энциклопедического словаря. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2005. С. 172.
15. *Allgemeines Handels Lexicon. Oder Encyclopaedie der geßamten Handelswiissenschaften fur Kaufleute und Fabrikanten.* В. 2 (L–B). Leipzig, 1857.
16. Труды лаборатории консервации и реставрации документов СПбФ АРАН. Вып. 1: Хранение и реставрация документов; методические рекомендации / Ред. К.И. Андреевой, Н.П. Копаневой. СПб., 2008. С. 125–190.

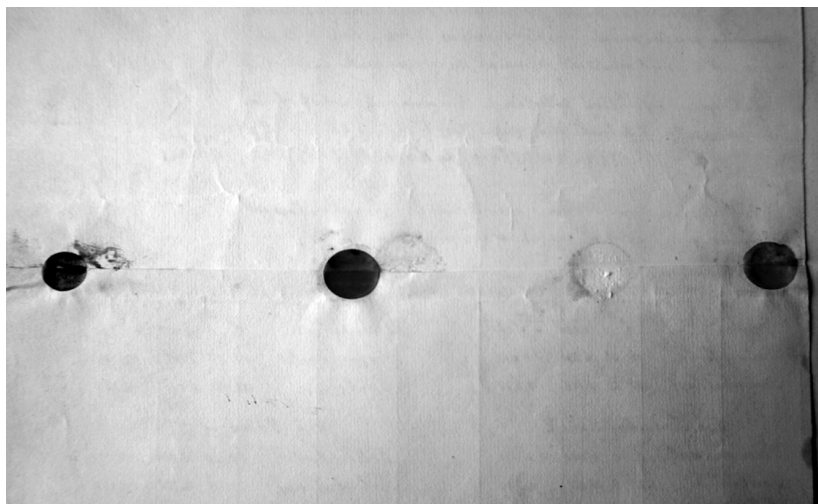
Ил. 1. Облатки мучные Франция. XIX век.

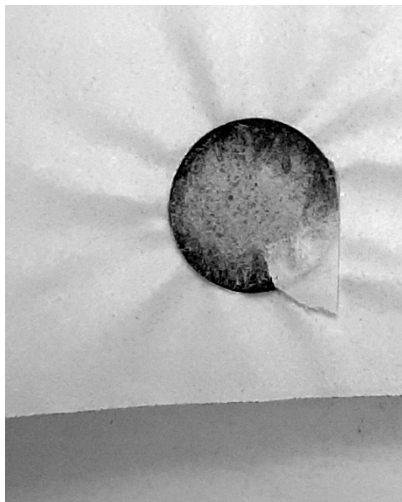
Ил. 2. Письмо с мучной облаткой.

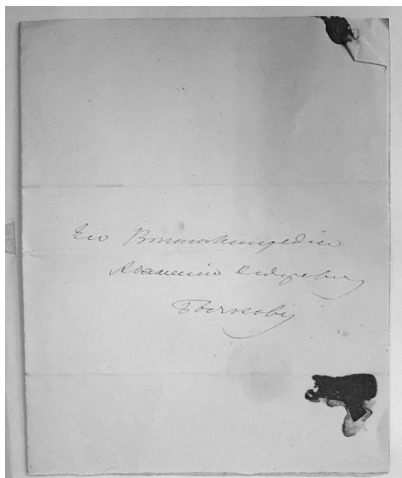
Ил. 3-5. Мучная голубая облатка с оттиском.

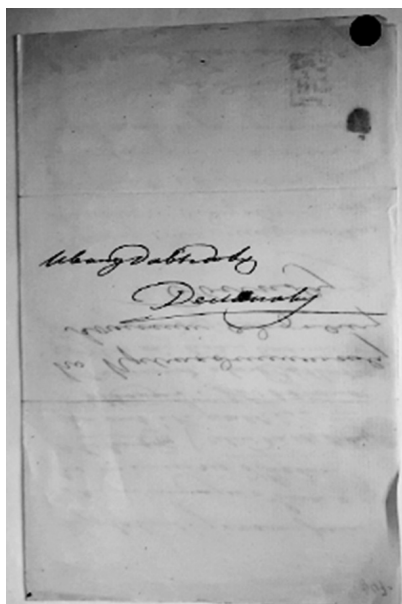
Ил. 6. Цветные полупрозрачные облатки.

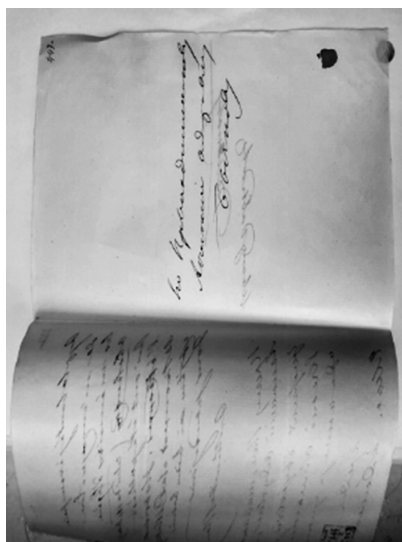
Ил. 7–8. Письмо, запечатанное желатиновой облаткой
коричневого цвета.

Ил. 9–10. Письмо, запечатанное красной сургучной печатью.

Ил. 11. Облатка.

Ил. 12. Сургуч.

Ил. 13. Облатка.

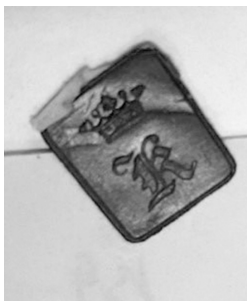
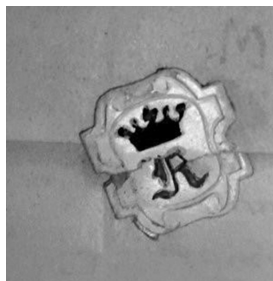
Ил. 14. Сургуч.

Ил. 15. Облатка с изображением бабочки.

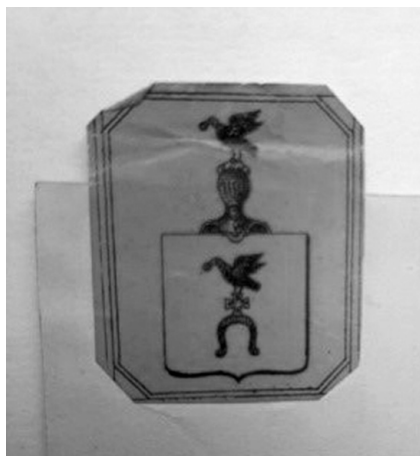
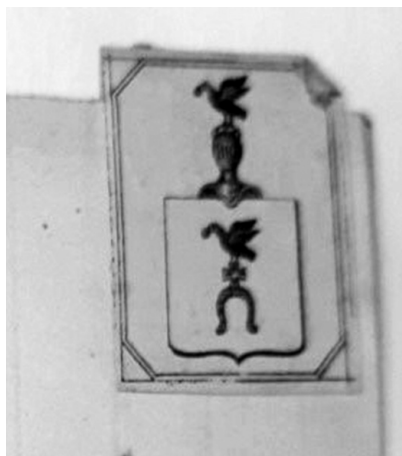
Ил 16. Фигурная золотая облатка.

Ил. 17–19. Разноцветная, красная и белая именные облатки М.А. Корфа.

Ил. 20. Облатка А.А. Ротта.

Ил. 21–22. Белая и зеленая облатки
с изображением рыцарского герба.

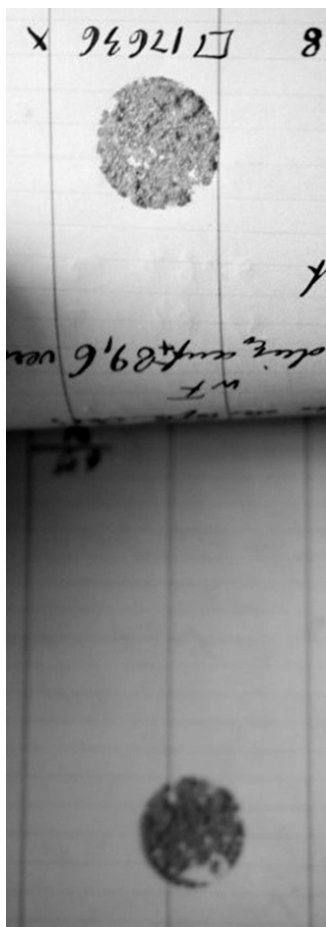
Ил. 23. Облатка с изображением золотой короны.

Ил. 24. Фигурная облатка.

Ил. 25. Зеленая облатка со звездой.

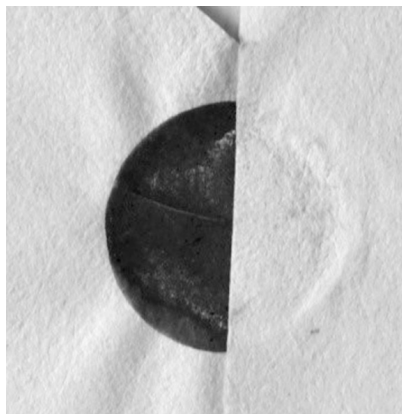
Ил. 26. Расслоение мучной облатки.

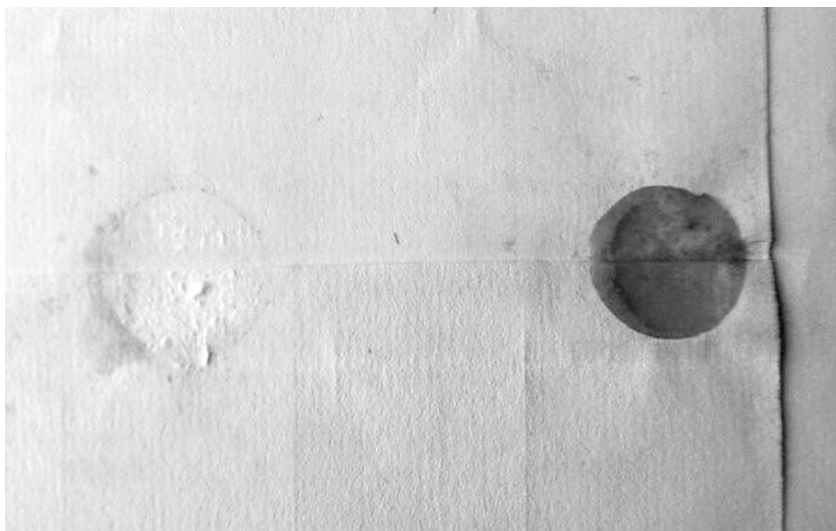
Ил. 27. Осыпание мучных облаток.

Ил. 28. Утрата мучной облатки.

Ил. 29. Трещина
на желатиновой облатке.

Ил. 30. Утрата желатиновой облатки.

*Е.Г. Хосид, А.Д. Власов, К.В. Сазанова,
А.А. Галушкин, Т.С. Ткаченко, А.И. Алексеев*

**О возможности дезинфекции архивных документов
в среде холодного тумана раствора биоцида «Мультидез»**

*E.G. Hosid, A.D. Vlasov, K.V. Sazanova,
A.A. Galushkin, T.S. Tkachenko, A.I. Alekseev*

**Development of disinfection method of archival documents
in cold mist of biocide solution «Multidez»**

Аннотация. Цель данного исследования состояла в апробации метода дезинфекции документов на бумажной основе путем воздушно-капельной обработки раствором биоцида «Мультидез». В качестве способа перевода раствора биоцида в летучую фазу использован метод генерации холодного тумана раствора путем ультразвукового воздействия. Результаты исследований показали перспективность предложенной методики.

Ключевые слова: архивные документы, биоповреждения, дезинфекция, биоциды, методы защиты.

Abstract. Sonication method was used for generation a volatile phase of biocide solution «Multidez». This method allows to transfer the liquid into a mist of fine droplets without the use of heat. The results of this experiment show a prospective method for documents chamber fumigation by a mist solution of polyguanidine hydrochloride biocide («Multidez»).

Keywords: documents, biodeterioration, disinfection, biocides, conservation.

Введение

Сохранение историко-культурного наследия является одной из наиболее актуальных проблем современного общества. Несмотря на то, что профилактические меры в области биологической защи-

ты документов являются более предпочтительными по сравнению с дезинфекционной обработкой, в некоторых аварийных ситуациях возникает неотложная необходимость в дезинфекции химическими биоцидными препаратами. Для защиты от биоповреждений, вызываемых грибами, синтезировано большое количество фунгицидов, различающихся по химической природе и принципу действия¹. К биоцидным соединениям, рекомендованным для защиты печатных документов, кожи и пергамена от микроповреждений, относятся полимерные соединения гуанидина². Данные соединения являются высокополимерными биоцидами, малотоксичными для людей, способными долго оставаться на бумаге, придавая ей биоцидные свойства на длительное время. В настоящее время среди данного класса соединений широко применяется препарат «Фосфопаг» (полигексаметиленгуанидин фосфат) или препарат «Мультидез» – ПГМГ гидрохлорид (полигексаметиленгуанидин гидрохлорид). Эти биоциды могут быть рекомендованы для дезинфекции бумаги в смеси с другими биоцидными компонентами³.

Известны два способа дезинфекции документов биоцидами: тампонирование и фумигация. При массовой дезинфекции архивных фондов более предпочтительным является метод фумигации, позволяющий одновременно обрабатывать большое количество документов. Вещества, традиционно применяемые для фумигации документов (формальдегид, этиленоксид, бромистый метил, тимол), имеют ряд недостатков, препятствующих их дальнейшему применению, среди которых – токсичность для человека и отрицательное воздействие на материалы документов⁴. В настоящее время ведется активный поиск новых веществ и способов для массовой дезинфекции документов.

Исходя из вышесказанного, коллективом авторов была поставлена задача протестировать водорастворимый биоцидный состав – раствор полигексаметиленгуанидина гидрохлорида («Мультидез») в условиях камерной дезинфекции документов на бумажной основе путем их воздушно-капельной обработки. В работе использовалась камера, ранее сконструированная для переноса в летучую фазу метатина. Эксперименты с метатином,

проведенные ранее, показали перспективность предложенной методики⁵.

Материалы и методы

В данной работе был использован концентрат для дезинфекции «Мультидез» (производство Тейфлекс, Россия), состоящий из 10% раствора ПГМГ гидрохлорида (полигексаметиленгуанидин гидрохлорид). Предварительно для тестирования биоцидного раствора и подбора рабочих концентраций проводилась дезинфекция зараженных образцов хроматографической бумаги методом тампонирования (нахождение в растворе 1 мин., температура 20°C). Производитель указывает рабочую концентрацию раствора «Мультидез» для обработки против плесневых грибов от 0,1 до 1%, которая может различаться для разных видов.

В качестве способа перевода раствора биоцида «Мультидез» в летучую фазу без дополнительного нагрева, который может негативно повлиять на действующее вещество и обрабатываемый документ, был использован метод генерации холодного тумана путем ультразвукового воздействия, позволяющий перевести жидкость в состояние мелкодисперсных капель («паров») за счет высокочастотных колебаний. Экспериментальная установка состоит из камеры объемом 80 л, соединенная трубкой-переходником с сосудом, заполненным раствором биоцида (1 л), в который помещались генераторы ультразвука. Подача холодного тумана в камеру осуществлялась с помощью встроенного вентилятора с напряжением 12 вольт. Одновременно использовалось 3 генератора ультразвука (мощность 24 Вт).

Для оценки эффективности дезинфекции использовали образцы хроматографической бумаги из 100% хлопковой целлюлозы (производство 1980-х гг.), зараженные споровой суспензией грибов. В качестве тест-объектов использовали штаммы *Aspergillus niger*, *Penicillium chrysogenum* и *Chaetomium globosum*, выделенные в 2014 г. и 2018 г. с поверхности документов на бумажной основе, хранящихся в хранилищах Санкт-Петербургского филиала Архива РАН. Выбранные для эксперимента микроскопические грибы яв-

ляются наиболее распространенными и активными биодеструкторами в библиотеках и архивных фондах. При этом штаммы грибов *Chaetomium globosum* и *Aspergillus niger* известны своей устойчивостью к воздействиям дезинфицирующих средств⁶. Образцы бумаги обрабатывались водной суспензией спор грибов (концентрацией около 10^6 КОЕ/мл), высушивались и хранились в холодильнике при 4°C в простерилизованной чашке Петри.

Рабочая концентрация водного раствора ПГМГ гидрохлорида в сосуде с генераторами УЗ-колебаний составляла 0,4 и 1,0%. Перед началом обработки макетов документов предварительно камеру заполняли туманом биоцидного раствора в течение трех минут. При этом приблизительное количество жидкости, переведенное в состояние тумана, составляло 100 мл в течение часа, что соответствовало примерно 625 мкл/л. Необходимое время для дезинфекции бумаги подбирали опытным путем в интервалах 20, 40 и 60 минут. После обработки образцов бумаги в камере их высушивали в течение суток в стерильных чашках Петри и затем помещали на питательную среду Чапека-Докса. Инкубирование образцов проводилось в термостате при 25°C в течение 1 месяца. Интенсивность роста оценивали визуально. Эксперименты проводили в трехкратной повторности.

Для исследования влияния раствора биоцида «Мультидез» на грибостойкость бумаги в процессе хранения, образцы, подверженные воздействию холодного тумана биоцидного раствора, хранили при комнатной температуре. Через неделю и через 9 месяцев опытные образцы помещали на питательную среду Чапека-Докса в чашки Петри, предварительно засеянные спорами грибов. Инкубировали в термостате при 25°C в течение 1 месяца.

Влияние обработки водными «парами» раствора биоцида «Мультидез» на механические свойства бумаги оценивали по изменению значений показателя сопротивления излому⁷. Для эксперимента были взяты хроматографическая бумага и три вида опытной бумаги выработки 1961 г.

В – 5 – 82 г/м², 100% сульфитной целлюлозы, зольность – 5% (наполнитель – каолин);

В – 19 – 82 г/м², 100% сульфатной целлюлозы, зольность – 5% (наполнитель – каолин);

В – 25 – 85 г/м², 100% беленой хлопковой полумассы, зольность – 9% (наполнитель – каолин).

Исследовано было также влияние обработки водными «парами» раствора биоцида «Мультидез» на белизну бумаги, которая определялась с использованием шарового фотоэлектрического фотометра (ФМШ-56 М).

Так как выбранный для испытаний биоцидный состав ранее испытывался и рекомендован для применения дезинфекции бумаги⁸, испытания на механическую прочность и белизну после теплового старения обработанных образцов бумаги не проводились.

Результаты и обсуждение

Результаты по дезинфекции тампонированием показаны в первой таблице (Табл. 1). По сравнению с контрольными образцами зараженной бумаги, роста мицелия на образцах при концентрации биоцида от 10 до 0,1% не наблюдалось. Низкая концентрация ПГМГ (0,01%) не ингибировала рост *Chaetomium globosum* и *Penicillium chrysogenum*, но оказалась достаточной для подавления роста *Aspergillus niger*. Следует отметить, что при концентрации 0,1% мицелиальный рост *Chaetomium globosum* не был виден, но имелось окрашивание образца бумаги грибными пигментами или продуктами взаимодействия пигментов гриба с биоцидным составом. Следовательно, для подавления роста *Ch. globosum* и пигментирования им бумаги необходима концентрация 0,2% ПГМГ гидрохлорида для обработки методом тампонирования.

Табл. 1

Результаты обработки хроматографической бумаги тампонированием

	Концентрация биоцида (ПГМГ гидрохлорида), %									Контроль
	10	5	4	3	2	1	0,5	0,1	0,01	
Виды микромицетов										

<i>Aspergillus niger</i>	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
<i>Penicillium chrysogenum</i>	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+
<i>Chaetomium globosum</i>	-	-	-	-	-	-	-	- +	+	+

Примечание: «-» – нет роста; «-+» – нет мицелиального роста, есть пигментация; «+» – имеется активный рост

Для обработки в камере была выбрана концентрация биоцида 0,4% и 1%. Увеличение концентрации биоцида больше 1% не целесообразно, так как возможно снижение летучести компонентов в составе водного тумана.

Для выбора оптимального времени дезинфекции проводилась фумигация «парами» раствора ПГМГ гидрохлорида образцов бумаги, зараженных споровой суспензией *Aspergillus niger*, *Penicillium chrysogenum* и *Chaetomium globosum* в течение 20, 40 и 60 минут. Через месяц инкубации обработанных образцов бумаги на питательной среде рост мицелия микромицетов не наблюдался на всех образцах, которые обрабатывались от 40 минут до 1 часа (см. Табл. 2). При времени обработки 20 минут рост грибов подавлялся в течение месяца, но затем образцы начинали зарастать мицелием. В контрольных образцах был отмечен активный рост грибов уже через 48 часов.

Полученные результаты свидетельствуют о фунгистатическом эффекте тумана раствора 0,4 и 1% ПГМГ гидрохлорида при времени обработки 20 минут. Однако для фунгицидного эффекта необходимо более длительное воздействие. При выбранной концентрации раствора минимальное время обработки, обеспечивающее полную дезинфекцию документов, составляет от 40 минут до 1 часа.

Табл. 2

Рост микромицетов на агаризованной питательной среде Чапека через 1 месяц культивирования. Фунгицидный (–) и фунгистатический (±) эффекты биоцидной обработки в камере холодного тумана

Начальная концентрация раствора биоцида «Мультидез»	0,4%	1,0%	Контроль
---	------	------	----------

Время обработки в камере, мин.	20	40	60	20	4-	60	0
<i>Aspergillus niger</i>	±	±	–	±	–	–	+
<i>Penicillium chrysogenum</i>	±	–	–	±	–	–	+
<i>Chaetomium globosum</i>	±	–	–	±	–	–	+

На следующем этапе изучалось сохранение фунгицидного эффекта во времени. Результаты показали, что при хранении образцов бумаги, подверженных воздействию тумана 1% раствора биоцида «Мультидез» в течение 1 недели и в течение 9 месяцев фунгицидный эффект частично сохранялся (Ил. 1). В большинстве случаев наблюдался рост на чашках с питательной средой, но не на полосках обработанной бумаги.

Так, на всех образцах бумаг, обработанных холодным туманом 1% ПГМГ гидрохлорида (1 неделя хранения), через 7 суток культивирования полностью подавляется рост грибов *Aspergillus niger* (Ил. 1а). Неактивный рост грибов *Penicillium chrysogenum* и *Chaetomium globosum* отмечен только на бумаге В-19. В контрольных образцах наблюдался активный рост и спороношение всех микроскопических грибов не только на питательной среде, но и на поверхности бумаги уже через 48 часов. После четырех недель инокуляции (Ил. 1б) часть образцов была колонизирована грибами. Все обработанные образцы бумаги (В-19, В-25, хроматографическая) оказались наиболее биостойкими к *Aspergillus niger* (Ил. 1б – верхний ряд). Слабый рост *Aspergillus niger* был отмечен с краю образца только на хроматографической бумаге. На образцах бумаг В-19 и хроматографическая отмечалось постепенное зарастание грибами *Penicillium chrysogenum* и *Chaetomium globosum*. Следует отметить, что наиболее устойчивыми ко всем трем видам грибов оказались образцы В-25 – хлопковая бумага с каолином (Ил. 1а и 1б – средняя колонка), что возможно связано с большей адсорбцией биоцида на этом материале.

Образцы бумаги, обработанные «парами» раствора биоцида с концентрацией 0,4 и 1%, после 9 месяцев хранения также показали, что фунгицидный эффект частично сохраняется. Так, через не-

делю культивирования образцов на предварительно зараженной суспензией грибов *Aspergillus niger* питательной среде, рост на бумаге не выявлен (рост отмечен только на зараженной питательной среде) (Ил. 2). В случае с грибом *Penicillium chrysogenum* роста также не было через 1 неделю. Однако следует отметить, что в эксперименте с *Penicillium chrysogenum* через неделю культивирования наблюдается пигментация бумаги по краям (Ил. 3). Наиболее устойчивым грибом к биоцидной обработке оказался *Chaetomium globosum* (через неделю отмечен неактивный рост гриба на бумаге). На контрольных образцах отмечен активный рост всех грибов уже через 48 часов.

Таким образом, фунгицидный эффект 1% раствора биоцида «Мультидез» сохраняется на обоих вариантах образцов: хранящихся 1 неделю и хранящихся 9 месяцев. Однако со временем биостойкость обработанных образцов снижается, и в благоприятных для развития грибов условиях некоторые виды могут преодолевать биоцидную защиту.

Результаты исследования воздействия «паров» 0,4 и 1% растворов биоцида «Мультидез» на прочность и белизну бумаги в сравнении с воздействием 0,2% и 2% водного раствора (метод тампонирования), представлены в таблицах три и четыре (Табл. 3–4).

Табл. 3

Влияние разных обработок водными растворами «Мультидеза»
на сопротивление бумаги излому
(по числу двойных перегибов – ч.д.п.)

Бумага	Вид обработки	Продольное ч.д.п.	Сравнение с исх. ч.д.п., %	Сравнение с обр. «парами» воды, %	Поперечное ч.д.п.	Сравнение с исх. ч.д.п., %	Сравнение с обр. «парами» воды, %
В-5	Исходные без обработок	12.0±2.0			32.5±2.7		
В-19		162.0±26.3			91.3±15.8		
В-25		10.1±0.7			7.2±0.3		
Хром.		45.0±6.1			18.8±2.6		

В-5	дистил. вода	21.4±3.1	78*		30.1±4.1	-7.3	
В-19		162±25	0		86±13	-5.4	
В-25		9±0.4	10*		6.5±0.5	-10*	
Хром.	0,2% водный раствор «Мультидеза»	35.1±4.3	-22*		23.8±4.2	-26.5*	
Хром.	2% водный раствор «Мультидеза»	13.5±1.9	-70*		6.9±0.7	-63*	
В-5	«пары» воды	19±2	58.3*		34±6	6.1	
В-19		211±34.5	30.2*		111±19.8	22	
В-25		11±0.9	10		7±0.3	0	
В-5	«пары» 0.4% водного раствора «Мультидеза» (1 час)	17.1±1.9	42.5*	-10	26.1±4.3	-19.6*	
В-19		203.1±15.2	25.4*	-3.7	106.8±18	17	-23*
В-25		9.2±0.6	-8.9	-16.3*	6.7±0.4	-6.9*	-4
Хром.		33.4±3.6	-25.8*		16.8±1.6	-11	-4.2*
В-5	«пары» 1.0% водного раствора «Мультидеза» (1 час)	20.8±4.1	73.3*	9.5	27.0±4.6	-17*	3.4*
В-19		220.0±20.4	35.8*	8.4	117.0±21.	27*	9.4
В-25		8.4±0.7	-16.8*	-8.7*	6.0±0.0	-17*	-10.4*
Хром.		52.8±12.6	17.3		24.9±1.9		

Примечание: ч.д.п. – число двойных перегибов; В-5 – сульфитная бумага с каолином; В-19 – сульфатная бумага с каолином; В-25 – хлопковая беленая бумага с каолином; Хром. – хроматографическая хлопковая бумага. н/зн. – значение не значимо.

* – различия двух переменных значимы по критерию Стьюдента (T-test).

Как видно по результатам (Табл. 3) обработка тампонированием 0,2% и 2% растворами «Мультидеза» ведет к уменьшению сопротивления бумаги излому. Тампонирование 0,2% раствором вызывает уменьшение этого показателя у хроматографической бумаги в машинном направлении – 22%, по поперечному направлению – 26%. Увеличение концентрации биоцида до 2% ведет к значительному увеличению потери прочности бумаги на излом до 70%.

Для выявления влияния воды в составе биоцидного раствора проведена обработка дистиллированной водой образцов бумаги тампонированием и в камере холодного тумана. Водная обработка увеличивает прочность образцов, что можно объяснить переструктурированием связей между волокнами в бумаге при увлажнении. Происходит внедрение молекул воды между волокнами целлюлозы с образованием новых водных дипольных мостиков между –Н и –ОН группами и, соответственно, образованием большего числа водородных связей после высушивания образцов бумаги. Так, водная обработка увеличивает прочность бумаги на излом для образцов В-5 до 78% при тампонировании или в остальных случаях изменения незначительны. Обработка в камере холодного тумана «парами» воды ведет к значимому увеличению количества двойных перегибов для всех образцов от 10% для В-25 до 58% для В-5. Таким образом, данный показатель образцов В-5 (сульфитная целлюлоза) больше увеличивается после увлажнения.

Результаты испытаний прочности разных видов бумаг в результате камерной обработки холодным туманом 0,4% и 1% раствора биоцида «Мультидез» показали меньшее ухудшение прочности бумаги на излом, чем при тампонировании. Статистическая обработка результатов показала, что увеличение сопротивления излому образцов, обработанных «парами» раствора биоцида, происходит за счет взаимодействия с водой и не связано с обработкой «парами» биоцида.

Испытания бумаги на сопротивление излому проводились после ее обработки в течение одного часа – времени, соответствующем наиболее тяжелым условиям длительной биоцидной обработки. Очевидно, что сокращение времени обработки должно уменьшить количество адсорбированного ПГМГ гидрохлорида и

уменьшить вредное воздействие на прочность бумаги. Полученные результаты показывают допустимый уровень воздействия на прочность бумаги на излом (в среднем уменьшение ч.д.п. не более 10%). По сравнению с испытаниями, проведенными в камере с метатином ранее в 2017 г.⁹, результаты показали, что в случае с «Мультидезом» уменьшение прочности образцов бумаги на излом значительно ниже, чем после обработки «парами» метатина. Например, наиболее значительное уменьшение данного показателя после обработки «парами» «Мультидеза» получено для В-5 в поперечном направлении – 23%. В то же время, у бумаги из сульфатной целлюлозы (В-19) средняя величина сопротивления излому после обработки 0,5% водного раствора метатина снизилась на 46%, а после обработки «парами» метатина – на 38%.

Табл. 4.

Показатели белизны бумаги после различных видов обработки

Бумага	Белизна, %				
	Исходная, без обработки	дистиллированная вода	«пары» воды	«пары» 0,4% водн. раствора «Мультидеза», (1 час)	«пары» 1,0% водн. раствора «Мультидеза», (1 час)
В-5	72,0	71,0	72,0	73,0	73,0
В-19	72,0	70,0	70,0	73,0	73,0
В-25	84,0	83,0	85,0	85,0	85,0
Хромат.	83,0	83,0	84,0	84,0	83,0

Белизна бумаги всех трех видов после различных обработок снижается незначительно или остается без изменения.

Результаты экспериментов показали, что при проведении дезинфекции документов «парами» раствора биоцида «Мультидез» споры грибов, находящиеся на бумаге в момент обработки, погибают при условии, что время дезинфекции в камере составит не менее 40 минут. Фунгицидный эффект частично сохраняется как после недели, так и после 9 месяцев хранения обработанных образ-

цов. Однако со временем фунгицидный эффект может ослабевать и при несоблюдении условий хранения обработка биоцидом может не защищать от вторичной контаминации спорами грибов и последующего повреждения документов при длительном хранении.

Необходимо также учитывать, что сохранение фунгицидного эффекта во времени может иметь как положительное, так и отрицательное значение. Длительное сохранение фунгицидного эффекта – положительный фактор для сохранности документов и предотвращения вторичной контаминации. В то же время остаточное содержание биоцида может влиять на бумажные материалы, а низкая концентрация биоцида способствует отбору устойчивых к нему плесневых грибов¹⁰.

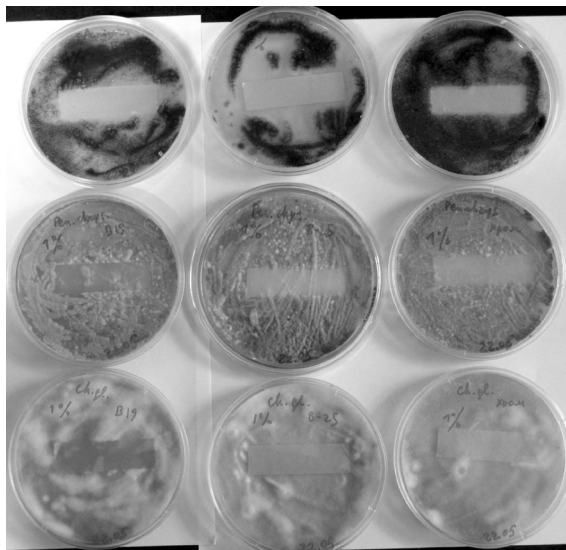
Результаты испытаний прочности разных видов бумаг после камерной обработки «Мультидезом» и метатином¹¹ показали, что предложенный метод меньше влияет на прочность образцов по сравнению с тампониowaniem.

Результаты проведенного исследования указывают на перспективность метода камерной фумигации документов туманом раствора «Мультидеза». Исследования данного метода дезинфекции с использованием «Мультидеза» и других водорастворимых биоцидов будут продолжены с перспективой дальнейшего внедрения в практику консервационно-реставрационных мероприятий в архивах и библиотеках.

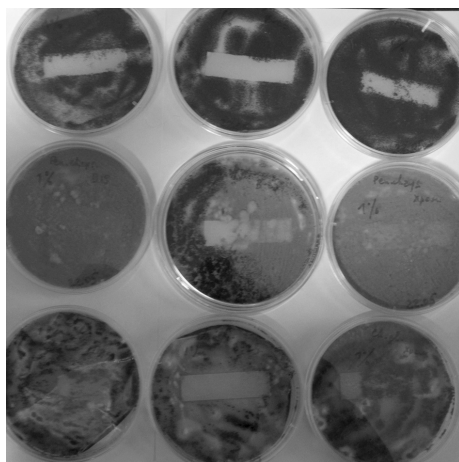
Примечания

1. Великова Т.Д., Трепова Е.С. Биоциды, применяемые для обработки бумаги // Биоповреждение документов. СПб.: РНБ, 2009. С. 108–118; Сухаревич В.И., Кузикова Н.Г., Медведева Н.Г. Защита от биоповреждений, вызываемых грибами. СПб.: ЭЛБИ-СПб, 2009. 207 с.
2. Великова Т.Д., Хосид Е.Г., Трепова Е.С. Использование биоцидов для защиты документов в XX и XXI веках // Петербургская библиотечная школа. СПб., 2019. № 4 (69). С. 47–58.
3. Великова Т.Д., Хосид Е.Г., Трепова Е.С. Указ. соч.; ГОСТ 7.50–2002. Консервация документов. Общие требования. Минск: Межгос. совет по стандартизации, метрологии и сертификации. 2002. 10 с.

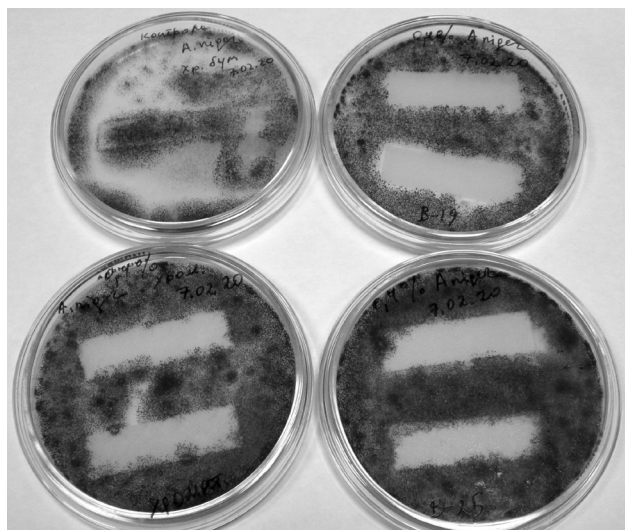
4. Добрусина С.А. Материалы в библиотеке // Обеспечение сохранности библиотечных фондов в процессе использования. Сб. методических материалов. М.: ГПИБ России, 2006. С. 83–124.
5. Сазанова К.В., Галушкин А.А., Ткаченко Т.С., Алексеев А.И. Разработка метода дезинфекции архивных документов в среде холодного тумана раствора биоцида метатин (Rosima GT) // Реликвия (реставрация, консервация, музеи). 2017. № 33. С. 41–46.
6. Митковская Т.И., Коваль Э.З. Микологическая экспертиза старопечатных книг и рукописей // Обеспечение сохранности памятников культуры: традиционные подходы, нетрадиционные решения. СПб., 2006. С. 98–101; Потихина Е.А., Великова Т.Д. Микробиологическое состояние воздуха и документов в хранилищах Российской национальной библиотеки // Обеспечение сохранности памятников культуры: традиционные подходы, нетрадиционные решения. СПб, 2006. С. 82–91.
7. ГОСТ ИСО 5626-97. Бумага. Определение прочности на излом при многократных перегибах (методы Шоппера, Ломаржи, Келер-Молина). 2001. 12 с.
8. Великова Т.Д., Хосид Е.Г., Трепова Е.С. Указ.соч.
9. Сазанова К.В., Галушкин, А.А., Ткаченко, Т.С., Алексеев, А.И. Указ. соч.
10. Кирицители И.Ю., Богомолова Е.В., Паишкова Т.В. Адаптация микроорганизмов к некоторым биоцидам, используемым в реставрации // Проблемы медицинской микологии. 2009. Т. 11. № 2. С. 79.
11. Сазанова К.В., Галушкин, А.А., Ткаченко, Т.С., Алексеев, А.И. Указ. соч.

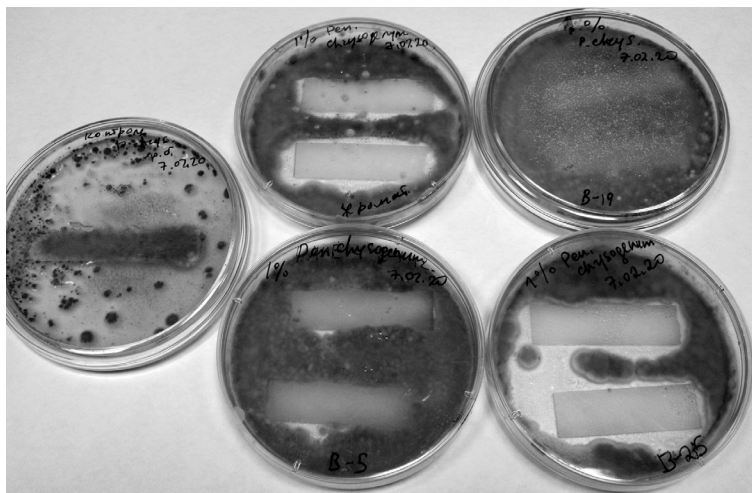
Ил. 1а. Образцы бумаги на 7-е сутки инкубирования после 1 недели хранения (инокуляция: 1-й ряд горизонтально – *Aspergillus niger*, 2-й ряд – *Penicillium chrysogenum*, 3-й ряд – *Chaetomium globosum*). По вертикальным рядам образцы бумаг: В-19, В-25, хроматографическая.

Ил. 1б. Те же обработанные образцы через 28 суток роста.

Ил. 2. Образцы бумаги на 7-е сутки культивирования после 9 месяцев хранения (инокуляция среды *Aspergillus niger*) (верхняя левая фотография – контроль).

Ил. 3. Образцы бумаги на 7-е сутки культивирования после 9 месяцев хранения (инокуляция среды – *Penicillium chrysogenum*) (левая фотография – контроль).

**Опыт реконструкции и реставрации церковной
рукописной книги в Архиве РАН**

P.E. Kandyba

**The experience of reconstruction and restoration
of a church manuscript book in the Archives of the RAS**

Аннотация. Работа посвящена реставрации и реконструкции рукописного исторического документа – синодика Успенской церкви в Печатниках из фонда советского ученого-историка, члена-корреспондента АН СССР А.И. Яковлева. В процессе бытования синодика был нарушен первоначальный порядок тетрадей в книжном блоке. Поэтому цель работы состояла не только в его реставрации, но и в восстановлении исторического облика документа. В ходе проделанной работы удалось восстановить первоначальный порядок листов и реализовать комплекс мер направленных на обеспечение длительной сохранности документа. Он стал доступен для исследователей и публикаций в научных изданиях.

Ключевые слова: синодик, книжный блок, реконструкция, реставрация, органические красители.

Abstract. The work is devoted to the restoration and reconstruction of a manuscript synodik of the Assumption Church in Pechatniki from the fund of the Soviet scientist-historian, corresponding member of the USSR Academy of Sciences A.I. Yakovlev. During the existence of the synodik, the original order of the notebooks in the book block was violated. Therefore, the purpose of the work was not only to restore it, but also to reconstruction the historical appearance of the document. In the course of the work done, it was possible to restore the original order of the sheets and implement a set of measures aimed at ensuring the long-term preservation of the document. It became available for researchers and publications in scientific journals.

Keywords: synodik, book block, reconstruction, restoration, organic dyes.

Данная работа посвящена реставрации и реконструкции рукописного исторического документа – синодика Успенской церкви в Печатниках из фонда советского ученого-историка, члена-корреспондента АН СССР А.И. Яковлева (АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Д. 609).

Синодик – это не только церковная книга, но и особый вид исторического документа¹. В нашем случае он представляет собой поминальную книгу, которая содержит перечисление имен живых и усопших для поминовения во время богослужения, а также список пожертвований на вечное поминовение с указанием суммы и даты, когда оно было сделано.

Документ имеет кожаный переплет с художественным тиснением. Форзацные листы выполнены из муаровой бумаги. Шитье блока осуществлялось по тетрадам. На момент поступления в лабораторию реставрации блок находился в неудовлетворительном физическом состоянии. Он был оторван от переплета, нити шитья сильно разрушены и местами разорваны, вследствие чего наблюдалось нарушение шитья блока и выпадение тетрадей и листов. Ил. 1.

Предварительный визуальный анализ физического состояния документа показал, что в процессе его бытования был нарушен первоначальный порядок тетрадей в блоке. Вероятно, в таком виде синодик поступил на хранение в Архив РАН. По этой причине текущая архивная нумерация листов не соответствует их первоначальному порядку в документе. Таким образом, цель работы состоит не только в реставрации книжного блока, но и в восстановлении исторического облика синодика.

Записи, сделанные в синодике, не везде содержат информацию, позволяющую выстроить правильный порядок листов. По этой причине, в процессе работы мы столкнулись с двумя проблемами, для решения которых необходимо было привлечение естественнонаучных методов исследования.

Визуальный осмотр книжного блока показал, что между листами № 1 и № 2 располагался пустой пронумерованный лист.

Технически он относился к другой тетради и должен был находиться перед листом № 9. Было установлено, что в составе красных чернил на этом листе присутствует флуоресцентный краситель. Ил. 2. Для его идентификации использовали метод флуоресцентной спектроскопии. Пробоподготовка состояла в экстракции образца в 250 мкл дистиллированной воды при комнатной температуре и атмосферном давлении в течении 30 минут с последующим центрифугированием (10 минут) при 8000 об/мин. Измерение спектра флуоресценции раствора красителя осуществлялось с помощью флуориметра Pasco-2600. Максимум длины волны возбуждения флуоресценции составлял 500 нм, время интегрирования – 186 мс. В качестве эталона сравнения использовали краситель Эозин Н (ЧДА) фирмы ООО «ПраймКемикалсГрупп».

В результате проведенного анализа было установлено соответствие между спектрами флуоресценции эталонного и анализируемого образцов. Ил. 3. Таким образом, в составе красных чернил на листе № 9 присутствует эозин – ксантеновый кислотный краситель, обладающий сильными флуоресцентными свойствами. Кислотные красители не имеют химического сродства к целлюлозному волокну. Если в процессе бытования документа происходило его увлажнение, то за счет миграции красителя текст мог отпечататься на соседней странице. Для проверки этого предположения был применен метод люминесцентного макроанализа². В качестве источника возбуждающего излучения использовали осветитель КФ-4М со светофильтром УФС-6. Результаты фиксировались цифровой фотокамерой Nikon D5000 с объективом AF-S Micro NIKKOR 60 mm f/2.8 G ED. Бумажная основа документа обладает собственной люминесценцией в сине-голубой области спектра. Вот почему для снижения влияния фонового излучения и повышения контрастности использовали желтый светофильтр Fotokvant серии Р и последующую цифровую обработку изображения инструментами и средствами графического редактора Photoshop CS6³. На представленных ниже фотографиях (Ил. 4) хорошо видно, что на пустом пронумерованном листе отпечатался текст с лицевой стороны листа № 9. Таким образом, перво-

начально этот лист располагался перед листом № 9, а не между листами № 1 и № 2.

В процессе бытования синодика раздел «пожертвования на вечное поминовение» (листы № 9–13) был ошибочно помещен внутри другого раздела «о упокоении» (листы № 1–8, 15, 16). Если предположить, что «пожертвования на вечное поминовение» первоначально располагались в конце документа, то лист № 8 должен находиться непосредственно перед листом № 15. Для проверки этого предположения был проведен сравнительный анализ состава чернил на обратной стороне листа № 8 и лицевой стороне листа № 15. На фотографиях (Ил. 5) представлены результаты исследования текста фотографическим методом в видимой и ближней инфракрасной областях спектра. Для регистрации изображения использовали цифровую фотокамеру Nikon D5000 с объективом AF-S Micro NIKKOR 60 mm f/2.8 G ED и инфракрасный отрезающий светофильтр (950 нм), отсекающий коротковолновую часть спектра. Поскольку чувствительность стандартной кремниевой ПЗС матрицы в инфракрасной области ограничивается длиной волны 1100 нм⁴, регистрация изображения осуществлялась в интервале длин волн 950–1100 нм. В качестве источника излучения использовали лампу накаливания.

На полученных фотографиях хорошо видно, что фрагменты текста, выполненные темно-красными чернилами, имеют заметные поглощения в ближней ИК-области. Известно, что большинство органических красителей не поглощают в указанном выше интервале длин волн. Вероятно, эти чернила имеют более сложный состав и содержат компонент, имеющий поглощение в этой области спектра.

Исследование данных фрагментов текста с помощью оптического микроскопа (Leica MZ 125) в отраженном свете позволили установить, что в составе темно-красных чернил присутствуют красный органический краситель и черный пигмент. Ил. 6.

Для идентификации красного красителя использовали метод флуоресцентной спектроскопии. Пробоподготовка и измерение спектра флуоресценции осуществлялись по описанной выше ме-

тодике. Максимум длины волны возбуждения флуоресценции составлял 500 нм, время интегрирования – 707 мс. В качестве эталона сравнения использовали краситель Эозин Н (ЧДА) фирмы ООО «ПраймКемикалсГрупп».

В результате проведенного анализа было установлено соответствие спектров флуоресценции образцов красителя с обратной стороны листа № 8 и лицевой стороны листа № 15 эталону сравнения. Ил. 7. Краситель является эозином.

Черный пигмент в обоих случаях представляет собой аморфное тонкодисперсное вещество, имеющее сильное поглощение в ближней инфракрасной области спектра. Микрохимический анализ показал, что пигмент не растворим в щелочах, минеральных и органических кислотах, устойчив к сильным окислителям. Полученные данные указывают на присутствие в составе чернил сажи.

Поскольку чернила такого состава были обнаружены только на этих двух листах, логично предположить, что записи были сделаны подряд и в одно время. Таким образом, лист № 15 должен располагаться после листа № 8.

Проведенные исследования позволили восстановить первоначальный порядок расположения тетрадей в блоке документа. Итоги работы представлены в таблице № 1.

Табл. 1

Порядковый номер тетради	Текущая архивная нумерация листов	Примечания
1	1	Лист приклеен к переднему форзацному листу и оторван от тетради
	2	-
	3	-
	4	-
2	5	-
	6	-
	7	-
	8	-

3	15	-
	16	-
	-	Листы не имеют нумерации и текста
	-	
4	-	Лист не имеет нумерации и текста
	9	-
	10	-
	11	-
5	12	-
	13	-
	-	Листы не имеют нумерации и текста
	-	
6	-	Листы не имеют нумерации и текста
	-	
	-	
	-	
7	-	
	-	
	-	
	-	
8	-	
	-	
	-	
	-	
9	-	
	-	
	-	
	-	
10	-	
	-	
	-	
	-	
11	-	
	-	
	-	
	-	

12	-	Листы не имеют нумерации и текста
	-	
	-	
	-	
13	-	Листы не имеют нумерации и текста
	-	
	-	
	-	Лист приклеен к заднему форзацному листу. Нумерация и текст отсутствуют
-	14	Листы не являются частью книжного блока
-	17	Листы не являются частью книжного блока
-	18	

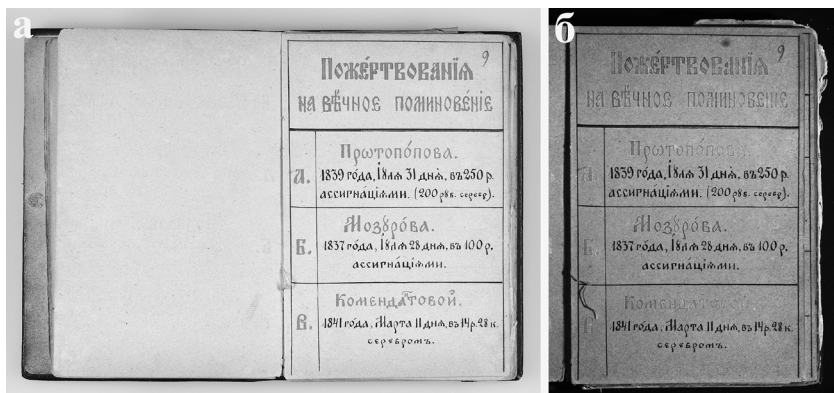
После реконструкции синодика была осуществлена его реставрация сотрудником лаборатории реставрации документов Архива РАН Л.В. Бастрыгиной. В ходе этих работ был реализован комплекс мер, направленных на обеспечение длительной сохранности документа. Он стал доступен для исследователей и публикаций в научных изданиях.

Примечания

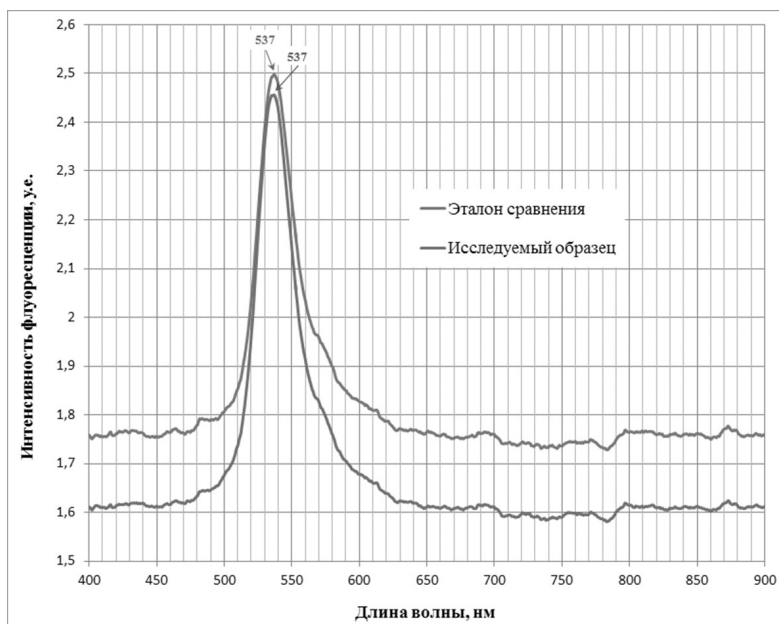
1. *Дергачева И.В.* Древнерусский Синодик: исследование и тексты // Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. VI. М.: Изд. «Круг», 2011. С. 9–19.
2. *Корнышев Р.П., Ляховицкий Е.А., Родионов И.С.* Оптико-электронные и телевизионные методы и средства в историко-бумаговедческих исследованиях рукописно-книжных памятников // Фотография. Изображение. Документ. Вып. 4. 2013. С. 65–67.
3. *Харитонов А.Г.* Восстановление угасающих текстов и изображений архивных документов. М.: Изд. «Уникитских ворот», 2006. С. 91–99.
4. *Корнышев Р.П., Ляховицкий Е.А., Родионов И.С.* Оптико-электронные и телевизионные методы и средства в историко-бумаговедческих исследованиях рукописно-книжных памятников // Фотография. Изображение. Документ. Вып. 4. 2013. С. 67.

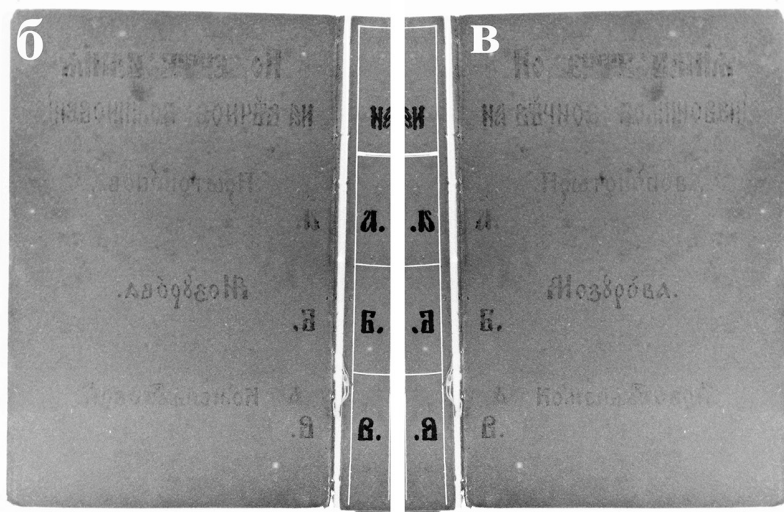
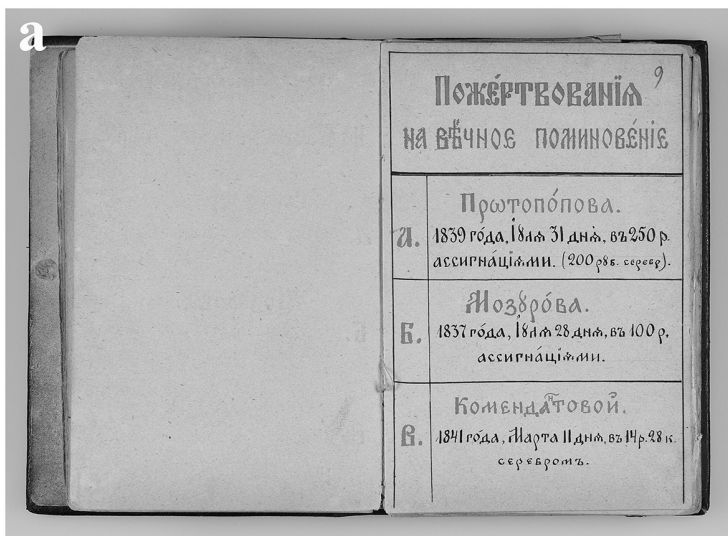
Ил. 1. Общий вид документа до реставрации.
АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Д. 609.

Ил. 2. Исследование текста в отраженном свете в видимой области спектра (а) и в свете видимой люминесценции под действием ультрафиолетового излучения (б).

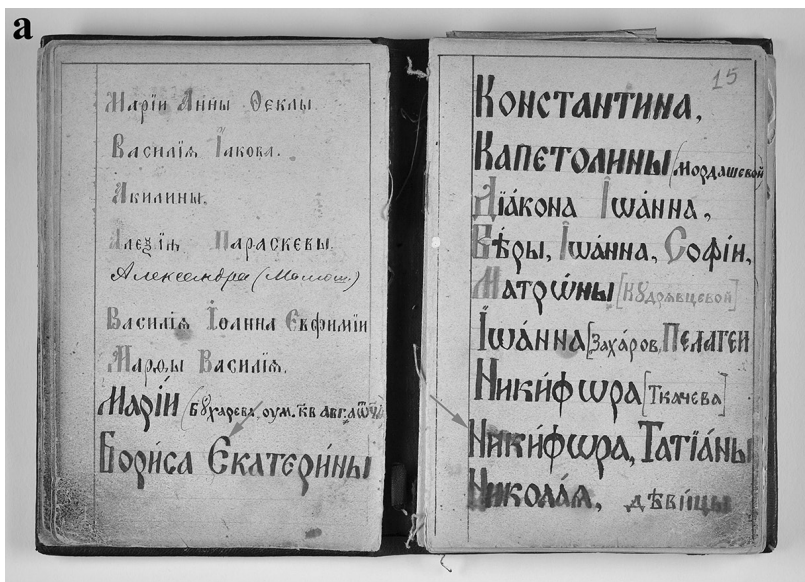

Ил. 3. Спектры флуоресценции эталонного и исследуемого образцов.

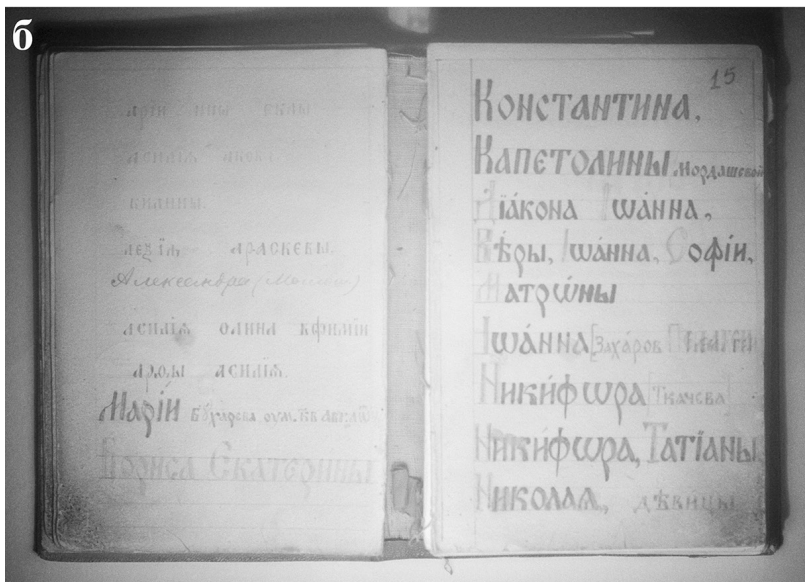

Ил. 4. Исследование документа методом люминесцентного макроанализа. Фотография текста в отраженном свете в видимой области спектра (а). Отпечаток текста с лицевой стороны листа № 9 на соседней странице в свете видимой люминесценции после цифровой обработки в графическом редакторе (б).
Зеркальная копия предыдущей фотографии (в).

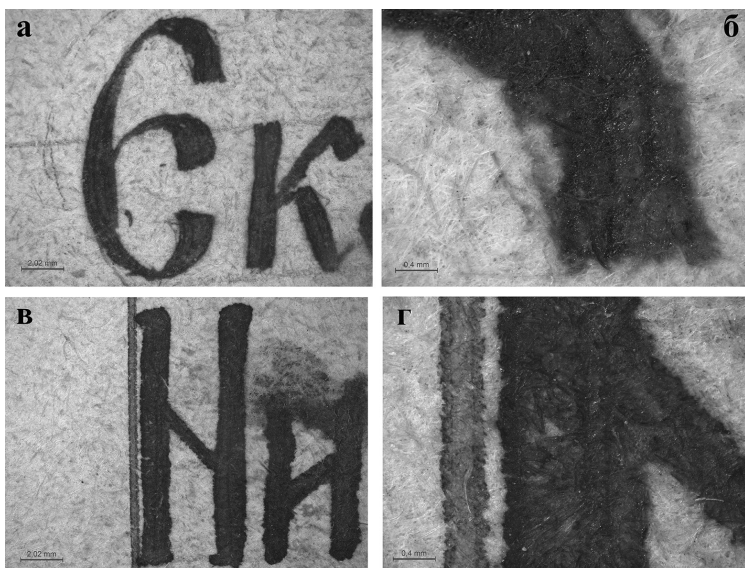
а

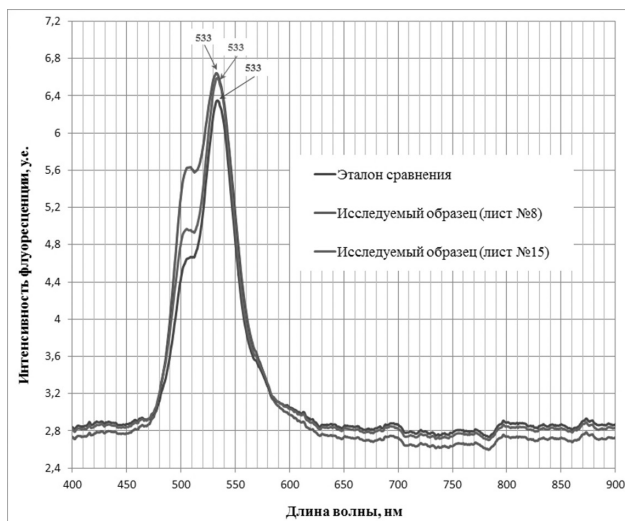
б

Ил. 5. Исследование текста в отраженном свете в видимой (а) и ближней инфракрасной (б) областях спектра.

Ил. 6. Исследование фрагментов текста на обратной стороне листа № 8 (а, б) и лицевой стороне листа № 15 (в, г) с помощью оптического микроскопа в отраженном свете.

Ил. 7. Спектры флуоресценции эталонного и исследуемых образцов.

Обозрения фондов

Микулинский Семен Романович (1919–1991)

T.N. Lapteva

Mikulinskij Semen Romanovich (1919–1991)

Специалист в области философских проблем биологии и ее истории, член-корреспондент АН СССР (1968). Работал в МГУ им. М.В. Ломоносова старшим лаборантом (1949–1951), в Институте истории естествознания и техники младшим, затем старшим научным сотрудником (1952–1963), заместителем директора (1963–1974), директором (1974–1986), главным редактором журнала «Вопросы истории естествознания и техники» (1956–1986).

АРАН. Ф. 2191. Оп. 1. 451 ед. хр. за 1919–2001 гг.

Научные, научно-популярные и общественно-политические труды: оттиски научных и газетных статей, брошюр, интервью С.Р. Микулинского (1949–1988), предисловие к монографии «К.Ф. Рулье и его учение о развитии органического мира» (1955), некролог о Ю.С. Мелешенко, монография «К.Ф. Рулье: ученый, человек и учитель» (1978), текст выступления перед участниками I Всесоюзной школы молодых ученых по науковедению (1979), речь на похоронах Р. Рихты (1983), статья «Памяти Радована Рихты» (1983), подготовленная публикация документов «В.И. Вернадский. Письма и записки» (1990), доклад на Пленуме Бауманского районного комитета КПСС (1981), рабочие материалы к публикации писем В.И. Вернадского (1940–1950-е), отзывы и рецензии С.Р. Микулинского на издание трудов Н.Ф. Федорова (ред. А.В. Гулыга) (1982), докторские диссертации В.И. Назарова (1990), В.Д. Есакова (1990) и др.

Личные документы: приглашения на приемы и торжественные собрания в правительственные организации, посольства ино-

странных государств, научные организации (1966–1984), мандат делегата учредительного съезда Философского общества СССР (1971); удостоверение, приглашения на заседания, пропуск Философского и Научно-технического обществ, партийных организаций г. Москвы (1975–1982); почетная грамота (1976) и др.; визитные карточки, записные книжки, справка о переводе С.Р. Микулинским премии за книгу «Социализм и наука» в Советский фонд мира ([1983]); письма и телеграммы в связи с избранием членом-корреспондентом АН СССР, в связи с днями рождения; рецензии на труды С.Р. Микулинского (1949–1985), статьи с упоминанием о его деятельности (1949–1988), статья о 70-лети (1989) и др.

Изобразительные материалы: портреты С.Р. Микулинского ([1950-е–1980-е]), Э.Г. Форбса (1984), Ф.К. Рулье (начало XX в.), фотографии (диапозитивы) интерьеров, экстерьеров, экспонатов музеев науки мира (1971–1975).

Документы о служебной деятельности: пригласительные билеты и программы научных мероприятий (1948–1983), переписка о написании отзывов, рецензий и статей (1951–1989), темы лекций в МГУ им. М.В. Ломоносова (1952), документы о членстве в Ученом совете Государственного биологического музея им. К.А. Тимирязева (1952–1955), переписка с иностранными корреспондентами об обмене публикациями и библиографической информацией, публикации статей в иностранных изданиях (1958–1984), работе в международных научных организациях (1966–1985), авторефераты диссертаций, написанных под руководством С.Р. Микулинского (1972–1986), повестки на заседания Комитета по Ленинским и Государственным премиям (1975–1989), отчеты о заграничных командировках (1976–1984), документы о работе в академических комиссиях, комитетах (1977–1989); документы о работе в Институте истории естествознания и техники (1975–1986); в Редакционно-издательском совете АН СССР (1974–1989), в академических книжных сериях «Ученые СССР. Воспоминания, очерки, материалы» и «Научное наследство» (1974–2001).

Письма С.Р. Микулинского М.М. Абрашневу, Э.Л. Андроникашвили, Г.В. Артемьеву, Р. Войтусиаку, М. Вонгу, Ю.С. Ворон-

кову, Г. Вуссингу, Н.А. Григорьян, Л. Грэхэму, Л.Ш. Давиташвили, Я. Дембовскому, А. Диммеру, К.М. Завадскому, Н.Г. Залкинду, И.И. Канаеву, Э.П. Карпееву, А.Г. Кнорре, А. Койре, А.В. Кольцову, Ю.Х. Копелевич, Г. Креберу, В.И. Кузнецову, И. Малецкому, И.М. Полякову, Э. Попу, Р. Рихте, Н.М. Сисакяну, С.И. Томкееву, И.А. Тугаринову, П.Н. Федосееву, В.М. Циммерману, Ясуги Риуиши и др.

Письма С.Р. Микулинскому от М.М. Абрашнева, Г.Н. Алексеева, Э.Л. Андроникашвили, Ю.А. Анисимова, А.К. Бага, Ф.Х. Бахтеева, А.П. Бердышева, А. Бернацкого, М. Берри, А.Я. Бибика, И. Брожека, Е.М. Бруинса, Г.В. Быкова, Г.В. Бычкова, С.А. Варданян, Г. Венделя, Е.М. Воронцова, Г. Вуссинга, Л. Грэхэма, Л.Ш. Давиташвили, А. Димера, Я.Д. Дмитерко, В.Д. Есакова, И.М. Забелина, К.М. Завадского, К.Г. Залиева, И.И. Канаева, А.Х. Касымжанова, В.Н. Князева, М.Я. Ковальзона, Э.И. Колчинского, Ю.Х. Копелевич, П. Костабеля, Г. Кребера, Ф.М. Куперман, Н.В. Левкоевой, И.И. Леймана, Н.М. Мончева, И.И. Мочалова, М.А. Несмеяновой, М.В. Нечкиной, Г.В. Никольского, Г.А. Новикова, Э. Попа, Б.Е. Райкова, В. Рожанской, Р. Роттлендера, О.П. Сармулина, П.Н. Скаткина, С.И. Томкеева, И.В. Тункиной, А. Тушко, Д. Уолтерса, А.Н. Холодилина, А. Шахновской, П.Б. Шелища, Л. Шифмана, А.И. Щербакова, А.П. Юшкевича, А.Л. Яншина, Г. Яроша, М.Г. Ярошевского и др.

Документы других лиц: письмо А. Бабичева Н.Н. Левкоеву (1954), извещение об избрании В.В. Балабина старшим научным сотрудником ИИЕТ (1985), выступление А.В. Гулыги о перестройке философской науки (1987), письмо Б.А. Домбровского в редакцию журнала «Вопросы философии», письма Б.М. Кедрову от разных корреспондентов, статья и рецензия В.П. Эфроимсона и др.

**Митрохин Лев Николаевич
(1930–2005)**

T.N. Lapteva

**Mitrokhin Lev Nikolaevich
(1930–2005)**

Специалист в области истории философии и религии, действительный член РАН (2000). Работал в Кабинете марксизма-ленинизма Московской ветеринарной академии (1953), редакции «Литературной газеты» (1957–1958), Институте философии АН СССР (1957–1961, 1963–1975, 1988–2005), Отделе пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ (1961–1963), Всесоюзном агентстве по авторским правам (1975–1979), Институте международного рабочего движения АН СССР (1979–1987), главный редактор журнала Президиума РАН «Social Sciences» (1990–2004).

АРАН. Ф. 2149. Оп. 1. 521 ед. хр. за 1930-е – 2005 гг.

Рукописи и черновики монографий: «Философия религии (Опыт истолкования марксистского наследия)» (1993), «Мои философские собеседники» (2005) и др.; статей: «Некоторые черты современного баптизма (опыт изучения рукописной баптистской литературы)» (1964), «Современный пацифизм (американские квакеры)» (1965), «Человек в баптистской общине» (1968), «Наука и религия» (1968), «Негритянское движение в США (идеология и практика)» (1974), «Религиозные “культы” и американская молодежь» (1981), «Мессия должен быть богаче всех» (1982), «Беседы об атеистическом наследии Маркса» (1983), «Христианство и борьба за мир (Религиозный пацифизм на Западе: истоки и социальная роль)» (1984), «История и религия» (1987), «Религия как предмет науки» (1987), «Марксисты и христиане (к проблеме диалога)» (1989), «Кто

есть истина?» (1992), «О свободе совести» (1996), «Власть и религия» (1997), «Критика религии по существу окончена» (1999), «Научное знание и религия на рубеже XXI века» (2000), «Религия и мораль в российском обществе (полемиические заметки)» (2003) и др.; доклады: «Перестройка: религия и секуляризация в СССР» (1990), «Религиозный пацифизм (Заповедь “не убивай” в прошлом и настоящем)» (1992), «Новая философия в современной России» (1992), «Церковь и государство в современной России» (2001), «Религия и культура: новые перспективы» (2002), «От “научного атеизма” к наукам о религии XXI века» (2003) и др.; выступления на заседаниях круглых столов; рабочие материалы к научным трудам; лекции для вузов, главы учебных пособий, аудиозаписи лекций; рецензии и отзывы Митрохина на книги Е. Ярославского, Г.Л. Парсона, В.Ф. Гажоса, Д. Карнеги, Т.И. Ойзермана и др.

Биографические документы: заграничные паспорта, справка и удостоверения о работе, дипломы, военный, профсоюзный, членские билеты, медали, пропуска, автобиография, записи дневникового характера, интервью Митрохина, документы об обучении в МГУ им. М.В. Ломоносова, юбилейно-поздравительная корреспонденция, отзывы о кандидатской и докторской диссертациях, монографиях и статьях Митрохина, статья А.И. Кырлежева о Митрохине, сведения о его жизни и научных трудах.

Портреты, групповые фотографии Митрохина: с родителями, учителями, на воинских сборах, конференциях, заседаниях, на отдыхе, во время поездок за границу (1930-е – 2004).

Служебные документы: отчеты о работе (1981–2002), программы и приглашения на конференции, конгрессы, заседания круглых столов, документы о заведовании сектором философии культуры Института философии АН СССР, Протокол, справки, отчеты и др. документы о проверке работы кафедры философии РАН, заявки на гранты, сметы, отчеты по темам: «Религия и духовное возрождение России» (1995), «Введение в философию религии» (1997–1998), «Большевизм и религия» (2001–2002), «Россия в глобализирующемся мире»; переписка, заявки, издательские договоры об опубликовании работ Митрохина, отчеты и др. доку-

менты о научных командировках, афиши о чтении публичных лекций, документы (служебная переписка, договора, проекты приказов и др.) о работе главным редактором журнала «Social Sciences» (1990–2004), записки в ЦК КПСС об атеистической работе в СССР (1963–1991), стенограммы заседаний «круглых столов» о религиозной ситуации в России (первая половина 1990-х), списки лекций, проекты спецкурсов, список участников заседания Комиссии по вопросам религиозных объединений при Правительстве РФ (2002–2003).

Письма Митрохина к П. Аллену, Л. Блонтрок, Х.М. Киму, Ф. Коламбусу, В.Н. Кудрявцеву, П. Курцу, В.А. Лекторскому, В. Лепениесу, П. Микату, О.К. Руднову, А.А. Френкину, Б.А. Шарвадзе, Ф. Шраммеру.

Письма Митрохину от Р. Бартлетта, С.А. Белорусова, И.В. Бестужева-Лады, Д. Биркса, Л. Блонтрок, Х. Герке, В.Л. Гинзбурга, Л.А. Грибова, А.В. Гулыги, А. Дейви, Д. Джанза, Д. Джиффорда, Ш. Каннина, Б. Коваля, П. Курца, В.А. Лекторского, Ж.Ф. МакЛина, Б. Марека, П. Миката, Д. Мотту, Г. Рормозера, Б. Смита, Р. Тиельмана, А.А. Френкина, В.В. Цукермана, Э.Х.Е. Шрибера, В.Л. Янина и др.

Материалы других лиц: свидетельство о рождении сына Митрохина Константина, визитная карточка жены Митрохиной Елены Юрьевны; труды О.А. Антонова, Е.Г. Балагушкина, С.А. Белорусова, В.И. Гараджи, В.Л. Гинзбурга, А.А. Гусейнова, А. Зиновьева, А.И. Клибанова, П. Курца, М.К. Мамардашвили, Ю.С. Осипова, В.Н. Шердакова и др., оттиски статей с дарственными надписями.

Ил. 1. Л.Н. Митрохин. [1970-е гг].
АРАН. Ф. 2149. Оп. 1, Д. 292. Л. 1.

Ил. 2. Л.Н. Митрохин во время выступления на Российском философском конгрессе. Не ранее 1997 г.
АРАН. Ф. 2149. Оп. 1. Д. 304. Л. 1.

Ил. 3. Л.Н. Митрохин и Всеволод Чаплин во время заседания. 1990-е гг.
АРАН. Ф. 2149. Оп. 1. Д. 306. Л. 1.

**Беляков Виктор Петрович
(1923–1986)**

O.V. Selivanova

**Belyakov Viktor Petrovich
(1923–1986)**

Специалист в области криогенной и криогенновакуумной техники, член-корреспондент АН СССР (1979). Работал старшим инженером-расчетчиком, ведущим конструктором ОКБ-1 Министерства авиационной промышленности (МАП) (1948–1950), начальником испытательной станции, ведущим конструктором и начальником отдела НИИ-88 МАП (1950–1963), ведущим инженером, начальником испытательного отдела Научно-исследовательского и конструкторского института химического машиностроения (1963–1968), заместителем по науке директора Всесоюзного Научно-исследовательского института криогенного машиностроения (1968–1972), профессором МВТУ им. Н.Э. Баумана (с 1967), главным конструктором и генеральным директором, генеральным конструктором криогенной техники НПО Криогенмаш (1972–1986). С 1971 г. был вице-президентом, затем членом комиссии А-2 «Криогенная техника» Международного института холода, Почетным членом Ассоциации криогенной техники Республики Индия, членом Комиссии АН СССР по техническому использованию сверхпроводимости, членом президиума Советского национального комитета по холоду, членом президиума Межведомственного совета по криогенной технике. Герой Социалистического Труда (1983), лауреат Ленинской (1978) и Государственной (1988, посмертно) премий, награжден орденом Трудового Красного Знамени (1976).

АРАН. Ф. 1985. Оп. 1. 36 ед. хр. за 1946–1988 гг.

Доклады и выступления В.П. Беякова: «Доклады руководящего состава Балашихинского ордена Ленина НПО Криогенмаш», «Криогенные гелиевые системы циркуляционных и погружных сверхпроводящих магнитов» (1981–1982), тезисы выступления на коллегии Минхиммаша, доклад на открытии третьей научно-технической конференции «Криогеника-82», доклад в ЦК КПСС «О дополнительных возможностях ВНПО по сокращению сроков разработки и организации производства новой техники, обеспечению ее высокого технического уровня и качества» (1986).

Статьи: «Современные направления развития криогенной техники», «Кислород на службе металлургов», «Развитие криогенной техники в Советском Союзе», «Профессии глубокого холода», «Системы криогенного обеспечения сверхпроводящих магнитных систем», «Системы криогенного обеспечения СПУ крупных энергетических установок», «Мембранные газоразделительные установки»; статьи и интервью В.П. Беякова в газетах «Правда», «Труд», «Советская Россия», «НТР – проблемы и решения», «Известия» (1981–1986).

Биографические документы: копии диплома об окончании Московского авиационного института (1946), дипломов кандидата и доктора технических наук, аттестата профессора по кафедре «двигателестроение», удостоверения о присуждении Ленинской премии (1978), удостоверения члена-корреспондента АН СССР, грамоты и удостоверения Героя Социалистического Труда, члена Московского обкома КПСС, постановления о присуждении Государственной премии СССР; газетные статьи о В.П. Беякове (1983–1984), воспоминания о нём «Мы учились в одном классе» (1987), некролог (1986).

Фотографии В.П. Беякова: фотопортреты (1955/1956–1984), групповые фотографии, сделанные во время выступления на конференции Международного института холода в Гренобле, Франция (1971), на конференции по криогенике (1971), конференции молодых специалистов ВНИИ Криогенмаша (1971), во время посещения завода Ферокс в ЧССР (1976), на заседании в городском совете г. Балашиха (1977), во время вручения В.П. Беякову знамени

заместителем Министра химического и нефтяного машиностроения СССР А.В. Курамжиным (1979), встреча В.П. Белякова с заместителем Председателя Государственного комитета СССР по науке и технике В.В. Сычевым (1979), во время посещения выставок «Криогеника-80», «Криогенная техника-82», фотографии В.П. Белякова с космонавтами СССР В.А. Джанибековым ([1978/1983]), Г.С. Титовым (1980), фотографии посещения завода Криогенмаш народным артистом С. Бондарчуком (1980) и др.

Ил. 1. В.П. Беляков. 1955–1956 гг.
АРАН. Ф. 1985. Оп. 1. Д. 17. Л. 1.

Ил. 2. В.П. Беляков возле памятника маршалу Советского Союза П.С. Рыбалко на территории завода Ферокс (Ferox) в ЧССР. 1976 г.
АРАН. Ф. 1985. Оп. 1. Д. 23. Л. 1.

Ил. 3. В.П. Беляков с летчиком-космонавтом В.А. Джанибековым, дважды Героем СССР. [1978/1983 гг.?].
АРАН. Ф. 1985. Оп. 1. Д. 28. Л. 1.

Ил. 4. В.П. Беляков в рабочем кабинете в день своего 60-летия.
17 мая 1983 г. АРАН. Ф. 1985. Оп. 1. Д. 17. Л. 2.

**Гиляров Меркурий Сергеевич
(1912–1985)**

O. V. Selivanova

**Gilyarov Mercurii (Mercury) Sergeevich
(1912–1985)**

Специалист в области энтомологии, биогеоценологии, разработки мер борьбы с почвенными вредителями, зоологических методов диагностики почвы, академик АН СССР (1974). Работал в сельскохозяйственных учреждениях Украины (1933–1938), старшим научным сотрудником НИИ почвоведения (1938–1941), руководителем отдела защиты растений Всесоюзного института каучуконосов (1938–1944), старшим научным сотрудником (1944–1985), заведующим (с 1955) лабораторией почвенной зоологии Института эволюционной морфологии и экологии АН СССР, профессором (1945–1949), заведующим кафедрой (1977–1985) зоологии и сравнительной анатомии беспозвоночных биологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, профессором Московского педагогического института им. В.И. Ленина (1949–1977), членом Президиума АН СССР (с 1975), академиком-секретарем Отделения общей биологии (с 1976). Лауреат Государственной премии СССР (1951, 1967, 1980), награжден орденами Ленина (1982), «Знак Почета» (1953, 1967), Трудового Красного Знамени (1972, 1975).

АРАН. Ф. 1944. Оп. 1. 132 ед. хр. за 1924–1985 гг.

Научные труды: записи наблюдений «Внутрикорзиночные вредители» (1940–1941), докторская диссертация «Приспособления к жизни в почве и их значения в эволюции насекомых» (1947), полевые дневники экспедиций в Башкирскую АССР, Киргизскую

ССР, Крым, на Кавказ, Узбекскую ССР (1945–1977), отчет по теме «Об эндемах Среднерусской возвышенности» (1957), статьи «Использование данных по почвенным клещам для диагностики индикации изменений почвенных условий» (1965), «Значение обратных связей в направлении эволюционных процессов», «Параллельные направления эволюции насекомых и высших позвоночных» (1975), «Почвенная зоология» (1977), «Почвенная зоология, ее зарождение, развитие и перспективы» (1978), «В согласии с природой» (1979), «Использование данных по почвенным клещам для диагностики почв и индикации изменений почвенных условий» (1979), «Биогеоценология и теория естественного отбора (к 100-летию со дня рождения академика В.Н. Сукачева)» (1980), «Комплексы почвенных насекомых и других беспозвоночных лесов на островах Сааремаа и Абрукс» (1980), «Почвенная фауна арчевников как показатель древних биогеографических связей горных систем западной Туркмении» (1983), «Индикационное значение типов почвенных животных при работах по почвоведению, ботанике и охране среды» (1984); доклады «Зоологические приемы повышения плодородия почв» (1978), «Дарвин – сегодня» (1981), «Биогеоценология и теория естественного отбора»; отзывы о трудах С.М. Яблокова-Хизоряна и М. Буше; некролог «Памяти К.В. Арнольди (1901–1982)».

Биографические документы: постановления об избрании М.С. Гилярова действительным членом АН СССР, о присуждении премии им. А.Н. Северцова, трудовые книжки, приказ Министерства высшего и среднего специального образования СССР об объявлении благодарности; копии диплома кандидата наук и аттестата старшего научного сотрудника, списки и картотека научных трудов, удостоверения к медалям ВДНХ СССР; автобиографические документы: записные книжки с записями телефонов, адресов, впечатлений от экскурсий и др.; поздравительные письма и телеграммы от организаций и отдельных лиц в связи с избранием действительным членом АН СССР, с юбилейными датами; отзывы о научной деятельности М.С. Гилярова, письма и телеграммы родственникам с выражением соболезнования в связи с кончиной М.С. Гилярова.

Фотографии М.С. Гилярова с сотрудниками Института морфологии животных им. А.Н. Северцова АН СССР, на отдыхе с женой И.И. Блохинцевой, с зарубежными коллегами, друзьями, родными, в экспедициях, командировках, на международных конгрессах (Австрия, Канада, Австралия).

Документы о деятельности: отчеты о командировках в Чехословакию, Францию, Англию, индивидуальные отчеты о работе, справки, заключения, приказы о продвижении по службе, постановления Президиума АН СССР, Министерства сельского хозяйства СССР и др. об избрании в состав комиссий, комитетов секций, командировочные удостоверения, переписка с иностранными учеными, национальными биологическими обществами, редакциями биологических журналов и др., об участии в международных конгрессах, конференциях, симпозиумах, чтении лекций, издании трудов, письма М.С. Гилярову от Государственного комитета Совмина СССР по координации научно-исследовательских работ, Института истории естествознания и техники АН СССР, Института биологии развития АН СССР и др., с предложениями принять участие в собраниях, совещаниях, заседаниях.

Переписка М.С. Гилярова с И.И. Андриевским, Г.Я. Бей-Биенко, А.В. Воронцовым, В.С. Гребенником, Б.В. Добровольским, Т.Н. Досжановым, М. Клеммом, Е.В. Лукиным, С.Р. Микулинским, В. Новаком, Л.П. Познаниным, Ю.И. Полянским, А.И. Рубцовым, Н.П. Славченко, К. Стравински, Б.Р. Стригановичем, В.Н. Сукачевым, Уыном Тан-Хуаном, Чэнем Чан-Мином, А.Л. Яншиным и др.

Ил. 1. М.С. Гиляров. 1950 г. АРАН. Ф. 1944. Оп. 1. Д. 58. Л. 1.

Ил. 2. М.С. Гиляров в экспедиции в Карелии. 1950-е гг.
АРАН. Ф. 1944. Оп. 1. Д. 63. Л. 4.

Ил. 3. М.С. Гиляров и профессор Е.С. Миллер. Москва. 1971 г.
АРАН. Ф. 1944. Оп. 1. Д. 71. Л. 1.

Ил. 4. М.С. Гиляров в командировке в Канберре, Австралия. 1976 г.
АРАН. Ф. 1944. Оп. 1, Д. 75. Л. 19.

Ил. 5. М.С. Гиляров в экспедиции в Киргизии. 1970-е гг.
АРАН. Ф. 1944. Оп. 1. Д. 79. Л. 3.

**Расплетин Александр Андреевич
(1908–1967)**

Yu. V. Stetsenko

**Raspletin Alexander Andreevich
(1908–1967)**

Радиоинженер, конструктор военной техники, академик АН СССР (1964). Работал кочегаром на складе № 34 Наркомата по военным и морским делам СССР г. Рыбинска (1926–1929), радиомехаником и заведующим радиомастерской кино-радиобазы г. Рыбинска (1929–1930), радиотехником на заводе имени Коминтерна в г. Ленинграде (1930–1931), инженером, старшим инженером в Центральной радиолaborатории (1931–1936), старшим инженером и заведующим лабораторией НИИ-9 (1936–1942) в г. Ленинграде. В марте 1942 г. был эвакуирован в г. Красноярск, где работал старшим инженером на заводе № 327. В сентябре 1942 г. переведен в г. Москву для работы в Особом Конструкторском Бюро Всесоюзного Электротехнического института (ОКБ ВЭИ) на должность старшего инженера. С 1943 г. по 1950 г. работал начальником лаборатории ЦНИИ-108 Министерства Оборонной промышленности. На протяжении семнадцати лет до своей кончины работал на предприятии п/я 1323 (КБ-1), занимая должности: начальник сектора, начальник отдела, заместитель главного конструктора, главный конструктор системы, главный конструктор предприятия по тематике и начальник СКБ-31, главный конструктор I степени и начальник СКБ (1950–1960). С 1961 г. ответственный руководитель, генеральный конструктор предприятия п/я 1323.

АРАН. Ф. 1929. Оп. 1. 27 ед. хр. за 1926–1978 гг.

Биографические документы: расчетная книжка кочегара Рыбинской электростанции склада № 34 Народного комиссариата по военным и морским делам СССР (НКВМ) (1927), учетно-радиолобительский билет Всесоюзного общества друзей радио (1928), удостоверение на разрешение установки передающей телеграфной радиостанции в г. Урицке (1932), диплом об окончании Ленинградского электротехнического института (1938), письмо Советского комитета защиты мира с благодарностью А.А. Расплетину за вклад в Фонд мира (1959), адреса, поздравительные письма и телеграммы от коллективов КБ, 4-го Главного управления Министерства обороны СССР и др. учреждений и отдельных лиц в связи с присвоением звания Героя Социалистического Труда (1956), избранием членом-корреспондентом (1958) и действительным членом АН СССР (1964), в связи с присуждением Ленинской премии (август 1958), с 50-летием со дня рождения (23 августа 1958). Поздравительные письма А.А. Расплетину от академика М.Д. Миллионщикова, члена-корреспондента АН СССР Е.Г. Коновалова, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л.И. Брежнева, маршала авиации В.А. Судеца в связи с государственными и календарными праздниками (одно письмо написано после смерти А.А. Расплетина). Приглашение к публикации работ А.А. Расплетина в Бюллетене Яского политехнического института.

Документы о А.А. Расплетине: характеристика, выданная учебной частью Рыбинской 9-летней школы имени А.В. Луначарского на окончившего курс обучения и проявившего успехи в области электро- и радиотехники А.А. Расплетина (1926), телеграммы академика В.Н. Челомея, маршала артиллерии Н.Д. Яковлева и других лиц Н.Ф. Мельниковой-Расплетиной (вдове А.А. Расплетина) с соболезнованиями в связи с его кончиной (1967), поздравительное письмо Конструкторского бюро радиотехнических приборов имени академика А.А. Расплетина Н.Ф. Мельниковой-Расплетиной в связи с 50-летием Октябрьской революции и присвоением КБ имени А.А. Расплетина (1967), статья о А.А. Расплетине «Генеральный конструктор. К 70-летию со дня рождения» (1978), опубликованная в приложении к газете Конструкторского

бюро радиотехнических приборов имени А.А. Расплетина «Луч» (типграфский экземпляр).

Фотопортреты и групповые фотографии А.А. Расплетина: среди сотрудников радиобазы г. Рыбинска ([1927]), в секции коротковолновиков ([1927]), в кругу семьи (с женой, сыном, внучкой), на отдыхе ([1954–1962]), на торжественном митинге, посвященном 20-летию Победы в Великой отечественной войне (1965), с академиком (с 1966 г.) П.Д. Гришиным (1950-е гг.), в Президиуме КБ-1 по случаю вручения правительственных наград (на фото С.М. Буденный, К.Е. Ворошилов и др.) (конец 1950-х гг.), среди членов партийной организации КБ-1, на церемонии награждения и др. (конец 1950-х–1962), в пионерском лагере (1963), в числе делегатов XXII съезда КПСС (на фото космонавты Ю.А. Гагарин, Г.С. Титов и др.) (1961), на Первомайской демонстрации на Красной площади с директором КБ-1 В.П. Чижовым (1960).

Документы о деятельности: письмо Президенту АН СССР академику М.В. Келдышу с замечаниями к проекту Устава АН СССР по структуре академии (1963).

Документы представлены в виде подлинников и фотокопий.

Ил. 1. А.А. Расплетин. 1950-е гг.
АРАН. Ф. 1929. Оп. 1. Д. 18. Л. 2.

Ил. 2. А.А. Расплетин с сыном Виктором. 1965 г.
АРАН. Ф. 1929. Оп. 1. Д. 19. Л. 1.

Ил. 3. А.А. Расплетин с женой Ниной Федоровной
и внучкой Ирой. [1962 г.] АРАН. Ф. 1929. Оп. 1. Д. 19. Л. 5.

Ил. 4. А.А. Расплетин и В.П. Чижов на Красной площади.
Начало 1960-х гг. АРАН. Ф. 1929. Оп. 1. Д. 26. Л. 1.

**Блинова Екатерина Никитична (1906–1981)
Кибель Илья Афанасьевич (1904–1970)**

К.М. Tugov

**Blinova Ekaterina Nikitichna (1906–1981)
Kibel' Il'ya Afanas'evich (1904–1970)**

Е.Н. Блинова – специалист в области планетарных атмосферных процессов, член-корреспондент АН СССР (1953). Работала в Северо-Кавказском бюро погоды Главного управления Гидрометеорологической службы СССР (Ростов-на-Дону, 1930–1931), Главной геофизической обсерватории (Ленинград, 1934–1943), Центральном институте прогнозов Главного управления Гидрометеослужбы СССР (Москва, 1943–1958), Институте прикладной геофизики АН СССР (1958–1961), Объединенном метеорологическом вычислительном центре АН СССР и Гидрометеослужбы СССР (1961–1962), Вычислительном метеорологическом центре Гидрометеослужбы СССР (1962–1964), Мировом метеорологическом центре (1964–1965), Гидрометеорологическом научно-исследовательском центре СССР (1966–1981). Лауреат премии имени А.А. Фридмана (1978).

И.А. Кибель – математик, специалист в области гидромеханики и метеорологии; член-корреспондент АН СССР (1943). Работал в Главной геофизической обсерватории (Ленинград, 1929–1943), Центральном институте прогнозов Главного управления Гидрометеослужбы СССР (Москва, 1943–1958), Институте механики АН СССР (1943–1949), Геофизическом институте АН СССР (1950–1958), Институте прикладной геофизики АН СССР (1958–1961), Объединенном метеорологическом вычислительном центре АН СССР и Гидрометеослужбы СССР (1961–1962), Вычислительном метеорологическом центре Гидрометеослужбы СССР

(1962–1964), Мировом метеорологическом центре (1964–1965), Гидрометеорологическом научно-исследовательском центре СССР (1966–1970). Преподавал в Ленинградском государственном университете (1929–1941). Лауреат Государственной премии СССР (1941), премии имени А.А. Фридмана (1972, посмертно).

АРАН. Ф. 1932. Оп. 1. 85 ед. хр. за 1928–1984 гг.

Фонд Е.Н. Блиновой и И.А. Кибеля образовался из документальных материалов их семейного архива. Супруги трудились в одних и тех же научных институтах, занимались атмосферными процессами.

Труды Е.Н. Блиновой представлены оттисками статей и докладов – «Об определении скорости движения ложбин из нелинейного уравнения для вихря» (1946), «Метод решения нелинейной задачи об атмосферных движениях планетарного масштаба» (1956), «К вопросу о прогнозе сглаженных значений метеорологических элементов на среднем уровне атмосферы» (1958), «Гидродинамический прогноз средних месячных аномалий температур для северного полушария Земли с использованием данных международного геофизического года» (1960), «Гидродинамическая теория климата и долгосрочного прогноза погоды» (1961), «Гидродинамическое исследование нестационарных атмосферных процессов планетарного масштаба» (1961), «Гидродинамическая теория климата и долгосрочного прогноза погоды» (1961), «Об определении начальных полей давления и ветра по распределениям температур и вертикальных движений воздуха» (1963), «Состояние и перспективы развития гидродинамической теории климата и долгосрочного прогноза погоды» (1964), «Общая циркуляция атмосферы и гидродинамический долгосрочный прогноз погоды» (1967), «Метод решения нелинейной планетарной задачи долгосрочного прогноза метеорологических элементов» (1968), «Решение нелинейной задачи о нестационарных атмосферных движениях планетарного масштаба» (1968), «Крупномасштабные процессы и численное моделирование общей циркуляции атмосферы и долгосрочных прогнозов погоды» (1970).

Среди работ И.А. Кибеля автографы статей и докладов «От прогноза метеорологической ситуации к гидрологическому краткосрочному прогнозу погоды», «Прогноз погоды как задача динамической метеорологии», «Пограничный слой вблизи экватора (задача Акерблома у экватора)», «Вычисление интегралов типа [?]', «О внедрении физики в теорию и практику долгосрочных прогнозов погоды», «Решение нелинейных уравнений гидромеханики спектральными методами», «О прогнозе чисто зональной циркуляции на долгий срок» (совм. с Е.Н. Блиновой) за 1940-е – 1950-е гг., оттиск доклада «О приспособлении движения воздуха к геострофическому» (1955). Имеется рецензия И.А. Кибеля на работу академика А.Н. Крылова «О применении способа последовательных приближений к нахождению решения некоторых дифференциальных уравнений колебательного движения» (не ранее 1933 г.).

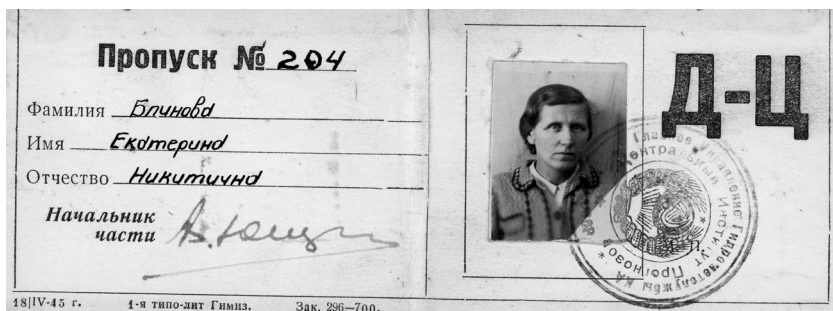
Биографические документы Е.Н. Блиновой включают в себя свидетельство о присвоении квалификации педагога; орденские книжки, удостоверения к медалям; дипломы кандидата, доктора физико-математических наук; диплом члена-корреспондента АН СССР, депутатские билеты Московского городского совета трудящихся, служебные удостоверения, почетные грамоты, список научных трудов и изобретений, автобиография, учетная карточка научного работника; поздравительные письма и телеграммы в связи с избранием членом-корреспондентом АН СССР, награждением орденом Трудового Красного Знамени, юбилейно-поздравительные адреса; общественно-политические и производственные характеристики, некролог о Е.Н. Блиновой, статья об увековечивании памяти на родине ученого; фотографии индивидуальные и групповые за 1910-е – 1970-е гг. и др.

В составе документов о биографии И.А. Кибеля – трудовая книжка, диплом и удостоверение члена-корреспондента АН СССР; дипломы доктора физико-математических наук, Лауреата Государственной премии, аттестат профессора; орденская книжка и удостоверения к медалям, автобиография; характеристики, статьи и заметки о И.А. Кибеле, письма с соболезнованиями Е.Н. Блиновой в связи со смертью ее мужа, документы об

увековечивании памяти ученого; фотографии индивидуальные и групповые за 1950–1960-е гг.

Научно-организационная деятельность: командировочные удостоверения Е.Н. Блиновой (1964–1965), приглашение в Кремлевский Дворец съездов и программа юбилейных торжеств по случаю 250-летия Академии наук СССР.

В разделе переписки – письмо академика В.В. Шулейкина И.А. Кибелю по поводу выступления на Прогностическом совещании (1948), письмо А.С. Мониной (члена-корреспондента с 1976 г., академика с 2000 г.) И.А. Кибелю (1949), письмо академика Г.И. Марчука И.А. Кибелю с просьбой подготовить доклад «Глобальное исследование атмосферы и прогноз погоды» (1969). Письма китайских учеников Е.Н. Блиновой и И.А. Кибелю (1960–1962). Здесь же находятся оттиски трудов других лиц с дарственными надписями Е.Н. Блиновой и И.А. Кибелю.

Ил. 2. Пропуск Е.Н. Блиновой в Центральный институт прогнозов.
18 апреля 1945 г. АРАН. Ф. 1932. Оп. 1. Д. 27. Л. 1 об. – 2.

Ил. 3. Удостоверение члена-корреспондента И.А. Кибеля. Не ранее
29 сентября 1943 г. АРАН. Ф. 1932. Оп. 1. Д. 54. Л. 1 об. – 2.

Автобиография

Родилась в 1906г. в семье крестьянина-середняка (из казаков) станицы Каменской Ростовской области. С детства и до поступления в 1923 работала в крестьянском хозяйстве отца и училась в школе. В 1925г., по окончании средней школы, поступила в Северо-Кавказский Государственный Университет (Ростов ^{на Д}), который окончила в 1929г. по физико-математическому Отделению Педагогического факультета. По окончании Университета поступила на работу в качестве преподавательницы физики и математики Ростовской на Дону средней школы. В 1930г. была освобождена от работы в школе в связи с переходом на работу в Северо-Кавказское Бюро Погоды в качестве физика-синоптика.

В 1931г. была зачислена в аспиранты Главной Геофизической Обсерватории в Ленинграде. Окончила аспирантуру по специальности динамической метеорологии в 1934г., защитив диссертацию на тему - "О зональных колебаниях поверхности разрыва Маркусса" на степень кандидата физико-математических наук. По окончании аспирантуры была зачислена на работу в качестве научного сотрудника в Отдел Динамической Метеорологии Главной Геофизической Обсерватории. В 1936г. была переведена на должность старшего научного сотрудника Отдела Динамической Метеорологии Г.Г.О. В 1936-ом же году была утверждена в этом звании старшего научного сотрудника.

В Отделе Динамической Метеорологии, প্রধানном

АВТОБИОГРАФИЯ

Кибель Иван Александрович (Эрранович)

Фамилия, имя и отчество

Родился в 1904 г. 19^м, в городе Саратове. Отец — врач окулист, сначала земский врач и заведующий местным отделением по борьбе с тифом, после революции — врач советских больниц и амбулаторий; умер в 1938 г. Мать — фрейшерица; умерла в 1913 г. В 1921 г. окончил школу 2-ой ступени и поступил на физико-математический факультет Саратовского Гос. Университета. В 1925 г. дал все необходимые и зачитал диссертацию работу на тему „Математическая теория „окрестности“ функции-матрицы. Функция по симметричности, математическая“. В 1925 г. переехал в Ленинград, где дал оставлен продс. А. А. Фриедландер в аспирантуру при Лавровой и физический Обсерватории. Окончил аспирантуру в 1929 г. зачитал диссертацию на тему „Условия динамической устойчивости системы ступеней „двигателя“. По окончании аспирантуры работал старшим специалистом (заместителем старшего инженера) и начальником отдела математической метеорологии в. в. в. Обсерватории в Ленинграде; он был назначен на эту должность по аэродинамике в Ленинг. Гос. Университете сначала в качестве ассистента, а с 1932 г. в качестве профессора кафедры аэродинамики. С 1935 г. директор физико-математ. наук. В 1941 г. награжден орденом Отечественной войны II степени по приказу Г. У. М. вместе со своим другом в г. Свердловске, а в 1943 г. переведен вместе с семьей на постоянное работу в Москву в Центр. Институт Космонавтики.

Ил. 5. Автобиография И.А. Кибеля. 21 мая 1958 г.

АРАН. Ф. 1932. Оп. 1. Д. 61. Л. 1.

Ил. 6. Е.Н. Блинова. 1928 г. АРАН. Ф. 1932. Оп. 1. Д. 46. Л. 1.
Ил. 7. Е.Н. Блинова. 1970-е гг. АРАН. Ф. 1932. Оп. 1. Д. 46. Л. 3.

Ил. 8. И.А. Кибель. 1950-е гг. АРАН. Ф. 1932. Оп. 1. Д. 69. Л. 1.
Ил. 9. И.А. Кибель. 1960-е гг. АРАН. Ф. 1932. Оп. 1. Д. 70. Л. 2.

Писарев Юрий Алексеевич (1916–1993)

К.М. Tugov

Pisarev Yuri Alekseevich (1916–1993)

Ю.А. Писарев Юрий Алексеевич – специалист в области стран Юго-Восточной и Центральной Европы, действительный член РАН (1992). Работал на заводе № 8 г. Свердловска (февраль 1942 – октябрь 1944); в Отделении истории и философии АН СССР (1946–1950), Институте истории АН СССР (1950–1968), Институте славяноведения и балканистики АН СССР (1968–1993). Преподавал в средней школе г. Сестрорецка Ленинградской области (1934–1937), средней школе г. Свердловска (декабрь 1941 – февраль 1942). Лауреат Ленинской премии (1985), премии имени Е.В. Тарле (1992). Иностранный член Академии наук Черногории (1988).

Ф.2109. Оп. 1. 100 ед. хр. за 1928–1993 гг.

Научные труды представлены диссертациями на соискание степени кандидата и доктора исторических наук; главами монографии «Планы России по спасению Сербии. Осень 1915», главами коллективного труда «Международные отношения на Балканах в годы Первой мировой войны», монографией «1916: Сербия на Голгофе»; статьями «О земельной реформе в Болгарии», «Аграрная реформа в Чехословакии», «Из истории военной помощи России Сербии и Черногории накануне и в годы Первой мировой войны (1912–1915)», «Сараевское убийство 28.VI.1914 г.», «Загадки Салоникского судебного процесса», «Освободительное движение югославских народов в конце XIX – начале XX вв.», выступлениями и докладами на международных симпозиумах и конференциях и т.д.

Значительный раздел фонда составляют рабочие материалы к трудам – библиография, списки архивных материалов, выписки из архивных источников и литературы по темам «Международные отношения», «Сербия», «Политические деятели современности», «Сепаратный мир», «Албания, Греция, Румыния», «Болгария. Пролиты. Новый Балканский Союз», «Временное правительство и Корфская декларация» и др.

Среди биографических документов: свидетельство о рождении, справки об учебе, документы о службе в армии, производственные характеристики, справки о работе, поздравительные открытки с государственными праздниками, личный листок по учету кадров, список научных трудов, отзывы о трудах Ю.А. Писарева, характеристики Института славяноведения и балканистики АН СССР в связи с выдвижением кандидатуры ученого в члены-корреспонденты и действительные члены, письмо академика А.А. Гончара мэру г. Москвы Ю.М. Лужкову о выделении места для захоронения на Кунцевском кладбище, карикатура на Ю.А. Писарева, индивидуальные фотографии за 1960-е – 1980-е гг.

Документы о деятельности: пригласительные билеты и программы симпозиумов, конференций, заседаний, собраний; докладные записки, план работы Группы по изучению Первой мировой войны, переписка с дирекцией Института российской истории РАН.

В разделе переписки – шуточное стихотворение академика Ю.А. Полякова, письма российских историков К.Б. Виноградова и Р.Ш. Ганелина, польского историка Хенрика Батовского, югославского историка Васо Чубриловича.

Далее мы к другим лабораторным занятиям
и рассмотрим следующие вопросы

Группа специалистов, непосредственно занимающихся
исследованиями и внедрением их результатов
на Балканах уже при подготовке миссии о
Балканской войне российскому министерству
интересна для и Карлсбургские опытные и
экспертные и теоретические работники как
к вопросу ^{по} осуществлению, так и ~~идеологии~~

Мы считаем, что в прогнозах следует адекватно учитывать возможность возникновения угрозы и способствовать ее устранению.

нех вшыр мурел, асхал себе динни оху
и гора
до асхал мурел ^{вдур} ~~дур~~ мурел мурел,

и в рисовых теледеталях, которые
могут публиковаться ^{называются} методическими пособиями.

Миним, дүрөс иштетилген деп, так излени,
приведенный ^{затем} к ряду стран, было ~~изложено~~

на спрени змишленосте савршени, ипак
Верни и Веровни, одаваи ипак зми се

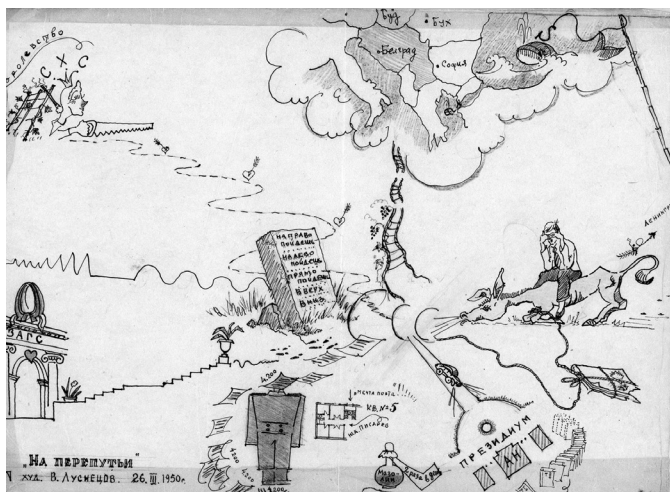
Варианты других значений названия,
и значение, ранее неведомое, соответствуют

изучено, следовательно оно должно быть
рассмотрено. При этом ~~необходимо~~ ^{необходимо} учитывать

~~Встретившись~~ ~~в~~ ~~18 часов~~ ~~приехали~~ ~~из-~~

краски и раскраски даны на картинке

Ил. 1. Статья Ю.А. Писарева «Еще раз к вопросу о выборочных санкциях в многостороннем международном конфликте». Не ранее 12 июня 1992 г. АРАН. Ф. 2109. Оп. 1. Д. 39. Л. 1.

Ил. 2. Карикатура художника В. Луснецова «На перепутьи». 26.03.1950 г.
АРАН. Ф. 2109. Оп. 1. Д. 78. Л. 1.

Ил. 3. Ю.А. Писарев. 1960-е гг. АРАН. Ф. 2109. Оп. 1. Д. 80. Л. 1.

Ил. 4. Ю.А. Писарев. 1980-е гг. АРАН. Ф. 2109. Оп. 1. Д. 80. Л. 2.

**Пейве Александр Вольдемарович
(1909–1985)**

Yu. V. Shchepanskaya

**Peive Alexander Voldemarovich
(1909–1985)**

Специалист в области региональной и теоретической тектоники, структурной геологии, академик АН СССР (1964). Работал начальником геологической партии горно-геологического отдела Научно-исследовательского института удобрений (1929–1935), в Геологическом институте АН СССР (1935–1985; с 1960 г. – директор). Преподавал в Московском геологоразведочном институте (1932–1935). Герой социалистического труда (1979), лауреат Государственных премий (1946, 1969).

АРАН. Ф. 2006. Оп. 1. 103 ед. хр. за 1932–1985 гг.

Рукописи статей: «Закон периодичности в осадонакоплениях» (1957), «О строении земной коры и эволюции геологических процессов» (совм. с В.М. Синицыным, 1951), «Регионально-тектоническая обстановка нефтепроявлений» (совм. с В.М. Синицыным, 1953), «Геология северо-восточного окончания Аравийского кристаллического щита» (1960), «Кора Земли» (1960), «Наукам о Земле – больше внимания» (совм. с А.Л. Яншиным, 1961), «Глубинные разломы и движения земной коры» (1962), «Разломы и тектонические движения» (1967), «Океаническая кора геологического прошлого в структуре континентов» (совм. с Н.А. Богдановичем, В.С. Буртманом и др., 1968), «Формирование континентальной коры Северной Евразии и основные проблемы металлогении» (1971), «Из чего построена Земля» (1973), «Новое в геологии континентов и океанов» (1975), «Положение офиолитов в структуре

Кавказа» (1977), «Движение плит – факты и гипотезы» (1980), «Геология дна Мирового океана по данным глубоководного бурения» (1982); фрагмент монографии «Разломы и горизонтальные движения платформенных областей СССР» (М., 1977) – «Глубинные разломы» (1977).

Научные доклады и тезисы докладов: «Северо-уральские бокситовые месторождения» (1942), «О вопросах кинематики и геодинамики» (1962), «Основные черты тектоники Средиземноморья и Малой Азии» (1963), «Открытие и доказательство покровной структуры складчатых сооружений СССР» (1977), «Офиолиты в земной коре» (1982); выступление на торжественном собрании, посвященном 50-летию Геологического института АН СССР (1980).

Научные отчеты по темам: «О стратиграфии и возрасте древних свит Центрального Казахстана и Северного Тянь-Шаня» (1940), «Тип тектонических структур платформенных и геосинклинальных областей и связь с ними полезных ископаемых на основе региональной тектоники СССР» (1948); отчет «О программе советско-американского сотрудничества в области геологии, геофизики, геохимии дна Мирового океана за период 1974–1978 гг.» (1979).

Полевые дневники экспедиций: в Центральный Казахстан и предгорья Западного Тянь-Шаня (1959–1961), в Памиро-Гималайский сектор Центральной Азии (1963). Отзывы о докторской диссертации Е.Е. Милановского «Новейшая послеорогенная стадия геологического развития Кавказа (неотектоника и новейший вулканизм)» (1965) и о научных трудах доктора геолого-минералогических наук (с 1984 г. академика) Ю.М. Пушаровского (1972).

Биографические документы: трудовая книжка (1939), адресно-телефонные книжки (1941–1974), свидетельство об окончании Университета марксизма-ленинизма (1954), диплом Московского общества испытателей природы (1955), дневниковые записи о поездке в Турцию (1967); дипломы почетного члена Академии наук Чехословакии (1981), Института геологии и палеонтологии Кубинской академии наук (1985), участника и организатора XXVII Международного геологического конгресса в Москве (1984), диплом «Почетный разведчик недр» и почетная грамота Министерства геологии

СССР (1983–1984); юбилейно-поздравительные документы – приветственные адреса, письма и телеграммы в связи с избранием в члены-корреспонденты и действительные члены АН СССР (1958, 1964), по случаю празднования юбилейных дат (1959–1984).

Отзыв члена-корреспондента АН СССР (с 1953 г. – академика) Н.С. Шатского о статье А.В. Пейве «О строении земной коры и эволюции геологических процессов» (1951); статьи о научной деятельности А.В. Пейве, опубликованные в периодической печати (1961–1985); некрологи, письма и телеграммы соболезнования в связи с кончиной ученого (декабрь 1985).

Изобразительные документы: фотографии А.В. Пейве в экспедициях, научных командировках, на международных конгрессах и конференциях, на отдыхе и в кругу семьи (1932–1984).

Документы о научно-организационной деятельности: отчеты о научных командировках в зарубежные страны (1960–1976), индивидуальные отчеты о работе (1975–1982), переписка с иностранными учеными и геологическими обществами об участии в международных конгрессах, симпозиумах, семинарах, о выступлении с лекциями и издании научных трудов (1972–1982), пригласительные билеты на торжественные заседания, собрания и совещания (1967–1985).

Письмо А.В. Пейве академику АН СССР А.В. Сидоренко (1978).

Письма к А.В. Пейве от академиков и членов корреспондентов АН СССР (1958–1985) А.И. Жамойды, С.Н. Иванова, В.Д. Наливкина, Ю.М. Пущаровского, В.В. Ржевского, В.Е. Хаина, Д.И. Щербакова, вице-президента АН СССР М.Д. Миллионщикова, главного ученого секретаря Президиума АН СССР Г.К. Скрыбина, управляющего делами АН СССР Г.Г. Чахмахчева, министра геологии СССР Е.А. Козловского и др.

Труды других лиц: статьи С.С. Шульца «Формирование континентальной коры палеозойских складчатых поясов и их современная структура» (не ранее 1971 г.) и Д.И. Щербакова «Практическое значение сверхглубокого бурения» (1961).

Ил. 1. А.В. Пейве. 1953 г. АРАН. Ф. 411. Оп. 3. Д. 477. Л. 12.

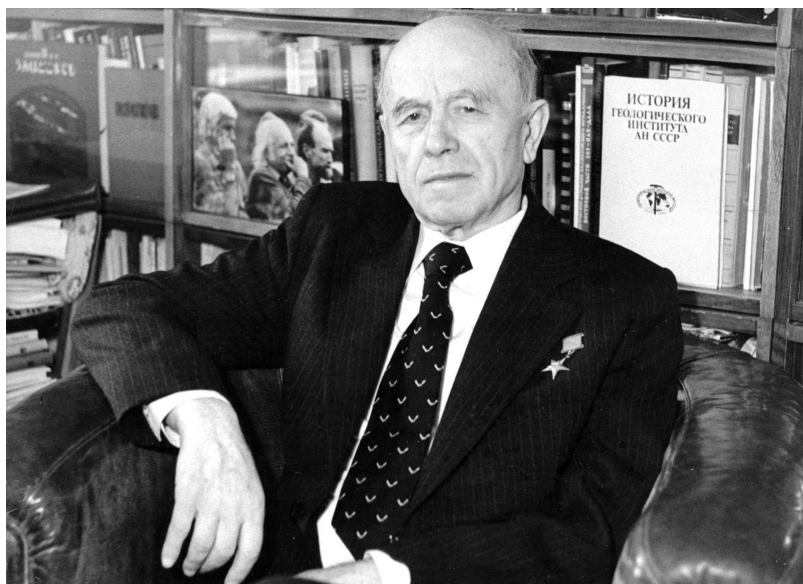
Ил. 2. А.В. Пейве (в центре) на прогулке по Тонкинскому заливу
во время научной командировки во Вьетнам. 1960 г.
АРАН. Ф. 2006. Оп. 1. Д. 53. Л. 1.

Ил. 3. Член-корреспондент АН СССР А.В. Пейве. 1962 г.
АРАН. Ф. 2006. Оп. 1. Д. 54. Л. 1.

Ил. 4. Академик А.В. Пейве в научной командировке в г. Шартре (Франция). Январь 1975 г. АРАН. Ф. 2006. Оп. 1. Д. 55. Л. 3.

Ил. 5. Академик А.В. Пейве в своем рабочем кабинете. 1982 г.
АРАН. Ф. 2006. Оп. 1. Д. 58. Л. 2.

Сведения об авторах

Алексеев Андрей Игоревич, ст. лаборант-дезинфектор, Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Аносов Дмитрий Владимирович, науч. сотр., Архив РАН, anosov.aran@yandex.ru

Бокарева Ольга Борисовна, ст. науч. сотр., Архив РАН, bokareva.olya@mail.ru

Бровченко Игнатий Юрьевич, и.о. науч. сотр., Архив РАН, ig.brovchenko@gmail.com

Бухерт Владимир Генрихович, канд. ист. наук, ст. науч. сотр., Архив РАН, buhert-1955@mail.ru

Бушуева Татьяна Семеновна, канд. ист. наук, вед. науч. сотр., Институт российской истории РАН, t_bush@mail.ru

Виноградова Лориана Донатовна, ст. науч. сотр., Институт геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского РАН, loriانا.vinogradova@mail.ru

Власов Алексей Дмитриевич, канд. геогр. наук, ст. науч. сотр., Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, alex_vlasov@mail.ru

Галушкин Александр Алексеевич, канд. техн. наук, зав. Лабораторией консервации и реставрации документов, Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Груздева Елена Николаевна, канд. ист. наук, зав. Отделом информационного обеспечения, Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, elgru@rambler.ru

Доведова Наталья Михайловна, мл. науч. сотр., Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, dovedovanatascha@mail.ru

Журкина Анастасия Александровна, аспирант, Исторический факультет ГАУГН; гл. спец-т, РГАНИ

Зинич Маргарита Стефановна, канд. ист. наук, ст. науч. сотр., Институт российской истории РАН, m-zinich@mail.ru

Ильина Ирина Николаевна, канд. ист. наук, ст. науч. сотр., нач. отдела информационных технологий, Архив РАН, ilina_irina_ran@mail.ru

Кандыба Павел Ефимович, ст. науч. сотр. Лаборатории реставрации документов Архива РАН.

Кирикова Ольга Александровна, ст. науч. сотр., Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, spbaran-publications@yandex.ru

Киселев Михаил Юрьевич, канд. ист. наук, ст. науч. сотр., нач. отдела учета и обеспечения сохранности документов, Архив РАН, kiss_RAN@mail.ru

Ковалев Михаил Владимирович, канд. ист. наук, ст. науч. сотр., Архив РАН, Институт всеобщей истории РАН, kovalevmv@yandex.ru

Комочев Никита Алексеевич, канд. ист. наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет; ст. науч. сотр., Институт славяноведения РАН, komni@list.ru

Лаптева Татьяна Николаевна, канд. ист. наук, ст. науч. сотр., Архив РАН, lapti-stv@yandex.ru

Лившиц Ольга Дмитриевна, науч. сотр., Архив РАН, 1295577@mail.ru

Лиманова Светлана Андреевна, канд. ист. наук, ст. науч. сотр., нач. отдела истории Академии наук, Архив РАН, serovasvetlana@mail.ru

Маршеникова Наталия Ивановна, рук. Группы реставрации, Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Мельников Андрей Васильевич, канд. ист. наук, зав. отделом археографии, Институт славяноведения РАН; ст. науч. сотр., Архив РАН, avserbor@yandex.ru

Осипова Надежда Михайловна, канд. ист. наук, зам. директора Архива РАН по научной работе, osunoba@mail.ru

Ромашин Матвей Игоревич, и.о. мл. науч. сотр., Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, matvei.romashin@mail.ru

Рыбченкова Анна Эдуардовна, и.о. мл. науч. сотр., Архив РАН, ranrybch@mail.ru

Сазанова Катерина Владимировна, канд. биол. наук, ст. науч. сотр., Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Селиванова Ольга Владимировна, канд. ист. наук, ст. науч. сотр., нач. отдела комплектования личными фондами ученых и их научного описания, Архив РАН, olya84@list.ru

Собисевич Алексей Владимирович, канд. геогр. наук, ст. науч. сотр., Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, ст. науч. сотр. РГГУ, alexsobis@yandex.ru

Стеценко Юлия Владимировна, науч. сотр., Архив РАН, danilina-yuliya@mail.ru

Строганов Александр Валерьевич, и.о. мл. науч. сотр., Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, stroganov.sascha@yandex.ru

Тихонов Виталий Витальевич, д-р ист. наук, вед. науч. сотр., Институт российской истории РАН, tihonovvitaliy@list.ru

Ткаченко Татьяна Семеновна, ст. науч. сотр., Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Тугов Кирилл Михайлович, и.о. науч. сотр., Архив РАН

Хосид Елена Геннадьевна, PhD, ст. науч. сотр., Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, lenahosid@gmail.com

Щепанская Юлия Витальевна, ст. науч. сотр., Архив РАН, Shepanskaya@mail.ru

Научное издание

АРХИВНЫЙ ПОИСК

Электронный сборник научных статей и публикаций

Выпуск 3

Технический редактор

Д.В. Аносов

Верстка

Н.В. Литвина

Обложка

К.М. Тугов

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Архив Российской академии наук

www.aran.ru

Подписано в печать _____

Формат 60*90/16. Печать офсетная Гарнитура Times

Тираж 300 экз. Усл. печ. л. 29. Заказ № _____

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Сайт: www.chpk.ru E-mail: marketing@chpk.ru

Факс 8(496) 726-54-10, тел. 8 (496) 988-63-87

ISBN 978-5-6041820-4-8

9 785604 182048